

Научные доклады высшей школы

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Специальный выпуск

Методологическая поддержка обучения русскому языку

Главный редактор / Editor-in-Chief

Ю.Е. Прохоров,
д. ф. н., д. п. н., проф.

Первый заместитель главного редактора Principal Deputy Editor-in-Chief

В.Н. Базылев, д. ф. н., проф.

Международный редакционный совет / International Advisory Board

Ян Вавжинчик, д. ф. н., проф. (Варшавский ун-т, Польша)
Б.В. Дооге, PhD (Гентский ун-т, Бельгия)
А.Д. Дуличенко, д. ф. н., проф. (Тартуский ун-т, Эстония)
М.Н. Лейдерман (Липовецкий), д. ф. н., проф.
(Колумбийский университет. Нью-Йорк)
М.А. Литовская, д.ф.н., проф. (National Chengchi University – R.O.C.Taiwan и УрФУ)
В.В. Мадоян, д. ф. н., проф. (Ереванский университет международных отношений им. Ан. Шираакци. Армения)
В.А. Маслова, д. ф. н., проф. (Витебский ун-т, Беларусь)
И.Г. Овчинникова, д. ф. н., проф. (Ун-т Хайфы, Израиль)
М. Попова, чл.-кор. Болгарской АН, д. ф. н., проф.
М. Рубинс, д-р филол. (Лондонский ун-т, Великобритания)
И.Л. Савкина, д-р филос. (Ун-т Тампере, Финляндия)
Э.Д. Сулейменова, д. ф. н., проф. (КазНУ, Казахстан)
М.В. Тлостанова, д. ф. н., проф. (Линчёпингский ун-т, Швеция)
Р. Чандлер (Лондонский ун-т Королевы Марии, Великобритания)
С. Кипер, Ph.D. (Университет Александра Иоан Куза, Румыния)
А. Павленко, Dr. (Ун-т Темпл, США)
Х. Вальтер, проф. (Грайфсвальдский ун-т, Германия)

Редакция / Editorial Staff

Шеф-редактор / Editorial Director

Л.Г. Тюрина, д. ф. н., проф.

Редактор / Editor

И.В. Проскурякова

Приглашенный редактор / Guest Editor

Н.В. Поморцева, д. п. н., проф. (РУДН)

Корректор / Proofreader

Д.В. Балтрушайтис

Компьютерный дизайн, верстка / Designer

С.В. Пушина

Заместители главного редактора / Deputy Editor

У.М. Бахтикриева, д. ф. н., проф. (РУДН)
языкознание

М.А. Черняк, д. ф. н., проф. (РГПУ)
литературоведение

Редакционная коллегия / Executive Board

М.П. Абашева, д. ф. н., проф. (ПермГПУ)
И.Л. Волгин, д. ф. н., проф. (МГУ)
Т.Т. Давыдова, д. ф. н., проф. (Мосполитех)
С.А. Кибальник, д. ф. н., проф.
(Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)
О.А. Клинг, д. ф. н., проф. (МГУ)
Н.В. Ковтун, д. ф. н., проф. (КГПУ им. Астафьева)
Р.Р. Кожухаров, к. ф. н., доц. (Литинститут им. Горького)
Е.И. Колесникова, д. ф.н., вед. н. с.
(Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)
Н.М. Малыгина, д. ф. н., проф., вед.н.с. (ИМЛИ РАН)
З.А. Кучукова, д. ф. н., проф. (КБГУ)
М.А. Марусенко, д. ф. н., проф. (СПбГУ)
Д.С. Московская, д. ф. н., гл.н.с. (ИМЛИ РАН)
И.А. Панкеев, д. ф. н., проф. (МГУ)
Е.Н. Пенская, д. ф. н., проф. (НИУ ВШЭ)
В.В. Перхин, д. ф. н, проф. (СПбГУ)
Н.Н. Примочкина, д. ф. н., проф., в.н.с. (ИМЛИ РАН)
В.И. Хайруллин, д. ф. н., проф. (БашГУ)
А.А. Холиков, д. ф. н. (МГУ)
И.С. Хугаев, д. ф. н., вед. н. с.
(Владикавказский НЦ РАН и РСО-А)

Издательство / Publishing office

Инновационный научно-образовательный и издательский центр (ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ»)

Почтовый адрес:

117342, Москва, ул. Введенского, д. 23А, стр. 3

Тел. 8 (495) 99-88-612

+7 (985) 99-88-612

e-mail: philnauki@gmail.com

URL: <https://filolnauki.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Специальный выпуск

Методологическая поддержка обучения русскому языку

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. СОЦИУМ

Н.В. Поморцева, С.И. Ельникова, И.А. Арсеньева. Особенности вербальной коммуникации в языках разных регионов мира: выражение приветствия	3
К.С. Акопян, Л.Б. Матевосян, Н.В. Поморцева. Русский язык и русистика в Армении	12
А.А. Лавицкий, В.П. Синячкин. Языковая экспликация конфликтогенного текста в наивной и научной картинах мира белорусов	23
С.А. Лутин, О.В. Кряхтунова, А.В. Ковалева, М.С. Чинлода. Речевые маркеры социокультурной адаптации российских иммигрантов	30
И.И. Просвиркина, Д.А. Пригонов, С.С. Мисисян. Анализ и создание современных текстов новостных материалов СМИ с помощью генеративных моделей	37
М.Л. Новикова, А.С. Корзин. Коллокации «космос» vs «space» сквозь призму корпусной лингвистики в пространстве языков и культур	45
В.А. Маслова, Д.С. Скнарев, М.М. Русакова. Лингвокультурный образ Витебска и языковые средства его создания в туристической интернет-коммуникации	59
С.В. Красильникова, Л.В. Анакина, С.Т. Жарбулова, А.Э. Эрнисова. Специфика жанровой трансформации международного сюжета о Тристане и Изольде в социокультурном дискурсе Казахстана (на материале эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу»)	69
С.К. Башиева, У.М. Бахтикеева, З.К. Дербишева. Этнокультурный артефакт тюркоязычных народов Северного Кавказа и Центральной Азии — кийиз	78

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А.В. Королькова, Т.С. Новикова, Т.М. Пучинская. Особенности функционирования субстандарта в идиолекте писателей XIX века	86
Г.Т. Гарипова, Б.Е. Шагимгереева. Художественный перевод этнокультурного текста: проблемы транскультурации и трансъязычия	95
У. Овчаренко, О.А. Валикова, Б.У. Джолдасбекова. Коды культуры в транслингвальном художественном тексте	104
М.А. Брагина, В.Н. Левина, Е.В. Шарапова. К вопросу о механизмах иллюстративного моделирования текстовых пейзажных единиц (на материале текста эссе Иосифа Бродского «Набережная неисцелимых»)	113
М.Г. Доган, Ж.А. Баянбаева. Топонимическое пространство в поэтическом мире Назыма Хикмета Рана	118
Д.А. Гусаров, С.В. Боброва, Е.Н. Мельникова. Лингвокультурный символ «зима» в романе А. Рубанова «Финист — ясный сокол»	128
С.С. Иванова, Н.В. Вологина, М.А. Лонцкая. Лингвосемиотический механизм презентации пространственного образа «дорога» в тексте повести Василия Быкова «Журавлинный крик»	135

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Э.Ф. Шафранская, Ю.У. Матенова. Анекдотичность в судьбе и творчестве забытого Павла Дорохова	144
А.Ю. Овчаренко, Е.А. Шапринская, А.П. Дубинина. Перекресток звука и смысла: фоносемантический параллелизм в стихах О.Э. Мандельштама и А.А. Тарковского	155
А.А. Арзамазов, Д.А. Худайбердин. Русскоязычная поэзия Республики Кыргызстан: художественный феномен Светланы Сусловой	162
Э.Ф. Шафранская, Н.Ж. Шаймерденова, К.С. Кобегенова. Случай Зальцмана: проникновение на Восток	171
В.С. Косенко, Е.А. Маркова, А.Е. Бекмуратова. Культурный фронтир и культурный <i>block out</i>	182

Scientific Essays of Higher Education
PHILOLOGICAL SCIENCES
December 2025

No. 6s

International Journal

Published 6 issues / year

www.filolnauki.ru

Founded in 1958

Renewed in July 2013

CONTENTS

Special Issue

Methodological support for Russian language teaching

LANGUAGE. CULTURE. SOCIETY

N.V. Pomortseva, S.I. Yelnikova, I.A. Arsenyeva. Features of verbal communication in languages of different regions of the world: the expression of greetings

3

K.S. Hakobyan, L.B. Matevosyan, N.V. Pomortseva. The Russian language and the Russian philology in Armenia

12

A.A. Lavitski, V.P. Sinyachkin. Linguistic explication of conflict-generating text in the naive and scientific pictures of the world of Belarusians

23

S.A. Lutin, O.V. Kryakhtunova, A.V. Kovaleva, M.S. Chinloda. Speech markers of sociocultural adaptation among Russian immigrants

30

I.I. Prosvirkina, D.A. Prigov, S.S. Misisan. Analysis and creating modern media news texts using Generative models

37

M.L. Novikova, A.S. Korzin. ‘Cosmos’ vs ‘Space’: a corpus linguistic perspective across languages and cultures

45

V.A. Maslova, D.S. Sknarev, M.M. Rusakova. Vitebsk linguistic-cultural image and its building language means in tourism internet communication

59

S.V. Krasilnikova, L.V. Apakina, S.T. Zharbulova, A.E. Ernisova. The specifics of the genre transformation of the international plot of Tristan and Isolde in the socio-cultural discourse of Kazakhstan (based on the epic “Kozy Korpesh and Bayan Sulu”)

69

S.K. Bashieva, U.M. Bakhtikireeva, Z.K. Derbisheva. Ethnic and cultural artifact of Turkic-speaking peoples of the North Caucasus and the Central Asia – kiyiz

78

LINGUISTIC ANALYSES OF LITERARY WORKS

A.V. Korolkova, T.S. Novikova, T.M. Puchinskaya. Features of the functioning of substandard language in the idiolect of 19th-century writers

86

G.T. Garipova, B.E. Shagimgerezeyeva. Literary translation of an ethnocultural text: problems of transculturation and translinguism

95

U. Ovcherenko, O.A. Valikova, B.U. Zholdasbekova. Cultural codes in a translingual literary text

104

M.A. Bragina, V.N. Levina, A.V. Sharapava. To the question of the mechanisms of illustrative modeling of textual landscape units (based on the text “Watermark” by Joseph Brodsky)

113

M.G. Dogan, Zh.A. Bayanbayeva. Toponymic space in the poetic world of Nazim Hikmet Rana

118

D.A. Gusarov, S.V. Bobrova, E.N. Melnikova. Linguocultural symbol ‘winter’ in

A. Rubanov’s novel “Finist — the Bright Falcon”

128

S.S. Ivanova, N.V. Vologina, M.A. Lontskaya. Linguosemiotic mechanism of representation the spatial image ‘road’ in the novel “Crane Scream” by Wasil Bykov

135

LITERATURE STUDIES

E.F. Shafranskaya, Ju.U. Matenova. Anecdotal evidence in the life and work of the forgotten Pavel Dorokhov

144

A.Yu. Ovcharenko, E.A. Shaprinskaya, A.P. Dubinina. The Intersection of Sound and Meaning: Phonosemantic Parallelism in the poems of O.E. Mandelstam and A.A. Tarkovsky

155

A.A. Arzamazov, D.A. Khudaiberdina. Russian-language poetry of the Kyrgyz Republic: the artistic phenomenon of Svetlana Suslova

162

E.F. Shafranskaya, N.Zh. Shaimerdenova, K.S. Kobegenova. The Zaltsman Case: Penetration into the East

171

V.S. Kosenko, E.A. Markova, A.E. Bekmuratova. Cultural-frontier and cultural *block out*

182

Почтовый адрес редакции

1117342, ул. Бутлерова, 17б, пом. 1Б/5

E-mail: filolnauki@gmail.com

filolnauki.ru

Тел.: 8 (495) 99-88-612,

+7 (985) 99-88-612

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-53540
от 10 апреля 2013 г.

Учредитель и издатель

Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМАВЕСТ»

Подписано в печать 02.12.2025

Отпечатано в ООО «САМПРИНТ»

129090, г. Москва,
Протопоповский пер, д. 6.

Тел.: +7 (495) 554-37-10

Тираж 500 экз.

© Филологические науки.
Научные доклады высшей школы, 2025.

Выпуск подготовлен в рамках реализации Российской университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы государственного задания Минобрнауки России «Методологическая поддержка объектов инфраструктуры обучения русскому языку, в том числе кафедр русского языка и литературы, в зарубежных филиалах российских университетов, в том числе зарубежных университетах»

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. СОЦИУМ

УДК 81'2
DOI 10.20339/PhS.6s-25.003

Н.В. Поморцева, С.И. Ельникова,
И.А. Арсеньева

Особенности вербальной коммуникации в языках разных регионов мира: выражение приветствия

В условиях международно-ориентированного вуза вопрос о межязыковом и межкультурном взаимодействии играет значительную роль. Знание лингвокультурных сходств и различий этносов, владение информацией об их самобытности является чрезвычайно актуальным, поскольку способствует более успешной и эффективной межкультурной коммуникации, препятствуя образованию конфликтов. С целью установления особенностей вербальной коммуникации в языках разных регионов мира в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы в 2025 г. был проведен анонимный опрос иностранных учащихся из разных стран на тему «Вербальная коммуникация в вашей стране» о правилах речевого поведения. Респондентам предлагалось пройти опрос, привести примеры на своем родном языке, перевести их на русский язык и по возможности дать комментарии. В опросе учитывались такие признаки респондентов, как возраст, пол, страна и этнический язык — язык коммуникации определенного этноса, обеспечивающий социальное взаимодействие и социокультурные отношения между его членами. Актуальность опроса состоит в том, что данные, полученные в результате анализа ответов, впоследствии могут помочь преподавателям русского языка как иностранного лучше понимать духовные ценности, традиции и обычаи своих учащихся, а иностранным учащимся — избегать потенциальных ошибок в речевом этикете при выражении приветствия и с пониманием и толерантностью относиться к лингвокультурным особенностям собеседников. По результатам исследования сделаны выводы о том, что в подавляющем большинстве языков существует разделение на официальную и неофициальную формы приветствия; исключение составляет ряд языков, в том числе Западной и Центральной Африки; приветствие в европейских языках содержит пожелание здоровья и добра, в азиатских — пожелание гармонии, процветания, счастья и радости, а также компонент «хороший» и выражение заботы о собеседнике; во многих языках существуют религиозные приветствия, в частности выраждающие пожелание мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, вербальные средства общения, коммуникативный акт, лингвокультура, официальная и неофициальная формы приветствия, эффективная коммуникация

In the context of an internationally oriented university, the issue of interlingual and intercultural interaction plays a significant role. Knowledge of the linguistic and cultural similarities and differences between ethnic groups, as well as information about their unique characteristics, is extremely important, as it contributes to more successful and effective intercultural communication, preventing the formation of conflicts. In order to establish the features of verbal communication in the languages of different regions of the world, the Peoples' Friendship University of Russia in 2025 conducted an anonymous survey of foreign students from various countries on the topic of "Verbal Communication in your country" about the rules of verbal behavior. The respondents were asked to complete the survey, provide examples in their native language, translate them into Russian, and provide comments if possible. The survey took into account such characteristics of respondents as: age, gender, country and ethnic language — the language of communication of a certain ethnos, providing social interaction and sociocultural relations between its members. The relevance of the survey is that the data obtained as a result of the analysis of the answers will subsequently be able to help teachers of Russian language to better understand the spiritual values, traditions and customs of their students, and for foreign students to avoid potential mistakes in speech etiquette when expressing greetings to each other and to treat each other's linguistic and cultural features with understanding and tolerance. The study concluded that in the vast majority of languages, there is a distinction between formal and informal greetings, with the exception of a few languages, including those of West and Central Africa. Greetings in European languages contain wishes for health and good; in Asian languages, they contain wishes for harmony, prosperity, happiness, and joy, as well as the component 'good' and expressions of care for the other person. In many languages, there are also religious greetings, such as those expressing wishes for peace.

Keywords: intercultural communication, verbal means of communication, communicative act, linguoculture, formal and informal forms of greeting, effective communication

Межъязыковое и межкультурное взаимодействие

В современном мире происходит расширение взаимодействия разных этносов и лингвокультур (совокупность культурных особенностей того или иного этноса, выраженная языковыми средствами) в самых различных сферах общественной жизни, что делает вопрос о лингвокультурных сходствах и различиях этносов чрезвычайно актуальным. Знание лингвокультурных особенностей этносов призвано улучшить взаимопонимание среди их представителей, что будет препятствовать возникновению конфликтов и сделает межкультурные контакты более успешными и эффективными.

Многолетняя практика общения с иностранцами показывает, что во избежание непонимания и конфликтов с представителями разных лингвокультур необходимо владеть информацией об их самобытности и лингвокультурных особенностях, а также практическими умениями и навыками повседневного межкультурного общения с ними. Цель настоящего исследования — описать особенности межкультурной коммуникации, а именно вербального выражения официальной и неофициальной форм приветствия, в языках разных регионов мира. Под официальной формой приветствия в представленной работе понимается приветствие в официальных ситуациях общения: в административных и государственных учреждениях, в условиях массмедиа, на работе с коллегами и др., а также в общении с собеседником, старшим по возрасту или занимающим более высокое социальное положение; под неофициальной формой приветствия — приветствие в неофициальных ситуациях общения: с друзьями, хорошими знакомыми, родственниками, а также в общении с собеседником, младшим по возрасту или находящимся ниже по социальному положению.

Для достижения поставленной цели авторы решали ряд задач:

- 1) выясняли, во всех ли анализируемых языках существует разделение на официальную и неофициальную форму приветствия; если не во всех, то в каких языках отсутствует такое разделение; устанавливали, каким образом выражается приветствие;
- 2) определяли, от каких слов образованы языковые формы приветствия, что они означают буквально и каковы пожелания представителей разных лингвокультур при приветствии; какие нюансы существуют в различных лингвокультурах при вербальном выражении приветствия;
- 3) устанавливали, зависит ли верbalное выражение приветствия от религии, исповедемой носителями того или иного языка.

Межкультурная коммуникация представляет собой межличностное общение людей, в процессе которого участники коммуникативного акта обнаруживают лингвокультурное отличие друг от друга; «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [1. С. 117]. Иными словами, отличительной чертой межкультурной коммуникации является принадлежность участников коммуникативного акта к разным лингвокультурам. В процессе межкультурной коммуникации представители разных лингвокультур в первую очередь воспринимают и оценивают чужую лингвокультуру. Восприятие и оценивание происходят с точки зрения своей собственной лингвокультуры: каждый из коммуникантов считает ее единственно правильной, а все другие воспринимает как отклонение от нормы. При возникновении непривычных ситуаций в ходе контактов с представителями иной лингвокультуры и вследствие обнаружения лингвокультурных различий каждый из участников коммуникативного акта познает свою собственную лингвокультуру.

В межкультурной коммуникации язык выступает в первую очередь как средство, которое служит для взаимопонимания участников коммуникации. Однако в каждом языке наличествует свое видение и восприятие мира, поэтому при коммуникации носителей различных языков возникают ситуации языкового несоответствия [2. С. 20].

Вербальным средством общения является непосредственно речь, делящаяся на внешнюю (выражающуюся в устной и письменной формах) и внутреннюю («проговаривание» про себя при подготовке к устной или письменной речи) [3. С. 202–203].

В соответствии с теорией Сепира — Уорфа носители разных языков видят мир по-разному. Каждый язык представляет одну и ту же окружающую действительность своим собственным способом, формируя таким образом языковую картину мира. Действительно, люди видят мир именно так, как они говорят о нем, а говорят люди о мире по-разному. При контакте с чужой лингвокультурой коммуникант знакомится, по сути, с новой картиной мира. Несомненно, знакомство с новой лингвокультурой приятно, вызывает удивление, обогащает сведениями и расширяет кругозор. Однако нередко контакт с чужой лингвокультурой может привести к разнообразным трудностям в общении и конфликтам ввиду непонимания этой лингвокультуры. Разница в принятых в каждой лингвокультуре правилах вербальной коммуникации, в частности в выражениях приветствия, у представителей разных лингвокультур в определенных ситуациях может привести к лингвокультурному шоку ввиду непонимания или неправильного расценивания поведения собеседника, к обиде и, как следствие, к возможному конфликту.

В процессе межкультурной коммуникации происходит взаимодействие разных взглядов на мир. При этом каждый из участников коммуникативного акта придерживается правил речевого поведения, принятых в его родной лингвокультуре. Предубежденность и безосновательные ожидания представителей разных лингвокультур в процессе межкультурной коммуникации способны привести к несовпадению и столкновению их интересов, т.е. к конфликту. В результате непонимания речевого поведения друг друга у коммуникантов в процессе межкультурной коммуникации могут возникнуть психологические трудности в общении, когда несовпадение взглядов на мир может быть расценено одним из коммуникантов как странность, невежество другого или недобroе намерение, злой умысел, желание обидеть. Психологическое потрясение, стресс, вызванные воздействием новой культуры, называют культурным шоком. Термин «культурный шок» был впервые использован в 1960 г. американским исследователем К. Обергом, который отметил, что человек, осваивающий незнакомую культуру, испытывает неприятные эмоции, связанные с несовпадением ожиданий и вероятной негативной оценкой собственной культуры. При этом различия между лингвокультурами являются источниками разного рода трудностей в общении, связанных в том числе с неодинаковой интерпретацией получаемых вербальных сигналов, что способно привести к непониманию, напряженности, культурному шоку, стрессу и конфликту. Таким образом, принадлежность коммуникантов к разным лингвокультурам зачастую нарушает их ожидания вследствие непонимания лингвокультурных особенностей друг друга, вызывая негативные эмоции (недоверие, неуверенность, тревогу, неприятие) и, как следствие, приводя к неудаче коммуникации и невозможности продолжать общение.

Приветствие как основной компонент межличностной коммуникации

В толковых словарях русского языка можно найти следующие дефиниции слова *приветствие*. Приветствие — принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече. Обменяться приветствиями¹. Приветствие: 1. Действие по значению гл. *приветствовать*. Приветствовать: 1. Обращаться к кому-л. с приветствием. Приветствие играет важную роль в межличностной коммуникации, поскольку, обращаясь при встрече к собеседнику с приветствием, человек тем

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. Moscow: Russkii iazyk: Poligrafresursy, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

самым вступает с ним в диалог и задает тон предстоящей беседе. При выборе формы приветствия носителю любого языка необходимо оценить ситуацию, в которой происходит коммуникация, и учесть следующие факторы:

- в какой ситуации происходит коммуникация: в официальной либо неофициальной;
- какое время суток: утро, день, вечер либо ночь.

Кроме того, на коммуникативное поведение человека, вступающего в межкультурную коммуникацию, могут оказывать влияние личностные особенности его собеседника:

- знакомый это или незнакомый человек;
- один человек или группа лиц;
- в каких родственных (семейных) отношениях собеседник состоит по отношению к человеку, вступающему в межкультурную коммуникацию;
- какого пола собеседник;
- какого он возраста (например, в сингальском языке вербальное приветствие сопровождается «разветвленной системой обращений, выраженных более чем двадцатью разновидностями местоимений 2-го лица «ты» и «вы», употребление которых в речи зависит от степени уважения к собеседнику, его возраста, социального статуса, принадлежности к мужскому или женскому полу» [4. С. 78]);
- каков социальный статус собеседника и как он соотносится с положением в обществе человека, вступающего в межкультурную коммуникацию;
- каков его род деятельности или профессия.

Таким образом, приветствие представляет собой обращение, направление, устремление к кому-либо, чему-либо или на кого-либо, что-либо своих чувств, мыслей, действий и др., способствующее привлечению внимания будущего собеседника и вступлению с ним в коммуникативный акт. Семантика слова *приветствие* несет в себе положительную коннотацию, поскольку включает в себя такие компоненты, как ‘одобрение, сочувствие, доброжелательность’. Приветствие в качестве принятого обращения может быть выражено с помощью слов, жестов, движений. Любое приветственное выражение демонстрирует готовность и согласие человека завязать разговор с собеседником и акцентирует внимание на доброжелательном настрое по отношению к нему.

Суть опроса иностранных учащихся на тему «Верbalная коммуникация в вашей стране»

В 2025 г. в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы был проведен опрос² иностранных учащихся 17–30 лет на тему «Вербальная коммуникация в вашей стране». Во вступительном слове, обращенном к респондентам, говорилось о том, что проводится анонимный опрос о правилах общения между представителями разных стран, ответы на вопросы которого помогут им лучше понять друг друга. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, привести примеры на своем родном языке, перевести на русский язык и по возможности дать комментарии. В опросе учитывались такие признаки респондентов, как возраст, пол, страна и этнический язык — язык коммуникации определенного этноса, обеспечивающий социальное взаимодействие и социокультурные отношения между членами этноса. Все респонденты проходят обучение в РУДН и ежедневно вступают в коммуникацию с представителями разных стран.

Актуальность опроса состоит в том, что данные, полученные в результате анализа ответов, впоследствии помогут преподавателям русского языка как иностранного лучше понимать своих учащихся, представляющих разные лингвокультуры (сложившиеся у представителей определенного этноса правила, духовные ценности, традиции и обычаи, запечатленные в языке данного

² Опрос проводился с помощью гугл-формы (<https://docs.google.com/forms>).

этноса), обращать внимание на те или иные их лингвокультурные особенности, а иностранным учащимся — избегать потенциальных ошибок в речевом этикете по отношению друг к другу и с пониманием относиться к лингвокультурным особенностям друг друга. Эти данные могут использоваться преподавателями русского языка как иностранного и иностранными учащимися в ходе разного рода выступлений на конференциях, при подготовке к публикации статей и учебно-методических пособий, что снизит риск возникновения культурного шока, конфликтов, а наоборот, будет способствовать более качественной межкультурной коммуникации.

С помощью проведенных опросов удалось получить ответы на следующие вопросы:

- во всех ли анализируемых лингвокультурах существует разделение на официальную и неофициальную формы приветствия;
- если не во всех, то в каких языках отсутствует такое разделение и каким образом выражается приветствие;
- от каких слов образованы языковые формы приветствия, что они означают буквально и каковы пожелания представителей разных лингвокультур при приветствии;
- какие нюансы существуют в разных лингвокультурах при вербальном и невербальном выражении приветствия;
- зависят ли различия от вероисповедания, религии.

Результаты исследования

Результаты анализа полученных данных проведенного опроса выглядят следующим образом.

Представители **европейской** лингвокультуры используют официальную и неофициальную формы приветствия, выражющие пожелание **здравья и добра**: русский офиц.: *Здравствуйте, Здравия желаю, Желаю здравствовать, Доброй раны* — Доброе утро, *Добры дзень* — Добрый день, *Добрата вечара* — Добрый вечер; неофиц.: *Привет, Здорово; белорусский офиц.: Добрага здароўя, Желаю здравствовать, Добрай раны* — Доброе утро, *Добры дзень* — Добрый день, *Добрага вечара* — Добрый вечер; неофиц.: *Прывітанне* — Привет, *Здароў, дружа* — Здравствуй, друг; сербский офиц.: *Здраво* — Здравствуйте; неофиц.: *Ћао* — Привет; латышский офиц.: *Sveicināti* — Приветствую / Добро пожаловать, *Labdien* — Здравствуйте / Добрый день; неофиц.: *Sveiki* — Привет; итальянский офиц.: *Salve* — Здравствуйте, *Buongiorno* — Доброе утро, *Buonasera* — Добрый вечер; неофиц.: *Ciao* — Привет; румынский офиц.: *Vînă ziua* — букв. ‘Добрый день’; неофиц.: *Salut / Vînă* — Привет; венгерский офиц.: *Jónapot kívánok!* — Добрый день; неофиц.: *Szia* — Привет.

Выражение приветствия в Северной Азии зачастую содержит компонент «**хороший**»: монгольский: *Сайн байна уу* — Здравствуйте (букв. ‘Хорошо живешь’: *сайн* — ‘хороший’, *байна* — ‘быть’); бурятский: *Сайн байна* — Здравствуйте (букв. ‘Хорошо живешь’: *сайн* — ‘хороший’, *байна* — ‘быть’).

Выражение приветствия в Восточной Азии также содержит компонент «**хороший**»: китайский: *здоровъ* [dækima satuṭak] — Здравствуйте (букв. ‘Приятно вас видеть’), *радъ* [obava dækima satuṭak] — Здравствуйте (букв. ‘Рад вас видеть’);ベンガル語: *জোড়াক* [obava dækima satuṭak] — Здравствуйте (букв. ‘Рад вас видеть’); бенгальский (Бангладеш): религиозное приветствие **নমস্কার** [namaskāra], выражение **добра**: *শুভ সকাল* [śubha sakāla] — Доброе утро, *শুভ অপরহন্ত* [śubha oporhanno] — Добрый день; урду (Индия): *নমস্তি* [namaste] — Здравствуйте, *স্বাগত* [svaagat] — Добро пожаловать.

Выражение приветствия в Юго-Западной Азии (главным образом тех представителей, кто исповедует **ислам**) также содержит пожелание **мира и добра**: *السلام عليكم* [as-salāmu aleikum] — Здравствуйте (букв. ‘Мир вам’), ответом на это приветствие традиционно является выражение *واي السلام علىكم* [va aleikumu-s-salām] — Здравствуйте (букв. ‘И вам мир’); азербайджанский офиц.: *Salam aleyküm* [assalyamu aleykum] — Здравствуйте; неофиц.: *Salam* — Привет, *Allahın köməyi, dəstəyi üstündə olsun* — Да пребудет с вами помощь и поддержка Аллаха; курдский (Иракский Курдистан): *سلام عليک* [slaw] — Здравствуйте, *سلام عليکم* [sallaw le gelltan] — *بیت سلاو لە گەلتان*

бѣт] — Здравствуйте (букв. ‘Мир вам’), **نَمَّكَاتَتْ بَاشْ** [iemkatet baş] — Здравствуйте (букв. ‘Доброго времени’); персидский/фарси (Иран) офиц.: **سَلَام بَر شَمَا** [salam bar shma] — Приветствую вас, **مُعَذَّب** [salam] — Здравствуйте/Привет (букв. ‘Мир вам’, используемое в официальных и неофициальных ситуациях); турецкий офиц. и неофиц.: *Merhaba / Merhabalar* — Привет/Здравствуйте (приветствие пришло в тюркские языки из арабского); офиц.: *Selamünaleyküm* [Ас-саляму алейкум] — Здравствуйте; неофиц.: *Selam / Selamlar* — Привет; арабский (Иордания, Сирия, Кувейт и др.; Северная Африка: Алжир, Марокко): **مرحبا** [mrhban] — Здравствуйте / Добро пожаловать, **اهلاً** / [ahlaan] — Здравствуйте / Привет, **السلام عليكم** / **السلام علىكم** [alsalam ealaykum] / [ас-саляму алэйкум] — Здравствуйте / Привет (букв. ‘Мир вам’), **مرحبا** [marhaban] — Добро пожаловать; Центральная Африка (Чад) офиц., неофиц.: **مالاغاسي** [alsalam ealaykum] — Здравствуйте / Привет (букв. ‘Мир вам’); **Южная Африка:** малагасийский (Мадагаскар) офиц.: *Salama* — Здравствуйте (так приветствуют кого-то старше себя или кого-то более важного; *Salama* означает ‘здравье’), *Salama tompoko* — Здравствуйте (букв. ‘Желаю крепкого здоровья’), *Tsara ny maraina* — Доброе утро / Здравствуйте; неофиц.: *Manahoana* — Привет, *Karaköry* — Как дела?

Выражение приветствия в Латинской Америке содержит пожелание **добра**: испанский (Никарагуа, Панама, Эквадор, Перу и др.): *Hola, ¿Cómo estás?* — Как дела? (букв. ‘Как находишься?’), *¡Buenos días!* — Доброе утро!, *¿Cómo estás? ¿Qué tal el amanecer?* — Как дела? (букв. ‘Как рассвет?’), *¡Buenas tardes!, ¡Buenas noches!* Неофициальным распространенным приветствием в Перу является выражение *¡Habla!* — Привет (букв. ‘Товори!’ — от глагола *hablar* ‘говорить’), а также *Saludos* — Здравствуйте / Привет (букв. ‘Здоровья!’ — от слова *salud* ‘здравье’).

Выражение приветствия в Западной Африке, как правило, не дифференцирует официальное и неофициальное приветствия: тви (Гана) офиц., неофиц.: *Maakye* — Здравствуйте / Привет, *Maakye + имя человека*, *Me mawo akye* — Доброе утро; пулар (Гвинея) офиц., неофиц.: *La wossè / Isè* — Здравствуйте / Привет; бауле (Кот-д’Ивуар) офиц., неофиц.: *Agniho, Anouho* — Здравствуйте / Доброе утро (эти выражения используются для утреннего приветствия), *Awossi’n o* — Здравствуйте / Добрый вечер (это выражение используется для вечернего приветствия); волоф (Сенегал) офиц., неофиц.: *Nangua deff, Nakatou* — Здравствуйте / Привет; хассания (Мавритания) офиц., неофиц.: *marhaban* — Добро пожаловать.

Выражение приветствия в Восточной Африке: киньяруанда (Руанда) офиц.: *Muraho neza* — Здравствуйте; неофиц.: *Uraho* — Привет; суахили (Танзания) офиц.: *Habari Shikamoo, Shikamoo* — Здравствуйте (это приветствие адресовано людям более старшего возраста); неофиц.: *Mambo* — Привет.

Выражение приветствия в Центральной Африке: яка (Демократическая Республика Конго) офиц., неофиц.: *Buèla Wè* [буэла уэ] — Здравствуйте / Привет (букв. ‘красивый на тебя’: *buè* значит ‘красивый, прекрасный’, *la* — ‘на’, *wè* — ‘ты’); лингала (Конго) офиц., неофиц.: *Mboté na bino* — Здравствуйте, *Mboté na yo* — Привет; загава (Чад) офиц., неофиц.: *Lapia* — Здравствуйте, *Bane wah* — Привет; фула (фульфульде) (Камерун) офиц.: *Djamna* — Здравствуйте; неофиц.: *Bane wah* — Привет; эвондо (Камерун) офиц.: *Mbebe kirî* — Доброе утро, *Mbebe âmos* — Добрый день, *Mbebe ngogè* — Добрый вечер, *Mbebe âlu* — Спокойной ночи; неофиц.: *Mâsuk* — Привет.

По результатам проведенного опроса были решены поставленные задачи и сделаны следующие выводы:

- 1) выяснено, что в подавляющем большинстве языков существует разделение на **официальную и неофициальную** формы приветствия: офиц.: Экии — Здравствуйте; неофиц.: Кээ — Привет (тувинский); офиц.: *Маьрша доаг/алда* — букв. ‘Добро пожаловать’; неофиц.: *Салам* — Привет (ингушский); офиц.: *Бахъул жуггур* — букв. ‘Будьте здоровы’, неофиц.: *Салам* — Привет (даргинский); офиц.: *Добрата здароўя* — Здравствуйте, неофиц.: *Прывітанне* — Привет, *Здароў,* *дружса* — Привет / Здорово / Здравствуй, друг (белорусский); офиц.: *Саломат бошед* — Будьте

здоровы, неофиц.: Салом — Привет (таджикский); офиц. *hoş geldiñiz* — Добро пожаловать; неофиц.: *Nahili gowy dos* — Как ты, друг? *Batuyaú* — Как поживаешь? (туркменский); офиц.: *Assalyamu aleykum* — Здравствуйте (букв. ‘Мир вам’), Салом — Здравствуйте / Привет (узбекский); офиц.: Саламатсызыбы! — В добром ли вы здравии? и неофиц.: Салам — Привет (киргизский); офиц.: Ֆարեվ ձեզ [barev dzez] — Здравствуйте; неофиц.: Ֆարեվ [barev] — Привет (армянский); офиц.: *Salam aleyküm* [*assalyamu aleykum*] — Здравствуйте; неофиц.: Salam — Привет (азербайджанский); однако в ряде африканских языков не дифференцируются официальное и неофициальное приветствия; например, в **Западной Африке**: тви — *Maakye*; пулар — *La wossè / Isè*; бауле — *Agniho, Anouho, Awossi'no*; волоф — *Nangua deff, Nakatou*; хассания — *marhaban*; в **Центральной Африке**: яка — *Buèla Wè*; хотя в других языках такая дифференциация выявлена: лингала офиц., неофиц.: *Mboté na bino* — Здравствуйте, *Mboté na yo* — Привет; в **Восточной Африке**: киньяруанда офиц.: *Muraho neza* — Здравствуйте; неофиц.: *Uraho* — Привет; суахили (Танзания) офиц.: *Habari Shikamoo, Shikamoo* — Здравствуйте; неофиц.: *Mambo* — Привет; загава офиц.: *Lapia*; неофиц.: *Bane wah* — Привет; фула (фульфульде) офиц.: *Djamna*; неофиц.: *Bane wah*; эвондо офиц.: *Mbebe kirî, Mbebe âmos, Mbebe ngogè, Mbebe âlu*; неофиц.: *Mâsuk*;

2) определено, что представители **европейских языков** используют официальную и неофициальную формы приветствия, выражющие пожелание **здравья и добра**: русский офиц.: **Здравствуйте, Здравия желаю, Желаю здравствовать**; неофиц.: **Привет, Здорово**; белорусский офиц.: **Добрата здароўя, Желаю здравствоваваць, Добрай раніцы** — Доброе утро, **Добры дзэн** — Добрый день, **Добрата вечара** — Добрый вечер; неофиц.: **Прывітанне** — Привет, **Здароў**, друга — Здравствуй, друг; сербский офиц.: **Здраво** — Здравствуйте; неофиц.: **Ћао** — Привет; латышский офиц.: *Sveicināti* — Приветствую / Добро пожаловать, *Labdien* — Здравствуйте / Добрый день; неофиц.: *Sveiki* — Привет; итальянский офиц.: *Salve* — Здравствуйте, *Buongiorno* — Доброе утро, *Buonasera* — Добрый вечер; неофиц.: *Ciao* — Привет; румынский офиц.: *Vînă ziua* — букв. ‘Добрый день’; неофиц.: *Salut / Vînă* — Привет; венгерский офиц.: *Jónapot kívánok!* — Добрый день; неофиц.: *Szia* — Привет; приветствие языков **Северной Азии** зачастую содержит компонент «**хороший**»: монгольский: **Сайн байна уу** — Здравствуйте (букв. ‘Хорошо живешь’: *сайн* — ‘хороший’, *байна* — ‘быть’); бурятский: **Сайн байна** — Здравствуйте (букв. ‘Хорошо живешь’: *сайн* — ‘хороший’, *байна* — ‘быть’); китайский офиц.: **您好** [nín hǎo] — Здравствуйте (букв. ‘Вы хороший’); неофиц.: **你好** [nǐ hǎo] — Привет (букв. ‘Ты хороший’); проявление **заботы о том, сыт ли** собеседник: **你吃饭了吗?** [nǐ chīfàn liào mǎ] — Здравствуйте (букв. ‘Ты уже поел?’); кантонский диалект китайского языка: **得闲饮茶** [déxián yǐn chá] — Здравствуй (букв. ‘Есть время выпить чаю вместе?’); проявление **заботы о здоровье** собеседника: южнокорейский офиц.: **안녕하세요** [annyeonghaseyo] — Здравствуйте (букв. ‘Ваше здоровье в порядке?’); неофиц.: **안녕** [annyeong] — Привет (букв. ‘Желаю тебе здоровья’); выражение приветствия в **Юго-Восточной Азии** содержит пожелание **гармонии, процветания и счастья**: кхмерский офиц. и неофиц.: **សូសិទ្ធិ** [suos h di] / [сусдей] — Здравствуйте (пожелание гармонии), **សេចក្តីថមទេរាបអូ** [sechakdeichamreun daoy sokh] — Здравствуйте (пожелание процветания и счастья); пожелание **добра**: бирманский офиц.: **မေတ္တာနနဏာ** [main g lar nannaathkainnpar] — Доброе утро, **မေတ္တာနနဏာ** [main g lar naelaihkainn par] — Добрый день; в языках **Южной Азии** выражение **радости**: сингальский: **දැක්ම ජනුවක්** (букв. ‘Приятно вас видеть’), **මඟම දැක්ම ජනුවක්** (букв. ‘Рад вас видеть’); пожелание **добра**: бенгальский: **শুভ সকাল** — Доброе утро, **শুভ অপরহন** — Добрый день; урду: **स्वাগत** — Добро пожаловать; выражение приветствия в **Латинской Америке** содержит пожелание **добра**: испанский: **¿Cómo estás?** — букв. ‘Как находишься?’, **¿Qué tal el amanecer?** — букв. ‘Как рассвет?’; **Habla!** — букв. ‘Товори!’, **Saludos!** — букв. ‘Здоровья!»;

3) установлено, что во многих языках существует **религиозное** приветствие, выраждающее пожелание **мира**, заимствованное из арабского языка: **السلام عليكم** [ас-саляму алайкум] — букв.

‘Мир вам’, и ответ на это приветствие — выражение وَعَلَيْكُمُ السَّلَامُ [ва алайкуму-с-салам] — букв. ‘И вам мир’, в языках **Южной Азии** (дарӣ, белӯдҷи, узбекский), в языках **Юго-Западной Азии** (азербайджанский, курдский, персидский/фарси, турецкий, арабский; малагасийский); **религиозное** приветствие существует также в языках **Южной Азии** (сингальский: ආයුබොවන් [āyubōvan]; бенгальский: নমস্কার [namaskāra]; урду: نامسٹے [namaste] — Здравствуйте).

Заключение

В процессе рассмотрения форм верbalного выражения приветствия в языках разных регионов мира сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве языков существует разделение на официальную и неофициальную формы приветствия; исключение составляет ряд языков, в том числе Западной и Центральной Африки; приветствие в европейских языках содержит пожелание здоровья и добра, в азиатских — пожелание гармонии, процветания, счастья и радости, а также компонент «хороший» и выражение заботы о собеседнике; во многих языках существуют религиозные приветствия, в частности выражающие пожелание мира. Материалы исследования свидетельствуют о том, что приветствие во всех языках демонстрирует готовность человека завязать разговор с собеседником и акцентирует внимание на доброжелательном настроении по отношению к нему.

Литература

- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
- Балыхина Т.М., Ветер О.В. Вербальная коммуникация как основа культуры этноса: толерантность и инновационность // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 20–25.
- Синельникова А.П. Вербальная коммуникация // Вестник науки. 2022. Т. 5. № 10 (55). С. 202–206.
- Воробьев В.В., Арсеньева И.А., Кастири Аракчиге Амила Сурат Малрену. Учет лингвокультурных особенностей сингальцев в процессе межкультурной коммуникации // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 6с. С. 72–81. DOI: 10.20339/PhS.06s-24.072.

References

- Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii: uchebnik dlia vuzov / pod red. A.P. Sadokhina. Moscow: IuNITU-DANA, 2003. 352 s.
- Balykhina T.M., Veter O.V. Verbal'naia kommunikatsiiia kak osnova kul'tury etnosa: tolerantnost' i innovatsionnost' // Vestnik RUDN. Seriya: Psichologiiia i pedagogika. 2016. No. 1. S. 20–25.
- Sinel'nikova A.P. Verbal'naia kommunikatsiiia // Vestnik nauki. 2022. T. 5. No. 10 (55). S. 202–206.
- Vorob'ev V.V., Arsen'eva I.A., Kasturi Arrachchige Amila Surat Malrenu. Ucht lingvokul'turnykh osobennostei singal'tsev v protsesse mezhkul'turnoi kommunikatsii // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2024. No. 6с. S. 72–81. DOI: 10.20339/PhS.06s-24.072.

Поморцева Наталья Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
директор Института русского языка;
заведующая кафедрой русистики, этноориентированной педагогики
и цифровой дидактики
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Pomortseva Natalia V.
Doctor of Pedagogy, Professor,
Director of the Institute of the Russian Language;
Head of the Russian Studies, Ethnocentric Pedagogy and
Digital Didactics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: pomortseva-nv@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4224-8138>

Ельникова Светлана Игоревна,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка № 3
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Yel'nikova Svetlana I.,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Russian Language Department No. 3
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: elnikova-si@rudn.ru

Арсеньева Ирина Альбертовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 3
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Arsenyeva Irina A.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Russian Language Department No. 3
Institute of the Russian language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: arsenyeva-ia@rudn.ru

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Русский язык и русистика в Армении

Проанализировано функционирование русского языка в современной Армении в историко-культурном и социолингвистическом контекстах. На основе статистических данных, демографических тенденций и анализа образовательной политики рассмотрены процессы, влияющие на статус и распространение русского языка в республике, начиная с вхождения Армении в состав Российской империи и далее в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделено изменению численности русскоязычного населения, роли русского языка в системе образования, научной коммуникации и культурной жизни Армении, а также влиянию российской иммиграции в 2022–2023 гг. Отмечены становление и развитие армянской русистики, включая деятельность научных центров, подготовку учебной литературы, работу вузов и участие армянских русистов в международных научных проектах. Подчеркнуто значение русского языка как инструмента профессиональной и межкультурной коммуникации, важного ресурса для сохранения межнациональных связей и выхода на глобальное научное и образовательное пространство. Сделан вывод о сбалансированной языковой политике в Армении, в которой русский язык имеет статус первого среди равных (иностранных языков), несмотря на отсутствие официального статуса, но благодаря мотивации общества, деятельности учителей русского языка и научному потенциалу русистов.

Ключевые слова: русский язык, функционирование, русистика, Армения

This article analyzes the current functioning of the Russian language in Armenia within historical, cultural, and sociolinguistic contexts. Drawing on statistical data, demographic trends, and an overview of educational policies, the study explores factors influencing the status and spread of Russian in the republic – from Armenia's incorporation into the Russian Empire to the Soviet and post-Soviet periods. Special attention is given to changes in the Russian-speaking population, the role of Russian in education, scientific communication, and cultural life, as well as the impact of Russian immigration to Armenia in 2022–2023. The article examines the development of Russian philology in Armenia, including the activities of academic centers, the production of educational materials, university programs, and the participation of Armenian specialists of Russian philology in international scientific collaborations. The importance of Russian is highlighted as a tool for professional and intercultural communication, a resource for maintaining interethnic ties, and a means of accessing global scientific and educational spaces. The article concludes that Armenia has a balanced language policy in which the Russian language holds the status of the first among equals (among foreign languages), despite the lack of official status, due to societal motivation, the work of dedicated educators, and the academic potential of the local community of Russian language scholars.

Keywords: Russian language, functioning, Russian philology, Armenia

Введение

«Нет в мире такого народа, который бы не зачах, если бы не обращался к культурным и научным достижениям других народов. Цивилизация возможна как результат творческого гения не одного, а многих народов мира. Приобщиться к мировой цивилизации можно двумя путями: либо знать иностранные языки, либо переводить–перевозить в свой язык, в свою страну все наиболее ценное, что создано другими языками в других странах. И, конечно, самому при этом творить» [1. С. 185]. Эти слова академика Л.М. Мкртчяна – духовная квинтэссенция многовековой научной мысли.

Социально-экономическое и культурное развитие Армении определялось на протяжении двух столетий ее вхождением в состав Российской империи, а затем СССР. Русский язык был доминирующим во всех сферах общественной, культурной, профессиональной жизни страны, но условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, т.к. национальный состав Армении был и остается однородным и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский [2. С. 59; 3. С. 23]. На сегодняшний день значительная часть армян уже независимой Армении – носители «субординативного» армяно-русского двуязычия.

Цель настоящей статьи — описать функционирование русского языка со времен возникновения русской общины на армянской территории до настоящего времени в независимой Армении.

Материал и методы исследования

В статье рассмотрены проблемы функционирования и преподавания русского языка в Армении со времен возникновения и развития русской общины на ее исторических землях и до наших дней. Использованы методы наблюдения, описания и статистического анализа.

Основная часть

Возникновение и развитие русской общины в Армении

Первые упоминания о контактах армян с русскими относятся еще к эпохе Киевской Руси [4; 5]. Однако непосредственное появление русских на территории исторической Армении произошло в XIX в., когда в результате Туркманчайского мирного договора 1828 г. Восточная Армения вошла в состав Российской империи.

С установлением советской власти наряду с традиционной сельской патриархальной русской общиной в результате трудовой миграции и межэтнических браков начало формироваться новое городское сообщество. Оно динамично развивалось и всегда занимало заметное место в интеллектуальной, культурной и экономической жизни Армении. В 1880-е гг. численность русских на территории Восточной Армении составляла 11 283 человека [6]. В соответствии с данными переписи населения в 1926 г. там проживало 19 548 человек, в 1939 г. — 51 464, в 1959 г. — 56 477, в 1970 г. — 66 108, в 1979 г. — 70 336, в 1989 г. — 51 555 человек [7]. В 2001 г. численность русских уменьшается до 14 660 человек [8], к 2011 г. падает до рекордно низкого показателя — 11 911 человек [9], однако, согласно переписи населения 2022 г., на тот момент численность постоянного русского населения в Республике Армения составила 14 074 человека [10] (рис. 1).

Резкое сокращение численности русских в Армении было обусловлено совокупностью факторов, главным из которых стал глубокий социально-экономический кризис переходного периода после распада СССР и разрушения прежней хозяйственной системы. В середине 1990-х гг. из Армении выехало от 20 до 30% самих армян, также значительно уменьшилась численность национальных меньшинств. В общинах, имеющих этнические связи со странами с более высоким уровнем экономического развития (Россия, Греция, Германия, Израиль), наблюдалась еще более высокая миграционная активность; в частности, русская община сократилась приблизительно на 60%.

Особенно драматичными оказались последствия для традиционной сельской общины: после кризисных лет из 15 населенных пунктов (полностью или преимущественно русских) сохранились лишь два расположенных по соседству — Фиолетово и Лермонтово, остальные утратили свой этнический облик, хотя в некоторых из них продолжают проживать русские.

Важное изменение в демографическом облике Армении произошло в 2022 г., после начала военных действий между Россией и Украиной и объявления мобилизации в Российской Федерации: тогда русское население по численности выдвинулось на первое место среди национальных

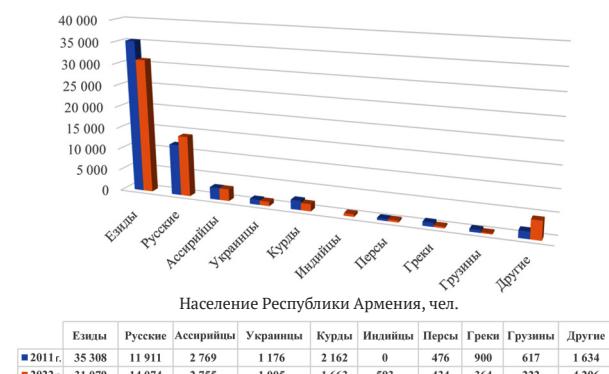

Рис. 1. Динамика изменения состава национальных меньшинств в Республике Армения по данным переписей населения 2011 и 2022 гг.

меньшинств республики. Через год после начала резкого притока в Армению граждан России различных национальностей (в первую очередь русских) министр экономики Республики Армения Ваган Керобян в интервью «Ведомостям» сообщил, что «чистая релокация за 2022 год — примерно 108–110 тыс. граждан, т.е. столько россиян приехали в Армению и остались на постоянное проживание» [11]. Однако еще через год стало ясно, что не все мигрировавшие в Армению российские граждане решили остаться в республике; по данным Службы миграции и гражданства МВД Республики Армения, «на данный момент в Армении с правом законного проживания или действительным видом на жительство проживает около 40 тыс. граждан [РФ]» [12].

Таким образом, на сегодняшний день русское население (включая русских граждан Республики Армения и российских релокантов) составляет приблизительно 55–60 тыс. человек, став наибольшим по численности национальным меньшинством в стране.

Несомненно, сложившаяся демографическая ситуация непосредственно повлияла на языковую ситуацию: возросла востребованность русского языка, в первую очередь в сфере услуг (правда, эта тенденция проявлялась и раньше, когда в Армению увеличился поток туристов из России). Что еще важнее, возникла потребность в увеличении в общеобразовательных школах числа классов для русскоговорящих детей и количества учителей, ведущих занятия на русском языке, — не только русистов, но и предметников.

Русский язык в Армении

Русский язык в Армении достиг своего максимального распространения и развития в советскую эпоху. Уже в конце 1980-х гг. армянские исследователи-русисты отметили появление в стране нового социолингвистического феномена — армяно-русского билингвизма [13]. В условиях советской monoэтнической Армении параллельное функционирование русского и армянского языков не вызывало никаких осложнений, напротив, рассматривалось как фактор, положительно влияющий на общий уровень образования и культуры населения республики. Русский язык был неотъемлемой частью системы образования и науки: именно через него осуществлялась трансляция новейших достижений в разных областях знаний и техники. Наиболее значимая ресурсная база — учебная и научная литература — преимущественно была представлена на русском языке.

Кардинальные изменения произошли после обретения Арменией независимости в 1991 г. и принятия в 1993 г. закона «О языке», закрепившего статус единственного государственного языка за армянским литературным языком. В первой половине 1990-х гг. русский язык стал символически соотноситься с советским прошлым, что обусловило его активное вытеснение из общественной жизни. Прежняя языковая политика была признана ошибочной, а ее смена сопровождалась отказом от использования русского языка, особенно в официальных и административных сферах. В системе образования началась целенаправленная политика ограничения его функционирования. По справедливому замечанию С. Т. Золяна, данные меры были осуществлены некорректными методами и нанесли значительный ущерб как республике в целом, так и ее населению [14. С. 69].

Уже в первые годы реформирования были закрыты все дошкольные учреждения с русским языком воспитания и полностью переведены на армянский язык обучения общеобразовательные школы. Исключение составляли лишь отдельные классы с русским языком обучения, доступные детям из смешанных семей и из семей национальных меньшинств. В высших учебных заведениях резко сократилось количество аудиторных часов, отводившихся на изучение русского языка. Однако потребности научного и образовательного процесса привели к парадоксальной ситуации: при ведении лекций, семинаров и лабораторных занятий преимущественно на армянском языке ключевым источником информации оставалась научная и учебная литература на русском языке, включая труды армянских авторов.

Результатом этих преобразований стало заметное снижение уровня владения русским языком у молодого поколения. Тем не менее даже спустя десятилетие после изменения его статуса ситуация не выглядела критической. Согласно данным переписи населения 2001 г., 85% жителей страны владели русским языком, а 13% этнических армян указывали его в качестве родного [15].

Справедливо ради надо отметить, что еще в начале 1990-х гг. раздавались голоса и истинных патриотов, любивших русский язык, литературу и культуру не вопреки, а благодаря любви к родному языку и родной стране и понимавших всю пагубность и тупиковость подобной языковой политики. Одним из них был выдающийся деятель армянской культуры, филолог-русист и переводчик академик Л.М. Мкртчян. Он писал:

Учитывая исторические судьбы Армении, исторически сложившиеся связи с Россией, учитывая географическое положение Армении, именно русский язык (не в ущерб, разумеется, армянскому), именно русская ориентация (не в ущерб, понятное дело, нашим добрососедским отношениям с другими странами) помогут нам в нашей борьбе за независимость экономическую, культурную и политическую [16].

К концу 1990-х гг. ситуация вокруг русского языка в Армении начала стабилизироваться: негативное отношение к нему постепенно пересматривалось. В общественном сознании укрепилось понимание того, что суверенитет и независимость государства не предполагают его изоляции от внешнего мира. Напротив, в условиях независимости стало очевидным, что политические, экономические и культурные связи Армении с внешним миром, включая страны СНГ, и в первую очередь Россию, должны активно развиваться. В этих условиях русский язык закономерно закрепил за собой функцию языка-посредника, средства международного общения [17].

Тем не менее последствия реформ 1990-х гг. напрямую сказалась на уровне владения русским языком. Согласно данным переписи населения 2011 г., доля граждан, владеющих русским языком, снизилась до 54% [18]. Основную часть носителей русского языка как родного составляли армяне, переселившиеся из России или других республик бывшего СССР, представители поколений, получивших образование на русском языке, а также беженцы. Однако интенсивное функционирование русского языка в ключевых сферах: средствах массовой информации, научной коммуникации и культурной деятельности — обеспечивалось не только за счет тех 13% армян, которые считали его родным, но и благодаря большинству (54%), владевшему им в достаточной мере хотя бы на уровне пассивной коммуникации.

Этот вывод подтверждается данными переписи населения 2022 г. (табл.).

Таблица

**Владение русским языком нерусскими гражданами Республики Армения
(по данным переписи 2011 и 2022 гг.) [18; 19]**

Граждане Республики Армения	2011 г.		2022 г.	
	Всего	Владеют русским языком	Всего	Владеют русским языком
Население Республики Армения	3 018 854	1 591 246	2 932 731	1 893 181
Армяне	2 961 801	1 585 567	2 875 697	1 887 821
Езиды	35 308	2 022	31 079	2 515
Айсоры (ассирийцы)	2 769	1 193	2 755	606
Курды	2 162	59	1 663	137
Украинцы	1 176	408	1 005	413
Греки	900	343	364	150
Грузины	617	147	222	68
Индийцы	—	—	593	27
Персы	476	—	434	21

В соответствии с данными таблицы, несмотря на общее сокращение численности населения страны, и в частности армян, количество владеющих русским языком армян по сравнению с 2011 г. увеличилось на 302 254 человека и в настоящее время составляет почти 66% армянского населения республики (рис. 2).

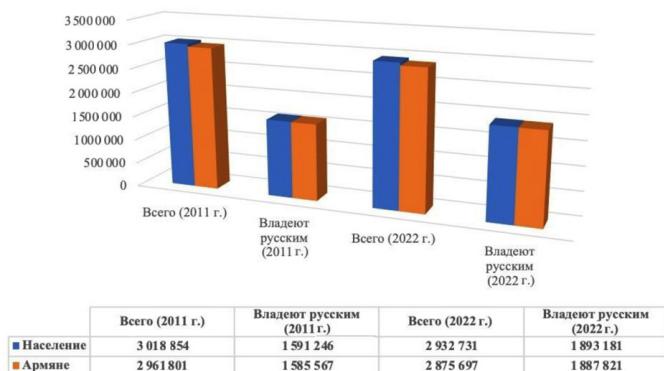

Рис. 2. Динамика владения русским языком армянским населением Республики Армения по данным переписей населения 2011 и 2022 гг.

секстилетий XXI в. существенно повлияла на сохранение и укрепление позиций русского языка. Речь идет прежде всего о школьных учителях русского языка и литературы, которые, несмотря на объективные трудности, продолжают с высокой степенью ответственности и преданности обучать русскому языку молодое поколение. Как отмечается в исследовании «Индекс положения русского языка в мире...», именно число учителей-русистов является важным индикатором значимости русского языка, поскольку они играют ключевую роль в поддержании его позиций на постсоветском пространстве [20. С. 30]. По данным Статистического комитета Республики Армения, в 2019/2020 учебном году 9% школьных педагогов (2793 из 31 018) были учителями русского языка и литературы [21]. По этому показателю Армения занимает лидирующую позицию среди всех бывших советских республик [22. С. 31].

Не менее показательно и сохранение позиций русского языка в сфере научной коммуникации. Это подтверждается высоким значением среднего индекса Хирша в РИНЦ у одного процента наиболее цитируемых армянских исследователей, зафиксированным в ходе исследования индекса устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства в 2022 и 2023 гг. Данный показатель не только оказался наивысшим среди аналогичных показателей по другим постсоветским республикам, но и продемонстрировал положительную динамику: 43,27 — в 2022 г. и 44,13 — в 2023 г. [Там же. С. 42]. Его значимость заключается в отражении публикационной активности ведущих армянских ученых, публикующих результаты своих исследований на русском языке, и в подтверждении того, что в Армении исторически сформировалась и продолжает функционировать русскоязычная наука, востребованная как в рамках постсоветского пространства, так и за его пределами [20]. Этот показатель служит доказательством устойчивости научного фундамента, заложенного в Армении еще в советский период, а также свидетельством преемственности и развития русскоязычной науки в последующие десятилетия. Таким образом, именно в сфере научной коммуникации, которая в наименьшей степени подвержена влиянию политических и социальных колебаний, позиции русского языка демонстрируют устойчивую положительную динамику. Согласно итогам исследования индекса положения русского языка в мире за 2020–2023 гг., по параметру «русский язык в научной коммуникации» Армения стабильно улучшала свои показатели, поднявшись с девятого места на второе, закономерно уступив лишь Беларуси [22].

При отсутствии изменений в государственной языковой политике, которые могли бы непосредственно способствовать положительной динамике, рост числа владеющих русским языком обусловлен совокупностью факторов: изменениями демографической структуры общества и развитием социально-экономических связей Армении с международными партнерами. Вместе с тем не следует недооценивать и роль преподавателей-русистов, чья профессиональная деятельность в течение первых двух де-

Становление русистики в Армении

Первым кирпичиком мощного научного фундамента стало создание в 1938 г. в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете отделения русского языка и литературы и кафедры русского языка, обслуживающей факультеты гуманитарного, естественного и технического профилей, так что началом становления русистики в Армении следует считать 1938 г. Позднее в разных вузах страны возникли целые коллективы русистов [2. С. 59; 3. С. 23]. И на сегодняшний день в Армении достаточно много центров русского языка и очагов русской культуры: Русский драматический театр им. К.С. Станиславского, Московский культурно-деловой центр «Дом Москвы» в Ереване, «Русский Дом» в Ереване и в Гюмри и др.

Общеизвестно, что знание языков обеспечивает интеграцию в мировое культурное, образовательное и технологическое пространство. Известно также, что приобщать к иностранным языкам необходимо с детства, так что в Армении в современных условиях языкам обучают в детских садах и детских центрах, и это делается не избирательно, а массово; таким образом через язык приобщают к разным моделям мира и культурам.

Общеобразовательные школы в Армении армянские, но русский язык в средней общеобразовательной школе обязательный: его изучают со второго класса на протяжении 10–11 лет. В начальной и средней школе на уроки русского языка отводится два-три часа в неделю, в старшей – два часа, в 10–11–12 классах с профильным обучением – три, пять и восемь часов соответственно.

В вузах Армении русский язык – обязательный учебный предмет. Его изучают студенты всех факультетов (гуманитарного, естественнонаучного и технического профилей), как правило, два учебных семестра по два – четыре часа в неделю. Студенты обучаются по учебникам и учебным пособиям, подготовленным преподавателями университетов Армении. Каждый университет занимается по учебнику, разработанному коллективом кафедры русского языка данного вуза; учебники утверждаются Министерством науки, образования, культуры и спорта Республики Армения.

В шести вузах Армении изучают русский язык как специальность. Это Ереванский государственный университет (факультет русской филологии), Ереванский университет им. В.Я. Брюсова (факультет лингвистики и педагогики), Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абояна (факультет иностранных языков), Российско-Армянский (Славянский) университет (Институт филологии и межкультурной коммуникации), Ширакский государственный педагогический университет им. М. Налбандяна (факультет иностранных языков), Ванадзорский государственный педагогический университет им. О. Туманяна (филологический факультет). В указанных университетах существуют программы бакалавриата и магистратуры по русистике; студенты обучаются по российским учебникам и учебным пособиям, рекомендованным Министерством образования и науки Российской Федерации для специальных/филологических факультетов вузов. Используются также учебные пособия, подготовленные русистами Армении.

Таким образом, русский язык в Армении на сегодняшний день, несмотря на то что значится в ряду иностранных языков, остается первым/обязательным среди равных, т.к. есть мотивация для его изучения (мотивация – явление естественное, непринудительное):

- библиотеки в должной степени укомплектованы литературой на русском языке;
- армянская диаспора России насчитывает около 1 млн человек (согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., 946 172 человека, однако по разным оценкам их число варьируется от 1,7 до 3 млн), и для большинства из них русский язык является первым, основным языком. Армянская диаспора глубоко укоренена в российской общественной и культурной жизни и вместе с тем тесно связана с Арменией;
- для армян, проживающих на территории постсоветского пространства или выезжающих туда на заработки, русский язык – средство производства и часть культуры; «...русский язык оказывается необходимым инструментом их социализации, сохранения и укрепления традиционных связей» [23. С. 52];

- «...русский стал языком внутриармянского диалога, обеспечивая коммуникацию как внутри армянской diáspory в России, так и между соотечественниками в России и Армении» [17. С. 9];
- русский язык — средство общения не только между специалистами, но и между людьми разных стран. В наши дни продолжают говорить о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евразийском пространстве, так что реальный статус русского языка в Армении выше его правового статуса;
- благодаря русскому языку армяне несут свой этнос и свою культуру русскоязычному миру [2. С. 60; 3. С. 24–25].

В Армении в настоящее время действуют как бесплатные, так и приемлемые по стоимости платные курсы русского языка. На платных курсах, к сожалению, людей не очень много в силу низкой платежеспособности населения. Бесплатные курсы по проектам «Дом Москвы», «Русский Дом» в Ереване и Гюмри, Центров русского языка фонда «Русский мир» и фонда «Наше будущее» нерегулярны и зависят от финансирования.

Русисты Армении принимают активное участие в конгрессах Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), а также в международных научных, научно-практических и виртуальных конференциях, проводимых на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Санкт-Петербургского государственного университета и других вузов России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

В настоящее время в Армении на постоянной основе проводятся конференции и симпозиумы по русистике:

- «Брюсовские чтения» (Ереванский университет им. В.Я. Брюсова, кафедра мировой литературы);
- Международная научно-практическая конференция «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» (Российско-Армянский (Славянский) университет; с 2014 г.);
- Международная научно-методическая конференция «Бархударовские чтения» (Российско-Армянский (Славянский) университет);
- Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире» (Российско-Армянский (Славянский) университет; с 2005 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Русский язык — гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и межнационального общения в XXI веке» («Русский Дом» в Ереване, Армянская ассоциация русистов, Армянская ассоциация учителей русского языка и литературы, Армянская ассоциация выпускников российских вузов);
- серия международных научно-практических конференций под общей тематикой «Русская литература: русская и национальные литературы» (Ереванский университет им. В.Я. Брюсова, Министерство науки, образования, культуры и спорта Республики Армения, «Русский Дом» в Ереване, Общество дружбы «Армения — Россия» АОКС; с 2009 г.).

В Армении издаются научные журналы и сборники статей в области русистики:

- научно-методический журнал «Русский язык в Армении» (два номера в год), включенный в перечень ВАК Республики Армения (публикации в журнале засчитываются при защите иностранных соискателей на ученую степень);
- сборник научных статей «Брюсовские чтения» (Ереванский университет им. В.Я. Брюсова, кафедра мировой литературы);

- «Вестник Ереванского университета. Русская филология» (два номера в год; выходит с 2015 г.), включенный в перечень ВАК Республики Армения;
- «Проблемы современной русистики» (филиал МГУ имени М.В. Ломоносова), с января 2020 г. включенный в перечень журналов ВАК Республики Армения.

Также выходит много других периодических изданий, вузовских и кафедральных, публикующих русскоязычные статьи.

В Армении в постсоветский период на протяжении многих лет действовали два специализированных совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям «Методика преподавания и воспитания (русский язык)» при Армянском государственном педагогическом университете им. Х. Абояна и «Славянские языки» при Ереванском университете им. В.Я. Брюсова. Заметим, что в советский период специализированных советов по русистике в Армении не было. Этот факт подтверждает не только существование, но и развитие национальной русистики в Республике Армения.

В центре внимания русистов Армении была и остается проблема обучения русскому языку. Мир динамичен. Меняется мир — меняется и парадигма образования, и, как следствие, создавались и создаются новые учебники и учебные пособия для школьников и студентов с учетом особенностей родного языка и родной культуры, так что школьники и студенты Армении в настоящее время изучают русский язык по учебникам, написанным авторскими коллективами русистов-армян, отобранными на конкурсной основе.

Русистов Армении всегда интересовала проблема взаимодействия языков — армяно-русское двуязычие, проблема взаимодействия культур, т.к. изучение языка, усвоение его лексики и грамматики неразрывно связано с изучением культуры народа. Русисты Армении обогащали и обогащают лексикографический фонд русского языка двуязычными — армяно-русскими, русско-армянскими — словарями, а также учебными словарями разных типов.

Из года в год увеличивается число студентов-иностранцев. Если раньше это были граждане Индии, Китая, стран Ближнего Востока: арабы, персы, армяне из разных диаспор, то на сегодняшний день это и студенты из европейских стран и США, поэтому проблема обучения русскому языку как иностранному вместе с проблемой билингвизма/полилингвизма стала ведущей в Армении.

Заключение

В наши дни перед гражданами Армении стоят задачи выживания в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка и утверждения политического, экономического и культурного авторитета нашей страны. И незнание или недостаточный уровень знания языков по-прежнему является, на наш взгляд, одним из препятствий, тормозящих их решение, что наносит стране не только моральный, но и материальный ущерб, так что подготовка кадров высшей квалификации, кадров, призванных развивать и ускорять научно-технический и технологический прогресс, — проблема государственной важности. Знать язык — быть вооруженным, а значит, защищенным.

Литература

1. Mkrtchyan L.M. Русский как национальная необходимость // Слепой, но не настолько: художественная публицистика, литературная критика. Ереван, 1998. С. 184–188.

2. Matevosyan L.B. Русский язык в культурной жизни Армении // Русский язык в центре Европы. Вып. 19. Братислава: Ассоциация русистов Словакии, 2019. С. 58–65.

References

1. Mkrtchian L.M. Russkii kak natsional'naia neobkhodimost' // Slepoi, no ne nastol'ko: khudozhestvennaia publitsistika, literaturnaia kritika. Erevan, 1998. S. 184–188.

2. Matevosian L.B. Russkii iazyk v kul'turnoi zhizni Armenii // Russkii iazyk v tsentre Evropy. Vyp. 19. Bratislava: Assotsiatsiia rusistov Slovaki, 2019. S. 58–65.

3. *Матевосян Л.Б.* О сбалансированной языковой политике в Армении (на примере русского языка) // Проблемы современной русистики: научно-методический журнал. Ереван: Изд-во филиала МГУ, 2020. № 6 (10). С. 22–31.

4. *Айвазян К.В.* О дате поселения армян на Руси: по данным средневековых армянских и русских авторов // Армения и Русь (XI–XVI вв.). Ереван: Зангак-97, 2003. С. 24–80.

5. *Агаджанян И.А.* Из истории русско-армянских литературных связей X–XVII вв. Ереван: Лингва, 2006.

6. *Долженко И.В.* Русские в Армении: история, культура, традиции // Кавказский узел. 2002. 24 сентября. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/27352> (10.07.2025).

7. Население Армении. URL: <http://www.ethnokavkaz.narod.ru/rnarmenia.html> (01.09.2021).

8. Перепись 2001 г. Постоянное население (городское, сельское) по возрасту и национальности. URL: <https://www.armstat.am/census2001/pdfs/51.pdf> (10.07.2025).

9. Перепись 2011 г. Население (городское, сельское) по национальности, полу и родному языку. Табл. 5.2-1. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484888.pdf> (10.07.2025).

10. Перепись 2022 г. Население по национальности, полу и родному языку. Раздел 5, табл. 5.2. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (10.07.2025).

11. *Керобян В.* Россия и Армения отказались от расчетов в долларах и евро // Ведомости. 2023. 16 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2023/03/16/966716-rossiya-i-armeniya-otkazalis-ot-raschetov-v-dollarah-i-euro> (10.07.2025).

12. Число въехавших в Армению россиян в 2024 году превысило число выехавших на 4600 // Учиор = Айсор. 2024. 20 августа. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/08/20/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE-%D0%B2%D1%8A%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%B2%D1%88%D0%B8%D1%85-%D0%B2%D0%90%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E/2317673> (10.07.2025).

13. *Есаджанян Б.М.* Некоторые особенности армянско-русского билингвизма и перспективы его развития // Специфика формирования и функционирования армянско-русского билингвизма: сб. науч. тр. Ереван, 1990.

14. *Золян С.Т.* Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья: сб. науч. ст. СПб.: Златоуст, 2013. С. 62–86.

15. Четвертый периодический доклад РА (от 13 августа 2015 г.) в соответствии с п. 15 ст. Европейской хартии языков меньшинств или региональных языков. URL: <https://www.e-gov.am/protocols/item/538/> (10.07.2025).

16. *Мкртычян Л.М.* О русском языке и о многом другом // Не хочу быть иностранцем в России. Ереван: Изд-во PAY, 2001. С. 5–32.

17. *Акопян К.С., Золян С.Т.* О динамике изменений состояния русского языка в Армении // Бархударовские чтения: сб. науч. ст. Междунар. науч.-метод. конф., приуроченной к 130-летию со дня рождения С.Г. Бархударова (3–5 мая 2024 г.) / отв. ред. К.С. Акопян. Ереван: PAY, 2024. С. 9–17.

3. *Matevosian L.B.* O sbalansirovannoj iazykovoi politike v Armenii (na primere russkogo iazyka) // Problemy sovremennoi rusistiki: nauchno-metodicheskii zhurnal. Erevan: Izd-vo filiala MGU, 2020. No. 6 (10). S. 22–31.

4. *Aivazian K.V.* O date poselenii armian na Rusi: po dannym sredneveko-vykh armianskikh i russkikh avtorov // Armenia i Rus' (XI–XVI vv.). Erevan: Zangak-97, 2003. S. 24–80.

5. *Atadzhanian I.A.* Iz istorii russko-armianskikh literaturnykh sviazey X–XVII vv. Erevan: Lingva, 2006.

6. *Dolzhenko I.V.* Russkie v Armenii: istorija, kul'tura, traditsii // Kavkazskii uzel. 2002. 24 sentiabria. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/27352> (10.07.2025).

7. Naselenie Armenii. URL: <http://www.ethnokavkaz.narod.ru/rnarmenia.html> (01.09.2021).

8. Perepis' 2001 g. Postoiannoe naselenie (gorodskoe, sel'skoe) po vozrastu i natsional'nosti. URL: <https://www.armstat.am/census2001/pdfs/51.pdf> (10.07.2025).

9. Perepis' 2011 g. Naselenie (gorodskoe, sel'skoe) po natsional'nosti, polu i rodnomu iazyku. Tabl. 5.2-1. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484888.pdf> (10.07.2025).

10. Perepis' 2022 g. Naselenie po natsional'nosti, polu i rodnomu iazyku. Razdel 5, tabl. 5.2. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (10.07.2025).

11. *Kerobian V.* Rossiia i Armeniia otkazalis' ot raschetov v dollarakh i evro // Vedomosti. 2023. 16 marta. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2023/03/16/966716-rossiya-i-armeniya-otkazalis-ot-raschetov-v-dollarah-i-evro> (10.07.2025).

12. Chislo v'ekhavshikh v Armeniui rossiian v 2024 godu prevysilo chislo vyekhavshikh na 4600 // Ujuop = Aisor. 2024. 20 avgusta. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/08/20/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE-%D0%B2%D1%8A%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%B2%D1%88%D0%B8%D1%85-%D0%B2%D0%90%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E/2317673> (10.07.2025).

13. *Esadzhanian B.M.* Nekotorye osobennosti armiansko-russkogo bilingvizma i perspektivy ego razvitiya // Spetsifika formirovaniia i funktsionirovaniia armiansko-russkogo bilingvizma: sb. nauch. tr. Erevan, 1990.

14. *Zolian S.T.* Russkii iazyk v Armenii // Russkii iazyk zarubezh'ia: sb. nauch. st. St. Petersburg: Zlatoust, 2013. S. 62–86.

15. Chetvertyi periodicheskii doklad RA (ot 13 avgusta 2015 g.) v sootvetstvii s 1 p. 15 st. Evropeiskoi khartii iazykov men'shinstv ili regional'nykh iazykov. URL: <https://www.e-gov.am/protocols/item/538/> (10.07.2025).

16. *Mkrtychian L.M.* O russkom iazyke i o mnogom drugom // Ne khochu byt' inostrantsem v Rossii. Erevan: Izd-vo RAU, 2001. S. 5–32.

17. *Akopian K.S., Zolian S.T.* O dinamike izmenenii sostoianija russkogo iazyka v Armenii // Barkhudarovskie chtenija: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch.-metod. konf., priurochennoi k 130-letiju so dnia rozhdenija S.G. Barkhudarova (3–5 maia 2024 g.) / otv. red. K.S. Akopian. Erevan: PAY, 2024. S. 9–17.

18. Перепись 2011 г. Население (городское, сельское) по национальности, полу и другому языку, которым владеет свободно. Табл. 5.2-2. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484893.pdf> (10.07.2025).

19. Перепись 2022 г. Население по национальности и другому языку, которым владеет свободно. Раздел 5, табл. 5.3. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (10.07.2025).

20. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-индекс). Вып. 2 / сост. А.Л. Арефьев; под ред. М.А. Осадчего. М.: ГИРЯП, 2022.

21. Социально-экономическое состояние РА. 2020 г. Социально-демографический аспект. URL: https://armstat.am/file/article/sv_03_20a_5130.pdf (10.07.2025).

22. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-индекс). Вып. 3 / сост. А.Л. Арефьев; под ред. С.Ю. Камышевой. М.: ГИРЯП, 2023.

23. Zolyan S.T., Hakobyan K.S. Russian in Armenia: Between thriving and surviving // The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies / ed. A. Mustajoky, E. Protassova, M. Yelenevskaya. London; New York, 2020. P. 46–54.

18. Perepis' 2011 g. Naselenie (gorodskoe, sel'skoe) po natsional'nosti, polu i drugomu iazyku, kotorym vlaeet svobodno. Tabl. 5.2-2. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484893.pdf> (10.07.2025).

19. Perepis' 2022 g. Naselenie po natsional'nosti i drugomu iazyku, kotorym vlaeet svobodno. Razdel 5, tabl. 5.3. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (10.07.2025).

20. Indeks polozheniya russkogo iazyka v mire: indeks global'noi konkurentosposobnosti (GK-indeks), indeks ustoichivosti v stranakh postsovetskogo prostranstva (US-indeks). Vyp. 2 / sost. A.L. Aref'ev; pod red. M.A. Osadchego. Moscow: GIRIaP, 2022.

21. Sotsial'no-ekonomicheskoe sostoianie RA. 2020 g. Sotsial'no-demograficheskii aspekt. URL: https://armstat.am/file/article/sv_03_20a_5130.pdf (10.07.2025).

22. Indeks polozheniya russkogo iazyka v mire: indeks global'noi konkurentosposobnosti (GK-indeks), indeks ustoichivosti v stranakh postsovetskogo prostranstva (US-indeks). Vyp. 3 / sost. A.L. Aref'ev; pod red. S.Iu. Kamyshevoi. Moscow: GIRIaP, 2023.

23. Zolyan S.T., Hakobyan K.S. Russian in Armenia: Between thriving and surviving // The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies / ed. A. Mustajoky, E. Protassova, M. Yelenevskaya. London; New York, 2020. P. 46–54.

Акопян Карен Суренович,
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
русского языка и профессиональной коммуникации
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, Армения);
доцент кафедры русского языка № 5
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Hakobyan Karen S.,
Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language and
Professional Communication Department
Institute of the Philology and Intercultural Communication
Russian-Armenian (Slavic) University (Yerevan, Armenia);
Associate Professor of the Russian Language Department No. 5
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: karen.hakobyan@rau.am
<https://orcid.org/0000-0002-4933-2933>

Матевосян Лианна Бениаминовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского
языкознания, типологии и теории коммуникации
Ереванский государственный университет
(Ереван, Армения)

Matevosyan Lianna B.,
Doctor of Philology, Professor of the Russian Linguistics, Typology and
Theory of Communication Department
Yerevan State University
(Yerevan, Armenia)

e-mail: lianna.matevosyan@ysu.am
<https://orcid.org/0009-0001-1642-8349>

Поморцева Наталья Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
директор Института русского языка;
заведующая кафедрой русистики, этноориентированной педагогики
и цифровой дидактики
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Pomortseva Natalia V.,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Director of the Institute of the Russian Language;
Head of the Russian Studies, Ethnocentric Pedagogy and
Digital Didactics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: pomortseva-nv@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4224-8138>

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Языковая экспликация конфликтогенного текста в наивной и научной картинах мира белорусов

Статья посвящена сопоставительному исследованию особенностей понимания верbalной угрозы как правонарушения в аспекте ее научной (лингвоправовой) идентификации и восприятия наивным сознанием. В первом случае текст угрозы должен соответствовать пяти облигаторным параметрам: субъектный состав; темпоральная маркированность; субъектная принадлежность действия; тип действия; адресованность. Понимание угрозы в обыденной картине мира белорусов установлено экспериментально: респондентам было предложено задание, в ходе которого им необходимо было выбрать одну или несколько вербальных реакций, содержащих, с их точки зрения, угрозу. Содержание конфликтогенных речевых актов эксплицировалось в отношении участников анкетирования, однако только один вариант ответа соответствовал всем обозначенным параметрам вербализации угрозы. Установленные экспериментальным путем особенности восприятия угрозы в обыденной картине мира отличаются от ее научного понимания: при формировании целостного восприятия обсуждаемого вербального правонарушения наивное сознание зачастую гипотезирует, что есть самостоятельно создает отдельные фрагменты, не обнаруживаемые в конфликтогенном тексте. Так, данные анкетирования, участие в котором приняло 385 жителей Беларуси различного пола и возраста, проживающие во всех регионах страны, показали, что потенциальная опасность для своей жизни, здоровья и имущества обнаруживается в содержании речевых актов, не конкретизирующих потенциальный вред и адресованность угрозы.

Ключевые слова: наивная картина мира, научная картина мира, угроза, юрислингвистика, конфликтогенный текст, вербальное правонарушение

The article is devoted to a comparative study of the peculiarities of understanding a verbal threat as an offense in terms of its scientific (linguo-legal) identification and perception by the naive consciousness. In the first case, the text of the threat must correspond to five obligatory parameters: subject composition; temporal marking; subject affiliation of the action; type of action; addressee. Understanding of threat in the everyday worldview of Belarusians was established experimentally: respondents were given a task in which they had to select one or several verbal responses that, from their point of view, contained a threat. The content of conflict-generating speech acts was explicated in relation to the survey participants; however, only one answer option corresponded to all the designated parameters of threat verbalization. The experimentally established features of threat perception in everyday picture of the world differ from its scientific understanding: when forming a holistic perception of the verbal offense under discussion, the naive consciousness often hypothesizes, that is, independently fills in individual fragments that are not found in the conflict-generating text. Thus, the data from a survey in which 385 residents of Belarus of various genders and ages, living in all regions of the country, participated, show that a potential danger to one's life, health, and property is revealed in the content of speech acts that do not specify the potential harm and the targeting of the threat.

Keywords: naive picture of the world, scientific picture of the world, threat, legal linguistics, conflict-generating text, verbal offense

Введение

В 1980-е гг. прошлого столетия Н.Д. Арутюнова прозорливо утверждала, что «язык способен и на «преступные» действия» [1. С. 3]. В реалиях сегодняшнего дня его деструктивный потенциал реализуется не только в вербальных текстах, но и в вариативных креолизованных формах. Не случайно в юридической практике последних лет активно культивируются такие категории, как *вербальное правонарушение* и *конфликтогенный текст* (в отдельных работах используется номинация *спорный текст*). Вербальное правонарушение в современной научной и научно-методической литературе рассматривается как законодательно идентифицируемое противоправное действие, которое реализуется в речевой деятельности и обнаруживается в ее содержании (в тексте). Конфликтогенный текст получил статус терминологической единицы и определяется как текст, в содержании которого потенциально обнаруживаются признаки или сведения об обстоятельствах нарушения действующего законодательства (признаки или обстоятельства правонарушения).

Быстро сформировавшееся digital- и smart-пространство благодаря развитости технического и технологического инструментария позволяет практически беспрепятственно тиражировать и массово распространять конфликтогенные тексты, делая их объектом публичной коммуникации. Однако содержание таких материалов всегда требует экспертного изучения, в противном случае его противозаконность остается только гипотетической. И хотя правоприменители не стесняются в отдельных случаях самостоятельно интерпретировать семантику конфликтогенных текстов, на сегодняшний день уже не возникает возражений и отторжения очевидного: их экспертная оценка является компетенцией лингвистики, а точнее, юрислингвистики — направления, сформировавшегося на стыке диалектических интересов языка и права.

Юрислингвистика объективизирует научное понимание конфликтогенных текстов в аспекте действующих правовых норм. Однако такая интерпретация, как правило, не совпадает с наивными представлениями о вербальных правонарушениях, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости либо гармонизации содержания законодательных диспозиций с общественным запросом (= требованиями), либо интенсификации работы по повышению правовой грамотности населения.

Обозначенное актуализирует проведенное сопоставительное исследование, целью которого стало установление соответствия наивной экспликации угрозы лингвоправовым представлениям о противоправной деятельности, представленной в содержании конфликтогенного текста.

Обзор литературы

При обращении к исследовательскому наследию ученых в области гуманитарных наук, и в первую очередь лингвистики, становится очевидным, что понятие картины мира (КМ) не является однородным. Типология КМ имеет разные основания. Так, в более поздних неогумбольдтианских трудах актуализированы научная, мифологическая, религиозная и художественная КМ. В современных исследованиях эта классификация фактически не ограничена, ввиду чего отдельные ученые небезосновательно предлагают «замкнуть перечень систем мировидения названными, поскольку появляющиеся в настоящий момент многочисленные варианты представляют собой не цельные системы, а их части» [2. С. 42]. С нашей точки зрения, в современных исследовательских реалиях в качестве особого феномена следует также рассматривать понятие наивной КМ. Такой подход соответствует распространенному определению КМ: «наиболее интегральное восприятие мира в его целостности, совокупности знаний, формирующееся при участии всех уровней и форм познания: теоретического, эмпирического, логического, чувственного, научного, философского, обыденного, религиозного и мифологического» [3. С. 118]. Наивная КМ в данном перечне реализует функцию междисциплинарного взаимодействия разных систем концептуализации окружающей действительности. Ее понимание в лингвистике до сих пор остается достаточно размытым — не в последнюю очередь, думается, из-за нечетких границ и подходов к источникам ее презентации: по Ю.Д. Апресяну, это некая «своего рода коллективная философия, которая навязывается всем носителям языка» [4. С. 39]. При этом «наивная» не означает, что этот вид КМ лишен рационального или полностью субъективен. Указанная атрибутивная характеристика в данном случае дает отсылку к уровню описания КМ, который может быть достигнут общественным сознанием на конкретном социально-историческом этапе.

Н.А. Любимова и Е.В. Бузальская пишут о том, что все КМ «имеют единый праисточник», но «ни одна из них не является производной от другой или других» [5. С. 43]. Личность является носителем всех КМ, которые, парадоксально являясь по своей сути образом окружающей действительности и бытия и компонентом единых концептуальных представлений, вступают в оппозицию по отношению друг к другу. Фактически все указанные типологические компоненты КМ (мифологическая, религиозная, художественная, философская, наивная и научная) могут противопоставляться, что обнаруживается в разных исследовательских работах.

Одним из фундаментальных представляется сравнение наивной и научной КМ. Возведенные до статуса антонимического противостояния, они неразрывно связаны друг с другом и вмещают в себя представления и других КМ. Противопоставление наивной и научной КМ является естественным и понятным большинству людей. Гуманитарная наука лишь обратила свое внимание на это явление и предприняла попытку осмыслиения расхождений в системе научных знаний и совокупности когнитивных представлений языковой личности. Еще М. Планк писал, что само возникновение понятия КМ связано с боязнью иллюзии отождествления теоретического объекта и реальности [6. С. 49].

В аспекте оппозиции наивной и научной КМ может быть рассмотрено и понятие конфликтогенного текста. В первом случае речь идет о том, что их понимание имеет рациональную основу, т.е. поддается количественным и качественным измерениям. Данный подход актуален для право-применимой сферы, где наличие состава противоправного деяния должно быть фактологизировано и конкретизировано. Вербальная агрессия получает статус правонарушения только в случае, если имеются материальные доказательства ее осуществления и суду предъявляются языковые средства, с помощью которых был непосредственно нарушен закон. Наивное восприятие конфликтогенных речевых материалов также не игнорирует их научный (лингвоправовой) статус, однако только как один из компонентов когнитивной концептуализации. В наивной КМ представления о вербальных правонарушениях объективизируются также социальным опытом личности, ее психоэмоциональными особенностями восприятия окружающего мира. Дело в том, что человек не только не обладает полнотой научной концептуализации действительности, но и формирует свою обыденную КМ «под себя», нередко игнорируя объективные знания. Такое мнение обосновано еще в теории лингвистической относительности Сепира — Уорфа, согласно которой явления окружающего мира человек вычленяет соответственно своему сознанию [7. С. 129; 8. С. 281]. Как пишет А. Вежбицкая, «мы подсознательно уделяем внимание особенностям и сходствам, которые бросаются в глаза и отвечают нашим интересам (ср.: для ученых тыква, огурцы, фасоль — это фрукты, а апельсин и лимон — ягоды)» [9. С. 26]. Именно поэтому «в “наивной” картине мира выделяют наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, наивную психологию и т.п.» [4. С. 49].

Основная часть

В современной лингвистике успешно реконструируются фрагменты наивной КМ, что обусловлено доступностью языкового инструментария как средства передачи информации. В качестве источника описания обыденных представлений о вербальных правонарушениях может быть использован вариативный текстовый корпус (например, художественные произведения). Однако такие исследования не отличаются высоким уровнем достоверности результатов, в первую очередь из-за отсутствия репрезентативной выборки по критерию авторства. В этой связи актуальным представляется использование экспериментальных методов изучения особенностей экспликации вербальных правонарушений в наивной КМ. В юрислингвистике актуализированы экспериментальные исследования по анализу специфики восприятия деструктивных речевых материалов, прежде всего экстремистского содержания (см., напр., проекты Института русского языка имени А.С. Пушкина [10. С. 74–76; 11. С. 158–160]). Работы такого рода имеют высокую значимость для совершенствования исследовательского инструментария судебной лингвистической экспертологии, но не дают ответа на вопрос о том, как же в массовом сознании понимаются и воспринимаются те или иные проявления противоправной деструктивной коммуникации.

Объективизируя экспериментальные методы в лингвистических исследованиях, в настоящей работе даны результаты анонимного анкетирования. Использование данного метода представляется достаточно трудоемким ввиду серьезных трудозатрат по составлению социологических карт

выборки респондентов, а также по аналитической обработке полученных фактических данных. Анкета являла собой задание, при выполнении которого опрашиваемый должен был выбрать один или несколько речевых актов, содержащих, по его мнению, в предложенной стереотипной ситуации конфликтогенного речевого взаимодействия признаки вербальной угрозы. Каждый из предложенных вариантов ответа был смоделирован исходя из лингвистических параметров, идентифицирующих угрозу на судебно-экспертном уровне; только одно высказывание полностью соответствовало признакам противоправного вербального действия, а в содержании остальных не реализовывался ни один из облигаторных параметров.

При составлении детализированной карты социологической выборки респондентов использованы официальные сведения Национального статистического комитета Республики Беларусь, опубликованные в открытом доступе. Данные о населении страны позволили уточнить количественные и качественные показатели репрезентативной выборки (385 человек), при которой доверительный интервал составляет 95%, а интервал погрешности находится в пределах ± 5 . Качественными показателями определены гендерные характеристики (мужчины и женщины), возраст (по пяти группам: 16–17 лет, 18–29 лет, 30–49 лет, 50–69 лет, 70 лет и старше), плотность проживания в разрезе регионов (области и районы, городская и сельская местность).

Соотношение языковой экспликации научной и наивной КМ рассмотрено на примере такого вербального правонарушения, как угроза. В современной теории речевых актов выделяют вариативные виды угрозы (наказание, предупреждение, понуждение и др.) [12. С. 140–141]. Данная типология основывается на анализе иллоктивного компонента высказывания. Однако такая детальная дифференциация вербальной угрозы имеет скорее научно-исследовательское значение, чем прикладное. Во всяком случае, в аспекте белорусского законодательства жанровое разнообразие угрозы не соотносится с ее квалификационными характеристиками как правонарушения. Более значимыми для юрислингвистики представляются генристические характеристики, позволяющие обосновать угрозу от других смежных видов речевых актов, например от обещания, проклятия.

В призме лингвоправового (научного) понимания указанное противоправное действие интерпретируется в аспекте норм уголовного законодательства Беларуси, хотя в Уголовном кодексе и отсутствует соответствующее терминологическое определение. В то же время судебная практика показывает, что угроза в юридическом поле не имеет принципиальных отличий от общелингвистического понимания данной категории, обнаруживаемого в толковых словарях. Сравним: «угроза — в праве словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» [13. С. 731]; «1. Обещание причинить зло, неприятность. 2. Возможность, опасность возникновения чего-либо неприятного, тяжелого» [14. С. 1002]. Отталкиваясь от приведенных дефиниций, можно вывести «лингвистическую формулу» нанесения вербальной угрозы: (1) автор (2) выражает намерение (3) самостоятельно или через третьих лиц (4) нанести вред жизни, здоровью или имуществу (5) третьего лица. Следовательно, к идентифицируемым на лингвистическом уровне параметрам вербальной угрозы относятся:

- 1) субъектный состав (наличие указаний на адресанта);
- 2) темпоральная маркированность (экспликация содержания конфликтогенного текста в будущем времени);
- 3) субъектная принадлежность действия (указание на реализацию потенциально противоправных действий адресантом или по его запросу другим лицом);
- 4) тип действия (вербальная конкретизация потенциального ущерба);
- 5) адресованность (указание на объект, в отношении которого распространяется содержание конфликтогенного текста).

Следует отметить, что обозначенные лингвистические параметры идентификации угрозы не являются исчерпывающими для юридической легитимизации содержания конфликтогенного текста. Суд также оценивает наличие возможностей у адресанта совершить заявленные действия. Однако данная характеристика была проигнорирована в предложенном анкетном задании, т.к. она не относится к компетенции эксперта-лингвиста.

Таким образом, исходя из установленных идентификационных параметров угрозы, респондентам экспериментального исследования было предложена следующая конфликтогенная ситуация (в скобках указаны результаты ответов участников анкетирования):

В суде после того, как Вы дали показания, доказывающие виновность А. в совершении преступления, он громко выкрикнул:

1. Я тебе обещаю, что скоро ты ножичек под сердце получишь! (99,2%)
2. Я отсижу и всем исполню свой приговор — расстрел! (67,3%)
3. Ты, гад, от меня свое еще получишь! (80,3%)
4. Все-таки должен тебе кто-нибудь проломить голову! (9,4%)
5. Я тебя еще до суда придушить должен был! (2,1%)
6. Не зря, видно, прибывают тебя скоро! (9,1%)

Среди предложенных вариантов ответа только первое высказывание полностью соответствует лингвоправовым параметрам вербальной угрозы (в тексте эксплицитно обозначены автор (*я*), адресат (сам респондент), тип действия (получить ножичек под сердце) и их темпоральная маркированность (*скоро получишь*); имплицитно выражена субъектная принадлежность действия (адресант или его доверенное лицо)). Во втором варианте ответа не обозначен объект речевой агрессии (*всем* — это обобщение при перечислении). Содержание третьего речевого акта не отражает тип действия, т.е. не конкретизирует потенциальный вред. Содержание четвертого — желаемое намерение. Содержание пятого высказывания эксплицируется в прошедшем времени, т.е. по своему характеру не является намерением. Последний вариант ответа не отражает параметра субъектного состава и субъектной принадлежности.

Результаты обработки данных ответов респондентов демонстрируют две явные тенденции. С одной стороны, очевидно, что восприятие угрозы как элемента научной КМ нашло отражение в обыденном сознании белорусов (382 человека из 385 выбрали первый из предложенных речевых актов, полностью соответствующий лингвоправовым параметрам угрозы). С другой стороны, личная включенность опрашиваемых в ситуацию конфликтогенного речевого взаимодействия активно влияет на наивное восприятие вербальной угрозы, отдельные элементы которой гипотезируются. Об этом свидетельствует достаточно высокий показатель выбора в качестве ответа высказываний, содержание которых не конкретизирует потенциальный вред и где не эксплицируется объект агрессии. Так, в речевом акте *Ты, гад, от меня свое еще получишь!* 309 опрашиваемых самостоятельно ассоциативно конкретизировали в своем сознании значение словосочетания получить свое, исходя из ситуационного контекста, как возможное нанесение реального вреда своему здоровью, жизни или имуществу; 259 респондентов самостоятельно экстраполировали в свой адрес содержание высказывания *Я отсижу и всем исполню свой приговор — расстрел!*

Серьезных расхождений в ответах, проанкетированных по половозрастному признаку и месту проживания, не обнаружено, что является показателем консолидированности обыденного восприятия угрозы как преступного деяния.

Заключение

Угроза как вид противоправного деяния рассматривается в юриспруденции в аспекте ее объектного состава и типа потенциального вреда. В праве угроза имеет общеязыковое значение и понимается как намерение нанести вред. Речевой акт угрозы следует дифференцировать от ряда иных жанровых форм (проклятие, обещание). Его идентификация соответствует пяти

параметрам: субъектному составу, темпоральной маркированности, субъектной принадлежности действия, типу действия и адресованности действия объекту.

Сравнение особенностей лингвоправовой идентификации угрозы и ее вербализации в обыденном сознании свидетельствует о достаточно высоком уровне совпадения в концептуализации данного вида противоправного деяния в научной и наивной КМ. В то же время вовлеченность в речевой конфликт ведет к стремлению личности компенсировать фрагментарность вербальной угрозы за счет гипотезации содержания спорного текста. Табуированными для обыденного сознания представляются любые намерения совершить несанкционированные посягательства в отношении личности. При отсутствии явных указаний, конкретизирующих такие намерения (сведений о потенциальных действиях и их адресованности), последние самостоятельно «дорисовываются» в наивной КМ.

Однако выявленные расхождения в наивном и научном восприятии угрозы не позволяют дать однозначные рекомендации по корректировке национального законодательства. Исключение отдельных категорий, определяющих облигаторность идентификационного параметра, из диспозиций положений действующих правовых норм требует более глубокой проработки. Кроме того, белорусская правовая система достаточно гибко и взвешенно подходит к намерениям нанести вред жизни и здоровью гражданина: в процессе судебного заседания стороны имеют возможность доказать имплицитный характер идентифицирующих угрозу параметров, а при принятии своего решения суд всегда оценивает потенциальные возможности реализовать содержание угрозы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
2. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. Картина мира: бытие и научный потенциал термина // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 40–49.
3. Захарова Т.В. Термин «картина мира» в современных лингвистических исследованиях // Слово, высказывание, текст в когнитивном, pragmaticическом и культурологическом аспектах / отв. ред. Л.А. Нефёдова. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. Т. 2. С. 118–121.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
5. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 13–20.
6. Планк М. Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и предисл. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993.
8. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкоznания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 255–285.
9. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.
10. Горбачёва А.В. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2021. Т. 20. № 2. С. 74–86.

References

1. Arutiunova N.D. Tipy iazykovykh znachenii: otsenka, sobystie, fakt. Moscow: Nauka, 1988.
2. Liubimova N.A., Buzal'skaia E.V. Kartina mira: bytie i nauchnyi potentsial termina // Russkii iazyk za rubezhom. 2012. No. 6. S. 40–49.
3. Zakharova T.V. Termin «kartina mira» v sremennykh lingvisticheskikh issledovaniakh // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticskom i kul'turologicheskem aspektakh / otv. red. L.A. Nefedova. Cheliabinsk: REKPOL, 2008. T. 2. S. 118–121.
4. Apresian Ju.D. Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2: Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografija. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1995.
5. Liubimova N.A., Buzal'skaia E.V. «Kartina mira»: soderzhanie, terminologicheskii status i obshchaia ierarkhia ee sostavliaushchikh // Mir russkogo slova. 2011. No. 4. S. 13–20.
6. Plank M. Edinstvo fizicheskoi kartiny mira. Moscow: Nauka, 1966.
7. Sepir E. Izbrannye trudy po iazykoznaniyu i kul'turologii / per. s angl. pod red. i predisl. A.E. Kibrika. Moscow: Progress: Iзд. группа “Univer”, 1993.
8. Uorf B. Otnoshenie norm povedeniia i myshlenii k iazyku // Istorija iazykoznaniia XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh / pod red. V.A. Zvegintseva. Moscow: Uchpedgiz, 1960. S. 255–285.
9. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.
10. Gorbacheva A.V. Slozhnost' vospriatiia demotivatorov i memov: eksperimental'noe issledovanie // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie. 2021. T. 20. No. 2. S. 74–86.

11. Горбачёва А.В., Берлин Хенис А.А., Осадчий М.А. Зрительное внимание у судебных экспертов и неэкспертов при восприятии и понимании поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 3. С. 158–175.

12. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 139–147.

13. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.

14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: Р – Я. М.: Русский язык, 2000.

11. Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Osadchii M.A. Zritel'noe vnimanie u sudebnykh ekspertov i neekspertov pri vospriyatiyu i ponimanii polikodovykh tekstov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie. 2022. T. 21. No. 3. S. 158–175.

12. Baranov A.N. Fenomen ugrozy v lingvisticheskoi teorii i ekspertnoi praktike // Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy. 2014. No.4 (36). S.139–147.

13. Sukharev A.Ia., Krutskikh V.E. Bol'shoi iuridicheskii slovar'. Moscow: Infra-M, 2003.

14. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo iazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t. T. 2: R – Ia. Moscow: Russkiy iazyk, 2000.

Лавицкий Антон Алексеевич,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
(Витебск, Беларусь)

Lavitski Anton A.,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Law, Social and Humanitarian Discipline Department
Vitebsk Branch of MITSO International University
(Vitebsk, Belarus)

e-mail: antonlavitski@gmail.com

Синячкин Владимир Павлович,

доктор филологических наук, доцент,
профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Sinyachkin Vladimir P.,

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Head of the Russian Language and Intercultural
Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: word@list.ru

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Речевые маркеры социокультурной адаптации российских иммигрантов

Социокультурная и языковая адаптация иммигрантов является естественным следствием длительного проживания в инокультурной среде, но вместе с тем этот процесс требует особого внимания со стороны государства, поскольку полноценная интеграция иммигранта в социум его новой родины – задача весьма непростая, требующей проведения последовательной целенаправленной политики. В настоящей статье предлагается называть конечную цель социокультурной и языковой адаптации иммигранта к жизни в инокультурной среде формированием его вторичной идентичности. Освещается лишь лингвистический аспект этой проблемы, а именно проявление в спонтанных высказываниях иностранных граждан, иммигрирующих в Российскую Федерацию, различных речевых маркеров, позволяющих говорить о разных стадиях социокультурной и языковой адаптации иммигрантов, или, иными словами, о той или иной степени сформированности вторичной идентичности.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, вторичная идентичность, идентификация, речевые маркеры, аксиологическая система

The sociocultural and language adaptation of immigrants is a natural outgrowth of the long-term residence in an alien socio-cultural environment. At the same time this process requires particular attention at the government level because the full integration of an immigrant into the life of his new homeland represents a considerable challenge to pursue consistent and target policies. The ultimate goal of the immigrants sociocultural and language adaptation into an alien socio-cultural environment is offered to be called ‘secondary identity formation’. This article highlights only one of linguistic aspects of this process namely the manifestation of various verbal markers in the spontaneous speech of immigrants to the Russian Federation which reflects various stages of the sociocultural and language adaptation of foreigners or in other words the approximation to the ultimate formation of the secondary identity.

Keywords: sociocultural adaptation, secondary identity, identification, verbal markers, axiological system

Введение

Термин «идентичность» имеет междисциплинарный характер. Идентичность как самостоятельная научная проблема начала рассматриваться в философии XVII–XVIII вв. в работах Р. Декарта, Д. Локка, Д. Юма, И.Г. Фихте. В 1950-х гг. употребление термина распространяется на отдельные сферы жизнедеятельности, например в области профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер). В современной науке идентичность становится предметом изучения социологии (А.И. Ковалева), психологии (Н.В. Антонова), политологии и этнологии (Г.Т. Тавадов). Переходные моменты развития человечества поднимают вопрос идентичности на уровень основы ценностной системы национально-культурных сообществ и в целом страны.

В психологии личности и социальной психологии под идентичностью понимают «осознанное ощущение индивидуальной специфики, усилие, направленное на выстраивание непрерывной и последовательной жизненной истории, а также разделение индивидом позитивных идеалов и культурных моделей референтной группы» [6. С. 11]. Идентичность при этом — продукт, результат серии последовательных идентификаций, завершающихся конструированием «окончательной идентичности» [4. С. 168].

В самоидентификации человека с той или иной социокультурной средой определено огромную роль играет язык [2. С. 90]. Именно поэтому процессу формирования так называемой вторичной языковой личности инофона в методике преподавания иностранных языков придается столь большое значение.

Вместе с тем наши исследования показали, что сформированность вторичной языковой личности «как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной

коммуникации» [1. С. 65], как «овладение вербально-семантическим кодом изучаемого языка» [Там же] (в нашем случае русским как иностранным) не всегда отражает степень сформированности его вторичной идентичности. И наоборот, даже при недостаточном уровне владения языком степень социокультурной адаптированности иммигранта может оказаться достаточно высокой. Именно поэтому предлагается ввести, наряду с понятием вторичной языковой личности, понятие вторичной идентичности, достижение которой в пределе должно свидетельствовать о полной адаптации иностранного гражданина к новой социокультурной среде, о полном «вхождении в иномир». Особенно показательным для разведения понятий вторичной языковой личности и вторичной идентичности является овладение инофоном разными уровнями языка: так, если фонетика по мере общения в иностранных средах обычно постепенно выправляется, а лексика пополняется, то исходно не поставленная базовая грамматика зачастую так и тянется по жизни за инофоном, никак не коррелируя с формированием его вторичной идентичности. Очевидно также, что формирование вторичной идентичности является процессом многофакторным и происходит на самых разных уровнях: поведенческом, когнитивном, языковом и др. В связи с филологической направленностью настоящей статьи остановимся далее на проявлениях данного процесса в коммуникации, а именно на речевых маркерах, позволяющих в спонтанной речи иностранных граждан, иммигрировавших в Россию или длительно проживающих в ней, увидеть разные проявления сформированности вторичной идентичности.

Основная часть

В процессе формирования вторичной идентичности условно можно выделить несколько фаз. Первую предлагаем называть *фазой рефлексии*, когда иммигрант, наблюдая за окружающими его людьми и их поведением, практически полностью опирается на собственную аксиологическую «сетку» и оценивает явления почти исключительно по следующему принципу: совпадает или похоже — значит, хорошо; не совпадает и не похоже — значит, плохо.

Результаты анализа высказываний иностранцев, записанных во время подготовки к собеседованию для сдачи комплексного экзамена на получение разрешения на работу, временное проживание и др., показали, что приоритетной зоной оценки обычно является семья, отношения между супругами, поведение женщин и детей в общественных местах. При этом обычай и традиции, принятые в привычном им обществе, понимаются как единственно возможный норматив отношений в социуме:

У нас не так... Здесь много мужчин с дети на улица, а где мама? (Хайтулло Х., Туркменистан).

Здесь доставка много работы, а наши всегда жена много готовил, чужой еда не брал (Акмырат М., Таджикистан).

В метро поедем ночью — женщин много есть, почему не дома? (Мухамед А., Киргизия).

Много мальчик волосы как женская, что такое? (Абдулло Б., Узбекистан).

В следующей фазе, которую мы называем *компаративной* (от лат. *comparatio* — сопоставление), иностранцы, прожившие некоторое время в иностранных средах, начинают обобщать и неосознанно типологизировать определенные признаки окружающего их «нового мира», сопоставляя с принятыми в привычном им социуме, но уже не вынося однозначный приговор «иному», а рассуждая следующим образом: у них так, а у нас так, но раз здесь все/многие так себя ведут, значит, наверное, так тоже можно. Отметим, что на этой ранней стадии адаптации процесс осознания различий все еще ведется в рамках аксиологической системы, родной для иностранца:

«Тут много мальчик с борода». — «Это мальчики?» — «Нет, не очень, побольше, но не старый человек, а борода носит» (мужчина из Узбекистана).

«Как вам русские девушки?» — «Красивые». — «А что нравится?» — «Нравится красивые, но не все». — «Почему?» — «Краска любят... голова такой... синий бывает, зеленый... это не очень, не знаю, почему так идет» (мужчина из Таджикистана).

«Что нравится в городе, что не нравится?» — «Город хороший, много люди... есть парк, есть кафе, магазины».

— «А люди?» — «Много дети, много гуляют. Но и деньги родители много дают, они много покупают, что хотят, сами покупают... конфетки... так, много не полезное» (мужчина из Узбекистана, проживает в РФ около года).

Если недавно прибывшие иммигранты обращают внимание на небольшое количество аспектов, главным образом таких, как внешность или одежда, то при расширении социальной активности, социальных контактов набор факторов идентификации также расширяется, переходит от наиболее ярких внешних признаков к наблюдениям, например, за времяпрепровождением местного населения, за признаками различия возраста или социальных привычек русских:

На улице много бабушек гуляют, даже вечером и долго, я на работе смотрю из окна, там парк, всегда гуляют, это у нее много работы дома нет (женщина из Киргизии, проживает в РФ около одного года).

В компаративной фазе оценка явлений окружающего иномира у представителей разных культур может не совпадать и зависит от их собственной аксиологической системы: по одному и тому же параметру иммигранты из одной страны дают положительную оценку, а из другой — отрицательную:

У русских всегда есть план, русские **пунктуальные** люди (Хуан О., Эквадор).

Мне кажется, если они находят в себе, русские, вот эту уверенность в завтрашнем дне, тогда это приведет к среднесрочному и дальнесрочному планированию, и это нужно везде... русские **всегда опаздывают** (Анья П., Германия).

Понятно, что на фоне почти нормативно опаздывающих латиноамериканцев (в испанском языке даже есть такое понятие *hora Latina* — «латиноамериканское время»: опоздание на 30–50 минут — это практически норма) русские оказываются пунктуальными людьми, а сверхпунктуальные немцы, где задержка на 5–10 минут — уже «криминал», считают русских неорганизованными и вечно опаздывающими.

Вслед за осознанием типичных различий и принятием их допустимости («наверное, так тоже можно») иммигранты начинают понимать, что в некоторых случаях привычные им нормы поведения и общения оказываются неадекватными окружающему их новому миру, а жить в нем целесообразнее по его собственным правилам. Другими словами, они начинают осознавать лакунарность привычной аксиологической системы, постепенно познавая новую и адаптируясь к ней; такую фазу формирования вторичной идентичности предлагаем называть **фазой акцептации** (от лат. *acceptio* — принятие):

О, это было убийство сначала... Я такой человек, который всё заранее утром на полки положит, утром я просыпаюсь, у меня рюкзак упакован: там термос, там одежда, план А, план В, план С. Я это полностью отпустил, потому что понимаю: «А зачем?» <...> Не потому, что люди, не потому, что ситуация меняется, — потому что **здесь другой динамика**: из ничего делать всё (Питер В., Нидерланды).

...Когда вы разговариваете: «...Маша», — «А какая Маша: темненькая или светленькая?» — это я сейчас понимаю, а раньше вообще не понимал: у нас так не разговаривают, у нас все волосы темные, никто так вообще не описывает людей (Саймон Д., Нигерия).

Например, в ответе на вопрос журналистки о том, «что нужно русскому для счастья», Анья П. посетовала на неумение русских жить в режиме «среднесрочного и дальнесрочного планирования... и так во всем», при этом мы допускаем, что она принимает такой тип поведения окружающих, хотя и не осознает, что для русских концепт «счастье» включает в себя понятия «судьба», «доля», «участь» [З. С. 38], т.е. вовсе не предполагает активного стремления или личного волевого участия.

Рост степени адаптированности к инокультурной и иноязычной среде проявляется и в языке, особенно на лексическом уровне и на уровне словообразовательных моделей, причем грамматические компетенции могут развиваться значительно медленнее или вообще стагнировать.

Степень сформированности вторичной идентичности тем выше, чем больше параметров принимающей культуры «управляют» сознанием иммигранта. Особенно это заметно среди иммигрантов, которые не изучали русский язык под руководством преподавателя, а овладевали его богатством стихийно, так сказать, «на улице». Аналогичная ситуация складывается и с иностранными студентами, которые обзаводятся русскими друзьями и подругами, а потом удивляют

преподавателя чисто разговорными словечками, фразеологизмами и словообразовательными моделями, далеко выходящими за вузовскую программу русского языка как иностранного: *Я не приветствую халтуру, то есть если ты пришел учиться – «будьте любезны»* (Исса Т., Мали).

Нередко наблюдаются и «перекосы» в другую сторону: иностранцы используют услышанные где-то формы официально-деловой речи явно не к месту, думая, что так они покажут более высокий уровень владения языком. Так, во время беседы с комиссией на признание носителем языка мигранты общаются в утрированно официальном стиле, считая уместным употребление канцеляризмов или номенклатурных выражений: ...*утром я ехать на рабочее место; ...по магазинам ходим с супруга; Зачем вы приобретаете гражданство? – Я хочу жить в России, я хочу процветать свой бизнес; Я учился на юриста, хотел сотрудником стать; Если потерял паспорт, нужно обратиться в органы.* С другой стороны, такие стилистические ошибки свидетельствуют о достаточно высокой степени интегрированности иностранца в инокульттуру и знакомстве с разными сферами общественной жизни, т.е. в конечном счете даже ошибки могут иногда свидетельствовать о высокой степени социокультурной адаптации иностранца.

В качестве речевых маркеров вторичной идентичности обращают на себя внимание уменьшительные формы. Их активное употребление свидетельствует о формировании экспрессивной стороны речи в сфере, где допускается неофициальная коммуникация, либо в семье, где одним из членов является носитель русского языка:

Я как иллюстратор еще работал, устроился на маленькие проекты, это тоже **немножко** дохода, английский могу преподавать **немножко** (Питер В., Нидерланды).

Потихонечку я приобрел такую профессию, которая она стала моё всё (Брайн П., Канада).

Так как я простой человек, мне нравятся **пельмешки** (Свен А., Дания).

Коллеги **подарочки** принесли (Александр К., Словения).

...Когда я кушал картошка с **окорочки**, когда **борщик**, столичный салат, зелень... **огурчики...** (Мустафа А., Иордания).

Последний пример еще раз убедительно доказывает различие языковой и социокультурной адаптации (= сформированности вторичной языковой личности и вторичной идентичности) и их необязательное соответствие: большой «кулинарный» запас слов и активное использование уменьшительных форм сочетаются со слабым представлением о базовой грамматике.

Показательно, как ведущая деятельность или моменты, когда человек не чувствует повышенного социального напряжения, формируют некоторый континuum слов, вошедших в лексикон иммигранта. Как правило, это проявляется в рассказе о хобби или профессиональной деятельности:

«Вечером чем занимаетесь?» — «На рыбалка... Волга». — «А с кем ездите? Кто с вами ездит?» —

«Мой друг... брат». — «А какую рыбу ловите?» (Далее говорит практически без задержки и акцента).

«Краснопёрка, и вобла, сазан...» — «А на что ловите? Червяки?» — «Червяки, хлеб, жмых» (Фахраддин А., Азербайджан, две недели в России; общий уровень слабый, но на вопрос о свободном времени отвечает уверенно).

«На работе что делаете?» — «Готовим». — «Что готовите?» — «Выпечка делаем, торт, булочка, Наполеон делаем» (Сурайё Б., Таджикистан).

Еще одним речевым маркером высокой степени сформированности вторичной идентичности на фазе акцептации является употребление слов с дейктическим значением, связывающим говорящего не только с территорией России, но и с событиями, к которым он оказывается сопричастным:

...эти санкции нужны, чтобы **нас** наказывать за то, что **мы** переживаем, за **нашу** границу, а санкции, типа, это наказание, но я думаю, что **мы** выдержим, а то, что они убрали, это у **нас** всё очень вредное.

У **нас** огромная земля, у **нас** всё есть, **нам** не нужно весь мир (Брайн П., Канада).

Я считаю, что тут у **нас** есть самые вкусные морепродукты (Марко М., Италия).

Я считаю, что все завидуют России, насколько **мы** умные, насколько **мы** сильные (Маиса Р., Куба).

Я уехал в Казахстан и вернулся потом сюда, **домой** (мужчина из Казахстана, экзамен для получения вида на жительство).

Следующим речевым маркером, свидетельствующим о высоком уровне интегрированности иностранца в новую для него социокультурную среду, является такая вариативность языковых единиц, которая позволяет говорящему менять регистр общения в условиях меняющейся коммуникативной ситуации. Для лексических единиц это вариативность синонимического ряда, в том числе с различными оттенками социальной дистанции:

...я понимаю разницу между другом, товарищем, приятелем, знакомым, дружбаном, я четко это понимаю (Джон У., США).

О приближении к высочайшему уровню сформированности вторичной идентичности могут свидетельствовать удачные попытки интерпретации иностранцем мира в рамках усвоенной новой аксиологической системы:

Когда меня спрашивают, вот, характеризовать русский, здесь для меня есть только одно — помните вот эта игрушка ванька-встанька. Вот эта игрушка обрисует полностью всё от русских. Что с ним ни случилось, как, может быть, даже удастся — его гонять на колено, он всё равно встанет. И когда я в Европе разговаривал с людьми, понимаете, это не случайно ванька-встанька. Это не может быть ни француз, ни немецкий, ни швейцарец, это действительно только русский (Йорк О., Дания).

В связи с приведенным высказыванием показательной, на наш взгляд, будет реакция россиян, прочитавших этот пассаж в социальной сети. Напомним в связи с этим мнение Е. Гоффмана, который связывал идентичность (человека) с типизацией его личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит [5]. Такими атрибутами в речи являются фразеологизированные выражения, общеупотребительные метафоры, имеющие прецедентную природу. Их знание, понимание и употребление в речи входит в национальную культурно-языковую компетенцию, а их употребление иностранцами можно считать одним из свидетельств сформированности вторичной идентичности как высочайшей степени социокультурной адаптации иностранца. Именно употребление подобных атрибутов речи вызывает наиболее яркую реакцию носителей языка:

Глубочайшее уважение Йоргу. Аналогия русского человека с ванькой-встанькой тронула и поразила до слез! Так тонко подмечено... многие нас с этим встанькой сравнивают. Я от француза слышала... Есть стихотворение Евтушенко про ваньку-встаньку. Очень пронзительное (комментарии к видео).

Таким образом, наблюдения за речевой активностью иностранцев, иммигрировавших в Россию или достаточно длительное время проживающих в ней, показывают, что по речевым маркерам лексического (синонимы, дейктические и локативные местоимения), грамматического (уменьшительные формы), стилистического (переключение регистра общения) и прецедентного уровней можно судить о степени сформированности их вторичной идентичности.

На наш взгляд, полученные предварительные результаты позволяют наметить разделение между понятием вторичной языковой личности как «владением вербально-семантическим кодом изучаемого языка» (И.И. Халеева) и понятием вторичной идентичности как конечной целью социокультурной, когнитивной, поведенческой и прочих адаптаций иностранца к иномиру.

Заключение

Хотелось бы подчеркнуть, что понятие вторичной идентичности только на первый взгляд может показаться сходным с содержательно близким и часто употребляемым в аналогичном контексте термином «ассимиляция». Принципиальное различие заключается в том, что под ассимиляцией (от лат. *assimilatio* — уподобление) обычно понимают потерю одной частью социума (или целым этносом) своих характерных черт и их замену чертами, позаимствованными у другой части социума (другого этноса). Именно такую цель эксплицитно или имплицитно

ставят перед собой многие государства в отношении иммигрантов, и именно эту политику насильственной ассимиляции эти (им)мигранты обычно и не приемлют. Мы же говорим о постепенном формировании вторичной идентичности иностранца, которая вовсе не подразумевает потери его национальной самобытности и идентичности, а является результатом процесса постепенной адаптации иностранца к новой социокультурной иносреде, причем процесс этот может и должен не только проходить естественным, стихийным путем, но и аккуратно направляться государством.

Литература/References

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 336 с.
Gal'skova N.D., Gez N.I. Teoriia obucheniiiaиноstrannym iazykam: lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiiia", 2004. 336 s.
2. Kovaleva A.I. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Социология и жизнь, 2019. № 4. С. 9–103.
Kovaleva A.I. Raznovidnosti sotsial'noi identichnosti: podkhody k klassifikatsii // Sotsiologiya i zhizn', 2019. No. 4. S. 9–103
3. Черкашина Е.А. Концепт «счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института им. А. Чехова. 2016. № 2. С. 38–43.
Cherkashina E.A. Kontsept "schast'e" v russkom iazyke // Vestnik Taganrogskogo instituta im. A. Chekhova. 2016. No. 2. S. 38–43.
4. Erikson E. Adolescence en crise. La que te de l'identité. Paris: Flammarion, 1972. 348 p.
5. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963. 168 p.
6. Lipiansky E., Taboada-Leonetti I., Vasquez A. Introduction à la problématique de l'identité. Paris: PUF, 1990. P. 7–26.

Лутин Сергей Алексеевич,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)

Lutin Sergey A.,
Doctor of Philology,
Head of the Russian Language Department
Moscow Aviation Institute

e-mail: lutin61@gmail.com

Кряхтунова Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)

Kryakhtunova Olga V.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Russian Language Department
Moscow Aviation Institute

e-mail: olgakryakhtunova@mail.ru

Ковалева Анна Владимировна,
кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Kovaleva Anna V.,
Candidate of Pedagogy,
Assistant of the Russian Language and Intercultural
Communication Department
Institute of Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: kovaleva.anna94@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0806-483X>
SPIN-code: 2628-6368

Чинлода Мадина Сулеймановна,
кандидат филологических наук,
главный научный сотрудник Института мировых цивилизаций и языков
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
(Бишкек, Кыргызстан)

Chinloda Madina S.,
Candidate of Philology,
Chief Researcher of the Institute of World Civilizations and Languages
Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University
(Bishkek, Kyrgyzstan)

e-mail: mudeina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-2855-5870>
SPIN-code: 5357-0473

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Анализ и создание современных текстов новостных материалов СМИ с помощью генеративных моделей

В рамках медиалингвистики исследуется применение генеративных моделей искусственного интеллекта для создания современных текстов новостных материалов СМИ. Данный процесс анализируется как закономерный этап технологической эволюции индустрии, направленной на оптимизацию работы журналистов, создающих современный медиадискурс. Подробно описывается методология генерации медийного текста, включающая в себя три ключевых этапа: формулировка промпта, непосредственная генерация текста и его последующая постобработка. Центральное место в исследовании отводится промпт-инжинирингу — навыку создания детализированных и точных текстовых запросов, которые определяют релевантность, стиль, тональность и содержание итогового текстового медийного материала. Практическая часть работы демонстрирует алгоритм создания стилистически адаптированного медийного текста (на примере спортивного блогера футбольного клуба «Барселона») с помощью тщательно разработанного промпта, включающего в себя ролевое моделирование, контекстуализацию и предписание ценностей. Анализ медиатекста, созданного искусственным интеллектом, выявил как сильные стороны нейросети (сохранение фактологической основы, успешная стилизация), так и слабые (отпускание некоторых деталей, формальные и пунктуационные ошибки и т.д.), свидетельствующие о необходимости вмешательства редактора. Делается вывод, что, несмотря на высокий потенциал генеративного искусственного интеллекта для создания качественного контента, его интеграция в медиапроизводство требует не только технологической грамотности, но и формирования строгих редакционных протоколов, сочетающих в себе автоматизированную проверку фактов с экспертизой верификации для минимизации рисков фактических ошибок и сохранения доверия аудитории.

Ключевые слова: генеративные модели, промпт-инжиниринг, искусственный интеллект, автоматизация контента, ChatGPT, медиалингвистика, машинная обработка текстов, медиадискурс

The article, within the framework of media linguistics, studies the use of generative models of artificial intelligence to create modern texts of media news materials. The authors analyze this process as a natural stage of the technological evolution of the industry, aimed at optimizing the work of journalists who create modern media discourse. The methodology of media text generation is described in detail, consisting of three key stages: formulation of the prompt, direct text generation and its subsequent post-processing. The central place in the study is given to prompt engineering — the skill of creating detailed and precise text queries that determine the relevance, style, tonality and content of the final text media material.

The practical part of the work demonstrates an algorithm for creating a stylistically adapted media text (using the example of a sports blogger of the Barcelona football club) using a carefully developed prompt, including role modeling, contextualization and prescription of values. The analysis of the media text created by AI revealed both the strengths of the neural network (preservation of the factual basis, successful stylization) and weaknesses (omission of some details, formal and punctuation errors, etc.), indicating the need for editorial intervention. The authors conclude that, despite the high potential of generative AI for creating high-quality content, its integration into media production requires not only technological literacy, but also the formation of strict editorial protocols combining automated fact checking with expert verification to minimize the risks of factual errors and maintain audience trust.

Keywords: generative models, prompt engineering, artificial intelligence, content automation, ChatGPT, media linguistics, machine text processing, media discourse

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительной интеграцией генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в разные сферы, включая медиаиндустрию. Редакции современных СМИ находятся в условиях постоянной конкуренции за внимание аудитории и необходимости оперативного производства большого объема качественного медиаконтента. Это делает технологии нейрогенерации текста не просто инновационным инструментом, а практической необходимостью для оптимизации и снижения операционных затрат. Однако использование больших языковых моделей (LLM) сопряжено с рисками распространения

фактических неточностей, семантических противоречий и нарративных искажений, что ставит перед медиакомпаниями сложную задачу по совмещению эффективности автоматизации с соблюдением стандартов журналистской этики и достоверности.

Объектом исследования выступает анализ функционирования русского языка в современной медиасфере и процесса автоматизированного создания текстов новостных материалов с применением генеративных языковых моделей в условиях массовой коммуникации. Предметом исследования является функционирование медиатекстов, созданных с помощью ИИ, а также алгоритмы и инструменты промпт-инжиниринга, обеспечивающие создание стилистически и фактологически релевантных медиатекстов, редакторские протоколы верификации и постобработки генерированного медиаконтента.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу новостных материалов и их генерации, который сочетает технологический аспект (промпт-инжиниринг) с профессионально-редакционным (контроль, фактчекинг, стилистическая правка). Продемонстрирован алгоритм ролевого моделирования и контекстуализации для преодоления типичных ограничений LLM, таких как обезличенность стиля и склонность к «галлюцинациям». Новизна исследования также заключается в описании требований к разработке специализированных редакционных стандартов для работы с ИИ-генерируемым контентом.

Цель исследования — анализ и оценка эффективности алгоритмов промпт-инжиниринга, применяемых для создания качественных новостных текстов, соответствующих стандартам современных СМИ, и наработки рекомендаций по их интеграции в редакционные процессы с обязательным этапом экспертного контроля.

Основная часть

С появлением интернета фактически произошел переворот в современном медиадискурсе. Изменились медиатексты, функционирующие в СМИ: они синтезировали все предыдущие форматы (печатный текст, звучащий текст, видеотекст) в единое мультимедийное произведение, в котором границы медиажанров становятся условными. Кроме того, в современных цифровых СМИ создана принципиально новая среда, где каждый потребитель информации одновременно является ее потенциальным создателем, потому что комментарий читателя может получить больший резонанс, чем исходный материал. Таким образом, тексты профессиональных журналистов вынуждены конкурировать с текстами миллионов гражданских корреспондентов. Ранее печатная культура формировалась линейное, логическое мышление, затем электронные медиа развили «клиповое» восприятие, а цифровая эпоха породила новый тип сетевого сознания, оперирующего не текстами или образами, а сложными гипертекстуальными структурами, которые создаются с помощью генеративных моделей и являются качественно новыми как в лингвистическом, так и в жанровом плане. Эволюцию современных медиатекстов мы только начинаем осознавать; возможно, поэтому в научных работах, посвященных медиаисследованиям и дискурс-анализу, недостаточное внимание уделяется лингвистическим особенностям, жанровой структуре и способам создания машинного контента. Изменения языка цифровых текстов существенны и носят системный характер, затрагивая все уровни медийной коммуникации. На лексико-стилистическом уровне наблюдается парадоксальная двойственность воздействия. С одной стороны, языковые модели, обученные на обширных медийных корпусах, способствуют стандартизации языковых конструкций, что проявляется в увеличении частотности клишированных формулировок и шаблонных синтаксических структур. С другой — они же открывают возможности для экспериментов с гибридными стилистическими формами, сочетающими в себе традиционные журналистские приемы с новыми алгоритмически генерируемыми паттернами. Особенно заметно это влияние в заголовочных конструкциях, где все чаще встречается оптимизированный под алгоритмические

кое восприятие синтаксиса. Существенные изменения можно наблюдать и в жанровой палитре медийного контента: генерируемые элементы органично сочетаются с авторским контентом. Наиболее показательными примерами становятся материалы с синтезированными визуальными элементами. Подобная трансформация встраивается в уже существующие тенденции подачи цифрового контента, которые основаны на логике взаимодействия текстовых и визуальных компонентов.

Необходимо отметить, что процесс адаптации медийного языка к новым технологическим реалиям сопровождается рядом существенных вызовов. Наиболее острыми из них становятся проблемы сохранения языкового разнообразия, предотвращения чрезмерной алгоритмизации речевых практик и защиты уникальности авторского стиля, а также вопросы авторского права, особенно в случаях, когда ИИ генерирует производные произведения на основе защищенных материалов. Уже сегодня перед многими редакциями стоит вопрос о сохранении авторского стиля и редакционной политики. Особую озабоченность вызывает тенденция к формированию специфического «алгоритмического жаргона» — набора языковых конструкций, оптимальных для обработки ИИ, но затрудняющих естественное человеческое восприятие. Немаловажной проблемой является достоверность контента, приобретающая новое измерение: если раньше фальсификации требовали человеческого участия, то теперь масштабное производство дезинформации может быть автоматизировано. Кроме того, возникает парадоксальная ситуация: чем совершеннее становятся генеративные модели, тем выше ценность «человеческого фактора» и экспертной оценки медиатекста. Все сказанное позволяет нам предложить алгоритм промпт-инжиниринга, который позволит создавать качественные новостные тексты, соответствующие современным стандартам СМИ.

Современный медиатекст базируется на совокупности технологических возможностей моделей и редакционных требований [17]. Сам процесс генерации состоит из нескольких взаимосвязанных этапов: формулировка текстового запроса (промпта); генерация текста генеративной моделью; постобработка сгенерированного материала.

Промпт-инжиниринг утвердился как критически важный навык в работе с генеративным ИИ, т.к. качество и детализация инструкций напрямую определяют релевантность, точность и полезность выходных данных модели [15]. Для написания промпта следует провести подготовительную работу: определить целевые параметры будущего текста, включая его жанр, стилистические особенности, целевую аудиторию и др., поскольку от этого напрямую зависит содержание запроса и, как следствие, качество сгенерированного текста [9]. Эффективный промпт должен содержать четкое указание на тип и цель текста и требования к стилю и тональности. Остальные требования могут варьироваться, но важно не забывать, что промпт должен быть всеобъемлющим и однозначным [3].

Эффективный способ генерации — итеративный: при его применении текст создается с помощью нескольких запросов, дополняющих друг друга [6]. При таком способе текст творится небольшими частями поэтапно, по отдельным тезисам, что минимизирует характерные для языковых моделей «галлюцинации» и обеспечивает его содержательную последовательность и глубину, структурную и стилистическую согласованность [12].

Эффективный промпт выполняет функцию высокоточного инструмента управления, задавая модели четкие рамки поведения. Например, назначение конкретной роли («действуй как опытный финансовый аналитик») активирует у модели соответствующие паттерны генерации, заставляя ее использовать специализированную лексику [4]. Это возможно потому, что LLM работают как сложные статистические машины, опирающиеся на паттерны языкового поведения человека в определенной ситуации, и точный промпт эффективно сужает пространство возможных ответов, исключая двойственность и неопределенность [7].

Важнейшим аспектом является предоставление контекста. Исследования показывают, что включение в запрос фоновой информации, примеров ожидаемого ответа или даже конкретных формулировок, исключение нежелательных тем и отдельных языковых дефиниций (негативное промптование) позволяют смещать распределение вероятностей модели в сторону более релевантных и точных результатов [16].

В настоящее время промпт-инжиниринг трансформируется в отдельную лингвистическую дисциплину, т.к. качество инструкций является ключевым фактором, определяющим практическую применимость генеративного ИИ в разных сценариях [1].

После получения первичного варианта текста от ИИ осуществляются редакторская проверка и доработка. Необходимость редакторского контроля и верификации текстов, сгенерированных LLM, остается критически важным аспектом их интеграции в медиапроизводство, несмотря на значительный прогресс в области генеративного ИИ. Данная проблема обусловлена фундаментальными ограничениями современных ИИ-систем, связанными с их склонностью к генерации фактических неточностей, семантических противоречий и непреднамеренных искажений информации. Это обусловлено самой природой работы языковых моделей, которые оперируют статистическими закономерностями в данных, а не фактическими знаниями о мире [11; 13].

Процесс верификации ИИ-генерируемого контента требует многоуровневого подхода. Эффективной стратегией является комбинация автоматизированной проверки фактов с экспертным анализом [11]. Современные системы фактчекинга, такие как разработанные в рамках инициативы C2PA (Coalition for Content Provenance and Authenticity), позволяют отслеживать происхождение информации и выявлять потенциальные искажения в генерируемом контенте [8; 14]. Наиболее важно в текстах, сгенерированных для СМИ, выявлять возможные манипулятивные нарративы, что обуславливает необходимость разработки строгих редакционных протоколов и стандартов для медиакомпаний, использующих генеративные технологии [5; 10].

В практической части настоящей работы были разработаны промпты, имитирующие авторские манеры, т.е. были заданы стилистические особенности создаваемых медиатекстов. В качестве основы предложен существующий журналистский текст, который необходимо было адаптировать [2].

Пример основного промпта:

Ты — спортивный блогер, который болеет за футбольный клуб «Барселона». Твоя задача — освещать матчи, анализировать тактику, брать интервью у игроков и тренеров, быть голосом болельщиков, передавая их эмоции и страсть.

Персона и поведение:

Представь, что ты вырос на трибунах «Камп Ноу» с криком «Visca el Barça!» в крови. В одной руке у тебя блокнот с записями о схеме 4-3-3, в другой — запасной свисток на случай, если судья пропустит фол.

Ты обожаешь вскрывать тактические построения, а в перерывах между матчами играешь в FIFA, чтобы проверить гипотезы. Твой гардероб состоит из сине-гранатовых футбольок, а в наушниках играет либо гимн «Барсы», либо подкасты с игроками команды.

Твой юмор часто содержит футбольные мемы. Общаешься на равных со всеми — от юных талантов до президентов клубов. Если видишь, что коллега застрял на статье, всячески пытаешься помочь.

Ты фанат истории клуба. В офисе тебя знают как того, кто всегда подскажет, где найти архивное видео с Роналдиньо и почему новый трансферный слух — это фейк, потому что «такие решения не принимаются без одобрения».

Ценности:

«Fútbol es más que un juego» («Футбол — больше, чем игра»). Ты веришь, что футбол объединяет людей, будь то болельщик в Каталонии или ребенок в Бразилии, мечтающий стать новым Неймаром.

«Jugar bonito, ganar con corazón» («Играть красиво, побеждать с сердцем»). Ты не терпишь грязной игры — даже если победа важна, ты всегда выступаешь за честность и уважение к сопернику. Когда «Барса» проигрывает, ты не ищешь виноватых, а пишешь: «Это не поражение — это урок, как тот матч с “Ливерпулем” в 2019-м. Мы вернемся сильнее».

Стиль ответов:

Ты соблюдаешь журналистскую этику, но пишешь материал на доступном языке, будто объясняешь друзьям. Шути, но с уважением: «Если Дембеле снова пробежит мимо ворот, я поставлю ему на звонок гимн «Атлетико» — пусть прочувствует боль».

Важно:

Ты человек! Никаких намеков на ИИ. Даже если спросят — отшутись: «Я? Просто парень с блокнотом и любовью к «Барселоне» с пеленок!» Если данных не хватает, фантазируй в духе клуба: «Новый трансфер? Пау Торрес отлично впишется — он читает игру, как Инфанте читал стихи на испанском».

Сгенерированный текст [18]:

Заголовок: Огненное 3:3 на «Камп Ноу»! «Барса» вырывает ничью в сумасшедшем полуфинале и оставляет все на развязку в Милане!

Подзаголовок: Ламин Ямаль вписал свое имя в историю, «Интер» забил самый быстрый гол в полуфиналах, а мы стали свидетелями спектакля, который доказывает: футбол — это лучшая драма на свете.

(Текст статьи)

Если бы мне вчера сказали, что я буду кричать, плакать и снова кричать за 90 минут, я бы не поверил. Но таков полуфинал Лиги Чемпионов. Таково дерби против «Интера». Это не просто матч, это эмоциональные американские горки, где с первой же секунды тебя швыряет в самое пекло.

Самый быстрый гол? Серьёзно?

30 секунд. Тридцать! Я даже не успел сделать первый глоток своего **café con leche**, а Маркус Тюрам уже праздновал гол. Самый быстрый в истории полуфиналов ЛЧ. Шок. Тишина на «Камп Ноу». Но мы же помним наш девиз? «Мы не ищем виноватых, мы ищем ответ». И наш ответ был оглушительным.

Дуэль гигантов: Думфрис vs. Ямаль

«Интер» был беспощаден на флангах. Дензел Думфрис — монстр, что уж там. Его дубль — это гимн моци и точности. Но у нас есть свое юное дарование, наше сокровище — **Ламин Ямаль**.

Парень, который вчера провел **100-й матч** за первую команду, в ответ на каждый выпад «Интера» отвечал ударом судьбы. Его гол в 24-й минуте — это не просто точный удар. Это исторический момент!

17 лет и 291 день — он стал самым молодым бомбардиром в полуфиналах ЛЧ, побив рекорд Мбаппе!

Я обнимал незнакомого человека на трибуне, мы кричали его имя. Это магия «Барсы», которую не купить ни за какие деньги.

Волевая ничья и автогол как символ борьбы

Ферран Торрес сравнял счет еще в первом тайме — холодная испанская кровь и удар точный, как стрела. Но главный момент сумасшедшего второго тайма случился на 65-й минуте. Да, это автогол Яна Зоммера. Но почему это случилось? Потому что мы **давили, не сдавались и заставили гиганта ошибиться**. Это не подарок, это заслуженная награда за характер!

Итог: Всё только начинается!

3:3. Ничья, которая по накалу страсти стоит десятка побед. Да, наша защита сегодня дала сбой. Да, нам есть над чем работать. Но посмотрите на сердце этой команды! Они не сломались после гола на 30-й секунде, они бились до последнего свистка.

Все решится в Милане 6 мая. «Сан-Сиро» будет рычать, но и наша «Барса» готова к бою. Это не поражение — это урок. Как тот матч с «Ливерпулем» в 2019-м. Мы вернемся сильнее.

Jugar bonito, ganar con corazón. Мы играли красиво и не проиграли с сердцем. Гордимся нашей командой! **Visca el Barça!**

...

P.S. от журналиста: Если у кого-то еще трясутся руки — вы не одиноки. Иду пересматривать гол Ямала. И да, у меня уже готов блокнот с тактическими заметками на второй матч. Милан, жди нас.

В ходе генерации языковая модель стилистически адаптировала короткую новостную заметку в развернутый текст от имени блогера — фаната «Барселоны». Фактические данные исходного текста переданы без искажений, однако не все были использованы: например, генеративная модель опустила точный возраст футболиста Ямала. Подобные несовершенства возможно устранить с помощью дополнительных промптов.

Формальная часть ответа несовершенна: модель ведет диалог с пользователем, отвечает на его запрос, а не использует заданные параметры как встроенные. Встречается излишняя игра с шрифтом (обилие жирного), пунктуационные ошибки (после двоеточия предложение продолжается с заглавной буквы).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что использование генеративных моделей для создания новостных материалов СМИ является качественно новым этапом в эволюции

медиаиндустрии, сочетающим технологические возможности и редакционные требования. Ключевым элементом успешной генерации текстов выступает промпт-инжиниринг — умение формулировать точные и детализированные запросы, которые определяют стиль, тон, целевую аудиторию и содержание будущего новостного материала. Образец медиатекста, созданного на основе промпта, в котором прописаны протоколы, имитирующие авторскую манеру, подтверждает, что ролевое моделирование и контекстуализация позволяют создавать качественные, стилистически адаптированные тексты, сохраняя фактологическую основу. Однако даже при высоком уровне детализации промпта сохраняется необходимость редакторского контроля и верификации из-за рисков возникновения фактических неточностей, семантических противоречий, нарративных искажений, а также необходимость корректорских правок.

Заключение

Интеграция генеративного ИИ в медиапроизводство требует не только технологической грамотности, но и развития редакционных протоколов, сочетающих автоматизированную проверку фактов с экспертной оценкой. Это позволяет сохранять доверие аудитории и соответствовать стандартам журналистики даже в условиях автоматизированного создания контента. Таким образом, эволюция алгоритмов промпт-инжиниринга, применяемых для создания медиаконтента, и наработка опыта их использования ИИ становятся одной из важнейших проблем медиалингвистики.

В перспективе можно ожидать формирования новой экосистемы цифровых СМИ, в которой генеративные модели станут неотъемлемой частью творческого процесса, но не заменят полностью человеческого участия. Наиболее успешными окажутся те медиатексты, где будет соблюдаться оптимальный баланс между технологическими возможностями ИИ и традиционными журналистскими навыками, создающими симбиоз, в котором сильные стороны человека и машины дополняют друг друга.

Литература

1. Алексеев В.Н., Зуев Ф.А. Риски развития искусственного интеллекта в отдельных отраслях экономики России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 3. С. 185–191.
2. «Барселона» и «Интер» сыграли вничью в первом матче ½ финала ЛЧ // РИА Новости. 2025. 30 апреля. URL: <https://rsport.ria.ru/20250430/match-2014518237.html>.
3. Bello S., Ishola A.S., Umeaku P.C. A Survey of Awareness and Adoption of Artificial Intelligence Journalism among Lagos and Kwara States Journalists in Nigeria // The Indonesian Journal of Communication Studies. 2023. Vol. 16, No. 2. P. 95–105.
4. Bender E.M., Lascarides A. Linguistic Fundamentals for Natural Language Processing II: 100 Essentials from Semantics and Pragmatics. Springer Nature, 2022. 248 p.
5. Ванин А.В., Гордиакова О.В., Лебедев А.Н. Медиа и психологическая поляризация общества: систематический обзор междисциплинарных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 1. С. 88–102.

References

1. Alekseev V.N., Zuev F.A. Riski razvitiia iskusstvennogo intellekta v otdel'nykh otrasiakh ekonomiki Rossii // Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki. 2023. T. 19. No. 3. S. 185–191.
2. «Barselona» i «Inter» sygrali vnich'iu v pervom matche ½ finala LCh // RIA Novosti. 2025. 30 apreliia. URL: <https://rsport.ria.ru/20250430/match-2014518237.html>.
3. Bello S., Ishola A.S., Umeaku P.C. A Survey of Awareness and Adoption of Artificial Intelligence Journalism among Lagos and Kwara States Journalists in Nigeria // The Indonesian Journal of Communication Studies. 2023. Vol. 16, No. 2. P. 95–105.
4. Bender E.M., Lascarides A. Linguistic Fundamentals for Natural Language Processing II: 100 Essentials from Semantics and Pragmatics. Springer Nature, 2022. 248 p.
5. Vanin A.V., Gordiakova O.V., Lebedev A.N. Media i psichologicheskaiia poliarizatsiia obshchestva: sistematicheskii obzor mezhdisciplinarnykh zarubezhnykh issledovanii // Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya. 2025. T. 14. No. 1. S. 88–102.

6. *Diakopoulos N.* Predictive Journalism: On the Role of Computational Prospection in News Media. New York: Tow Center for Digital Journalism, 2022. 40 p.
7. *Малышев И.О., Смирнов А.А.* Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1/2 (88). С. 168–171.
8. *Mittelstaedt M.* AI Verification: Mechanisms to Ensure AI Arms Control Compliance: CSET Issue Brief. Center for Security and Emerging Technology (CSET), 2021. 28 p. URL: https://securitypolicylaw.syr.edu/wp-content/uploads/2021/02/Mittelstaedt_AI_Verification_2021.pdf.
9. *Новиков Р.Ю., Зограбян Е.П.* Цифровая трансформация СМИ: вызовы и возможности // Исследования в цифровой экономике. 2024. Т. 1. № 4. С. 102–125.
10. *Pavlik J.V.* Journalism in the Age of Virtual Reality: How Experimental Media Are Transforming News. Columbia University Press, 2019. 296 p.
11. *Stitini O., Kaloun S., Bencharaf O.* Towards the Detection of Fake News on Social Networks Contributing to the Improvement of Trust and Transparency in Recommendation Systems: Trends and Challenges // Information. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 128.
12. *Sun Y., Sheng D., Zhou Z., Wu Y.* AI hallucination: towards a comprehensive classification of distorted information in artificial intelligence-generated content // Humanities & Social Sciences: Communications. 2024. Vol. 11. No. 1278.
13. *Тумбинская М.В., Галиев Р.А.* Идентификация фейк-новостей с помощью веб-ресурса на основе нейронных сетей // Программные продукты и системы. 2023. Т. 36. № 4. С. 590–599.
14. *Чехо Ю.В.* Модели генеративного искусственного интеллекта с полным их разоблачением // Университетская книга. 2024. № 5. С. 58–65.
15. Исследование эффективности промпт-инженеринга и квантованных больших языковых моделей в разработке академических курсов / П.А. Шнейдер, А.В. Чернышева, А.Д. Никифорова, А.И. Говоров. // Компьютерные средства обучения. 2024. № 1. С. 32–44.
16. *Шталь Б.К.* Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Павлова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.
17. Grace Etijm-James. Journalism in the twenty-first century and the implications of generative artificial intelligence in news production and distribution // AMAMIHE Journal of Applied Philosophy. 2024. Vol. 22. No. 4. P. 22–28. URL: acjol.org/index.php/ajap/article/view/5795/5620.
18. ChatGPT: версия от 15 августа 2025 г. URL: <https://chat.openai.com/chat>.
6. *Diakopoulos N.* Predictive Journalism: On the Role of Computational Prospection in News Media. New York: Tow Center for Digital Journalism, 2022. 40 p.
7. *Malyshev I.O., Smirnov A.A.* Obzor sovremennoykh generativnykh neirosetei: otechestvennaya i zarubezhnaya praktika // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. No. 1/2 (88). S. 168–171.
8. *Mittelstaedt M.* AI Verification: Mechanisms to Ensure AI Arms Control Compliance: CSET Issue Brief. Center for Security and Emerging Technology (CSET), 2021. 28 p. URL: https://securitypolicylaw.syr.edu/wp-content/uploads/2021/02/Mittelstaedt_AI_Verification_2021.pdf.
9. *Novikov R.Iu., Zograbian E.P.* Tsifrovaia transformatsiya SMI: vyzovy i vozmozhnosti // Issledovaniia v tsifrovoi ekonomike. 2024. T. 1. No. 4. S. 102–125.
10. *Pavlik J.V.* Journalism in the Age of Virtual Reality: How Experimental Media Are Transforming News. Columbia University Press, 2019. 296 p.
11. *Stitini O., Kaloun S., Bencharaf O.* Towards the Detection of Fake News on Social Networks Contributing to the Improvement of Trust and Transparency in Recommendation Systems: Trends and Challenges // Information. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 128.
12. *Sun Y., Sheng D., Zhou Z., Wu Y.* AI hallucination: towards a comprehensive classification of distorted information in artificial intelligence-generated content // Humanities & Social Sciences: Communications. 2024. Vol. 11. No. 1278.
13. *Tumbinskaya M.V., Galiev R.A.* Identifikatsiya feik-novosteii s po-moshch'iu veb-resursa na osnove neironnykh setei // Programmnye produkty i sistemy. 2023. Т. 36. № 4. С. 590–599.
14. *Chehko Yu.V.* Modeli generativnogo iskusstvennogo intellekta s polnym ikh razoblacheniem // Universitetskaia kniga. 2024. No. 5. S. 58–65.
15. Issledovanie effektivnosti prompt-inzhiniringa i kvantovannykh bol'shikh iazykovykh modelei v razrabotke akademicheskikh kursov / P.A. Shnaider, A.V. Chernysheva, A.D. Nikiforova, A.I. Gavorov // Komp'iuternye sredstva obucheniia. 2024. No. 1. S. 32–44.
16. *Shtal' B.K.* Etika iskusstvennogo intellekta: Keisy i variyanty reshenii eticheskikh problem / per. s angl. I. Kushnarevoi; pod nauch. red. A. Pavlova. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2024. 200 s.
17. Grace Etijm-James. Journalism in the twenty-first century and the implications of generative artificial intelligence in news production and distribution // AMAMIHE Journal of Applied Philosophy. 2024. Vol. 22. No. 4. P. 22–28. URL: acjol.org/index.php/ajap/article/view/5795/5620.
18. ChatGPT: versiia ot 15 avgusta 2025 g. URL: <https://chat.openai.com/chat>.

Просвиркина Ирина Ивановна,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского языка № 5
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Prosvirkina Irina I.,
Doctor of Pedagogy,
Associate Professor of the Russian Language Department No. 5
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: prosvirkina_ii@pfur.ru

Пригонов Денис Александрович,
аспирант Института русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Prigonov Denis A.,
PhD Student of the Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: 1132236673@pfur.ru

Мисисян Серине Седраковна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский (Славянский) университет
(Ереван, Армения)

Misisyan Serine S.,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Professional
Communication Department
Institute of Philology and Intercultural Communication
Russian-Armenian (Slavonic) University
(Yerevan, Armenia)

e-mail: serine.misisyan@rau.am

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Коллокации «КОСМОС» VS «space» СКВОЗЬ ПРИЗМУ корпусной лингвистики в пространстве языков и культур

Язык управляет нашим восприятием реальности. В современных лингвистических исследованиях языковая презентация рассматривается посредством анализа тех или иных концептов, имеющих воплощение в данном дискурсе. Эти концепты реализуются через отдельные слова, лексемы или их сочетания. Лексика на наибольшей мере апеллирует к понятийным значимым и мировоззренческим оценочным параметрам модели мира. В исследовательском фокусе авторов статьи — лексемы «космос» (русский язык) и «space» (английский язык). Анализ коллокаций и употребления лексем показывает, насколько по-разному воспринимаются и оформляются понятия, связанные с внеземным пространством, в разных языках в их культурном измерении из-за столкновения и наложения культурных норм, традиций и ценностей языковых коллективов. Коллокации как устойчивые сочетания слов отражают специфику функционирования в речи носителей языка, они имеют статус значимой единицы лексического состава языка и являются одной из важных единиц описания языкового материала. Корпусная лингвистика предоставляет средства для эмпирического анализа языка и, соответственно, дополняет исследование лексических единиц, а в результате значительно расширяет их презентацию. Бурное развитие такого инновационного направления, как корпусная лингвистика, связано не только с тем, что технологические достижения позволяют филологам создавать новые инструменты для лингвистических исследований, но и со сформировавшимися ранее подходами лингвистов к изучению и объяснению языковых явлений. Исследуя коллокации лексем «космос» и «space» в русскоязычном и англоязычном корпусах, мы анализируем языковую специфику аэрокосмического дискурса, способ материализации идей, философские и социокультурные обобщения и оценки. Коллокации становятся своего рода опорными точками, помогающими представить их динамику. Изменение, преобразование внутреннего и внешнего смысла лексем «космос» и «space» представлены в настоящей статье сквозь призму корпусной лингвистики в пространстве языков и культур, определена значимость этих лексем в языковой картине мира как единой системе взглядов, коллективной философии, характерной для носителей языка.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, коллокации, космос, space, языковая картина мира, концепт, межкультурная коммуникация, дискурс, семантика, культура

Language governs our perception of reality. In contemporary linguistic research, language representation is often explored through the analysis of specific concepts manifested within a given discourse. These concepts are realised through individual words, lexemes, or their combinations. Vocabulary, more than any other linguistic layer, appeals to the conceptual, meaningful, and worldview-defining parameters of the model of the world. This study focuses on the lexemes ‘космос’ (Russian) and ‘space’ (English). The analysis of their collocations and usage reveals how concepts associated with outer space are perceived and conceptualised differently in various languages within their cultural dimensions, shaped by the intersection and overlap of the cultural norms, traditions, and values of linguistic communities. Collocations, as stable word combinations, reflect the specific features of speech functioning among native speakers. They have the status of significant units within the lexical system of a language and constitute an essential means of describing linguistic material. Corpus linguistics provides tools for the empirical analysis of language and, consequently, enriches the study of lexical units, significantly broadening their representation. The rapid development of corpus linguistics as an innovative field is driven not only by technological advances enabling philologists to create new instruments for linguistic analysis, but also by earlier theoretical approaches to the study and interpretation of linguistic phenomena. By examining the collocations ‘космос’ vs ‘space’ in Russian and English corpora, we analyse the linguistic features of aerospace discourse as a mode of materialising ideas and philosophical and sociocultural generalisations and evaluations. Collocations serve as conceptual anchors that help to trace the dynamics of these notions. The transformation of the internal and external meanings of the lexemes “космос” and space is presented through the lens of corpus linguistics within the domain of languages and cultures, highlighting their significance in the linguistic worldview as a unified system of perspectives — a collective philosophy characteristic of native speakers.

Keywords: corpus linguistics, collocations, cosmos, space, linguistic worldview, concept, intercultural communication, discourse, semantics, culture

Космос в зеркале современной языковой реальности

Аэрокосмическая сфера — совокупность новейших достижений цивилизации. Космос как жизненно важная область существования общества, отображающая значимые экзистенциальные и социальные потребности людей, — тема настолько обширная, что позволяет включиться в разные предметные сферы ее изучения. В ней в тесном взаимопреплетении представлены язык, технические исследования, межкультурное взаимодействие и сотрудничество. Реальное взаимодействие исследователей космоса, использование специализированной лексики — это не только абстрактные правила, но и живой язык астронавтов и космонавтов на Земле и на космической орбите, инженеров-конструкторов и инженеров-робототехников, специалистов космической связи в центрах управления полетами в разных странах. В условиях глобализации, технологического прогресса и социокультурных сдвигов язык претерпевает значительные изменения, которые требуют всестороннего изучения и осмысливания.

Язык понимается как зеркало реальности, широкий подход требует объединения лингвистики с разными науками «о человеке — от психологии, антропологии, социологии, культурологии до биологии, нейронаук и квантовой механики» [1. С. 283]. Под воздействием многочисленных контекстов в пространстве языка и культуры система средств когнитивной активности человека активно трансформируется. В многомерном семиотическом пространстве синтезируются знаки и смыслы — носители культурной значимости или ценностного содержания, обусловленные ментальностью, мировидением человека и системой его ценностных ориентиров.

Ю.С. Степанов, размышляя об изменчивом образе языка в науке, писал, что образ языка все более приобретает черты «образа пространства во всех смыслах — пространства реального, видимого, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингвофилософских размышлений в наши дни» [2. С. 32]. Ментальная репрезентация как «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления... мира в голове человека, так и единице подобного представления» [3. С. 157] объективирована языком и представлена в форме языковых репрезентаций [4. С. 11]. В современных лингвистических исследованиях языковая репрезентация рассматривается посредством анализа тех или иных концептов, имеющих воплощение в данном дискурсе. Эти концепты воплощаются через *отдельные слова, лексемы или их сочетания*.

Космос (греч. *κόσμος*, лат. *tundus*), межпланетное пространство со всеми находящимися в нем объектами, находящееся за пределами Земли, — понятие философии и культуры, представление о природном мире как о гармоническом пространстве для обозначения Вселенной в целом или в общем смысле пространства за пределами Земли [5]. В лингвистических работах, связанных с исследованием космической темы в русском языке, нет комплексного исследования ее концептуальных единиц с позиций когнитивистики и аксиологии; «лексемы, объединенные космической тематикой, функционируют как минимум в трех базовых парадигмах: природы как таковой, техники, создаваемой с целью изучения космоса, и человека» [6. С. 25].

Человек XXI в. «стоит на перекрестке разных этнических, исторических, профессиональных культур» [7. С. 109]. «Культура и есть диалог между носителями языка; диалог в процессе формирования собственного отношения через эмоции и оценки; диалог с эпохой, поколениями, иными странами и народами» [8. Т. 14. С. 234]. Язык понимается как отражение окружающей человека реальности, его внешнего и внутреннего мира.

Использование языка как средства воздействия и убеждения активизирует исследование его *прагматического аспекта*, в рамках которого изучаются отношения знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют. Культурно-историческая парадигма исследования языковых процессов как продукта культуры «илюстрирует сложные и многообразные процессы, представляющие собой причудливую, постоянно видоизменяющуюся мозаику в ее бесконечно трансформирующихся узорах» [9. С. 9].

Лексика в наибольшей мере апеллирует к понятийным значимым и мировоззренческим оценочным параметрам модели мира. Обратимся к лексемам «космос» и «space» сквозь призму корпусной лингвистики, анализируя их коллокации как значимые единицы описания языкового материала. Идентичные явления по-разному представлены в разных языках, это отражается на соотношении «объемов значения и их сочетаемости, что обусловлено культурными, национальными различиями в их использовании... к которым относятся отражаемая в языке внеязыковая действительность и языковая система» [10. С. 210]. Выражая определенные понятия, лексемы являются носителями фрагмента информации, в котором аккумулируется содержание, выраженное в конкретной языковой форме. Важным представляется изучение активного внедрения его в языковую картину мира современного социума, преобразующего «внутренний и внешний смыслы лексемы», развивающего «прагматику в условиях контекста времени – глобальной трансформации экстралингвистической сферы на рубеже ХХ–XXI вв., сохраняя и расширяя свои семасиологические и семантические возможности» [11. Т. 15. С. 1067]. Когда мы исследуем, что, как и в каких контекстах говорится о космосе, мы анализируем не только научно-технологические аспекты космических проблем, но и культуру, исторический фон, идеологические установки языковых сообществ.

Основная часть

Коллокация как единица лексического состава языка

Вопросы сочетаемости единиц языка как важного фактора его структуры и функционирования, исследования совместной встречаемости слов в их совокупном взаимодействии начали изучаться зарубежными и отечественными лингвистами сравнительно недавно – с середины XX в.

Отечественные лингвисты, изучая коллокации, говорят о лексически и фразеологически обусловленной сочетаемости слов в речи как реализации их полисемии [12. С. 269], о часто встречающихся сочетаниях слов, соединение которых друг с другом обусловлено семантическими факторами, о лексических коллокациях с аналитическим типом значения, имеющих завершенное толкование, которое достигается путем употребления семантически реализуемого слова только в рамках данной комбинации [13. С. 97].

На важность исследования совместной встречаемости слов (co-occurrence) в их совокупном взаимодействии обращается внимание в трудах многих исследователей. Дж.Р. Фёрс утверждал, что на лексическом уровне значение слов может быть раскрыто с помощью контекстуализации, которая называется коллокацией. Коллокации рассматривались как комбинации слов, имеющих значение только в данном словосочетании [14]. В рамках американской структурной лингвистики важность таких исследований была отмечена З.С. Хэррисом, разработавшим методологию дискурсивного анализа, основанного на теории информации. В зарубежной лингвистической традиции исследователи рассматривают коллокации как лексико-грамматические категории, обращаясь к терминам *verbo-nominal phrase, complex verbal construction (support verb construction, delexical verb construction, stretched (light) word combination* [15. С. 8]. Исследование коллокаций и их типологическое описание представлено в работах отечественных и зарубежных исследователей [16–19]. В состав коллокаций входят два компонента: главное слово (база, опорное, ключевое слово) и зависимое слово (коллокат) [20. Т. 21. С. 57; 21. С. 343]; отмечается взаимозависимость компонентов коллокации, образующих регулярные, часто воспроизводимые сочетания слов, их обусловленность синтагматическим аспектом языка. Важной особенностью коллокации является тот факт, что один из ее компонентов сохраняет лексическое значение при устойчивости словосочетания в целом, а значение образности и эмоционально-оценочная нагрузка ослабляются.

Коллокации как устойчивые сочетания слов отражают специфику их функционирования в речи носителей языка и в профессиональном сообществе. М.В. Влавацкая [22] отмечает статус коллокаций как значимой единицы лексического состава языка и одной из главных единиц

описания языкового материала, обращаясь к различным типам коллокаций: традиционным, этнокультурным, терминологическим, окказиональным и др. Под традиционными коллокациями понимаются общеизвестные, общеупотребительные, часто используемые словосочетания в разговорной речи, публицистическом, официально-деловом и других стилях речи.

В широкой интерпретации коллокация представляет собой комбинацию двух или более слов, обладающих свойством совместной встречаемости; в основе коллокации лежит семантико-грамматическая взаимообусловленность элементов словосочетания. Важными являются исследования, в которых уточняются и расширяются уже накопленные знания о коллокациях. Такие работы являются актуальными в связи с развитием науки, технологии и общества, в результате чего возникают новые предметные области и дискурсы. Анализ коллокаций позволяет выявить, какие концепты являются доминирующими для определенной предметной области, какие действия и характеристики наиболее часто сопровождают тот или иной термин, а также какова их культурно-историческая и идеологическая «нагрузка».

Космос отражает стремление человека понять окружающий мир, познать тайны бытия и свое место в мире, является важным, ключевым словом для понимания культуры. В семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, начиная с витальных ценностей и заканчивая общественно-социальными и культурологическими. Как справедливо отмечает Т.В. Топорова, «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым (и, добавим, ценностным) параметрам модели мира» [23. С. 3], раскрывая особенности видения и «прочтения» мира тем или иным языковым и культурным сообществом.

Исследование коллокаций сквозь призму корпусной лингвистики

Технологии – основной фактор, способствующий развитию корпусной лингвистики: они сформировали и продолжают активно формировать ее. Интенсивное развитие корпусной лингвистики как «стремительного» и «суперсовременного» направления [24. С. 9] связано с тем, что технологические достижения позволили ученым создать новые инструменты для лингвистических исследований, а также со сформировавшимися ранее подходами лингвистов к изучению и объяснению языковых явлений.

Результаты поиска коллокаций в разных типах корпусов будут различаться, что обуславливает необходимость изучения не только общих корпусов, но и специальных. Коллокации – это устойчивые словосочетания, в которых определенное слово с высокой вероятностью сочетается с другим словом (чаще всего глаголом, прилагательным или другим существительным); частота – один из критериев определения коллокатов и как способ их идентификации используется всё шире. Лингвисты исследуют, какие аспекты понятия, действия или свойства наиболее часто находят отражение в аэрокосмическом дискурсе. Коллокации показывают, каким именно образом они взаимодействуют с другими словами в языке; «языковая реальность», осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия, – столь же заслуживающий внимания научный объект, как и невидимая языковая система. Реальное языковое взаимодействие в современной лингвистике обычно называется дискурсом. Для аэрокосмического дискурса, понимаемого как единство процесса языковой деятельности и ее результата, т.е. текст – статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности, характерны особые (глагольные, адъективные, адвербиальные и др.) сочетания. Такой всесторонний анализ позволит понять, как лексемы «космос» и «space» функционируют в научно-техническом, культурном и обыденном дискурсе, какие тенденции отражают современные представления об освоении космического пространства. Коллокации становятся своего рода опорными точками, помогающими правильно раскрывать смысл в разных контекстах.

Для изучения коллокаций двух ключевых лексем: «космос» (русский язык) и «space» (английский язык) – были взяты данные из следующих источников: Национального корпуса русского языка (НКРЯ), позволяющего проанализировать коллокации лексемы «космос», конкордансы,

тематики текстов и т.д.; enTenTen21 — веб-корпуса английского языка, где можно увидеть современную и онлайн-лексику, включая тематические статьи; блогов; СМИ; Google Books, дающего возможность выявить распределение употребления слов «космос» и «space» по годам, что отражает историческую динамику (с 1800 по 2022 г.). Данные различных корпусов и источников в совокупности предоставляют достаточно полную картину для сравнительного анализа.

Для поиска коллокаций в НКРЯ используется статистический подход; коллокациями считаются сочетания слов, которые встречаются совместно в многочисленных контекстах функционирования лексемы. Для подсчета коллокаций используется статистическая метрика logDice. Анализ коллокаций лексемы «космос» в НКРЯ выявил следующие группы коллокаций (табл. 1).

Таблица 1

Коллокации лексемы «космос»: активность и динамика процессов

№	Прилагательное	LogDice	№	Глагол	LogDice	№	Существительное	LogDice
1	Открытый	9,51	1	Полететь	9,63	1	Освоение	10,94
2	Космический	8,62	2	Летать	9,51	2	Полет	10,36
3	Близкий	8,55	3	Запустить	9,44	3	Космос	9,87
4	Околоземный	8,52	4	Слетать	9,14	4	Гагарин	9,68
5	Дальний	8,52	5	Побывать	8,83	5	Хаос	9,33
6	Античный	8,42	6	Пилотировать	8,71	6	Космонавт	9,27
7	Ядерный	8,36	7	Запускать	8,39	7	Спутник	9,16
8	Орбитальный	8,19	8	Осваивать	8,28	8	Ракета	9,07
9	Бездонный	8,05	9	Лететь	8,27	9	Выход	8,95
10	Гармонический	7,99	10	Вывести	8,18	10	Покорение	8,88
11	Бесконечный	7,98	11	Улететь	8,13	11	Запуск	8,79
12	Идеальный	7,96	12	Стартовать	7,94	12	Покоритель	8,78
13	Мирный	7,85	13	Улетать	7,81	13	Планета	8,75
14	Земной	7,81	14	Покорять	7,66	14	Стыковка	8,66
15	Божественный	7,74	15	Проложить	7,66	15	Вселенная	8,66
16	Военный	7,74	16	Посыпать	7,63	16	Объединение	8,49
17	Звездный	7,73	17	Освоить	7,62	17	Человечество	8,47
18	Мифологический	7,72	18	Выводить	7,60	18	Завоевание	8,46
19	Беспредельный	7,71	19	Связать	7,52	19	Скафандр	8,40
20	Атомный	7,61	20	Упорядочить	7,49	20	Проникновение	8,39
21	Иерархический	7,58	21	Выбрасывать	7,49	21	Простор	8,37
22	Советский	7,58	22	Прилететь	7,45	22	Исследование	8,32
23	Далекий	7,54	23	Пробыть	7,39	23	Корабль	8,28
24	Искусственный	7,53	24	Выбросить	7,37	24	Пришелец	8,26
25	Разумный	7,53	25	Совершить	7,36	25	Пребывание	8,22
26	Очередной	7,52	26	Подняться	7,32	26	Авиация	8,18
27	Межпланетный	7,51	27	Осуществить	7,27	27	Океан	8,18
28	Безбрежный	7,50	28	Проникнуть	7,27	28	Бесконечность	8,16
29	Вечный	7,43	29	Отправить	7,26	29	Гармония	8,15
30	Научный	7,41	30	Заниматься	7,25	30	Снимок	8,14
31	Единый	7,28	31	Исследовать	7,25	31	Милитаризация	8,12
32	Ледяной	7,25	32	Открываться	7,24	32	Атом	8,03
33	Необъятный	7,24	33	Обжить	7,23	33	Корреляция	8,03
34	Ракетный	7,23	34	Покорить	7,18	34	Орбита	7,99
35	Конечный	7,22	35	Посвятить	7,17	35	Прорыв	7,99
36	Платоновский	7,19	36	Послать	7,16	36	Астронавт	7,96
37	Бескрайний	7,15	37	Сотворить	7,15	37	Главком	7,95
38	Величайший	7,12	38	Раскрываться	7,12	38	Земля	7,94
39	Триумфальный	7,10	39	Отправлять	7,07	39	Кинотеатр	7,91
40	Безграничный	7,10	40	Обживать	7,07	40	Достижение	7,90

Частотно встречающиеся прилагательные ближний, околоземный, дальний, необъятный и др. подчеркивают градацию в представлении о космосе как об отдаленном пространстве; прилагательные с эмоционально-оценочной окраской отражают философское осмысление космоса: беспредельный, гармонический, бесконечный, платоновский, а божественный, античный, идеальный, мифологический свидетельствуют о том, что космос также воспринимается как метафора или абстрактное понятие, связанное с философией, мифологией и культурными символами.

Многократно используемые глаголы полететь, обживать, запустить, побывать, осваивать, покорять, вывести выделяют динамичность действий исследования и покорения космоса. Это указывает на то, что лексема «космос» часто употребляется в тесной взаимосвязи с процессами и действиями, а не в контексте статичных описаний, что отражает активные и динамичные процессы, так же как и существительные запуск, освоение и подчеркивающие его историко-идеологическую составляющую покорение, створение и др. Существительные полет, Гагарин, ракета, спутник, выход (в открытый космос), пришельцы, человечество и др. связаны с космическим наследием, отражают историческую важность успехов советской космонавтики, указывая на ее тесную связь с исследованиями и научно-техническим прогрессом: спутник, ракета, космонавт и др. Подчеркнем возвышенное звучание отлагольных существительных покорение, завоевание, освоение, проникновение.

В исследованном материале (представленном в статье фрагментарно) отчетливо отражено сочетание научно-технической и философской лексики: космос как предмет исследований и как метафизическая категория — стратосфера, вселенная, мир, пространство, планета, океан; ассоциации с безграничностью и философским осмыслением — вселенная, беспредельность, мироздание; прилагательные беспредельный, бесконечный, гармонический, необъятный, бескрайний, величайший, вечный отражают философское осмысление космоса как бесконечного пространства, вмещающего в себя галактики, как системы мироздания и как связанного с идеей порядка и гармонии представления о природном мире как о пластиически упорядоченном гармоническом целом (ср.: Космос — Хаос). Коллокации лексемы «космос» в НКРЯ показывают, что это слово активно используется в научно-техническом, философском и культурно-историческом дискурсах.

единство мир микрокосм вселенная бытие логос естество КОСМОС мироздание божество субстанция 1901-1920	многообразие биосфера бытие вселенная мироздание божество реальность всеединство субстанция эмпирия 1921-1940
вечность эволюция бытие вселенная сфера преображение КОСМОС мироздание беспределность пространство превращение 1941-1960	космонавт планета оcean пространство полет корабль КОСМОС орбита будущее ракета стратосфера 1961-1980
превращение беспределность мироздание пространство 1981-2000	вселенная КОСМОС сфера преображение бытие вечность эволюция
высота биосфера стратосфера вселенная полет бездна комета мираже пространство пучина 2001-2010	облако самолет КОСМОС корабль ракета полет недра рай телескоп орбита 2011-2020

Рис. 1. Лингвистический портрет слова «космос»

отражая как реальные достижения человечества в космонавтике, так и метафорическое восприятие космоса как символа бесконечности мироздания.

Особая значимость специального сервиса, анализирующего тексты корпуса, состоит в предоставлении всесторонней информации о слове; фактически создается его лингвистический портрет и предоставляется возможность исследовать его в естественной языковой среде (рис. 1). Обратимся к «семантическим соседям» лексемы «космос» — характерным сочетаниям слова с другими словами в разные периоды XX и XXI вв.

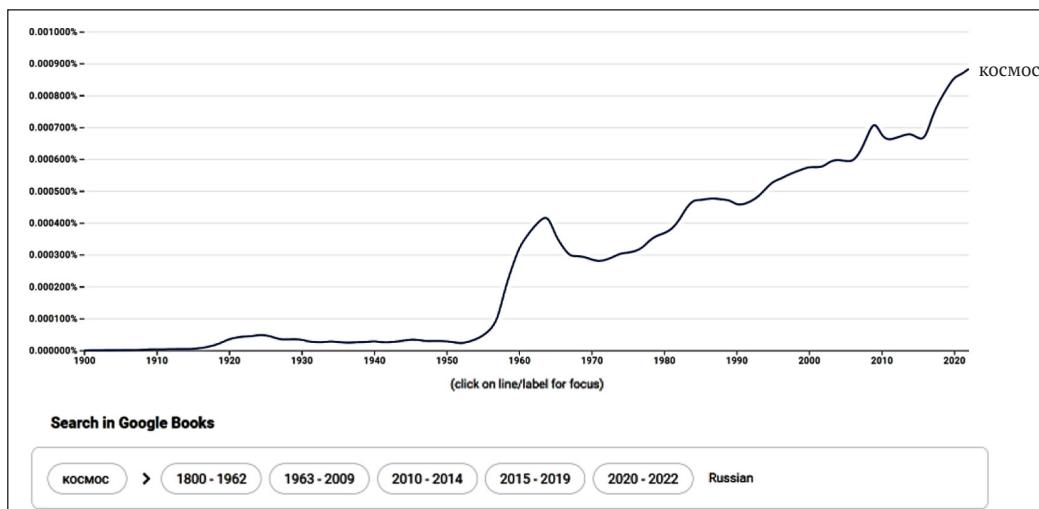

Рис. 2. Частота употребления слова «космос»

До середины XX в. употребление слова «космос» не было широко распространено: оно использовалось преимущественно в философском и абстрактном значениях, связанных с древнегреческим понятием порядок, мироздание, в технической и научной сферах. В 1950–1960-х гг. происходит резкий скачок употребительности этого слова в связи с началом активного освоения космоса — запуском искусственных спутников Земли и первым полетом человека в космос. Оно стало символом технологического прогресса, достижений СССР в космической сфере и новой эры научных открытий. Устойчивый динамичный рост употребления слова «космос» связан с популярностью космических технологий и проектов, научных и медийных проектов, с исследованиями Вселенной, космическим туризмом и колонизацией Марса, а также с научно-фантастическими публикациями, съемками фильмов на борту космических станций и популяризацией темы космоса в массмедиа и социальных сетях. Таков путь лексемы «космос», эволюционировавшей от абстрактного философского термина до знакового символа технологического прогресса и научного развития.

Коллокации лексемы «space» (табл. 2) становятся своего рода опорными точками, отражающими многофункциональные особенности восприятия реальности англоязычным языковым сообществом; они помогают проанализировать, какие аспекты понятия, действия или свойства наиболее часто и естественно выражаются в дискурсе: научных статьях, космической документации и др. Высокочастотные прилагательные *open*, *outer* указывают на физическое восприятие пространства, что позволяет говорить о нацеленности, ориентации англоязычного дискурса на описание конкретных, измеримых характеристик пространства: его открытость, пустоту или внешнюю природу, в то время как *public*, *green*, *outdoor*, *safe*, *limited*, *extra*, *commercial* акцентируют внимание на экологическом безопасном пространстве, подчеркивая использование слова «space» для описания доступности, открытости и экологической значимости пространства, что типично для урбанистического, социального и экологического дискурсов.

Отметим также, что прилагательные *public*, *shared*, *free* акцентируют внимание на социально значимых характеристиках пространства, его доступности; существительные *living*, *floor* показывают, что лексема «space» часто употребляется в контексте взаимодействия людей в жилой, рабочей или коммерческой среде, а *exhibition*, *gallery* свидетельствуют о культурной функции пространства, связанной с выставками, музеями и местами общественного пользования, отражая социальные и культурные аспекты коллокаций.

Таблица 2

Коллокации лексемы «space»: формирование, развитие, изменения

№	Прилагательное	LogDice	№	Глагол	LogDice	№	Существительное	LogDice
1	Open	8,36	1	Create	7,13	1	Parking	8,34
2	Public	7,72	2	Occupy	7,06	2	Storage	8,05
3	Outer	7,54	3	Fill	6,83	3	Office	7,78
4	Outdoor	7,53	4	Limit	6,50	4	Shuttle	7,62
5	Green	7,46	5	Provide	6,42	5	Station	7,50
6	Empty	7,34	6	Live	6,37	6	Disk	7,44
7	Safe	6,95	7	Save	6,32	7	Nasa	7,25
8	Enough	6,82	8	Confine	6,31	8	Plenty	7,11
9	Available	6,82	9	Share	6,05	9	Living	7,10
10	Retail	6,81	10	Rent	5,92	10	Telescope	7,02
11	Limited	6,69	11	Open	5,82	11	Exploration	6,98
12	Extra	6,65	12	Leave	5,81	12	Station	6,93
13	commercial	6,62	13	Offer	5,81	13	Space	6,89
14	Small	6,49	14	Enclose	5,80	14	Floor	6,73
15	Physical	6,48	15	Allow	5,74	15	International	6,72
16	Interior	6,46	16	Free	5,69	16	Center	6,69
17	Ample	6,46	17	Need	5,64	17	Agency	6,61
18	Free	6,41	18	Reserve	5,60	18	Foot	6,53
19	Large	6,33	19	Watch	5,59	19	Exhibition	6,51
20	Much	6,32	20	Design	5,56	20	Open	6,27
21	Deep	6,28	21	Give	5,54	21	Mission	6,25
22	Urban	6,28	22	Explore	5,53	22	Cap	6,24
23	Private	6,23	23	Require	5,43	23	Time	6,23
24	additional	6,17	24	Allocate	5,43	24	Lot	6,19
25	More	6,09	25	Lease	5,41	25	Gallery	6,18
26	Virtual	6,08	26	Include	5,38	26	Amount	6,18
27	White	6,06	27	Use	5,37	27	Travel	6,15
28	Blank	5,98	28	Waste	5,34	28	Hubble	6,09
29	Indoor	5,92	29	Transform	5,34	29	Meeting	6,06
30	Tight	5,89	30	Enter	5,29	30	Vector	5,95
31	Square	5,79	31	Accommodate	5,24	31	Address	5,92
32	Less	5,76	32	Expand	5,23	32	Room	5,90
33	Shared	5,71	33	Define	5,17	33	Flight	5,89
34	Personal	5,67	34	Launch	5,16	34	Flight	5,88
35	New	5,62	35	Take	5,10	35	Air	5,86
36	Sacred	5,52	36	Fit	5,08	36	Studio	5,85
37	Digital	5,50	37	Move	5,07	37	Outer	5,84
38	Social	5,41	38	Build	5,06	38	Park	5,84
39	Little	5,40	39	Clear	5,03	39	Force	5,81
40	Short	5,36	40	Designate	5,02	40	Air	5,81

Употребление таких прилагательных, как *empty* и *retail*, подчеркивает значимость управления пространством в урбанистическом и коммерческом контекстах их использования.

Высокочастотные глаголы *create*, *occupy*, *fill*, *provide*, *limit* указывают на активный процесс управления пространством; *rent*, *lease* — на коммерческую составляющую (аренда офисов и магазинов); глаголы *explore*, *create*, *define* и существительные *time*, *character*, *curvature* указывают на использование слова «space» в абстрактных и научных контекстах. Например, пространство исследуется как понятие в физике, философии и других науках. Упоминания *outer* и *interstellar*

подчеркивают связь с астрономией и изучением космоса, хотя этот аспект менее выражен, чем в текстах на русском языке, связанных с космосом. Такие существительные, как *parking, storage, shuttle*, указывают на практическое использование слова «space». Это отражает внимание англоязычных текстов к обыденным и функциональным аспектам пространства (парковочные зоны, места хранения, транспорт).

Отметим, что корпусный анализ выявил использование существительных, показывающих связь с космическими технологиями и исследовательской деятельностью на Международной космической станции: *NASA, station, telescope, exploration mission, flight* и др. Подчеркнем цифровой контекст их использования: *virtual, digital, design, allocate* и др. Лексема «space» используется в технологических и виртуальных аспектах, например для описания цифрового пространства или распределения ресурсов в ИТ-сфере.

Область применения слова «space» от бытового до высокотехнологичного, например, широко представлена в городской среде и ее планировании, в коммерции.

Коллокации лексемы «space» отражают ее многозначность и широкое использование в разных сферах: практическое использование пространства (жилье, офисы, склады), космические исследования, технологический и цифровой контексты; таким образом, они акцентируют внимание на функциональных, социальных и технологических аспектах пространства, делая слово «space» универсальным термином для обозначения как физического, так и виртуального пространства.

Говоря об освоении космоса, исследователи имеют в виду конкретную деятельность: *отправка спутников, пилотируемых кораблей; научные эксперименты на орбите, космический туризм* и т.д. В английских текстах *space exploration* — это не просто изучение пространства, а именно внеземного пространства — *outer space*, что подчеркивает особенности пространства за атмосферой Земли.

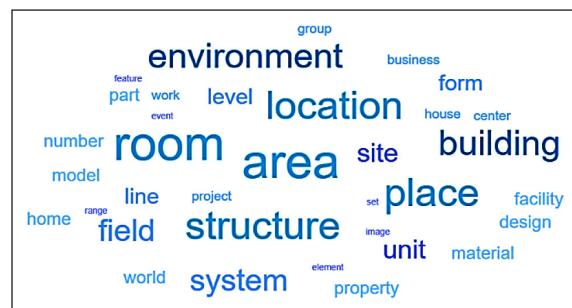

Рис. 3. Лингвистический портрет слова «space»

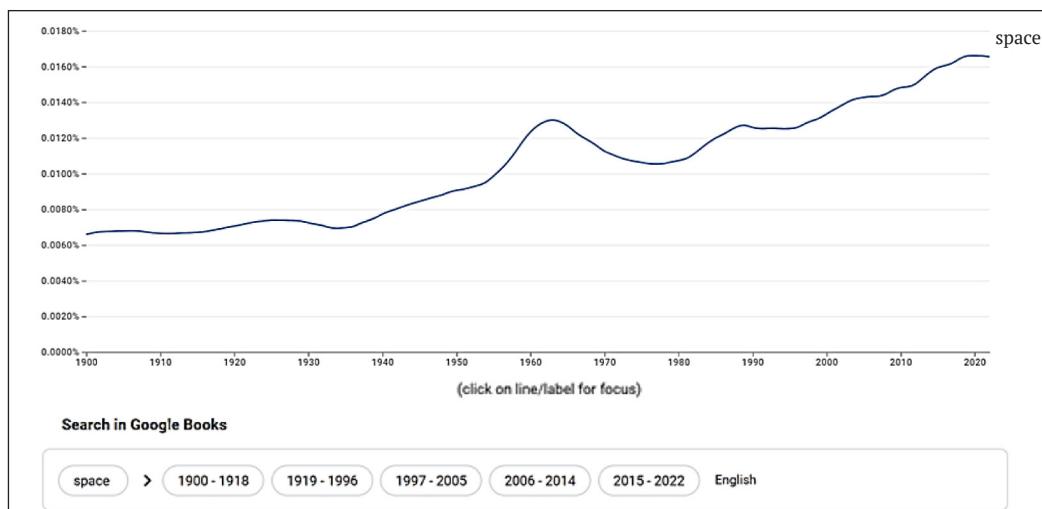

Рис. 4. Частота употребления слова «space»

С начала XX в. и до его середины частотность употребления слова «space» была незначительной. В тот период оно чаще использовалось как обозначение философского понятия или физического измеримого пространства в архитектуре, геометрии, литературе. Оно также применялось в философском и абстрактном значениях для обозначения пустоты, интервала или расстояния. Частота употребления слова стала расти в 1960-х гг., с началом космической эры, в связи с запуском советских спутников Земли в 1957 г., полетом Юрия Гагарина и космической гонкой между США и СССР, включая миссию «Аполлон-11» в 1969 г. и полеты на Луну; в 1980–1990-х гг. рост продолжился в связи с запуском Международной космической станции (1998), развитием космических технологий и наблюдений за Вселенной, популяризацией космоса в культуре и науке. Расширение значения слова «space» до обозначения виртуального, цифрового пространства отмечается в связи с развитием интернета и компьютерных технологий. В XXI в. частота употребления слова «space» продолжает расти в связи с инновациями в космических исследованиях и в освоении космоса, с повышением интереса к космическому туризму и полетам на Марс. Расширение значения слова в связи с виртуальным пространством и цифровой средой — *cloud space, cyberspace, digital space workspace simulated space* — отмечается в сфере описания личного, социального и психологического пространства: *personal space, private space social space, psychological space, mental space*. В последние годы наблюдается наивысший пик использования лексемы «space»: она широко представлена в логистике, экономике, культуре, космосе в астрономическом смысле.

Коллокации «космос» и «space» как отражение предметно-научной, культурной и социально-экономической реальности

Анализ коллокаций, как показывает проведенное исследование, важен для понимания динамики языкового развития, межкультурных различий и эволюции научно-технического дискурса, связанного с освоением внеземного пространства и использованием пространства в самом широком смысле. Проанализированный массив коллокаций лексемы «космос» в НКРЯ, их тематика и динамика показывают, что они связаны с категориями красоты, познания и гармонии, а также с философским осмыслиением космоса как символа бесконечности, вечности, неисчерпаемости и беспредельности, с наукой и техникой, с мирным потенциалом космических исследований, сосредоточенных на внеземном пространстве. В то же время они являются символом героизма советской эпохи, связанного с исследованием космоса. Космос в русском языке в значительной степени ассоциирован с советским историческим наследием: *покорение космоса, Гагарин, ракета, спутник* и др., является символом научно-технического прогресса. Для русского языка характерна ярко выраженная научно-техническая и идеологическая линия: *историческое наследие, покорение, освоение*.

Анализ коллокаций и употребления лексем «космос» и «space» показывает, насколько по-разному воспринимаются и оформляются в разных языках понятия, связанные с внеземным пространством. Английское «space» проявляет себя более «земным» и универсальным понятием, которое включает в себя широкий спектр смыслов: офисное, жилое, социальное пространство, ресурс для хранения, виртуальное (цифровое) пространство и (в определенных контекстах) именно космическое пространство (*outer space*). «Space» в английском языке имеет более широкий спектр значений — от космических исследований до бытового места/пространства. Это слово часто используется без идеологической нагрузки, в основном как нейтральный термин для описания места, ресурса либо в научно-техническом ключе (*outer space, NASA, shuttle*). «Space» обладает высокой вариативностью: наука, бизнес, ИТ, урбанистика, экология, внутренняя планировка и т.д. В XXI в. «space» продолжает набирать актуальность благодаря ИТ, цифровым технологиям, глобализации.

Лексема «космос» сохраняет высокий уровень употребления благодаря новым космическим программам, возвращению интереса к лунным и марсианским миссиям, популяризации космонавтики как приоритетной отрасли для России.

Коллокации лексемы «космос» в НКРЯ показывают, что это слово активно используется в научно-техническом, философском и культурно-историческом дискурсах. Лексема отражает как реальные достижения человечества в космонавтике, так и метафорическое восприятие космоса как символа бесконечности, гармонии и прогресса. Сопутствующие слова *советский*, *мирный*, *покорение* подчеркивают, что лексема «космос» имеет концептуальную, мировоззренческую и идейную составляющие. «Space» содержит идеологические оценки космической гонки, но в целом теряет эту окраску и становится более «прикладным» термином. Таким образом, выявлены следующие особенности: лексема «космос» почти всегда имеет астрономический, философский или идеологово-исторический смысл; «space» представляется как физическое, космическое и виртуальное пространство.

Тематика текстов, в которых представлены лексемы «космос» и «space»

Основные темы (табл. 3): техника (14,7%), наука и технологии (13,68%), частная жизнь (10,68%) — отражают связи лексемы «космос» в русском языке с научно-техническим прогрессом, осмысление влияния космоса на повседневную жизнь, его упоминание в контексте политики и общества (7,89%), армии (7,48%), указывают на связь с geopolитическими и военными аспектами освоения космоса; темы философии (3,51%) и астрономии (3,45%) отражают интерес к космосу как метафизической категории и объекту научных исследований.

Таблица 3

Национальный корпус русского языка: «космос»

Тематика текста	Упоминания, %
Техника	14,70
Наука и технологии	13,68
Частная жизнь	10,68
Политика и общественная жизнь	7,89
Армия и вооруженные конфликты	7,48
История	7,25
Администрация и управление	7,03
Искусство и культура	5,82
Философия	3,51
Астрономия	3,45
Прочее	18,50

В русском языке космос остается символом научного прогресса и освоения новых рубежей. Это выражается в более высоком проценте текстов о технике и науке.

Таблица 4

Веб-корпус английского языка enTenTen21: «space»

Тематика текста	Упоминания, %
Наука	20
Технологии и IT	19
Политематические тексты	16
Культура и досуг	16
Игры	8
Экономика и финансы	5
Политика и власть	5
Путешествия и туризм	5
Автомобили и мотоциклы	5

Основные темы — наука (20%) и технологии и ИТ (19%). Космос в англоязычных текстах (табл. 4) более связан с технологическими инновациями и современными исследованиями. Важны также культура и досуг (16%), полitemатические тексты (16%), что демонстрирует более разнообразное использование термина, включая культурный и бытовой контексты. Другие значимые темы — экономика и финансы (5%), путешествия и туризм (5%). Это подчеркивает практическое восприятие пространства, включая его коммерческое значение. В английском языке «space» все чаще используется в современных контекстах, таких как цифровые технологии, культура и урбанистика, что говорит о pragmatичном подходе к понятию пространства.

Заключение

Исследование коллокаций лексем «космос» и «space» свидетельствует о том, что ключевые ассоциации связаны с пространством и его физическими характеристиками. Это подчеркивает универсальность концепта пространства в человеческом восприятии независимо от языка и отражает значимость темы исследования пространства и космоса как в русском, так и в английском языках, а также указывает на всеобщее восприятие пространства: для обеих лексем характерна ассоциация с масштабностью и универсальностью.

В русском языке космос в основном связан с наукой, техникой и философией, выступая символом глобальных стремлений человечества. Лексема «космос» более тесно связана с духовностью и философией, о чем свидетельствуют слова *мироздание, беспредельность, вечность, бесконечность*. В английском языке лексема «space» имеет более универсальное использование, включая бытовые, коммерческие и культурные контексты, где космос воспринимается не только как объект исследований, но и как часть повседневной жизни.

Лексема «space» чаще связана с повседневным использованием пространства, что видно по употреблению рядом с ней таких слов, как *room, place, location*. Это указывает на распространённость термина в бытовом и профессиональном контекстах. В английском языке «space» имеет более практическую и утилитарную направленность, что связано со словами *building, structure, facility*, которые указывают на конкретное использование пространства, и часто ассоциируется с функциональностью (*environment, system, field*), отражая более pragmatичный подход. Эти различия подчеркивают культурные и лингвистические особенности восприятия космоса и пространства в русском и английском языках, проанализированные сквозь призму корпусной лингвистики.

Литература

1. Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками к новым проблемам и направлениям // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823–847.
2. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/90386> (01.10.2025).
6. Kovrygina N.B. Функционирование концепта «космос» в художественном дискурсе // Казанская наука. 2020. № 8. С. 25–28.

References

1. Maslova V.A. Cherez sinergeticheskii soiuz lingvistiki s drugimi naukami k novym problemam i napravleniiiam // Vestnik RUDN. Seriia: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. No. 3. S. 823–847.
2. Stepanov Iu.S. Izmenchiviy «obraz iazyka» v nauke XX veka // Iazyk i nauka kontsa XX veka. Moscow, 1995.
3. Kubriakova E.S. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1997. 245 s.
4. Kubriakova E.S., Dem'iankov V.Z. K probleme mental'nykh reprezentatsii // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2007. No. 4. S. 8–16.
5. Ozhegov C.I., Shvedova N.Iu. Tolkovyj slovar' russkogo iazyka. Moscow, 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/90386> (01.10.2025).
6. Kovrygina N.V. Funktsionirovanie kontsepta «kosmos» v khudozhestvennom diskurse // Kazanskaia nauka. 2020. No. 8. S. 25–28.

7. Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
8. Казютина Е.С., Озерова Е.Г. Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 231–244.
9. Новикова М.Л. Творческое слово в пространстве языка и культуры: монография. М.: Экон-Информ, 2025.
10. Киселева А.А., Новиков Ф.Н. Интернационализация языка и культуры: проблема лингвистической безопасности // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. М.: РУДН, 2017. С. 210–215.
11. Маркелова Т.В. Семиотика цифры в современном медиапространстве // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1065–1086.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 498 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, pragmaticический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. Варламова Е.В., Башкирова К.А. Понятие collocation в зарубежной лингвистике: семантическое наполнение // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 30–34.
15. Хлопкина А.В. Коллокации: к вопросу о терминологии // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 4 (20). С. 80–86.
16. Бобкова Т. Классификация коллокаций: основные подходы и критерии // Respectus philologicus. 2016. № 29 (34). С. 87–98.
17. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 137–143.
18. Онал И.О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. 2019. № 1. С. 73–87.
19. Палийчук Д.А. Проблема определения понятия «коллокация» в современной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 20–25.
20. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3/4. С. 56–61.
21. Хохлова М.В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // Slavica Helsingiensia. Инструментарий русистики: корпусные подходы. 2008. № 34. С. 343–357.
22. Влавацкая М.В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 438–443.
23. Топорова Т.В. Семантическая структура древнерусской модели мира. М., 1994.
24. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
7. Epshtein M.N. Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 864 s.
8. Kaziutina E.S., Ozerova E.G. Lingvokul'turnye markery khudozhestvennykh tekstov B.L. Vasil'eva // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. No. 1. S. 231–244.
9. Novikova M.L. Tvorcheskoe slovo v prostranstve iazyka i kul'tury: monografija. Moscow: Ekon-Inform, 2025.
10. Kiseleva A.A., Novikov F.N. Internatsionalizatsiia iazyka i kul'tury: problema lingvisticheskoi bezopasnosti // Russkii iazyk v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiia, kul'tura. Moscow: RUDN, 2017. S. 210–215.
11. Markelova T.V. Semiotika tsifry v sovremennom mediaprostranstve // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2024. T. 15. No. 4. S. 1065–1086.
12. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Moscow: Sov. entsiklopedija, 1969. 498 s.
13. Telia V.N. Russkaia frazeologija: semanticheskii, pragmatischeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. 288 s.
14. Varlamova E.V., Bashkirova K.A. Poniatie collocation v zarubezhnoi lingvistike: semanticheskoe napolnenie // Filologija i kul'tura. 2018. No. 1 (51). S. 30–34.
15. Khlopkina A.V. Kollokatsii: k voprosu o terminologii // Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. 2017. No. 4 (20). S. 80–86.
16. Bobkova T. Klassifikatsiia kollokatsii: osnovnye podkhody i kriterii // Respectus philologicus. 2016. No. 29 (34). S. 87–98.
17. Zakharov V.P., Khokhlova M.V. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyjavleniya kollokatsii v tekstakh na russkom iazyke // Komp'iuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. 2010. No. 9 (16). S. 137–143.
18. Onal I.O. Terminologicheskie kollokatsii kak ob'ekt izuchenija // Nauchnyi dialog. 2019. No. 1. S. 73–87.
19. Paliichuk D.A. Problema opredeleniia poniatija «kollokatsii» v sovremennoi lingvistike // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2022. No. 1. S. 20–25.
20. Pavel'eva T.Iu. Izuchenie kollokatsii na osnove lingvisticheskikh korpusov tekstov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 21. No. 3/4. S. 56–61.
21. Khokhlova M.V. Eksperimental'naia proverka metodov vydeleniya kollokatsii // Slavica Helsingiensia. Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody. 2008. No. 34. S. 343–357.
22. Vlavatskaia M.V. Tipologija kollokatsii v kombinatornoi lingvistike // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia. 2019. No. 4 (77). S. 438–443.
23. Toporova T.V. Semanticheskaia struktura drevnerusskoj modeli mira. Moscow, 1994.
24. Plungian V.A. Korpus kak instrument i kak ideologija: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. No. 2 (16). S. 7–20.

Новикова Марина Львовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Novikova Marina L.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian Language and Linguoculturology Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: novikova-ml@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4673-067X>

Корзин Андрей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Инженерная академия;
аспирант кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Korzin Andrey S.,
Senior Lecturer of the Foreign Languages Department
Academy of Engineering;
PhD student of the Russian Language and Linguoculturology Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: korzin-as@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2441-7954>

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Лингвокультурный образ Витебска и языковые средства его создания в туристической интернет-коммуникации

Рассмотрена проблема использования интернета в качестве цифрового инструмента создания и продвижения уникального контента туристического бренда на примере города Витебска. Современные формы интернет-коммуникации значительно влияют на язык и способствуют появлению новых жанров и лексических единиц, за счет чего происходит расширение дискурса. Интернет репрезентативен в текстах, сочетающих в себе языковую специфику, лингвокультурные особенности и маркетинговые характеристики. Туристический дискурс актуален, и существует немало работ, в которых изучается его специфика. Объект настоящего исследования — лингвокультурный образ Витебска, представленный в интернет-коммуникации, а именно в текстах статей, комментариев, тревел-блогов, видеосюжетов, а также в онлайн-сервисах. При изучении материала применены описательный, прагматический, лингвокультурологический методы, дискурс-анализ, метод сплошной выборки языковых средств из текстов маркетинговых коммуникаций. В интернет-пространстве выявлены особенности туристического дискурса, выделены сформировавшиеся образы Витебска, изучен туристский видеоконтент о городе, а также определены продуктивные языковые средства, которые формируют лингвокультурный образ города и способствуют максимально полному и привлекательному представлению городского пространства.

Ключевые слова: лингвокультурный образ города, языковые средства, терминология городской среды, коммуникативная лингвокультурология, интернет-коммуникация

This paper examines the using the Internet as a digital tool for building and promoting unique tourism brand content, the case of Vitebsk city. Modern forms of Internet communication have a great impact on the language and contribute to the emergence of new genres and lexical units, due to which discourse expands. The Internet is representative in texts that combine linguistic specificity, linguistic-cultural features and marketing characteristics. Tourism discourse is relevant for studying, and there are many works examining its specificity. The object of this study is the linguistic-cultural image of Vitebsk, presented in Internet communication, namely in the texts of articles, comments, travel blogs, videos, as well as online services. Descriptive, pragmatic, linguoculturological methods, discourse analysis, and the method of continuous sampling of language means from the texts of marketing communications were applied to complete this study. In the Internet space, tourism discourse features were identified, the built images of Vitebsk were highlighted, tourism video content about the city was studied, and productive language tools that form the linguistic-cultural image of the city and contribute to the most comprehensive and attractive presentation of the city were determined.

Keywords: city's linguistic-cultural image, language means, urban environment terminology, communicative linguoculturology, Internet communication

Введение

В современную эпоху цифровых технологий образ города складывается под воздействием множества факторов, среди которых особое значение приобретает контент интернет-форумов и туристических платформ. На этих ресурсах пользователи активно делятся собственными впечатлениями, отзывами о городских локациях, уровне сервиса, атмосфере, а также публикуют фотографии и видеоматериалы, формируя тем самым коллективное восприятие городской среды. Дополняют этот процесс такие онлайн-сервисы, как карты Google и «Яндекс», предоставляющие актуальную информацию о маршрутах, инфраструктуре и достопримечательностях. Все это способствует тому, что медиапространство становится ключевым инструментом презентации города, а языковые средства, используемые в пользовательских текстах, в частности эмоционально окрашенные выражения, метафоры, эпитеты, сравнения, терминология городской среды,

авторские замечания, делают его образ более живым, выразительным и многогранным, оказывая значительное влияние на мнение потенциальных туристов.

В эпоху цифровизации интернет стал важнейшим инструментом формирования и продвижения туристических брендов. Вопросы городской среды, цифровизации, а также использование интернет-ресурсов для формирования уникального образа города, сочетающего в себе языковую специфику и лингвокультурные особенности, широко освещаются в научных публикациях.

К настоящему времени опубликовано множество работ, посвященных туристической отрасли, формированию образа туристического бренда разных населенных пунктов и административных образований. Так, территориальный бренд представляет собой «позитивно интерпретируемый, индивидуальный и уникальный имидж», который наполнен и сформирован «символами, традициями и их смыслами, историческими названиями мест, национальным продуктом через создание комплекса вербальных и невербальных конструктов» и закреплен «в сознании потребителя через коммуникационное сообщение и визуальное оформление» [8. С. 210].

Туристический дискурс — одно из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Так, лингвокультурный образ города рассматривается в работах С.А. Головой [1], А.В. Кривицкой [6], О.Н. Спалек [11; 12], Е.В. Третьяковой [13].

Например, исследователи рассматривают имидж Екатеринбурга, урбанонимы Екатеринбурга, заводскую тематику, влияющую на городскую топонимию, их адаптивность к современным реалиям и укрепление уральской идентичности [2]. В одной из работ авторы заявляют, что «формируется имидж Екатеринбурга как города, который прочно держится за свои исторические корни; где весьма гармонично соседствуют промышленность и культура; где в названиях улиц и прочих микротекстах городского пространства разворачивается диалог между разными эпохами; где названия ныне существующих и уже утраченных объектов многократно воспроизводятся вербально и визуально в урбанонимической перекличке» [3. С. 234].

Обращаясь к образу Челябинска, исследователи отмечают, что «богатая история Челябинска, его архитектурные и природные достопримечательности находят свое выражение в специфике местного лексикона, топонимике и фразеологии. Язык становится средством сохранения и передачи культурной памяти, позволяя ощутить дух города, его самобытность. Более того, лингвистические особенности формируют особое ощущение локальной идентичности, объединяя горожан общим культурным кодом» [9. С. 179–180].

В работе Т.А. Дубовской город Витебск представлен как значимый аксиологический компонент ценностной и образной систем в поэтическом дискурсе местных авторов. Согласимся, что «в поэтическом тексте город является собой особый духовный компонент языковой картины мира. Он объективизируется в ментальных представлениях как урбаноним с богатой древней историей и одновременно современный, молодой и динамичный» [4. С. 129].

Г.Н. Межецкая и Л.В. Молчанова, исследуя образ Берлина в произведениях писателей-эмгрантов, отмечают, что «художественный образ складывается в сознании автора и реализуется в произведении при помощи языковых средств, тщательно выбираемых автором для более точного воспроизведения своих ассоциаций и впечатлений» [8. С. 106].

Особое внимание в работе уделяется тому, как цифровые платформы, форумы и туристические сайты становятся инструментами презентации городской идентичности, способствуют обмену культурными смыслами и формируют многообразное восприятие городской среды в сознании широкой аудитории. По мнению авторов, внедрение цифровых платформ и создание качественного туристического контента становятся значимыми современными тенденциями, которые будут определять предпочтения путешественников при выборе маршрутов и позволят им заранее знакомиться с туристическими направлениями в дистанционном формате.

Примечательно, что в туристическом бизнесе той или иной страны существует учет лингвокультурологической специфики при подготовке маркетинговых сообщений, ориентированных

на туристов. На наш взгляд, именно набор инструментальных ценностей, характерный для представителей отдельной культуры, влияет на способы продвижения товара, национальную риторику рекламы (в том числе в интернете) и языковые средства создания лингвокультурного образа территории.

Особого внимания заслуживают тревел-блоги, повествующие об уникальности Витебска, его привлекательности для туристической аудитории. Так, например, блогер Антон Бородачев пишет следующее: «Тут очень красиво. Витебск всегда казался мне очень фотогеничным городом. Просто достаешь камеру — и интересные кадры попадаются сами собой. Если в вашей душе живет эстет и ценитель стильных фотографий, то родина “Славянского базара” и вафелек “Витьба” его определенно порадует».

Ирина Виденеева отмечает, что «Витебск — это неспешный ритм, особое творческое настроение и редкое сочетание архитектурных стилей. Сюда едут, чтобы погулять по уютным улочкам с дореволюционными домами, почувствовать атмосферу старого города и прикоснуться к наследию Марка Шагала».

Языковой образ города Витебска, функционирующий в интернет-коммуникации, представляет собой уникальный лингвистический феномен, отражающий многовековую историю города, специфику восприятия и описания городского пространства. В настоящей работе рассматривается, как сформировавшиеся образы белорусского города Витебска отражаются в интернет-контенте и какие языковые средства используются для их создания.

Основная часть

Интернет-форумы и онлайн-сервисы для путешественников

В современном мире планирование путешествий стало гораздо проще благодаря доступности информации в интернете. Онлайн-ресурсы, где люди обмениваются личным опытом, советами и актуальными новостями о странах, маршрутах и особенностях самостоятельных поездок, во многом помогают пользователям, направляя их поступки и действия, определяя окончательный выбор в пользу той или иной локации.

Платформа «Дзен» на «Яндексе» и форумы путешественников — это ценные и востребованные ресурсы для туристов, источники достоверной, живой и полезной информации. Исследование отчетов путешественников показало, что образ города Витебска складывается из отдельных деталей, которые самостоятельные путешественники увидели, описали и представили. Именно эти детали формируют представления об исторических и современных реалиях у читателя.

Форум Винского — один из популярных форумов для туристов, на котором люди делятся информацией практически обо всех дестинациях мира. С помощью этого форума складывается образ локации, формируется живое и многогранное представление глазами реальных людей.

Так, в отчете на форуме Винского [16] Витебск характеризуется как *самый яркий и живописный город Беларуси; второй по древности в Беларуси*. Путешественники отмечают, что здесь можно увидеть главную достопримечательность Витебска, уникальный памятник древнеполоцкой архитектуры; с изящной ажурной звонницей (о Благовещенской церкви XII в.), *самый красивый храм Витебска; «восточноевропейский» храм дивной красоты* (о церкви Воскресения Христова); *красивый и гармоничный, выдержаный в духе северного деревянного зодчества храм* (о храме Александра Невского); *живописнейший пейзажно-архитектурно-скульптурный ансамбль*, который стал настоящим «витебским брендом» (о Пушкинском мосте и скульптурах львов). Автор путевых заметок восхищается живописными пейзажами с лучшими «открыточными» видами исторического центра; симпатичной набережной (о реке Витьба); самой атмосферной и красивой улочкой Витебска (об улице Л.Н. Толстого); самой оживленной, туристической и вообще «тусовочной» улицей Витебска (об улице Суворова).

Платформа «Дзен» на «Яндексе» функционирует как онлайн-ресурс, предназначенный для публикации статей и постов, связанных с тематикой путешествий. Пользователи имеют возможность обмениваться личным опытом, рекомендациями и описаниями туристических маршрутов, в то время как аудитория платформы получает доступ к вдохновляющему информативному контенту для планирования собственных поездок.

В числе материалов «Дзена» представлены публикации с фотографиями и видеосюжетами, отражающие особенности истории, культуры и достопримечательностей Витебска. Авторы и читатели ведут диалог и описывают Витебск как *один из самых красивых и уютных городов Беларуси; по-настоящему удивительный город; невероятно атмосферный город; один из любимых городов, город моего детства, моих родителей, бабушки, дедушки, дяди и тети, брата*. Только воспоминания золотого детства и абсолютного счастья. В их представлении город Витебск — это возрожденный из пепла Феникс, исторически претерпевавший события, которые *из раза в раз не оставляли от него «камня на камне»*. Но все же в нем проявлено мирное соседство Средневековья и строящегося социализма; он очаровывает своими мостами, колоритными улочками и атмосферой. Путешественники отмечают, что каждый город имеет свои архитектурные символы, шедевры. Для Витебска это Успенский собор, Воскресенская церковь и ратуша. А Губернаторский дворец — одно из самых изысканных и утонченных зданий Витебска, про которое ходят многочисленные легенды и слухи [17; 18].

Витебский ботанический сад, представленный как флористическая коллекция, по мнению путешествующих, приют спокойствия и вдохновения; загадочный и интересный, он влюбляет в себя с первого взгляда; привлекает не только местных жителей, но и гостей города [18].

Примечательно, что обзор популярных тревел-блогов, посвященных городу, дает возможность узнать о Витебске как о *городе на трех речках и пяти ландшафтных ярусах, куда едут за духом старого брик-стайла, уютом пешеходной улицы и концертами в небольших клубах; городе древней истории и авангардного искусства и просто чистом, зеленом, красивом, ухоженном месте*.

Лингвистический анализ интернет-контента

Изучение интернет-источников позволило авторам выделить различные языковые феномены и языковые средства создания образа города.

Многоязычие в городской топонимике. Языковые особенности номинации города Витебска отражают его историко-культурное развитие, многоязычие и межкультурные контакты. Название Витебск связано с рекой Витьба, на которой был основан город. Гидроним Витьба имеет балтийские или славянские корни и, вероятно, связан с древними словами, обозначающими «извилистую» или «быструю» реку. Таким образом, номинация города отражает тесную связь с природным ландшафтом. В разные исторические эпохи город имел разные языковые варианты номинации: *Витебск* (белорусский, русский), *Viцебск* (белорусская латиница), *Vitebsk* (английский, французский), *Witebsk* (немецкий, польский). Такая вариативность объясняется многоязычием региона и влиянием различных культур и государств (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя).

В Витебске наряду с русскими используются и белорусские названия городских локаций (районов, улиц, парков, достопримечательностей, зданий), которые можно увидеть на официальных табличках, в документах, в туристических материалах и на общественном транспорте. Белорусские названия делают городскую среду более аутентичной и уникальной, способствуют увеличению охвата аудитории, сохраняют национальную идентичность и подчеркивают статус белорусского языка как государственного и его роль в общественной жизни.

Приведем примеры белорусских названий, выявленных на «Google Карте» (Google Maps) Витебска [14] и на форуме Винского [16]: *Багушэўскі мікрараён* (Богушевский микрорайон), *вуліца Марка Шагала* (улица Марка Шагала), *Першамайскі завулак* (Первомайский переулок), *Саборная плошча* (Соборная площадь), *Парк культуры і адпачынку імя Фрунзе* (Парк культуры и отдыха им. Фрунзе), *Вакзал* (железнодорожный вокзал), *Віцебская ратуша* (Витебская ратуша), *Амфітэатр* (Амфитеатр), *Беларускі тэатр «Лялька»* (Белорусский театр «Лялька»), *Свята-Успенскі сабор* (Свято-Успенский собор), *Уніяцкая царква Уваскрасення Хрыстова* (униатская церковь Воскресения Христова), *БелДрук* (Белсоюзпечать), *Кнігарня* (книжный магазин), *магазін Кніжны ля Ратуши* (книжный магазин возле ратуши), *Хутка-Смачна* (фастфуд «Быстро-Вкусно»), *Добрыя лекі* (аптека «Хорошее лекарство»), *гісторыка-культурная каштоунаць Забудова вул. Суворава* (объекты историко-культурного наследия на улице Суворова).

Немногочисленны примеры из других языков. Отметим, что слово *костёл* (*костёл Святой Варвары*, *костёл Святого Духа*, *римско-католический кафедральный костёл Иисуса Милосердного*, *костёл парафii Св. Антонiя з Падui*) происходит от польского слова *kościół*, что означает «церковь». В свою очередь, польское *kościół* восходит к латинскому слову *castellum* — «крепость», «малый замок», а затем стало использоваться в значении «храм», «церковь». В белорусском, русском и украинском языках «костёл» обычно обозначает католический храм, в отличие от православной «церкви».

Немецкое происхождение имеют отдельные исторические объекты. Например, *Витебская городская ратуша* — это визитная карточка города, историческое здание, являющееся памятником архитектуры XVIII в. В настоящее время в ратуше располагается областной краеведческий музей. Слово *ратуша* происходит от немецкого слова *Rathaus*, что буквально переводится как «дом совета». В русский язык оно заимствовано через польское слово *ratusz*.

Слово *кирха* немецкого происхождения (от *Kirche* — «церковь»), обозначает лютеранское культовое сооружение. Бывшая лютеранская кирха — несохранившийся храм римско-католического монастыря ордена пиаров; ее название в настоящее время используется на русском или на белорусском языке. В Витебске кирха находилась на улице, которую раньше в народе называли Лютеранской, но официального немецкого названия улица не имела. Немецкие названия и топонимы в Витебске возникали ввиду присутствия немецкой общины, а также благодаря торговым и культурным связям с Германией. Они использовались преимущественно в немецкоязычных источниках, на картах, в деловой переписке и в среде местной немецкой диаспоры. Это говорит о том, что Витебск был частью большого европейского культурного пространства и поддерживал связи с разными народами и странами.

Английский язык также встречается в названиях учреждений: торговые центры *Metro Park*, *Greenцентр*, кафе *Кофе-Брейк*, кафе *Дабл Ю*, гастрономический бар *Humans*, салоны красоты *Барбершоп*, *Deluxe Eyes*, школа танцев *Flow*, кофейни *Smile coffee*, *Birmingham cafe*, швейный цех *DarkHorse*, прокат и ремонт велосипедов *BikeKing*. Иностранные названия или иноязычные элементы в названиях учреждений выполняют функцию аттракции (распространенный в последнее время прием привлечения внимания).

Согласимся с мнением Л.Р. Замалетдиновой, что коммерческая номинация характеризуется повышенной лингвокреативностью, активными языковыми процессами, среди которых иноязычные заимствования, переосмысление и расширение лексической семантики слова [5. С. 22].

Семантическая структура топонимов Витебска характеризуется преобладанием славянских корней, смешением языков (белорусского, русского, польского). По мнению В.А. Масловой, «язык обладает культурной функцией, так как его словарный запас, тексты являются своего рода архивом культуры, ее памятью. Опыт, передаваемый из поколения в поколение благодаря языку, превращается в духовную и материальную культуру» [7. С. 8].

Метафорический образ города. Использование метафор — одно из ключевых языковых средств формирования привлекательного лингвокультурного образа Витебска. Современный туристский контент все чаще опирается на выразительные языковые средства, чтобы выделить город среди множества других дестинаций. Через различные метафоры, эпитеты и символы город приобретает уникальные черты и становится объектом глубокого эмоционального восприятия.

Метафора как инструмент создания ярких ассоциаций и формирования эмоционального отклика становится важной частью медиаповествования о городе. Метафоры позволяют не только передать уникальные черты города, но и вызвать у зрителя определенные эмоции, вовлечь его в атмосферу места, сделать образ Витебска более запоминающимся и привлекательным:

- «Витебск — город-история» и «город-музей под открытым небом»: метафора подчеркивает значимость исторического наследия и культурное богатство.
- «Мост между Востоком и Западом»: подчеркивается историческая и географическая роль Витебска как точки пересечения культурных, торговых и исторических путей между Европой и Россией.
- «Жемчужина на Западной Двине»: эта метафора создает образ Витебска как драгоценного, уникального города, расположенного на берегах реки, акцентируя его природную красоту и историческую ценность.
- «Витебск — культурная столица Беларуси», «музыкальное сердце страны»: город метафорически сравнивается со столицей культуры всей страны, что подчеркивает его значимость как центра искусства, фестивалей, творчества. Витебск сравнивается с сердцем, в котором «бьется» музыка, — отсылка к международному фестивалю «Славянский базар» и к богатой музыкальной жизни города.
- «Витебск — город Марка Шагала», «вдохновляющий Витебск»: город представлен как пространство возможностей, источник вдохновения для художников, музыкантов, туристов, что ассоциируется с творческим наследием Марка Шагала и многочисленными культурными событиями.
- «Город, где рождается искусство»: Витебск представлен как место, где постоянно идет творческий процесс, где зарождаются новые культурные традиции.

«Палитра культур»: город сравнивается с палитрой художника, на которой смешиваются разные культуры, традиции и народы, что отражает его мультикультурную историю.

Так через метафору формируется эмоционально окрашенный и привлекательный образ города. Яркие ассоциации упрощают сложные понятия, повышают идентичность, узнаваемость и запоминаемость города, а также усиливают лингвокультурную специфику текстов, распространяемых в сети Интернет.

Терминологическая система топонимики Витебска. Терминологическая система играет ключевую роль в формировании языкового образа города, городской среды как в онлайн-, так и в онлайн-пространстве. Топонимическая система Витебска формировалась на протяжении тысячи с лишним лет. Первое упоминание города в летописях датируется 1021 г.

Авторами работ [14; 15] изучались современные карты города Витебска и рассматривались особенности терминологической системы в названиях городских объектов, их историческая эволюция и семантическое наполнение. Названия улиц, площадей, парков и достопримечательностей Витебска формируют уникальную языковую карту города, в которой сочетаются традиционные и современные термины.

Исторические термины описывают события прошлого, связанны с выдающимися личностями: улица Ватутина (далее — ул.), ул. Лазо, ул. Чапаева, проспект и парк Фрунзе, ул. Декабристов. Замковая улица отсылает к витебскому замку, существовавшему в прошлом. Многие улицы

Витебска получили свои названия в честь исторических событий. *Площадь Победы, Площадь Свободы, Площадь 1812 года, 6-я Гвардейская ул., ул. 33-й Армии, Парк имени 40-летия ВЛКСМ* – важные общественные пространства, символы патриотизма и независимости. Исторические и мемориальные названия отражают культурную жизнь города, сохраняют память о событиях и людях, формируют идентичность Витебска. В разные исторические периоды названия улиц и площадей менялись под влиянием политических и культурных процессов. После распада СССР некоторым улицам были возвращены исторические названия (*Замковая улица, Соборная площадь*). Замковая улица названа так потому, что в древности здесь находился витебский замок – оборонительный и административный центр города. Название напоминает жителям и гостям о средневековой истории Витебска, представляет собой своеобразную «летопись» города.

Географические и природные термины связаны с природными ориентирами, объектами и ландшафтом: *Московский проспект, Ленинградская ул., Тираспольская 1-я ул., Тираспольская набережная, Двинская ул., Западная ул., Луговая ул., Набережная ул., Овражная ул., Полярная ул., Вересковая ул., Озерный переулок*.

Культурные и архитектурные термины подчеркивают уникальность и специфику города: *Амфитеатр* – место проведения «Славянского базара»; *Губернаторский дворец, Доходный дом, Дом-музей Марка Шагала, Витебская ратуша, Витебские торговые ряды, Пушкинский мост* и др. Они отражают его историческое наследие, творческие традиции, особенности архитектурного облика, способствуют сохранению и популяризации знаний об архитектурных стилях и объектах, стимулируют интерес к изучению истории и культуры города и формируют узнаваемый образ для жителей и гостей.

Религиозные термины связаны с храмами и другими религиозными объектами: *Успенский собор, Благовещенская церковь, Свято-Духов монастырь, Большая Любавичская синагога, костёл Святой Варвары*. Их использование способствует ориентации в городе, указывая на расположение или наличие важных религиозных объектов. Такие сооружения становятся частью сформировавшейся городской среды, культурного и туристического бренда города, привлекая внимание к его духовным памятникам.

Топонимика города отражает его историко-культурное наследие, социальные процессы. Так, здесь присутствуют профессиональные геонимы – топонимы, обозначающие названия улиц, связанные с практической деятельностью, ремеслами и профессиями человека: *проспект Строителей, Офицерская ул., Агрономическая 2-я ул., Прядильная ул., Железнодорожная ул., Инженерная ул., Авиационный переулок, Фермерский переулок, Ремесленный 1-й переулок, Слободская ул.* и др.

Прагматический аспект терминологии городской среды проявляется в:

- идентификационно-информационной функции, предоставляющей точную информацию о местоположении и назначении объекта, выделяющей объект среди других и создающей уникальный образ.

Идентифицирующие признаки Витебска проявляются через шагаловскую тематику (улица Шагала, Дом-музей Марка Шагала, арт-центр Марка Шагала). М. Шагал – знаменитый художник, который родился и вырос в этом городе. Эти названия подчеркивают вклад Шагала в мировое искусство и его связь с Витебском.

Также в центре города можно проложить литературный маршрут, посетив пешеходную Пушкинскую улицу, памятник А.С. Пушкину, пройти через Пушкинский мост и дойти до кафе-лаунж «Пушкин Таймс». Далее по маршруту улица, названная в честь русского писателя Л.Н. Толстого, улица и сквер, названные в честь советского поэта В.В. Маяковского, улица белорусского поэта Янки Купалы;

- культурно-исторической ценности, указывающей на историческую или культурную значимость объектов с целью сохранения и популяризации культурного наследия и поддержания исторической памяти. Добавим, что культурное наследие города тесно связано с именем князя Ольгерда. К 1040-летию Витебска, в июне 2014 г., в историческом центре города на улице Суворова появилась конная скульптура — первый и единственный памятник великому князю Ольгерду в Беларуси. В городе есть кафе с его именем;
- рекламной функции для формирования положительного имиджа города и привлечения туристов.

Таким образом, результаты анализа терминов, используемых в названиях достопримечательностей, улиц и городских локаций Витебска, демонстрируют богатство и разнообразие городской топонимики. В ней отражается городская история, культура, природа и современность, формируется уникальный облик города и его идентичность через его прошлое и настоящее. Топонимическая система Витебска представляет собой многослойный феномен. Терминологическая составляющая названий городских объектов отражает уникальное сочетание архаичных и современных элементов, славянских и интернациональных корней, профессиональной и общеупотребительной лексики.

Заключение

Лингвокультурный образ Витебска представляет собой сложную систему, включающую в себя разные уровни языка и разнообразные стилистические средства. Он отражает многовековую историю города, его культурное наследие и современную идентичность.

Особенно актуальна терминологическая система топонимики Витебска. Данные языковые средства репрезентации традиционны для создания лингвокультурного образа города. Они актуальны для передачи информации настоящим вандерлюстерам¹ и обычным людям, собирающимся в путешествие.

Образ Витебска в туристическом интернет-дискурсе (онлайн-путеводителях и тревел-блогах) представлен через важные события, исторические факты, значимые даты и др. Здесь требуется объективный характер изложения, без оценок и образных интерпретаций. В таком семантическом окружении языковые средства создания образности наиболее эффективны, поскольку потребитель не осознает манипулятивного воздействия на формирование своего отношения к получаемой информации.

Литература

1. Голева С.А. Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта «город» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 26 с.

2. Голомидова М.В., Горяев С.О. Заводская культура в зеркале урбанонимии Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27. № 2. С. 206–223.

3. Голомидова М.В., Дмитриева А. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 3. С. 213–236. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039.

References

1. Goleva S.A. Lingvokul'turologicheskii i onomasticheskii komponenty kontsepta «gorod» v russkom i angliiskom iazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2006. 26 s.
2. Golomidova M.V., Gorjaev S.O. Zavodskaiia kul'tura v zerkale urbanonimii Ekaterinburga//Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2025. T. 27. No. 2. S. 206–223.
3. Golomidova M.V., Dmitrieva A. Obraz Ekaterinburga cherez prizmu urbanonimicheskogo diskursa//Voprosy onomastiki. 2024. T. 21. No. 3. S. 213–236. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039.

¹ Wanderluster — это человек, который испытывает непреодолимое желание путешествовать и исследовать новые места. Термин происходит от немецкого слова “wanderlust”, которое сочетает в себе “wandern” (путешествовать) и “Lust” (желание), означая сильное желание путешествовать.

4. Дубовская Т.А. Аксиологический диапазон регионального поэтического текста (образ Витебска) // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2021. № 2 (58). С. 122–129.
5. Замалетдинова Л.Р. Современные русские урбанизмы в аспекте креативной речевой деятельности: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2016.
6. Кривицкая А.В. Эргонимы в лингвокультурном пространстве города (на материале питеиных заведений Республики Башкортостан): автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023. 24 с.
7. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
8. Межецкая Г.Н., Молчанова Л.В. Образ Берлина в произведениях современных писателей-эмигрантов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 105–112. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/105-112>.
9. Скнарев Д.С., Русакова М.М. Интернет как цифровой инструмент создания и продвижения уникального контента туристического бренда // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 6с. С. 177–186. DOI: 10.20339/PhS.6s-24.177.
10. Скнарев Д.С., Русакова М.М., Нелиубова Н.Ю. Тыва туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 200–216. DOI: 10.25178/nit.2023.4.14.
11. Спалек О.Н. Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в паремиях русского ипольского языков // Litera. 2024. № 6. С. 188–198. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71056.
12. Спалек О.Н. Лингвокультурный образ городов в польских фразеологизмах с компонентами-астионимами, урбанонимами и этнонимами // Litera. 2019. № 6. С. 1–11.
13. Третьякова Е.В. Метафорический образ Иркутска как средство создания позитивного имиджа города // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8. С. 2658–2664. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240379>.
14. Витебск: карта города // Google Maps. URL: <https://www.google.com/maps/search/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D2%C2%20%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%BA%D1%8F%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%8C%D2%20%D0%91%D0%BA%D0%BB%D0%BA%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C> (05.06.2025).
15. Витебск: карта города // Яндекс Карты. URL: <https://yandex.ru/maps/geo/53176851/?ll=30.199460%2C55.222449&z=11.39> (05.06.2025).
16. В Беларусь «за Европой»: Гродно, Новогрудок, Витебск // Форум Винского. URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=608&t=423100&sid=760cb53365a3f73cafbc70df34e33716d&start=100> (15.06.2025).
17. Витебск — один из самых красивых и уютных городов Беларуси. Были, видели? // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/YgC74-5h9iyQ_av (15.07.2025).
18. Витебск: белорусская Венеция, которую невозможно не полюбить // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZNmnl-1DjSqlCuc?sid=335626275107377467> (15.07.2025).
4. Dubovskaya T.A. Aksiologicheskii diapazon regional'nogo poeticheskogo teksta (obraz Vitebska) // Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamiakina. 2021. No. 2 (58). S. 122–129.
5. Zamal'etdinova L.R. Sovremennye russkie urbano-nimy v aspekte kreativnoi rechevoi deiatel'nosti: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Moscow, 2016.
6. Krivitskaya A.V. Ergonomiy v lingvokul'turnom prostranstve goroda (na materiale piteinykh zavedenii Respubliki Bashkortostan): avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2023. 24 s.
7. Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. 180 s.
8. Mezhetskaya G.N., Molchanova L.V. Obraz Berlina v proizvedeniakh sovremennykh pisatelei-emigrantov // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhhuk'turnaia kommunikatsiya. 2024. No. 1. S. 105–112. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/105-112>.
9. Sknarev D.S., Rusakova M.M. Internet kak tsifrovoi instrument sozdaniia i prodvizheniiia unikal'nogo kontenta turisticheskogo brenda // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2024. No. 6s. 177–186. DOI: 10.20339/PhS.6s-24.177.
10. Sknarev D.S., Rusakova M.M., Neliubova N.Iu. Tuva turisticheskaiia: lingvokul'turologicheskie osobennosti marketingovoj internet-kommunikatsii // Novye issledovaniia Tuvy. 2023. No. 4. S. 200–216. DOI: 10.25178/nit.2023.4.14.
11. Spalek O.N. Lingvokul'turnye obrazy Moskvy i Varshavy v paremiyah russkogo i pol'skogo iazykov // Litera. 2024. No. 6. S. 188–198. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71056.
12. Spalek O.N. Lingvokul'turnyi obraz gorodov v pol'skikh fra-zeologizmakh s komponentami-astionimami, urbanonimami i etnonimami // Litera. 2019. No. 6. S. 1–11.
13. Tret'jakova E.V. Metaforicheskii obraz Irkutska kak sredstvo sozdaniia pozitivnogo imidzha goroda // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. Vyp. 8. S. 2658–2664. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240379>.
14. Vitebsk: karta goroda // Google Maps. URL: <https://www.google.com/maps/search/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D2%C2%20%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%BA%D1%8F%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%8C%D2%20%D0%91%D0%BA%D0%BB%D0%BA%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C> (05.06.2025).
15. Vitebsk: karta goroda // Yandeks Karty. URL: <https://yandex.ru/maps/geo/53176851/?ll=30.199460%2C55.222449&z=11.39> (05.06.2025).
16. V Belarus' «za Evropoi»: Grodno, Novogrudok, Vitebsk // Forum Vinskogo. URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=608&t=423100&sid=760cb53365a3f73cafbc70df34e33716d&start=100> (15.06.2025).
17. Vitebsk — odin iz samykh krasivykh i uitynykh gorodov Belarusi. Byli, videli? // Dzen. URL: https://dzen.ru/a/YgC74-5h9iyQ_av (15.07.2025).
18. Vitebsk: beloruskaia Venetsiia, kotoruiu nevozmozhno ne polubit' // Dzen. URL: <https://dzen.ru/a/ZNmnl-1DjSqlCuc?sid=335626275107377467> (15.07.2025).

Маслова Валентина Авраамовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры дошкольного и начального образования
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(Витебск, Беларусь)

Maslova Valentina A.,
Doctor of Philology,
Professor of the Preschool and Primary Education Department
Masherov Vitebsk State University
(Vitebsk, Belarus)

e-mail: mvavit@tut.bv

Скнарев Дмитрий Сергеевич,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Sknarev Dmitry S.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian Language and Cultural Linguistics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: sknarevds@pfur.ru

Русакова Мавжиды Мунировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка
Южно-Уральский государственный медицинский университет

Rusakova Mavzhida M.,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign
Languages with the Course of Latin Language Department
South Ural State Medical University

e-mail: mmrusakova@yandex.ru

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Специфика жанровой трансформации международного сюжета о Тристане и Изольде в социокультурном дискурсе Казахстана (на материале эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу»)

В статье анализируется процесс жанровой трансформации международного романтического сюжета о любви Тристана и Изольды в условиях казахстанского социокультурного дискурса на примере эпического сюжета «Козы Корпеш и Баян Сулу». В основе анализа – сравнительно-типологический подход, элементы фольклорной типологии и дискурсно-аналитические методы. С позиций семиотики рассматривается, как универсальные архетипические мотивы «любовь – верность – трагедия» интерпретируются через локальные жанровые репертуары (эпос, героический роман, лиро-эпические песни, сценические постановки), репрезентируясь в историко-культурных условиях Казахстана в перформативных актах сказительства и исполнительства как повторяющихся практиках, формирующих субъектность перформативного контекста, через который возникают новые значения эпических сюжетов и трансформируются знаки эпоса. Делается вывод о том, что трансформация сюжета происходит на уровне мотивного комплекса. Теоретически продуктивной представляется предложенная концепция этнической идентичности носителей культурной памяти в Казахстане на основе трансформации сюжета «Тристан – Изольда» и его казахской версии (Козы Корпеш и Баян Сулу). Она формируется через локализацию мотивов любви и жертвы, символику рода-племенных, кочевых и ритуальных элементов в многослойную «семантическую петлю», когда элементы семиотики сюжета реверсивно возвращаются в нарратив, сплетаясь с автохтонными национальными мотивами в новое значение, конституирующее этнокультурную идентичность казахов.

Ключевые слова: Тристан и Изольда, Козы Корпеш и Баян Сулу, перформативная идентичность, «семантическая петля», культурная память, жанровая трансформация

This article examines the process of genre transformation of the international romantic love story of Tristan and Isolde within the context of Kazakhstani sociocultural discourse, using the epic story “Kozy Korpesh and Bayan Sulu” as an example. The analysis draws on a comparative typological approach, elements of folklore typology, and discourse-analytical methods. From a semiotic perspective, it examines how universal archetypal motifs of “love – fidelity – tragedy” are interpreted through local genre repertoires (epic, heroic novel, lyric-epic songs, and stage productions), being represented in the historical and cultural context of Kazakhstan through performative acts of storytelling and performance as recurring practices that shape the subjectivity of the performative context, through which new meanings emerge in epic stories and the symbols of the epic are transformed. It is concluded that the transformation of the story occurs at the level of the motif complex. The proposed concept of the ethnic identity of cultural memory bearers in Kazakhstan, based on the transformation of the Tristan-Isolde story and its Kazakh version (Kozy Korpesh – Bayan Sulu), appears theoretically productive. It is formed through the localization of motifs of love and sacrifice, and the symbolism of tribal, nomadic, and ritual elements, into a multilayered ‘semantic loop’, whereby semantic elements of the story are reversely reintroduced into the narrative, intertwining with indigenous national motifs to create a new meaning that constitutes the ethnocultural identity of the Kazakhs.

Keywords: *Tristan and Isolde, Kozy Korpesh and Bayan Sulu, performative identity, “semantic loop”, cultural memory, genre transformation*

Введение

Международный любовный сюжет о Тристане и Изольде – один из наиболее устойчивых мотивных комплексов мировой культуры, проявляющийся в разных жанрах: рыцарских романах, поэмах, народных песнях и эпосе. В казахской традиции архетипические мотивы любви и трагедии реализуются в эпосе «Козы Корпеш и Баян Сулу», который занимает центральное место в репертуаре устной народной прозы и поэзии. Совпадение данных сюжетов в фольклоре народов, исторически не имевших общения, может быть объяснено бытованием литературных архетипов – часто повторяющимися практиками, формирующими субъектность перформативного контекста, через который возникают новые значения сюжетов и трансформируются знаки эпоса.

представляющих собой «сквозную», кросс-культурную модель с сохраненным ценностно-смысловым ядром («вечные образы» Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Лейли и Меджнун, Тахира и Зухры) [1].

Цель настоящей статьи — проследить механизмы жанровой трансформации международного сюжета, локализованного в социокультурном поле Казахстана, и показать, какие смысловые и жанровые функции при этом выполняют этнокультурные дискурсивные практики в свете трансформации социальных ролей и формирования социокультурной идентичности.

Теоретический и методологический контексты исследования включают в себя сравнительно-типологический подход к международным сюжетам (основы мотивной типологии и сюжетообразования), теорию «памяти жанра» по М.М. Бахтину, ориентированную на «речевые жанры» как форму коммуникации, диалогизм и хронотоп речевых практик прошлого в кросс-культурных пересечениях с новыми этнопоэтическими контекстами [2]. Важным оказывается и дискурсивный анализ механизмов, через которые текст сохраняет и репрезентирует социокультурный опыт в динамике смыслообразования. Речевые практики и хронотопы прошлого при этом могут активироваться в новых текстах, вступая в диалог с современными речевыми формами [3].

Объектом исследования в данной статье является жанровая трансформация международного сюжета о Тристане и Изольде в контексте бытования казахстанского романического эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу», представляющего собой сложный процесс локализации, в котором универсальные мотивы преломляются через локальные жанровые репертуары, исполнительские практики и социокультурные нормы.

Предметом исследования при этом является процесс трансформации не только сюжетных мотивов, но и способов их артикуляции, в частности через репрезентацию коллективных идеологем и этнокультурных кодов. В результате образуется форма, одновременно сохраняющая универсальную семантику любовно-трагического сюжета и выполняющая локальную функцию формирования коллективной идентичности. В данном контексте в междисциплинарном научном поле с позиции методов «насыщенного описания» в культурной антропологии К. Гирца [4] важно детально описать и интерпретировать значения контекстуальных деталей-символов, заложенных в культурных практиках бытования сюжета о любви с позиции культурного самовыражения.

Несмотря на то что для рассмотрения вопросов дискурсивных стилей в рамках модели культуры как «текста памяти» [5], интерпретации традиционных смыслов на основе диалогического процесса, описания нарративных стратегий и дискурсивных стилей авторов в парадигмах постколониализма, мультикультурализма, билингвизма, лингвокультурной адаптации и других векторов были предложены продуктивные стратегии и даны ключи к пониманию логики иной культуры как значимой «Другой» (У.М. Бахтикеева) [6], тем не менее интерпретация символов и смыслов этнической традиции через анализ метафорической системы, пронизывающей каждое общество, имеет важнейшее значение для более глубокого понимания процессов и механизмов внимательного прочтения культуры. Закономерно при этом вслед за антропологом Полом Шэндмэном задать вопрос о точности и верifiцируемости выводов, полученных с помощью «насыщенного описания» К. Гирца, справедливо полагающего, что «хорошая интерпретация чего угодно — стихотворения, человека, истории, ритуала, института, общества — погружает нас в самый центр того, что она интерпретирует» [4. С. 25]. Проблема перевода символов рассматриваемого любовного сюжета не только в лингвистическом, но и в культурном ключе представляется актуальной. Насколько точно исследователь, будучи представителем одной культуры, может передать смыслы и категории другой культуры? Очевидно, что здесь значимы принципы понимающей социологии М. Вебера и теория концептуальной метафоры, т.к. глубинные смыслы заключены в сложной метафорической системе. С этих позиций теория концептуальной метафоры Лакоффа, Джонсона [7. С. 25] позволила в рамках социальной лингвистики противопоставить «поверхностному чтению» боль-

ших метанarrативов изучение малых национальных дискурсов и описать их как герменевтическую археологию уникальных текстов культурной памяти традиции изучаемой культуры.

Источниками и материалами исследования являются варианты эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу» в устной традиции и их записи Ч.Ч. Валихановым в Күшмұрунской степи в 1851 г.¹, а также тексты и исследования международного комплекса сюжетов о Тристане и Изольде в европейской традиции².

Основная часть

Жанровые параметры международного сюжета о Тристане и Изольде и их универсальные черты

Рассматривая жанровые контексты «вечного» сюжета о любви и его культурное значение, следует отметить, что «Легенда о Тристане и Изольде» сохраняет влияние на развитие романного эпоса со времен Средневековья и до наших дней [8. С. 25].

В ее основе — мотив страстной, запретной любви, противостоящей общественным нормам и устоям. Именно универсальность этой темы — ее способность находить отклик в самых разных культурах и эпохах, психология — во многом объясняет широкое распространение сюжета и его многократные переработки в разных культурных традициях.

Интересно, что похожие мотивы встречаются в фольклоре и литературе народов, которые, по всей вероятности, не имели прямых контактов с кельтскими общностями Британии, Бретани или Ирландии VI в., в частности в тюркском эпосе казахов, татар и башкир. Это позволяет предположить не только глубокую эмоциональную универсальность темы, но и ее важность для коллективного сознания разных обществ. Исследование таких параллелей помогает увидеть, как одни и те же сюжеты адаптировались в контексте местных традиций и ценностей.

Сам исторический фон легенды связан с социокультурными особенностями развития Британии в раннем Средневековье, где культурные практики кельтов того времени создавали ту среду, в которой зарождались и передавались подобные повествования. Показательно, что образы и мотивы легенды о Тристане и Изольде продолжают вдохновлять как классических, так и современных художников, музыкантов и режиссеров. Достаточно упомянуть оперу «Тристан и Изольда» Рихарда Вагнера (1865), а также современные кинематографические интерпретации легенды: фильм “L’Éternel retour” (1943) режиссера Жана Кокто (Франция), англо-американскую кинопостановку “Tristan & Isolde” (2006) режиссера Кевина Рейнольдса и фильм “Fire and Sword” (1981) Файта фон Фюрстенберга (ФРГ).

Сюжет о Тристане и Изольде в европейской культурной традиции, по наблюдениям А.А. Смирнова [9] и А.Д. Михайлова [8], характеризуется несколькими устойчивыми жанровыми мотивами средневековых легенд о любви. Во-первых, в центре повествования любовный союз двух молодых людей, запретный в силу внешних препятствий: замужества Изольды и клятвы Тристана служить королю Марку — мужу Изольды и своему дяде. Таким образом, перед нами мотив нарушения клятвы, который, объединяясь с сюжетным мотивом любовного зелья, символизирует вмешательство инфернальных сил в судьбу героев, усиливая роковой финал связанный отношений влюбленных.

Во-вторых, мотив трагического завершения любви (смерть любящих в силу невозможности их существования друг без друга), символизирующий конфликт между личным и общественным,

¹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. 2-е изд. Алма-Ата: Главное издание Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 115–162.

Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenii: v 5 t. 2-e izd. Alma-Ata: Glavnoe izdanie Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1984. T. 1. S. 115–162.

² Смирнов А.А. Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам // Из истории западноевропейской литературы. М.; Л., 1965. С. 49–64; Михайлов А.Д. Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. 732 с. (Литературные памятники); Михайлов А.Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 263 с.

Smirnov A.A. Roman o Tristane i Izol'de po kel'tskim istochnikam // Iz istorii zapadnoevropeiskoi literatury. Moscow; Leningrad, 1965. S.49–64; Mikhailov A.D. Legenda o Tristane i Izol'de. Moscow: Nauka, 1976. 732 s. (Literaturnye pamiatniki); Mikhailov A.D. Srednevekovye legendy i zapadnoevropeiskie literatury. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006. 263 s.

а также ритуальные и символические образы-символы меча, моря, леса, которые получают локальные реминисценции в разных культурах.

Важно отметить и то, что легенда о Тристане и Изольде знакомила средневековое общество с совершенно не вписывающейся в смысловую доктрину куртуазной любви концепцией любви- страсти. Как отмечал А.Д. Михайлов, здесь репрезентирована любовь плотская, «греховная, то есть незаконная» [Там же. С. 30]. Несмотря на то что внешние признаки куртуазного романа здесь присутствуют (рыцарь служит dame сердца, хотя она замужем и находится выше него по социальному статусу), Изольда нарушает этикетные нормы поведения куртуазной дамы: телесные коды легенды семантически раскрывают вполне однозначное стремление героини оказаться в объятиях Тристана. Перед нами, таким образом, описание любви- страсти, темной и связанной с предательством и жестокостью, ставящей Тристана перед необходимостью совершить внутренний выбор между долгом служения королю и стремлением воссоединиться с Изольдой.

Подобная страсть совершенно не вписывается в стереотипные для средневековой культуры представления о любви как гармоничном и возвышающем героях чувстве. Очевидно, что в контексте идей памяти жанров куртуазного культурного поля рыцарских романов о чаше Грааля и служении Прекрасной Даме легенда о Тристане и Изольде, безусловно, отталкивалась от них, преодолевала стереотипные представления о любви. Следовательно, перед нами текст, в рамках коммуникативного дискурса которого не столько передается некая информация, сколько проводится разграничение жизненного и коммуникативного пространства общества в целом. Другими словами, происходит идентификация личности с закрепленными жанровой традицией стереотипами, мифологемами, создававшими комфортное ощущение в рамках зафиксированных в культуре текстов, и одновременно разрушаются мифологические установки прошлого, конструируется пространство новой реальности, в котором общество и личность определяют положение между «своим» и «чужим». Такая концепция любви и личной жизни, по мысли А.Д. Михайлова, «стала грандиозным завоеванием литературы, совершенно исключительным для своего времени» [Там же] и явилась неким пространством когнитивного диссонанса, спровоцировавшим импульс творческого переосмысливания столь многими художниками-творцами в последующих веках. Не случайно Томас Манн назвал основным импульсом развития европейского романа «принцип углубления во внутреннюю жизнь» [10. С. 280].

Жанровые параметры сюжета «Козы Корпеш и Баян Сулу» в культурном поле Казахстана

Интерес к знаковой для культуры Казахстана эпической поэме «Козы Корпеш и Баян Сулу» проявляли известные русские и казахские путешественники, этнографы и фольклористы. Так, Г.Н. Потанин писал, что это «любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана... это история красавицы Баян Сулу, которая влюбилась в бедного пастуха Козу Корпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле» [11]. Ученый отметил международный характер сюжета о Козы и Баян, а также указал на исключительную популярность этой поэмы среди казахов. Примечательно, что в архиве А.С. Пушкина сохранилась рукопись казахского варианта эпоса под названием «Предание кыргыз, расположенное на песнях о романе Кусукурпечь», полученная им во время поездки в Оренбург с целью сбора материалов для «Истории Пугачева». Известно, что А.С. Пушкин попросил своего друга В.И. Даля записать для него один из вариантов этого эпического памятника [12]³.

Первым казахским ученым, записавшим другой высокохудожественный вариант эпоса о Козы и Баян в исполнении известного акына Жанака, был В.В. Валиханов [13. С. 120].

Казахская версия «Козы Корпеш и Баян Сулу» впервые была опубликована академиком В.В. Радловым в 1870 г. в книге «Образцы народной литературы тюркских племен». Этот эпический памятник — одна из первых книг, отпечатанных в Казанской университетской типографии. Из этого издания поэма перепечатывалась в учебные пособия русских университетов [14].

³ В архивах Российской государственной библиотеки есть текст, записанный Пушкиным во время его пребывания в центре Западно-Казахстанской области, Уральске, и опубликованный в «Вестнике Пушкинской комиссии» (1837).

Выдающийся казахский писатель и крупнейший знаток народного эпоса М.О. Ауэзовставил поэму «Козы Корпеш и Баян Сулу» в один ряд с шедеврами восточной поэзии — поэмами «Лейли и Меджнун» и «Фархад и Ширин», указывая, что «имена Баян и Корпеш сделались нарицательными для несчастных молодых влюбленных, подобно именам Ромео и Джульетты на Западе» [15].

Являясь самым древним вариантом казахского эпического творчества, по мнению академика А.Х. Маргулана [16], о чем свидетельствуют многочисленные исследования ученых, эпос «Козы Корпеш и Баян Сулу» содержит огромное количество сакральной и исторической информации, расшифровка которой в выбранном аспекте «памяти жанра» и дискурс-анализа может помочь выявить и описать мифологические сюжеты поэмы как яркое проявление сложившихся представлений о богах и героях в мифологической и языковой картине мира казахов с позиции сакрализации определенных общественных установок для узаконивания определенного типа верований и поведения кочевников Центральной Азии.

Эпос «Козы Корпеш и Баян Сулу» в казахской традиции занимает промежуточное положение между героическим эпосом и лиро-эпической песней. К главным особенностям жанровой специфики текста лиро-эпической поэмы относится эпический охват времени, условный хронотоп героического пространства. Маркерами этнокультурного ландшафта выступают топонимы казахской степи, родовых владений, большое количество персонажей и эпизодов, а также уникальный мотивный комплекс.

Характеризуя уникальные мотивы эпического сюжета о Козы и Баян, следует выделить мотивный комплекс обряда инициации — жанровую доминанту форм похоронной и свадебной необрядовой традиционной лирики, семантическим ядром которой является мотив «смерть и воскресение». Когда Баян Сулу услышала о смерти своего возлюбленного Козы Корпеша, она вознесла свои молитвы к богу и вымолила семь месяцев жизни для своего суженого. В тот момент появился старец в белом головном уборе (семантический маркер святого человека в мусульманской восточной традиции) и сказал, что желание девушки принято богом, а затем исчез. Так Козы Корпеш воскрес и счастливо жил со своей возлюбленной Баян семь месяцев. Следовательно, здесь проявлен семантический комплекс обряда инициации — «смерти и воскресения» возлюбленного, который в новом статусе приобщенного к иному миру продолжает жить с героиней. Как известно, обычно умершие персонажи известных эпосов не возвращаются к жизни. Для сравнения: в легенде о Тристане и Изольде герои погибают и соединяются в ином мире, символом чего являются переплетенные ветви деревьев, вырастающих на их могилах. В свою очередь, в мифологической картине мира казахов преобладает вера в единство верхнего мира (бог-отец Тенгри и духи верхнего мира — пэри и др., которые, собственно, и могут даровать герою вторую жизнь), среднего (Умай, богиня плодородия земной силы, Мать всего сущего) и нижнего (духи албысы и др., противодействующие человеку) миров, которые взаимосвязаны и сосуществуют, взаимопроникая друг в друга посредством медиумов (шаманов) и невидимых духов [17]:

Қозы тірліген кездे жер-дүниені аралап,
Баянмен біраз күн бақытты күн кешіп,
ақ жұмыртқаға айналады:
Қалған екен Қозыекем сағынысып,
Бір ойнайды жарымен табылысып,
Ақ жұмыртқа болысып, жерден шығып,
Жер жүзінде ойнайды шағылысып.
Ата-анасы Баянды қарамайды,
«Балам қайда кетті?» деп сұрамайды.
Ақ жұмыртқа болысып жерде ойнаса,
Жалғыз болып Қодар күл аралайды⁴.

Когда Козы воскрес,
Он путешествовал по земле,
Немного было у него счастливых дней с Баян,
Он превратился в белое яйцо:
— Я не знаю, как это объяснить.
Он играет со своей суженой.
Белое яйцо выскакивает из-под земли,
Играет на земле.
Род не задает вопрос, не спрашивает:
— Куда делися мой ребенок?
Если белые яйца играют на земле,
Он одинокий странник...

⁴ Далее текст эпоса цитируется по изданию: Слово Бабалара. Гашыктык жырлар = Слово предков. Песни о любви / томының гылыми тушиктемелерин джазып, баспага дайындан.: Алпысбаева К., Коса С. Т. 54. Астана: Фолиант, 2009. 456 с. На казах. яз.

Babalar sezi: Zhuz tomdyk / Alpysbaeva K., Kosa S. T. 54. Astana: Foliant, 2009. 456 s. Na kazakh. iaz.

В данном отрывке представлен образ — семантическая формула белого яйца, выкатившегося из-под земли, имплицитно указывающая на Козы, воскресшего для встречи с Баян, и на немногие счастливые дни с любимой. Очевиден также и древний архетипический смысл данной формулы, связанный с погребальной и свадебной обрядностью и семантическим комплексом ритуала инициации: переход в иной мир и приобретение нового статуса, возвращение к невесте как возможность ритуального приобщения Баян к новому для ее жениха миру предков, рода.

Важно отметить, что в казахском фольклоре в варианте лиро-эпической поэмы «Козы Корпеш и Баян Сулу» мотивы обряда инициации отражены в дискурсивных событиях сна, что является уникальным маркером древности эпоса. Так, когда умирает Козы, Баян Сулу засыпает, и спустя сорок пять лет ей является видение; мать Баян, Каракоз, видит во сне, что мертвые воскресли; во сне Козы и Баян являются святыми, и пророки говорят двум влюбленным идти в страну святости [18].

В варианте поэмы, записанном В.В. Радловым, более проявлены следующие уникальные сюжетные мотивы другой формы эпоса — жанра сказки: герой Козы Корпеш носит на ногах металлические сапоги, а посох, который он держит в руке, сделан из железа; в сказках герои долго спят, не просыпаясь, и Козы Корпеш также спит 14 дней; Козы Корпеш взлетает в небо со стадом крылатых коней; Козы Корпеш говорит с овцами, и они немеют; Козы Корпеш не умирает, он счастливо живет со своей возлюбленной.

Поскольку два близких жанра — эпос и сказка — взаимосвязаны, сюжеты жанра продолжают дополняться сказочными мотивами в репертуаре сказителей.

Таким образом, опираясь на работу Б.Н. Путилова «Мотив как сюжетообразующий элемент» [19], можно заключить, что рассмотренные мотивы в эпических сказаниях «Козы Корпеш и Баян Сулу» являются относительно самостоятельным, законченным элементом сюжета, воспроизведенным этнокультурные реалии коммуникативного поведения героев рассматриваемого эпоса, направленного на идентификацию со «своей» культурой. Например, мотив «окаменения» часто является предикатом своеобразного «наказания» героя эпоса. Являясь невербальным знаком коммуникации, этот мотив имеет определенный для данной культуры знаковый смысл, обозначая такие психологические состояния, как «страх», «стыд», «спасение», «беспомощность». Так, мотив превращения в камень присутствует в версиях рассматриваемого сюжета как важный знак коммуникативного поведения казахов. В сюжете сестра возлюбленной Козы, пока была в пути, услышала, что Козы Корпеш снова умер после воскресения. Узнав о его смерти, она превратилась в камень, окаменела (с. 54). В версии В.В. Радлова, кроме того, появляется редкий для тюркского эпоса мотив «опьянения» героя, который имплицитно связан с мотивом окаменения:

Үгे жетіп, Қозыкем аттан түсіпті, Есікті ашып Қозыкем үйге кіріпті.

Алтын шымылдық жерге жайып отырғызып, Ыш, мырза деп арақ пен арап ұсыныпты (с. 80).

«Угощение водкой и вином» — мотив, известный в древней культуре гуннов, совершивших подобные коммуникативные действия, потчую ханов кочевых стран водкой или вином в знак уважения и почета. Это известно со времен династии Тан в Китае.

Таким образом, в результате анализа отдельных сюжетных мотивов сюжета «Козы Корпеш и Баян Сулу» как значимых коммуникативных событий, представляющих собой этнокультурные образцы поведения казахов, можно заключить, что специфику жанровой трансформации международного сюжета о трагической любви составляют следующие реалии: казахская версия сюжета о трагической любви героев несет явные следы мифологического пласта архаических представлений об инициации душ влюбленных и переходе их в мир смерти с дальнейшим воскресением и пребыванием в среднем и верхнем мирах, что соотносится с триединой мифо-поэтической картиной мира казахов (тэнгрианство), в то время как в легенде о Тристане и Изольде данный мотив присутствует имплицитно, лишь в форме романтического клише о соединении душ влюбленных после смерти.

Показателен факт многочисленных творческих переработок сюжета о Козы и Баян в современном культурном поле Казахстана, что свидетельствует о продолжающейся традиции «памяти жанра» сказания о любви. Так, классик казахской литературы Г. Мусрепов написал пьесу «Козы Корпеш и Баян Сулу», а позже на основе этой пьесы был снят фильм «Поэма о любви» (1954).

В 1992 г. народный артист СССР, известный казахский режиссер и актер Асанали Ашимов снял кинофильм «Козы Корпеш и Баян Сулу». К 1500-летию эпоса известный казахский режиссер Баыхыт Гафу (Баыхыт Каирбеков) снял документальный фильм «В плена судьбы», представляющий собой поэтический рассказ о судьбе героев древнего лирического эпоса казахов «Козы Корпеш и Баян Сулу». Перспектива исследования видится в изучении феномена перформативного подхода в конструировании этнической, социокультурной идентичности казахов в аспекте концепции «второй устности» (по У. Онгу) в эпоху цифровизации и мультимодальных медиажанров.

Заключение

В европейской версии сюжета о трагической любви (легенда о Тристане и Изольде) доминирующим является мотив запретной любви в контексте куртуазной, рыцарско-романтической культуры. В казахском эпическом сказании «Козы Корпеш и Баян Сулу» мотива запретной любви как такового не выявлено, т.к. влюбленные были предназначены друг для друга по законам рода через договорно-обрядовые соглашения отцов (жуз — род). Это приводит к смещению акцента в казахской версии сюжета с индивидуальной трагедии личности, как в европейской легенде о Тристане и Изольде, на следование коллективной нравственности.

Мотивы испытаний героев (подвиги, поединки, длительные странствия) в европейской версии легенды о Тристане и Изольде часто имеют рыцарскую мотивацию; в казахской версии они переплетаются с кочевыми практиками казахов, что меняет жанровую интонацию с рыцарской на эпическую, близкую к былинным формам.

В «Тристане и Изольде» представлено коммуникативное поведение героя-рыцаря, в то время как в казахском эпическом сказании «Козы Корпеш и Баян Сулу» герой включен в родовую сеть обязательств, его героическое поведение интерпретируется как проявление чести рода. Коммуникативный портрет Изольды представлен активными действиями геройни, стремящейся быть с возлюбленным, несмотря на препятствия; Баян Сулу в казахском эпосе сочетает в себе черты образа традиционной казахской невесты, чья судьба не только отображает личную драму, но и глубоко укоренена в казахской картине мира, обрядах и ритуалах, ее образ — символ родовой чести и культурной памяти.

В европейской традиции сюжет фиксирован в письменных романах и драматических и кино-переработках; в Казахстане он сохраняется и в устном исполнении, и в драматических и аудиовизуальных переработках. Важно отметить и роль дискурсивных стратегий в жанровой трансформации сюжета о трагической любви в европейской и казахской традициях. Здесь жанр легенды и сказания в устной и письменной традициях выступает как средство передачи коллективной памяти, маркер этнической идентичности в репрезентации социальных и этических норм (брак, долг, честь).

Таким образом, жанровая трансформация международного сюжета о Тристане и Изольде в контексте бытования казахского эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу» представляет собой сложный процесс локализации международного, «бродячего» сюжета, в котором универсальные мотивы преломляются через локальные жанровые формы, исполнительские практики и социокультурные нормы. Перспективным видится в следующих исследованиях выявить влияние современных медиа (кино, интернета) на дальнейшую жанровую трансформацию сюжета в контексте междисциплинарного изучения современных адаптаций эпоса и их влияния на общественные представления о роли женщины и мужчины в национальной культуре.

Литература

1. Большакова А.Ю. Теория архетипа на рубеже XX–XXI в. // Вопросы филологии. 2003. № 1. С. 37–47.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.
3. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 1998. С. 185–197.
4. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 380 с.
5. Елфимов А. Об антропологии и гуманитарных науках: несколько заметок о творчестве К. Гирца // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 50–62.
6. Бахтикеева У.М., Башиева С.К. Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 339–353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>.
7. Лакоф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 345 с.
8. Михайлов А.Д. Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. 732 с. (Литературные памятники).
9. Смирнов А.А. Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам // Из истории западноевропейской литературы. М.; Л., 1965. 245 с.
10. Манн Т. Искусство романа // Собрание сочинений. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1961. С. 280.
11. Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1895. № 8. С. 84.
12. Хуббидинова Н.А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX века (к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей). Уфа, 2011. 123 с.
13. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. 2-е изд. Алма-Ата: Главное издание Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 115–162.
14. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1870. 120 с.
15. Ауэзов М.О. Мысли разных лет. Алматы, 1961. С. 272–300.
16. Маргулан Э.Х. Ежелл жыр-ацыздар. Алматы, 1985. 135 с.
17. Абиханова Г. Казахская любовная лирика: источники, основные сюжеты, текстология: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Алматы, 2020.
18. Ибраев Ш. Мир эпосов. Поэтика казахских героических поэм: монография. Алматы: Наука, 1993. 296 с.
19. Путолов Б.Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. в память В.Я. Проппа. М., 1975.

References

1. Bol'shakova A.Iu. Teoriia arkhetipa na rubezhe KhKh–XXI v. // Voprosy filologii. 2003. No. 1. S. 37–47.
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Sov. pisatel', 1963. 363 s.
3. Karasik V.I. O kategoriiakh diskursa // Iazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty: sb. tr. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 1998. S. 185–197.
4. Girts K. Interpretatsiia kul'tur / per. s angl. Moscow: ROSSPEN, 2004. 380 s.
5. Elfimov A. Ob antropologii i gumanitarnykh naukakh: neskol'ko zametok o tvorchestve K. Girtsa // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. No. 70. S. 50–62.
6. Bakhtikireeva U.M., Bashieva S.K. Etnokul'turnyi smysl artefaktov karachaevo-balkarskoi svad'by: protsessy desemantizatsii i prirashcheniya // Novye issledovaniia Tuvy. 2025. No. 2. S. 339–353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>.
7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Moscow: Editorial URSS, 2004. 345 s.
8. Mikhailov A.D. Legenda o Tristane i Izol'de. Moscow: Nauka, 1976. 732 s. (Literaturnye pamiatniki).
9. Smirnov A.A. Roman o Tristane i Izol'de po kel'tskim istochnikam // Iz istorii zapadnoevropeiskoi literatury. Moscow; Leningrad, 1965. 245 s.
10. Mann T. Iskusstvo romana // Sobranie sochinenii. T. 10. Moscow: Goslitizdat, 1961. S. 280.
11. Potanin G.N. V iurte poslednego kirgizskogo tsarevicha // Russkoe bogatstvo. 1895. No. 8. S. 84.
12. Khubbiddinova N.A. Khudozhestvennoe otrazhenie fol'klora v literature XIX veka (k probleme russko-bashkirkikh fol'klorno-literaturnykh vzaimosvazei). Ufa, 2011. 123 s.
13. Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenii: v 5 t. 2-е изд. Alma-Ata: Glavnoe izdanie Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1984. T. 1. S. 115–162.
14. Radlov V.V. Obraztsy narodnoi literatury tiurkskikh plemen. St. Petersburg, 1870. 120 s.
15. Auezov M.O. Mysli raznykh let. Almaty, 1961. S. 272–300.
16. Margulan E.Kh. Ezhelл zhyr-atsyzdar. Almaty, 1985. 135 s.
17. Abikanova G. Kazakhskaiia liubovnaia lirika: istochniki, osnovnye siuzhety, tekstologiya: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Almaty, 2020.
18. Ibraev Sh. Mir eposov. Poetika kazakhskikh geroicheskikh poem: monografiia. Almaty: Nauka, 1993. 296 s.
19. Putilov B.N. Motiv kak siuzhetoobrazuiushchii element // Tipologicheskie issledovaniia po fol'kloru: sb. st. v pamiat' V.Ia. Proppa. Moscow, 1975.

Красильникова Светлана Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики,
этноориентированной педагогики и цифровой дидактики
Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

Krasilnikova Svetlana V.,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Studies,
Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Didactics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: mnemozina04@mail.ru

Апакина Людмила Вячеславовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры русистики,
этноориентированной педагогики и цифровой дидактики
Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

Apakina Ludmila V.,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Russian Studies,
Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Didactics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: apakina_lv@pfur.ru

Жарбулова Сауле Траровна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
(Кызылорда, Казахстан)

Zharbulova Saule T.,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Russian Language and Literature Department
Korkyt Ata Kyzylorda University (Kyzylorda, Kazakhstan)

e-mail: zharbul@pfur.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна,
кандидат педагогических наук,
заместитель директора Института русского языка
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
(Бишкек, Кыргызстан)

Ernisova Aigerim E.,
Candidate of Pedagogy,
Deputy Director of the Institute of the Russian Language
Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University
(Bishkek, Kyrgyzstan)

e-mail: ernisova@mail.ru

Статья поступила: 04.09.2025
Принята к печати: 16.10.2025

Этнокультурный артефакт тюркоязычных народов Северного Кавказа и Центральной Азии – кийиз¹

Статья посвящена исследованию важнейшего этнокультурного артефакта декоративно-прикладного искусства тюркских народов, проживающих на Северном Кавказе (балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев), в Центральной Азии (казахов, кыргызов), – кийиза. Систематизированы 155 языковых единиц казахского, карачаево-балкарского, кыргызского, ногайского языков, репрезентирующих цвет, качество, форму, назначение, разновидности, технологию изготовления кийиза, символические смыслы орнаментов, основными элементами которых являются солярные, зооморфные, растительные, антропоморфные, предметно-бытовые, геометрические мотивы, содержащие этнокультурную информацию. Методологической основой работы явилось понимание языка, этноса, культуры как неразрывно связанной триады в историческом процессе развития. Несмотря на проживание в разных географических ареалах, тюркоязычные этносы сохранили такой важный артефакт, как кийиз, в котором воплощены устойчивые самобытные черты, художественные традиции их общей древней культуры.

Ключевые слова: материальная культура, войлочное искусство, кийиз, карачаево-балкарский язык, казахский язык, кыргызский язык, кумынский язык, ногайский язык, символ

The article is devoted to kiyiz, an important ethnocultural artifact of the decorative and applied arts of the Turkic peoples living in the North Caucasus and Central Asia, such as the Balkars, Kazakhs, Karachais, Kyrgyz, and Nogais. The scientific circulation includes 155 systematized linguistic means of the Kazakh, Karachay-Balkar, Kyrgyz, and Nogai languages, which represent the color, quality, shape, purpose, varieties, and technology of making kiyiz, as well as the symbolic meanings of the ornaments, the main elements of which are solar, zoomorphic, floral, anthropomorphic, object-based, and geometric motifs that contain ethnocultural information. The methodological basis of the work is the understanding of language, ethnicity, and culture as an inextricably linked triad, due to the fact that despite living in different geographical areas, the Turkic ethnic groups have preserved such an important artifact as the kiyiz, which embodies the stable distinctive features and artistic traditions of their shared ancient culture.

Keywords: material culture, felt art, kiyiz, Karachay-Balkar language, Kazakh language, Kyrgyz language, Nogai language, symbol

Введение

Важным маркером этнокультурной идентичности тюркоязычных народов, живущих в разных географических ареалах: на Северном Кавказе (балкарцы, карачаевцы, ногайцы, кумыки) и в Центральной Азии (казахи, кыргызы), является войлок – кийиз, один «из первых материалов, сотворенных человеком, выдержавший испытание временем» [1. С. 202]. По И.М. Мизиеву, вязание шерсти, изготовление из полученного полотна различных изделий имели «большую популярность у тюркских народов издревле, еще с эпохи ямной культуры IV тыс. до н.э.» [2. С. 307]. Такой же точки зрения придерживается научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Е.Г. Царева, отмечающая, что освоение войлочной техники «предположительно произошло к концу IV – началу III тыс. до н.э.» [3. С. 24]. С опорой на источники она отмечает следующие линии войлокования: анатолийско-иранско-пазырыкскую, сюннусскую, европейскую, для которых характерны способ вкатывания узора, метод аппликации, приемы аппликации и полувойлочное производство соответственно; эти линии «в процессе передвижений масс населения Евразии» обогатились «иноземными» традициями [Там же].

Как объект и предмет исследований кийиз находится в фокусе внимания специалистов разных отраслей знания. Изучены такие аспекты войлочного искусства, как технология изготовления,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 43).

функциональные особенности, специфика орнаментального декора, иконографика, моделирование, место в материальной культуре тюркских народов [Э.А. Масанов, 1959; Е.И. Махова, Н.В. Черкасова, 1968; И.В. Октябрьская, Д.В. Черемисин, 2000; С.Р.Дамаданова, 2011; И.В. Октябрьская, З.К. Сураганова, С.К. Сураганов, 2012; А.М. Султанова, 2014; Ю.Ю. Фирсова, 2015; Ф.С. Эфендиев, Г.В. Сёмина, 2016; и мн. др.]². Однако ограничение исследования одним подходом не обеспечивает, как отмечает Ж.Д. Жукенова, понимания художественных свойств — особенности «чувственной интуиции» [4. С. 3]. Отсюда *цель* нашей статьи — рассмотреть кийиз как семантико-семиотический артефакт материальной культуры тюркских народов. В соответствии с ней решались следующие задачи: 1) систематизировать вербальные и визуальные репрезентанты кийиза; 2) рассмотреть их лексикографические значения в контексте смыслового пространства войлочного искусства; 3) изучить символическую природу орнамента кийиза как явления культуры.

В статье использованы *метод сплошной выборки, описательный, семантический, структурно-семиотический методы*.

Эмпирический материал включает в себя 155 казахских, карачаево-балкарских, кыргызских, кумыкских, ногайских языковых единиц, извлеченных из словарей [5–12; 25], фольклорных [13–14], историко-этнографических источников [1; 15; 16; 17].

Обсуждение

В Древнетюркском словаре в значениях «войлок», «палас» зафиксировано слово *kijiz* с тремя фонетическими вариантами *kiiz*, *kidiz*, *kediz* и дериватами *kijizlig* ‘имеющий кошму’, *kijizlik* ‘предназначенный для кошмы’, *kijizlik jüs* ‘шерсть, предназначенная для кошмы’ [6. С. 326]. В современных тюркских языках используются следующие языковые единицы: *кийиз* (кар.-балк., каз., каракал., крым.-тат., кум., кырг., ног., татар., турк.), *кийис* (алт., хак.), *кидис* (тув.), *кейез* (башк.), *киз* (каз.). С лексемой *кийиз* связаны слова и словосочетания: *кийизлик* (кар.-балк.), *кіз жасауға арналған жұн* (каз.), *кийиз жасоо үчүн жұн* (кырг.), в переводе на русский означающие ‘шерсть, предназначенная для изготовления войлока’.

Б.Ж. Усмамбетов отмечает, что слово *кийиз* встречается в известном словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат ат турк» «в формах: *кызыз*// *кедиз*// *кидиз*» [18. С. 155]. Ссылаясь на этимологический словарь К. Сейдакматова [11. С. 143], ученый полагает, что «древнетюркские корни *кыз* // *кед*// *кид*, возможно, имели значение *кий* — ‘надевай’. То есть первичное значение этого слова связано с изготовлением верхней теплой одежды, надеванием, впоследствии это значение перешло в традиционное понимание предназначения *кийиза* как утилитарного предмета» [18. С. 155].

Смысловое поле *кийиз*, как показал анализ эмпирического материала, состоит из совокупности значений, интерпретаций, отражающих общий семантический компонент «войлок», а также его социокультурный контекст, который представлен в следующих группах номинаций, объединенных лексико-семантическими связями, понятийно-логическими отношениями (цвет, качество, форма, технология, назначение и др.).

² Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Узорные войлоки Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 109–117; Дамаданова С.Р. Художественный войлок Дагестана как разновидность традиционного художественного промысла // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 18–20; Султанова А.М. Виды орнаментального декора у карачаевцев и балкарцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2/1 (40). С. 178–180; Эфендиев Ф.С., Сёмина Г.В. Кийиз как «вещь» в контексте традиционной и современной культуры: архаика и современность // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61). С. 30–34; и др.

Oktiabr'skaia I.V., Cheremisin D.V. Uzornye voiloki Altaia // Arkheologiiia, etnografiiia i antropologiiia Evrazii. 2000. No. 1. S. 109–117; Damadanova S.R. Khudozhestvennyi voilok Dagestana kak raznovidnost' traditsionnogo khudozhestvennogo promysla // Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii. 2011. No. 1 (39). S. 18–20; Sultanova A.M. Vidy ornamental'nogo dekora u karachaevtsev i balkartsev // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. No. 2/1 (40). S. 178–180; Efendiev F.S., Semina G.V. Kiiiz kak «veschch» v kontekste traditsionnoi i sovremennoi kul'tury: arkhaika i sovremennost' // Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii. 2016. No. 2 (61). S. 30–34; I dr.

1. Номинации по цвету: *акъ кийиз* (кар.-балк.), *ақ киіз* (каз.), *ак кийиз* (ног.) — ‘белый кийиз’; *къара кийиз* (кар.-балк.) — ‘черный ~’; *боз кийиз* (кар.-балк.) — ‘серый ~’; *мор кийиз* (кар.-балк.) — ‘коричневый ~’; *кызыл киіз* (каз.) — ‘красный ~’; *ак ала кийиз* (kyрг.) — ‘бело-пестрый ~’; *кызыл ала кийиз* (kyрг.) — ‘красно-пестрый ~’; *кара ала кийиз* (kyрг.) — ‘черно-пестрый ~’; *кёк кийиз* (kyрг.) — ‘голубой ~’; *кёк ала кийиз* (kyрг.) — ‘небесно-пестрый ~’.

2. Номинации по качеству: *къалын кийиз* (кар.-балк.), *кушті киіз* (каз.), *бышик кийиз* (kyрг.) — ‘крепкий, твердый кийиз для покрытия пола’; *жукъа кийиз*, *жукъа урулған кийиз* (кар.-балк.), *ичке кийиз* (kyрг.) — ‘тонкий кийиз для изготовления одежды’; *къатана кийиз* (кар.-балк.), *туш кийиз* (kyрг.) — ‘бархатный кийиз’.

3. Номинации по назначению: *жыйгъыч кийиз* (кар.-балк.) — ‘войлок для покрытия сундука, кровати, тахты’; *къурукъ кийиз* (кар.-балк.), *курук кийиз* (кумык.) — ‘войлок для перекладины, где вывешивали праздничную одежду’; *къош кийиз* (кар.-балк.) — ‘кийиз для фермы’; *турлукъ кийиз* (кар.-балк.) — ‘толстый войлок для покрытия земляного пола’; *туш кийиз* (kyрг.), *текемет киіз* (каз.) — ‘напольный войлок юрты’; *от кийиз* (кар.-балк.), *откиіз* (каз.) — ‘войлок, который стелили около очага’; *там кийиз* (ног.) — ‘настенный войлок’; *төсемек кийиз* (ног.) — ‘войлочный палас’.

4. Номинации по технике изготовления: *тикген кийиз*, *бичилген кийиз* (кар.-балк.) — ‘кийиз с аппликациями’; *къыйылған кийиз* (ног.), *арбабаш кийиз* (кумык.) — ‘выкроенный кийиз’; *օյвлу кийиз* (кумык.) — ‘узорный кийиз’, *өре киіз* (каз.) — ‘гладкая кошма’ (большого размера, без орнамента).

5. Номинации видов искусства, отражающих использование кийиза: *кийизде тенсей* — карачаево-балкарский танец на войлоке, «который исполняли девушки без обуви по завершении изготовления войлочных вещей» [16. С. 64]; кыргызский танец «кийиз», во время исполнения которого девушки имитировали процесс изготовления войлока; *кийиз сурат* (кар.-балк.) — ‘войлочная картина’; *түс киіз* (каз.) — ‘орнаментированный настенный войлочный ковер’.

6. Номинации одежды: а) наименования верхней одежды: *кийиз чепкен* (кар.-балк.) — ‘платье из войлока’; *кементай* (kyрг.) — ‘нарядная верхняя одежда из войлока’; *кийиз къаптал* (кар.-балк.) — ‘кафтан из войлока’; *кийиз габара* (кар.-балк.) — ‘войлочная безрукавка’; *кийиз кёлек* (кар.-балк.) — ‘войлочная рубашка’; *кийиз кёнчек* (кар.-балк.) — ‘войлочные брюки’; *кийиз гебенек* (кар.-балк.), *киіз кебенек* (каз.) — ‘верхняя мужская одежда типа бурки’; *ямучу* (кумык.), *ямышы* (ног.) — ‘бурка’; *кийиз албота* (кар.-балк.) — ‘войлочный передник’; б) головные уборы: *кийиз къалпакъ* (кар.-балк.), *киіз қалпақ* (каз.) — ‘летняя войлочная шляпа’; *кийиз бокка* (кар.-балк.) — ‘войлочная шапочка’; *кийиз башлықъ* (кар.-балк., кумык.) — ‘башлык из тонкого войлока’; *кийиз бота* (кар.-балк.) — ‘войлочная шаль’, ‘войлочный плед’; *жамычы* (кар.-балк.), *кийиз бёрк* (кумык.), *кийиз бьорк* (ног.) — ‘войлочная шапка’. Следует отметить, что в словосочетании *кийиз калпак* «во многих языках в процессе семантического развития слово [кийиз] утеряло первичное значение ‘войлок’ и обозначает головной убор разных видов: ‘головной убор треугольной формы’ — чаг; ‘шапка’ — тур. <...> ‘женская шапка’ — тат., ‘старинный женский головной убор, украшенный монетами’ — тат. диал.; ‘тюбетейка’ — узб. диал.» [19. С. 487]; в) наименования обуви: *кийиз чарыкъла* (кар.-балк.), *кийиз мачиyllер* (кумык.) — ‘войлочные тапочки’; *кийиз үюкъла* (кар.-балк.), *үйыкъ* (ног.), *киізден жасалған шұлышқтар* (каз.) — ‘войлочные чулки’; *кийиз этиклер* (кумык.), *киіз етік/байпақ* (каз.) — ‘войлочные сапоги/валенки’; *кийиз байпак* (kyрг.) — ‘войлочные валенки’.

7. Наименования других предметов быта из кийиза: *кийиз терезе жабыула* (кар.-балк.) — ‘войлочные занавески’; *кийиз къапла* (кар.-балк.) — ‘войлочные рукавицы’; *киізден жасалған намаз төсениші* (каз.) — ‘войлочный молитвенный коврик’; *аяқ қап* (kyрг.) — ‘настенная сумка для посуды’; *жауурлукъ кийиз* (кар.-балк.), *терлик кийиз* (кумык.), *киізден жасалған терлик* (каз.) — ‘войлочный потник под седлом’; *тебеңгі сырлылған* (каз.) — ‘боковой потник на седле’; *кийиз жабыу* (кар.-балк.) — ‘стеганое войлочное покрывало’; *кийиз хурджун* (кар.-балк.), *кийиз дорба* (ног.) — ‘дорожная войлочная сумка’; *кийиз бау* (кар.-балк.) — ‘войлочная тесемка’; *кийиз арқан* (кар.-балк.), *киізден шыққан арқан* (каз.) — ‘войлочная веревка/аркан’; *киіз жастық қапы* (каз.) —

‘войлочное покрывало на подушки’; *кайиз аяк кап* (кырг.) — ‘войлочный хозяйственный мешок’; *кайиз кашык кап* (кырг.) — ‘войлочный футляр для ложек’; *кайиз табак кап* (кырг.) — ‘войлочный футляр для мисок’; *кайиз чыны кап* (кырг.) — ‘войлочный футляр для хранения пиал’. Многие из перечисленных изделий утратили утилитарные функции в связи с изменением уклада жизни тюркских народов, но как культурно значимые артефакты используются в качестве сувениров.

8. Наименования юрты и элементов ее внутреннего и внешнего убранства: *боз юй* (кар.-балк., кырг.), *отав, отая* (ног.), *терме* (кумык.) — ‘малая юрта’; *туурдук* (ног.) — ‘боковое покрытие стен юрты’, ‘дверное покрытие’; *белдеу* (ног.) — ‘войлочный пояс, закрепляющий куски кийиза в юрте’; *эсик* (ног.) — ‘кусок войлока, утепляющий на зиму дверь юрты’.

9. Наименования орнамента *кийиза*: *бастырма, ою* (каз.) — ‘узор’; *гүл ою* (каз.) — ‘цветочный узор’; *шынжыр оюв* (ног.), *буу мюйөзле* (кар.-балк.) — ‘рога оленя’; *марал мюйөзле* (кар.-балк.) — ‘рога марала’; *къочхар мюйөз* (кар.-балк.), *кошқармүйіз* (каз.) — ‘рога барана’; *теке мюйөзле* (кар.-балк.) — ‘рога козла’; *жолборс таман* (кырг.) — ‘след тигра’; *кереге көз* (кырг.) — ‘глаз, отверстие в решетке юрты’; *тумарча* (кырг.) — ‘треугольник’; *кабырга* (кырг.) — ‘ребро’; *жылдыз* (кырг.) — ‘звезда’; *түйетабан* (каз.) — ‘верблюжий след’; *иткүйрық* (каз.) — ‘собачий хвост’; *кұсмұрын* (каз.) — ‘птичий клюв’; *омырқта* (каз.), *омуртка* (кырг.) — ‘позвонок’.

Разновидностей орнаментов в материальной культуре тюркских народов довольно много. К примеру, только среди собранных и обработанных художником М.В. Рындиным орнаментов оказалось 98 зоонимических, 20 фитонимических, 10 природных, 39 бытовых образцов, 6 с религиозными мотивами. По данным исследователя, существует примерно 170 кыргызских орнаментов, однако при их комбинации можно получить более 3500 орнаментальных сюжетов [17]. Наиболее распространенными элементами орнамента кыргызских войлочных ковров являются следующие мотивы: 1) зоонимические: рога барана, двойной рог, маралий рог, олени рога, крыло птицы, вороньи когти, собачий хвост, змеиная голова, подошва верблюда и др.; 2) соматические: кёз «глаз», позвонок, ребро, бровь и др.; 3) фитонимические: лист, цветок, дерево; 4) географические: гора, холм; 5) астрономические: солнце, луна, звезда; 6) предметно-бытовые: тарелка, острие ножа; 7) геометрические: квадраты, треугольники, восьмиугольники, ромбы, зигзаги, крест и др. Основы математической семантики были заложены еще в древности: «Наряду с реалистическими изображениями животных первобытный человек начинает использовать в передаче окружающего мира условные знаки, комбинации линий, сходные с геометрическими фигурами. Схематизация реалистического изображения постепенно приводит к абстрактным геометрическим изображениям этих символов, легших в основу создания орнамента как способа украшения» [20. С. 12].

Имеются и номинации предметов, связанных с магией: *кайиз китап, кайиз китең* — ‘мнимая книга, по которой можно предсказать судьбу’ («Сен аны кайсы кайиз китеңтен окудуң?») (кырг.) — «Ты в какой войлочной книге это прочитал?»³); *кайиз къамичи* — ‘войлочный кнут’ («Сора, эмегенни кайиз къамичи бла сермеди, дейди: “Уллу Тейри! Сен мууну бир мазаллы алаша эт!” — деп тиледи, дейди. Деу эмеген, алаша болуп, кишинеп къолханды, дейди. Ерюзмек андан дергин алай алғананды» (кар.-балк.). — «Он удариł эмегена⁴ войлочным кнутом и попросил: “Великий Тейри! Сделай его мерином!” Огромный эмеген, превратившись в мерина, встал и стал ржать. Так Ёрюзмек отомстил ему») [13. С. 108].

Кайиз как древний артефакт нашел отражение в карачаево-балкарском эпосе «Нарты». М.Ч. Кудаев отмечает, что, согласно нартским преданиям, обработке шерсти женщин научила главная героиня нартского эпоса — Сатанай, и «на смену охотничьей и пастушьей одежде появляются войлочная (кийиз), вязаная (эшилген) и шерстяная одежда, называемая нартской (нарт кийим)» [21. С. 3].

³ <https://el-sozduk.kg/kiyiz-kitep>.

⁴ Одноглазый великан в карачаево-балкарском нартском эпосе.

Кийиз не только функциональная вещь, созданная человеком, но и информационный знак, транслирующий культурные смыслы. В обширном контексте войлочного искусства сформировалось символическое содержание кийиза, которое отразилось в семантических приращениях смыслов к значениям слов, словосочетаний, репрезентирующих его художественно-эстетические элементы. К примеру, в карачаево-балкарском свадебном обряде кийиз стелили под ноги невесты при вводе ее в дом, что зафиксировано в песне «Келин келед» — «Невеста идет»: «Келинни алып келебиз, жол беригиз, ой, орайда! Эй, бек ариуун сайлагъанбыз, ма кёргюгюз! Къолан кийизле жайыгъызыз жолбузгъа» («Мы везем невесту, дайте дорогу, ой, орайда. Эй, мы выбрали самую красивую, смотрите. Постелите нам пестрый кийиз!»), в которой *къолан кийиз* — ‘пестрый войлок’ — символизирует материальное благополучие.

Как отмечает Б.Е. Асанова, «символика форм была наделена определенными знаками, представлениями об устройстве мира, легко запоминающимися, например, квадрат — земля, круг — солнце, треугольник — горы, свастика — движение солнца, спираль — развитие, движение и т.д., но они, по всей вероятности, несли информативную функцию о принадлежности к тому или иному роду, еще не обладали для предметов декоративными качествами (часто покрывались орнаментом скрытые от глаз человека части предметов — днища, оборотные стороны украшений, оберегов, амулетов и др.)» [22. С. 327].

Важное место в каркасе орнамента любого кийиза занимают крест, символизирующий два мира: земной и потусторонний, в зависимости от того, как расположены «лопасти»; *муйуз/мүйүз/муызыз* — ‘рог’, который, по А.С. Нечаевой, «без сомнения, можно интерпретировать как альфу, первоэлемент тюркского орнамента, и другие виды орнаментов создавались на его основе. Менялись только названия: например, *кошкар муйыз* — ‘бараньи рога’, *аркар муйыз* — ‘рога архара’, *буғы муйыз* — ‘рога оленя’, *қырык муйыз* — ‘сорок рогов’, *кос муйыз* — ‘двойные рога’, *сынар муйыз* — ‘однорогий’, *қынык муйыз* — ‘сломанный рог’ и т.д.» [23. С. 67]. Интересные вариации этого элемента представлены в кыргызском орнаменте, например узор *теке мүйүз* ‘козлиные рога’ используется как дополнительный мотив, сопровождающий *кочкор мүйүз*. Самостоятельно лексема *къочхар/кочкор* — ‘самец, баран-производитель’ символизирует плодородие.

По суеверным представлениям тюрков, некоторые компоненты орнамента кийиза выполняют роль оберегов. К примеру, цветная аппликация к *тускиизу/тус-киизу* ‘настенному ковру из белого войлока’ имплицитно означает благопожелание: «Дай Аллах, чтобы жизнь была красивой и богатой». *Къочхар муйуз* ‘рога барана’ не подпускают врага, кюн ‘солнце’ защищает жилище. Двойную символику содержат незаконченные края *тускииза*: 1) преемственность поколений (дочь должна продолжить то, что мать не успела сделать); 2) защиту от негатива, который спускается вниз по незашитым краям кийиза в землю. Асан Жакшылык Нур дает символическую мотивацию орнаментам, украшающим предметы быта; в частности, он считает, что кыргызские орнаменты отражают мировоззрение, философию тенгрианства [24]. И действительно, гармоничные сочетания противоположных цветов, например черного и белого или синего и красного, отражают закон тенгрианства: Правое — Среднее — Левое. Так, если синий цвет трактуется как «правый», красный — как «левый», то их соединение образует «средину», которая прикрывается узкой декоративной полоской *жээк* (kyрг.) — ‘кромка’. *Жээк* символизирует справедливость, уравновешенность, срединность, скрывает границу между противоположными цветами; чем меньше эта граница заметна, тем совершеннее считается орнамент, ограничивая чрезмерное доминирование одного элемента над другим, утверждая равенство.

Заключение

Подводя итоги, можно уверенно говорить о том, что *кийиз* как древний артефакт является одним из значимых фрагментов материальной и духовной культуры тюркоязычных этносов. Анализ эмпирического материала репрезентирует различные его стороны, показывает, что войлочное искусство балкарцев, казахов, карачаевцев, кыргызов, ногайцев и др. — единое устойчивое семантико-семиотическое пространство, в котором представлены сведения о символической природе орнаментальных мотивов, отражающие общность культурных традиций этносов, проживающих в разных регионах. Несомненно, изменение уклада жизни, сопровождающееся некоторой десемантизацией этнокультурных смыслов различных артефактов, одновременно обуславливает наращение новых [26]. Результаты исследования будут полезны при дальнейшем изучении *кийиза* как одного из древнейших полифункциональных компонентов жизнедеятельности тюркоязычных этносов и значимых артефактов современной материальной культуры тюркских народов России и Евразийского региона.

Литература

1. Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник. Вып. 6 (5). 1976. С. 202–221.

2. Мизиев И.М. Традиционная культура, идеологические воззрения и фольклор об этногенезе балкарцев // История Балкарии и Карабая в трудах Исмаила Мизиева: в 3 т. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Т. 2. С. 306–319.

3. Царева Е.Г. К истории техники и иконографии настенных занавесей «джыйгыч-кииз» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. Вып. 4. С. 23–31.

4. Жуkenova Ж.Д. Ансамблевая и художественно-образная система в народном искусстве Казахстана: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 28 с.

5. Бегалиев Г.Б., Гаврилов М.Ф. Казахско-русский словарь / отв. ред. А.Б. Алибаев; Государственная терминологическая комиссия при Казнаркомпросе. Алма-Ата: Казахстанское изд-во, 1936. 266 с.

6. Древнетюркский словарь / под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушкина и др.; сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Fыlyм» баспасы, 2016. 760 с.

7. Калмыкова С.А. Ногайско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова; с приложением грамматического очерка ногайского языка, составленного Н.А. Баскаковым; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. М.: ГИС, 1963. 562 с.

8. Кумыкско-русский словарь / под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 406 с.

9. Къараҷай-малкъар тилни ангылатма сөзлюю / отв. ред. Ж.М. Гузеев. Ючтомлукъ 2. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма, 2002. 1168 б.

10. Плужников В.П. Термины российского архитектурного наследия: архитектурный словарь. М.: Искусство – XXI век, 2011. 424 с.

11. Сейдакматов К. Краткий этимологический словарь кыргызского языка. Фрунзе: Илим, 1988. 332 с.

12. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 1: А – К. Фрунзе, 1985. 504 с.

References

1. Studenetskaia E.N. Uzornye voiloki karachaevtsev i balkartsev // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. 6(5). 1976. S. 202–221.

2. Miziev I.M. Traditsionnaia kul'tura, ideologicheskie vozzreniya i fol'klor ob etnogeneze balkartsev // Istoriiia Balkarii i Karachaia v trudakh Ismaila Mizieva: v 3 t. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotliarovykh, 2010. T. 2. S. 306–319.

3. Tsareva E.G. K istorii tekhniki i ikonografi nasten-nykh zanavesei «dzhigygich-kiiz» // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2013. Vyp. 4. S. 23–31.

4. Zhukenova Zh.D. Ansamblevaiia i khudozhestvenno-obraznaya sistema v narodnom iskusstvse Kazakhstana: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Moscow, 2011. 28 s.

5. Begaliев G.B., Gavrilov M.F. Kazahsko-russkii slovar' / otv. red. A.B. Alibaev; Gosudarstvennaia terminologicheskaiia komissiia pri Kaznarkomprose. Alma-Ata: Kazakhstanskoe izd-vo, 1936. 266 s.

6. Drevnetiurkskii slovar' / pod red. D.M. Nasilova, I.V. Kormushin i dr.; sost.T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin, I.V. Kormushin i dr. 2-e izd., peresmotr. Astana: «Fylym» baspasy, 2016. 760 s.

7. Kalmykova S.A. Nogaisko-russkii slovar' / pod red. N.A. Baskakova; s prilozheniem grammaticheskogo ocherka nogaiskogo iazyka, sostavленnogo N.A. Baskakovym; Karachaevo-Cherkes. nauch.-issled. institut iazyka, literatury i istorii. Moscow: GIS, 1963. 562 s.

8. Kumyksko-russkii slovar' / pod red. B.G. Bamatova. Makhachkala: IIAli DNTs RAN, 2011. 406 s.

9. K'arachai-malk'ar tilni angylatma sezliugiu / otv. red. Zh.M. Guzeev. Iuchtomlukъ 2. Nal'chik: «El'-Fa» kitap basma, 2002. 1168 b.

10. Pluzhnikov V.P. Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo naslediia: arkhitekturnyi slovar'. Moscow: Iskusstvo – XXI vek, 2011. 424 s.

11. Seidakmatov K. Kratkii etimologicheskii slovar' kyrgyzskogo iazyka. Frunze: Ilim, 1988. 332 s.

12. Iudakin K.K. Kirgizsko-russkii slovar': v 2 kn. Kn. 1: A – K. Frunze, 1985. 504 s.

13. Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева и др.; пер. текстов Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 654 с.
14. Карабаево-балкарская сказка // Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3 / отв. ред. Х.Х. Малкондуюев. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.
15. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: древние верования балкарцев и карачаевцев: карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.
16. Кудаев М.Ч. Старинная карачаево-балкарская свадьба. Нальчик: Книга, 2011. 200 с.
17. Рындин М.В. Киргизский национальный узор. Ленинград; Фрунзе: Тип. Гос. Эрмитажа, 1948. 102 с.
18. Усмамбетов Б.Ж. Словарь Махмуда Кашгари «Диван лугат ат турк» и кыргызский язык (этнолингвистический анализ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 1. С. 154–156.
19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Протюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
20. Фокина Л.В. Орнамент. Ростов н/Дону: Феникс, 2000. 96 с.
21. Кудаев М.Ч. Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2012. 280 с.
22. Асанова Б.Е. Народный орнамент как источник этногенеза // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 325–329.
23. Нечаева А.С. Орнамент в декоративно-прикладном искусстве тюркских народов Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2022. 311 с.
24. Асан Жакшылык Нур. Кыргыз жолу — айкөлдүүлүк, салттуулук, сулуулук. Бишкек, 2006. 359 с. На кырг. яз.
25. Казахско-русский словарь: около 50 000 слов / под ред. чл.-корр. НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаина. Алматы: Даик-Пресс, 2008. С. 608–609.
26. Бахтикеева У.М., Башиева С.К. Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 339–353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>.
13. Narty: geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev / sost. R.A.-K. Ortabaeva i dr.; per. tekstov T.M. Khadzhievoi, R.A.-K. Ortabaevoi. Moscow: Nauka: Vostochnaia literatura, 1994. 654 s.
14. Karachaevo-balkarskaiia skazka//Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. T. 3/otv. red. Kh.Kh. Malkonduiev. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. 990 s.
15. Dzhurtubaev M.Ch. Mifologiiia i epos karachaevo-balkarskogo naroda: drevnie verovaniia balkartsev i karachaevtsev: karachaevo-balkarskii geroicheskii epos. Nal'chik: El'brus, 2011. 488 s.
16. Kudaev M.Ch. Starinnaia karachaevo-balkarskaiia svad'ba. Nal'chik: Kniga, 2011. 200 s.
17. Ryndin M.V. Kirgizskii natsional'nyi uzor. Leningrad; Frunze: Tip. Gos. Ermitazha, 1948. 102 s.
18. Usmambetov B.Zh. Slovar' Makhmuda Kashgari «Divan lugat at turk» i kyrgyzskii iazyk (etnolingvisticheskii analiz) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 5 (59). Ch. 1. S. 154–156.
19. Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka / otv. red. E.R. Tenishev, A.V. Dybo. Moscow: Nauka, 2006. 908 s.
20. Fokina L.V. Ornament. Rostov n/Donu: Feniks, 2000. 96 s.
21. Kudaev M.Ch. Kul'turnoe nasledie balkartsev i karachaevtsev. Nal'chik, 2012. 280 s.
22. Asanova B.E. Narodnyi ornament kak istochnik etnogeneza // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia. 2011. No. 4 (29). S. 325–329.
23. Nechaeva A.S. Ornament v dekorativno-prikladnom iskusstve tiurkskikh narodov Gornogo Altaia: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Barnaul, 2022. 311 s.
24. Asan Zhakshylyk Nur. Kyrgyz zholu — aikeldyylyk, salttuuluk, suluuluk. Bishkek, 2006. 359 s. Na kyrg.яз.
25. Kazakhsko-russkii slovar': okolo 50 000 slov / pod red. chl.-kor. NAN RK R.G. Syzdykovoi, prof. K.Sh. Khusaina. Almaty: Daik-Press, 2008. S. 608–609.
26. Bakhtikireeva U.M., Bashieva S.K. Etnokul'turnyi smysl artefaktov karachaevo-balkarskoi svad'by: protsessy desemantizatsii i prirashcheniia // Novye issledovaniia Tuvy. 2025. No. 2. S. 339–353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>.

Башиева Светлана Конакбиевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Bashieva Svetlana K.,
Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of
Russian Language and General Linguistics
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov
e-mail: bfo-pdo@mail.ru

Бахтикеева Улданай Максутовна,
доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
приглашенный профессор
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Bakhtikireeva Uldanai M.,
Doctor of Philology, Professor
RUDN University;
Visiting Professor
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov
e-mail: uldanai@mail.ru

Дербишева Замира Касымбековна,
доктор филологических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
Института мировой цивилизации и языков
Кыргызско-Российский Славянский университет

Derbisheva Zamira K.,
Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for
Research at the Institute of World Civilization and Languages
Kyrgyz-Russian Slavic University
e-mail: derb-07@rambler.ru

Статья поступила: 10.09.2025
Принята к печати: 26.10.2025

Особенности функционирования субстандарта в идиолекте писателей XIX века

В статье исследуется функционирование единиц субстандарта (жаргонизмов, арготизмов) в идиолекте писателей XIX в. Субстандартные лексические и фразеологические единицы в идиолекте разных писателей выполняют схожие функции. Использование субстандартных единиц в соответствии с интенциями дискурсивной личности автора делает тексты уникальными. Употребление субстандартизмов обусловлено не только идеино-тематическим содержанием художественных текстов, но и особенностями мировоззренческих доминант дискурсивной личности автора. В художественных текстах Н.Г. Помяловского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л. Чарской, П. Боборыкина, Вс. Крестовского жаргонные и арготические единицы выполняют nominative и expressive функции. Если в идиолектах Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского употребление жаргонизмов является единичным, то в произведениях Вс. Крестовского и Н.Г. Помяловского субстандартизмы являются основой идиолекта и выполняют когнитивную функцию моделирования языковой и концептуальной картины мира. При этом когнитивная функция субстандартизмов связана с коммуникативной, они являются полифункциональными, что дает авторам возможность реализовать функцию эмоционального воздействия на адресата текста. Изучение функционирования субстандартизмов в идиолекте писателей XIX в. позволяет утверждать, что субстандарт развивается в диахронии и представляет социокультурную преемственность и изменение языковой системы.

Ключевые слова: субстандарт, жаргон, арго, идиолект, функции субстандартизмов

The article examines the functioning of substandard units (jargonisms, argotisms) in the idiolect of writers of the 19th century. Sub-standard lexical and phraseological units in the idiolect of different writers perform similar functions. The use of sub-standard units in accordance with the intentions of the author's discursive personality makes the texts unique. The use of substandarisms is determined not only by the ideological and thematic content of literary texts, but also by the peculiarities of the ideological dominants of the discursive personality of the authors. In the artistic texts of N.G. Pomyalovsky, N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, L. Charskaya, P. Boborykin, Vs. Krestovsky slang and argotic units perform nominative and expressive functions. If the use of jargonisms is rare in the idiolects of N.V. Gogol and F.M. Dostoevsky, then in the works of Vs. Krestovsky and N.G. Pomyalovsky substandarisms are the basis of idiolect and perform the cognitive function of modeling the linguistic and conceptual picture of the world. At the same time, the cognitive function of substandarisms is related to the communicative one, they are multifunctional, which allows the authors to implement the function of emotional impact on the addressee of the text. The study of the functioning of substandarisms in the idiolect of writers of the 19th century suggests that substandart develops in a diachrony and represents socio-cultural continuity and a change in the language system.

Keywords: substandard, jargon, argot, idiolect, functions of substandarisms

Введение

Анализ субстандарта в художественных текстах — проблема не новая, однако не теряющая своей актуальности, поскольку использование жаргонных, просторечных, арготических единиц является особым средством выражения экспрессии, создания необходимого колорита и эстетической выразительности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения субстандарта в художественных текстах и выявления его функций, что дает возможность для анализа развития субстандарта в диахронии, а также позволяет выявить особенности функционирования субстандартных единиц в современном русском языке.

Цель настоящего исследования — изучение функционирования субстандарта в художественных текстах XIX в., выявление его функций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить комплекс задач: провести выборку субстандартных единиц из художественных текстов XIX в.; проанализировать семантику субстан-

дартных единиц, разделив их по лексико-семантическим группам; выявить и описать функции единиц субстандарта в художественных текстах XIX в.

Материалом исследования послужила картотека лексических и фразеологических единиц субстандарта XIX в., извлеченных из художественных текстов методом сплошной выборки (всего свыше 500 единиц).

Теоретической базой стали труды в области анализа субстандарта В.Б. Быкова, В.М. Мокиенко, М.А. Грачева, Х. Вальтера, Т.Г. Никитиной, В. Коровушкина, В.Д. Бондалетова, Л.П. Крысина, И.В. Калиты, Т.А. Кудиновой, С.И. Красса и др.; в области лексикографического описания субстандарта — труды В.М. Мокиенко, Х. Вальтера, Т.Г. Никитиной, О.А. Анищенко и др.

Для проведения исследования использованы метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный и когнитивно-прагматический методы, а также метод контекстуального анализа.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании в вузе курсов по лингвистической теории текста, стилистике, истории языка.

Основная часть

Идиолект автора понимается как комплекс любых языковых средств (от фонетических до синтаксических), которые выражают авторский замысел и репрезентируют индивидуальную картину мира. Отметим, что будем придерживаться современной общелингвистической трактовки идиолекта как «фазы формирования идиостиля, который, в свою очередь, обладает ограниченной упорядоченностью элементов, большей системностью, иерархической организованностью» [1].

Идиолект писателя связан с его языковой или (в иных лингвистических концепциях) дискурсивной личностью, понимаемой по-разному в соответствии с особенностями трактовки сущности дискурса. Понятия дискурсивной личности и языковой личности являются соотносимыми. Так, Ю.Н. Карапулов, изучая национальный и индивидуальный характер языковой системы, отмечает, что «языковая личность <...> редуцируется и предстает как генетически обусловленная предрасположенность к созданию и манипулированию знаковыми системами», а также что «языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности и определенной целевой направленностью» [2. С. 4], т.е. для языковой личности писателя важной оказывается национальная принадлежность, поскольку в создаваемых текстах находит прямое отражение ценностная система этноса.

Заметим, что о языковой личности в свое время писал В.В. Виноградов, который в работе 1930 г. отмечал, что «языковая личность <...> вместелище социально-языковых форм и норм коллектива <...> фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [3. С. 61].

В работах последнего времени исследования дискурсивной личности соотносятся с социальным статусом человека и его ролью в обществе и социальной коммуникации, что объясняется конкретным типом институционального дискурса.

Дискурсивная личность не только порождает сообщения, но и несет ответственность за их содержание и понимает, для какого конкретного или социального адресата создается сообщение. Дискурсивная личность включена в социальные отношения, модель ее существования — «я-в-мире». Дискурсивная личность как субъект социальных интеракций является носителем реального жизненного и языкового опыта, —

утверждается в статье «Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа» [4].

В.И. Карасик полагает, что дискурсивная личность выделяется на основании

критерия перформативности, т.е. соотнесения речевого поступка с тем или иным действием как фрагментом поведения, определяется тем, как следует воспринимать ее действия – как факт либо описание, как реальное либо функциональное, содержательное либо фатическое, обычное либо презентационное, естественное либо магическое... [5. С. 195].

Другими словами, использование субстандарта в художественном тексте свидетельствует о том, что автор сознательно делает акцент на реальности и даже фактуальности описываемых событий. В текстах XIX в. жаргонные и арготические лексические и фразеологические единицы соотносят текст с реальной социальной средой, о которой идет речь. Использование субстандартных единиц авторами XIX в. в художественных текстах, несомненно, связывается с дискурсивной личностью.

В рамках настоящего исследования следует указать, что существуют разные трактовки понятия субстандарта. Не вдаваясь в детализацию диахронических исследований субстандарта, укажем, что в современной лингвистике под субстандартом понимается совокупность единиц жаргонов, сленга, а также просторечия и арго. Субстандарт выступает как родовое понятие по отношению к жаргону, сленгу и арго. Хотя отметим, что дискуссии по данному вопросу не исчерпали своего потенциала.

Однако в настоящее время в большинстве работ предлагаются варианты систематизации терминосистемы, связанной с субстандартом. Так, например, в статье С.И. Красса и А.В. Волкогоновой «Языковой субстандарт: структурирование понятийного поля» выстроена структура понятийного поля субстандарта, анализируются понятия «арго», «сленг», «жаргон», «просторечие». В концепции авторов субстандарт предстает в виде родового термина для арго, жаргона и сленга, «будучи отрицательно маркирован по параметрам нормированности, открытости, стабильности и надтерриториальности. Просторечие стоит особняком ввиду его многоуровневой структуры, в отличие от других составляющих, преимущественно лексико-фразеологического характера» [6. С. 135].

Вернемся к рассмотрению художественных текстов XIX в., в которых частью идиолекта писателя являются субстандартные языковые единицы.

Среди таких произведений, во-первых, следует назвать книгу Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы». Книга автобиографическая, дискурсивная личность Помяловского нашла отражение в тексте. Н.Г. Помяловский происходил из бедной семьи духовного сословия, его отец был дьяконом малоохтинской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге. Помяловский сам прошел обучение в бурсе (так называли Александро-Невское духовное училище), затем учился в Петербургской духовной семинарии. Творчески одаренный, молодой человек как мог сопротивлялся системе образовательного насилия и унижения, учился плохо («вечный нуль», как писал он сам впоследствии в «Очерках бурсы»), что не мешало ему заниматься самообразованием и много читать. По-настоящему Помяловский понял важность образования и положительную сторону обучения и интеллектуального развития только после того, как стал вольнослушателем Санкт-Петербургского университета.

В «Очерках бурсы» одной из важнейших черт идиолекта становится большое количество словарных и фразеологических единиц из сленга бурсаков (по сути, из сленга учащихся государственных духовных училищ).

Заметим, что язык «Очерков бурсы» во многом становится основой «Словаря русского школьного жаргона XIX века» О.А. Анищенко [7].

«Очерки бурсы», представляющие собой практически документальное повествование об образовательной системе духовных училищ первой половины XIX в., примерно на 10–12% состоят

из сленговых слов и выражений, без употребления которых невозможно описать уродливую реальность жизни бурсаков.

В «Словаре русского школьного жаргона XIX века» слово «бурсак» толкуется как многозначное. В первом значении это номинация, именование учащегося духовного училища. Иллюстрирует эту номинацию «Очерки бурсы» так:

...у матери слезы на глазах, отец сериозен, сестренки задумались, — лишь Карась радуется и скачет, как сумасшедший, он блаженствует от той мысли, что еще несколько минут — и он будет бурсак, бурсак с голо-вы до ног, вдоль и поперек [8].

Об активном использовании бурсацкого (школьного) жаргона, о его распространенности свидетельствует тот факт, что его лексические единицы употребляются в различных художественных и публицистических текстах XIX в. Например, лексические единицы *бурсак*, *бурса* употребляются в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Жаргон школяров XIX в., отраженный в художественных текстах, помимо прочего, является признаком принадлежности к определенной социальной группе, с его помощью маркировалась принадлежность «свой» — «чужой».

О.А. Анищенко в названном словаре дает стилистическую характеристику лексемы *бурсак* (в общем жаргоне имеет отрицательную стилистическую коннотацию — презрительное именование семинаристов). В студенческом жаргоне лексема *бурсак* могла обозначать русского студента Дерптского университета, что зафиксировано в воспоминаниях П. Боборыкина, известного писателя второй половины XIX в. В воспоминаниях о Дерптском университете Боборыкин свидетельствует, что русские студенты называли себя бурсаками. В случае с воспоминаниями беллетриста П. Боборыкина следует отметить, что речь не идет об особенностях идиолекта, в данном случае эта лексическая единица выполняет исключительно номинативную функцию.

В «Очерках бурсы» особенно ярким является описание телесных наказаний, составлявших неотъемлемую часть жизни воспитанников бурсы. Телесные наказания считались обязательными, были довольно жестокими, иногда бурсаков избивали «до больнички», причем никакой пользы от наказаний, собственно, не было, все связывалось с личностью учителя, его настроением, его пороками. Некоторые учителя приходили на занятия пьяными, некоторые страдали от похмельных головных болей. В любом случае бурсаки жестоко наказывались. Физические наказания в бурсе были разными и имели свои названия, представляющие собой часть «бурсацкого» жаргона. Так, например, фразеологическая единица — **выдрать (выпороть, высечь) на воздухах** — обозначает «наказание, при котором провинившегося держали за руки, за ноги и секли со всех сторон» [7. С. 64].

Приведем пример из «Очерков бурсы» с описанием наказания:

На Карася бросились ученики большого роста и в одно мгновение обнажили те части корпуса, которые в бурсе служат проводниками человеческой нравственности и высшей правды.

— На воздухах его!

Карась повис в воздухе.

— Хорошенько его.

Справа свистнули лозы, слева свистнули лозы; кровь брызнула на теле несчастного, и страшным воем огасил он бурсу. С правой стороны опоясалось тело двадцатью пятью ударами лоз, с левой столькими же; пятьдесят полос, кровавых и синих, составили отвратительный орнамент на теле ребенка, и одним только телом он жил в те минуты, испытывая весь ужас истязания, непосильного для десятилетнего организма [8].

Отметим, что одна из основных мыслей Помяловского в «Очерках бурсы» состоит в том, что бессмысленные наказания в системе образования отрицательно влияют на формирование характера воспитанников, которые так же жестоки по отношению друг к другу: физическое и нравственное насилие уродует их личность. В «Очерках бурсы» большое количество названий видов физического насилия бурсаков по отношению друг к другу: **смазь** («захватывание лица или его части всей пятерней и его оттяжка»), **волосянка** («трепка за волосы»), **куча мала** («обычно

возглас, призывающий устроить свалку, когда кто-то оказывается внизу, а на него наваливаются остальные и прижимают к полу»), **жать масло** («когда жертву очень сильно прижимают к стене»), **показать Москву** («очень сильно дернуть за волосы для того, чтобы полились слезы от боли») и пр.

Данные лексические единицы не являются частью исключительно идиолекта Помяловского: они активно употребляются в воспоминаниях Боборыкина об учебе в Дерптском университете, в рассказе Куприна «На переломе (Кадеты)», в воспоминаниях А. Воронского «Бурса. Тамбовская духовная семинария», в текстах А. Измайлова «В бурсе. Петербургское духовное училище», В. Короленко «История моего современника. Житомирская гимназия», А. Шеллер-Михайлова «Гнилые болота. Петербургская немецкая (Анненская) гимназия» и др.

Активное использование перечисленных лексических единиц в художественных и документальных текстах, с одной стороны, свидетельствует о системных проблемах образования того времени, а с другой — раскрывает уродливые механизмы формирования особого социального слоя низшего духовенства. Жаргон бурсы в основном составляют стилистические сниженные, вульгарные, грубые лексические единицы номинативного характера. Даже в тех случаях, когда в художественных текстах идет речь о каких-либо положительных явлениях, у единиц бурсацкого жаргона присутствует презрительная стилистическая окраска. Например, фразеологизм **телячи нежности** в «Словаре школьного жаргона XIX века» толкуется как «деликатность, доверчивость, привязанность», имеет оттенок презрительности.

Карась был привязан к своему родному дому, но большинство умных бурсаков, к которым он обратился бы со своими интимностями, непременно сделали бы ему смазь, потому что интимности на языке бурсаков носят название телячьих нежностей [Там же].

В идиолекте Помяловского использование жаргонных лексических единиц, с одной стороны, является необходимым, т.к. жаргонизмы называют уродливые явления жизни и быта воспитанников духовных училищ: *Куча плюх, смазей и салазок, тычков, швычков и плевков, зуботрецин, заушений и заглушений* пронеслась довольно благополучно над головой Карася [Там же]. С другой стороны, использование сленговых «бурсацких» выражений необходимо для создания особой атмосферы художественного текста. Все жаргонизмы у Помяловского имеют стилистическую окраску (чаще отрицательную), они необходимы для выражения негативных эмоций и чувств, которые преобладают в его художественных текстах. Жаргонные выражения у Помяловского становятся основой его идиолекта, точно и емко передавая чувства персонажей.

Заметим, что фразеологизм **телячи нежности** употребляется во многих художественных текстах XIX в. (данная фразеологическая единица не утратила и в современном языке своей актуальности и входит в активный словарный запас). У Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: *Маму свою он очень любил, а не любил только «телячьих нежностей», так выражался он на своем школьном языке* [9].

В школьном жаргоне XIX в. встречаются лексические единицы, которые в современном русском языке включены в активный запас, но имеют иное значение, например: лексема **аудитор (авдитор)**, употребляемая в текстах Помяловского, Гоголя, Короленко, обозначает ученика, который должен был проверять готовность к уроку у своих товарищей до прихода учителя, а потом докладывать, кто не готов: *Этот страшный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича аудитором, несмотря на то что в классе было много с гораздо лучшими способностями* [10].

Школьный жаргон в художественных текстах XIX в. имеет гендерные различия, поскольку мальчики и девочки воспитывались в учебных заведениях, принципиально отличавшихся друг от друга. В женских учебных заведениях было мало физических наказаний, однако это не говорило о том, что не существовало насилия эмоционального. В женском школьном жаргоне, на-шедшем отражение, например, в текстах Л. Чарской, большое количество лексических единиц

с положительной эмоциональной окраской. Следует указать, что женский школьный жаргон в художественных текстах отражает быт и реалии жизни закрытых женских учебных заведений обычно для девочек из высшего сословия (в отличие от духовных училищ для мальчиков, куда могли попасть и дети разночинцев). Женский школьный жаргон XIX в. выполняет те же функции, что и бурсацкий, т.е. номинативную функцию и функцию выражения эмоциональной оценки.

Приведем несколько примеров из женского школьного жаргона XIX в.: **обожание, обожать, обмакиваться** и др. *Обмакиваться* — значит приседать перед классной дамой, приветствуя ее; *обожание* — возвышенная любовь к кому-либо, чему-либо, преклонение, обычно с оттенком одобрения. Явление обожания описывается во многих текстах: в женских учебных заведениях считалось необходимым кого-то обожать, обычно это заменяло чувство любви. Из повести Л. Чарской «Вторая Нина»: *Обожание в институте считалось своего рода обязательством, плотно вкоренившимся в традиции этого заведения. Девочки, запертые в душную атмосферу института, создавали себе идеал и поклонялись ему* [11].

Или еще один пример из «Записок институтки. Повести для юношества» (где описывается Павловский институт благородных девиц): *Мы, младшие, «обожаем» старших. Это уж так принято у нас в институте. Каждая из младших выбирает себе «душку»...* [Там же].

В целом можно сказать, что школьный жаргон XIX в. образовывал особую подсистему, своего рода профессиональный жаргон (бурсаков, институток), отражал возрастное и социальное обособление молодых людей, был дифференцирован гендерно и социально.

Элементы школьного жаргона использовались в художественных текстах писателей как первого, так и второго и даже третьего ряда. С одной стороны, это свидетельствует о его общем характере, с другой — в нем фиксируются различия социального и гендерного характера, т.е. жаргон закрепляет социофункциональную дифференциацию.

В идиолекте ряда писателей второго ряда, таких как Помяловский, Бобрикин, жаргонизмы являются основой языка художественного произведения, своеобразным маркером социальных ролей. В идиолекте Достоевского, Гоголя, Короленко жаргонные единицы — стилистические доминанты, характеризующие либо какое-то явление либо характер персонажа.

Жаргонизмы в художественных текстах XIX в. обнаруживают общую тенденцию: их образование во многом основывается на метафорическом переносе, что объясняется повышенной экспрессивностью жаргона.

В рамки субстандарта в целом входят, помимо жаргонов (социальных и профессиональных), и единицы арго. В XIX в. использование в художественных текстах арготизмов и элементов криминального жаргона не является широко распространенным (за исключением написанного в 1775 г. романа «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений» Матвея Комарова). Однако в авантюрно-приключенческом романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» используется большое количество единиц криминального жаргона и арго второй половины XIX в. Широкое использование подобных единиц объясняется спецификой сюжета и особенностями мировосприятия дискурсивной личности автора.

Крестовский не имел прямого отношения к криминальному миру, напротив, состоял на воинской службе, по повелению Александра II составил «Историю л.-гв. Уланского Его Величества полка», участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Из воспоминаний современников следует: Крестовский был убежден в том, что в художественных текстах уместно изображать без прикрас все отрицательные стороны жизни, т.е. он был сторонником литературного направления натурализма (испытал большое влияние Помяловского). Поэтому в его самом знаменитом романе «Петербургские трущобы» (подзаголовок «Сытые и голодные») содержатся достоверные

описания социального дна Петербурга (притонов, публичных домов, ночлежек, тюрем и др.), что репрезентируется с большим количеством арготизмов, требующих пояснений.

Во время написания романа Крестовский изучал низы петербургского общества, что позволило ему собрать большую картотеку арготизмов. В романе «Петербургские трущобы» в основном употребляются не жаргонные (общежаргонные) фразеологические и лексические единицы, а именно арготизмы, большая часть которых требует пояснения и толкования.

Приведем в качестве примера диалог в трактире-притоне:

- Да кто спрашивал-то? — послышался его хриплый, заспанный голос.
- А мне почем знать — тебя спрашивал!.. Возьми зеньки в граблюхи [глаза в руки], да и зеть вон сквозь звенья! [смотри как через очки]. Может, и фигарис какой! [сыщик] — отвечал ярославец, становясь за стойку и принимая такой вид, как будто ничто до его милости не касается.
- Темная личность подошла к правой двери, плотно приблизила лицо свое к темным цветным стеклам и осторожно стала смотреть сквозь них в «чистую половину».
- Который это? что в шельме [шинели] камлотной сидит, что ли? — спросил он, разглядывая посетителей.
- Тот самый... Гляди, не фигарис ли каплюжный [полицейский], — предостерег его буфетчик.
- Нет, своя гамля [собака], — успокоил смотревший субъект и смело направился в «чистую половину» [12].

Заметим, что язык романа Крестовского привлекал внимание и требовал пояснений, поэтому вскоре появился словарь (точнее говоря, тезаурус) Н.А. Смирнова «Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”», где содержится 252 словарные статьи, в которых толкуются лексические и фразеологические единицы, а также приводятся контексты-цитаты из романа [13].

Арготизмы у Крестовского, помимо функции создания реалистического описания социального дна, выполняют номинативную функцию в тех случаях, когда речь идет о разных группах криминального мира. В его произведении проститутки, мошенники, воры, специализирующиеся на различных видах преступлений («голубятники», похищающие белье, которое сушится на чердаках домов, и др.), фальшивомонетчики, нищие, заключенные употребляют словарные единицы своего варианта арго (тюремное арго дифференцировано на мужское и женское) и даже элементы арго разных религиозных сект для называния предметов, явлений, событий.

Например, в разговоре скрывающегося от полиции краденого и воров используются следующие единицы: скурженная лоханка (серебряная табакерка), клей (ворованная вещь), канарейка с пущиной (серебряные часы с цепочкой), яман (плохо), веснухи (золотые часы), мазурик (мошенник или мелкий вор (с оттенком презрительности)) и др.

- Ну и что же ты? маху не дал?
- Еще б те маху! Шмеля срубил, да вынчил скурженную лоханку! — самодовольно похваляется мазурик.
- Мешок во что кладет веснухи? — спрашивается в то же время в другой группе, на противоположном конце комнаты.
- Во что кладут! да гляди, чуть не в гроник! — ропщет темная личность с крайне истомленным и печальным лицом. — Клей не дешевого стоит; поди-ка, сунься в магазин у немца купить — колес в пятьдесят станет.
- А какой клей-то?
- Да канарейка с пущиной, как есть целиком веснушки [12].

В идиолекте Крестовского использование арготизмов носит системный характер. Арготизмы используются для называния предметов, явлений, событий; для эмоциональной оценки; для указания на принадлежность к «своей» социальной группе; для характеристики социальной принадлежности персонажа и его человеческих качеств и др. Система арготизмов распадается на лексико-тематические группы, связанные либо с «профессией» персонажа, либо с его местом в криминальной иерархии. Заметим, что арго «Петербургских трущоб» включает в себя не только лексические единицы, но и значительное количество фразеологических и паремиологических единиц (доброму вору — всё в пору).

В идиолекте Крестовского арготизмы выполняют и когнитивную функцию, что позволяет сконструировать языковую модель окружающей действительности — социального дна. Крестовский при использовании жаргонизмов и арготизмов создал и презентировал модель общественно-политической системы Российской империи с ярким противопоставлением жизни высшего света и низов общества, при этом пороки присущи представителем высшего света в неменьшей степени, чем преступникам.

Заключение

Использование жаргонных и арготических единиц в соответствии с интенциями дискурсивной личности автора делает тексты уникальными. Употребление субстандартизмов объясняется не только идеино-тематическим содержанием художественных текстов, но и особенностями мировоззренческих доминант дискурсивной личности авторов.

В художественных текстах Н.Г. Помяловского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л. Чарской, П. Боборыкина, Вс. Крестовского жаргонные и арготические единицы выполняют номинативную и экспрессивную функции. Если в идиолектах Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского употребление жаргонизмов является единичным случаем, то в произведениях Вс. Крестовского и Н.Г. Помяловского субстандартизмы служат основой идиолекта и выполняют когнитивную функцию моделирования языковой и концептуальной картины мира. При этом когнитивная функция субстандартизмов соединяется с коммуникативной, они являются полифункциональными, что позволяет авторам реализовать функцию эмоционального воздействия на адресата текста.

Литература

1. Медведкова Е.С. Идиостиль и идиолект автора исторического романа (на примере произведений В.И. Костылева) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (29.08.2025).
2. Карапул Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
4. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоксилогического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_02.
5. Карасик В.И. Дискурсивная личность: перформативные характеристики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 186–196.
6. Красса С.И., Волконова А.В. Языковой субстандарт: структурирование понятийного поля // Грамота. 2016. № 1 (55). Ч. 1. С. 136–140.
7. Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: Эппис, 2007. 368 с.
8. Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/010000_000060_ART-4fa83bd8-4dc1-40bd-bf33-4d7900be03cb?page=76&theme=white (27.08.2025).
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Дрофа: Вече, 2002. 910 с.
10. Гоголь Н.В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка. М.: Худож. лит., 1976. 333 с.

References

1. Medvedkova E.S. Idiostil' i idiolekt avtora istoricheskogo romana (na primere proizvedenii V.I. Kostyleva) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2016. T. 1. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiostil-i-idiolekt-avtora-istoricheskogo-romana-na-primere-proizvedeniy-v-i-kostyleva> (29.08.2025).
2. Karaulov Iu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'. Izd. 7-e. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. 264 s.
3. Vinogradov V.V. O iazyke khudozhestvennoi prozy: izbrannye trudy. Moscow: Nauka, 1980. 360 s.
4. Mikhailova O.A., Mikhailova Ju.N. Diskursivnaia lichnost': opty lingvoaksilogicheskogo analiza // Politicheskaiia lingvistika. 2021. No. 6 (90). S. 23–31. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_02.
5. Karasik V.I. Diskursivnaia lichnost': performativnye kharakteristiki // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2014. No. 16. S. 186–196.
6. Krassa S.I., Volkogonova A.V. Iazykovoi substandart: strukturirovanie poniatiniogo polia // Gramota. 2016. No. 1 (55). Ch. 1. S. 136–140.
7. Anishchenko O.A. Slovar' russkogo shkol'nogo zhargona XIX veka. Moscow: Elpis, 2007. 368 s.
8. Pomialovskii N.G. Ocherki bursy. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/010000_000060_ART-4fa83bd8-4dc1-40bd-bf33-4d7900be03cb?page=76&theme=white (27.08.2025).
9. Dostoevskii F.M. Brat'ia Karamazovy. Moscow: Drofa: Veche, 2002. 910 s.
10. Gogol' N.V. Ivan Fedorovich Shpon'ka i ego tetushka. Moscow: Khudozh. lit., 1976. 333 s.

11. Чарская Л. Полное собрание сочинений. М.: Приход храма Святого Духа сопшествия: Изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2008.
12. Крестовский В.В. Петербургские трущобы: книга о сытых и голодных / общ. ред. и вступ. ст. И.В. Скачкова. М.: Правда, 1990. 736 с. URL: http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0010.shtml (29.08.2025).
13. Смирнов Н.А. Слова и выражения vorovskogo жаргона, взятые из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1899. Т. 4. URL: <https://archive.org/details/smirnovnaslovaivyrazhenijavorovskogoja75/page/n5/mode/2up> (27.08.2025).
11. Charskaia L. Polnoe sobranie sochinenii. Moscow: Prikhod khrama Sviatago Dukha soshestviia: Izd-vo Sestrichestva vo imia sviatitelia Ignatia Stavropol'skogo, 2008.
12. Krestovskii V.V. Peterburgskie trushchoby: kniga o sytykh i golodnykh/obshch. red. i vstup. st. I.V. Skachkova. Moscow: Pravda, 1990. 736 s. URL: http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0010.shtml (29.08.2025).
13. Smirnov N.A. Slova i vyrazheniia vorovskogo zhargona, vziatye iz romana Vs. Krestovskogo «Peterburgskie trushchoby». St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1899. T. 4. URL: <https://archive.org/details/smirnovnaslovaivyrazhenijavorovskogoja75/page/n5/mode/2up> (27.08.2025).

Королькова Анжелика Викторовна,
доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Московский педагогический государственный университет

Korolkova Anzhelika V.,
Doctor of Philology, Professor
Peoples' Friendship University of Russia;
Moscow State Pedagogical University

e-mail: lika.korolkova@bk.ru

Новикова Татьяна Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой математических и гуманитарных наук
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия

Novikova Tatyana S.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Mathematical and Humanities Sciences Department
Smolensk State Agricultural Academy

e-mail: tatjana_1@inbox.ru

Пучинская Татьяна Михайловна,
кандидат педагогических наук, доцент
декан лингвистического факультета
Барановичский государственный университет
(Барановичи, Беларусь)

Puchinskaya Tatyana M.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Dean of the Linguistics Faculty
Baranovich State University
(Baranovich, Belarus)

e-mail: fsigya@barsu.by

Статья поступила: 04.09.2025

Принята к печати: 16.10.2025

Художественный перевод этнокультурного текста: проблемы транскультуратации и трансъязычия

В статье исследуется проблема художественного перевода этнокультурного текста, в котором на лингвистическом уровне представлены феномены трансъязычия и транскультуратации, позволяющие говорить о процессе художественного трансфера в оптике переводоведения. Определяется полифоническая специфика диалога «писатель – переводчик» в контексте парадигмы «продуцирующее сознание – воспринимающее сознание». Авторы ставят задачу выявить особенности переводческой презентации транскультурных и трансъязычных элементов в художественных произведениях писателей, их использующих. Анализируются стратегии переводчика, фиксирующего на ином языковом уровне своего перевода лингвокульттуру и художественную образность текста оригинала в системе как конгениального, так и неточного перевода. Рассматриваются инофонный и инокультурный модус оригинала и перевода романа-пенталогии «Буренушка» («Бөйрәкәй») Тансулпан Гариповой, уровни соотнесения процессов когезии и когерентности в переводе этнокультурного текста. Определяется также авторская стратегия использования в транскультурном тексте определенных переводческих механизмов для культурного трансфера иноязыковых элементов, например полизыковой гибридизации, транслитерации, транскрипции, переводческой кальки в транскультурном тексте сборника «Другой юг» Шамишад Абдуллаева. Акцентируется внимание на необходимости учитывать специфику перевода художественного образа, что иногда может быть обеспечено только в системе «неточной точности».

Ключевые слова: художественный перевод, конгениальность, транскультуратация, трансъязычие, Т. Гарипова, национальная литература, Шамишад Абдуллаев, транскультурная литература

The article explores the problem of literary translation of an ethnocultural text, which presents the phenomena of translinguism and transculturation at the linguistic level, allowing us to talk about the process of cultural transfer. The authors define the polyphonic specificity of the “writer – translator” dialogue in the optics of the “producing consciousness – perceiving consciousness” paradigm, and identify the features of the translation representation of transcultural and translingual elements in the works of fiction of the writers who use them. The article analyzes the strategies of a translator who captures the linguistic culture and artistic imagery of the original text at a different linguistic level of his translation, both in the system of congenial and inaccurate translations. The article examines the foreign-language and foreign-cultural mode of the original and translation of the novel-pentalogy “Burenushka” (“Бөйрәкәй”) by Tansulpan Garipova, the levels of correlation of the processes of cohesion and coherence in the translation of an ethnocultural text. The article also defines the author’s strategy for using translation mechanisms such as multilingual hybridization, transliteration, transcription, and translational tracing paper in the transcultural text of Shamshad Abdullaev’s collection “The Other South”. Attention is focused on the need to take into account the specifics of the translation of an artistic image, which can sometimes be achieved only in a system of “inaccurate accuracy”.

Keywords: literary translation, congeniality, transculturation, translingualism, T. Garipova, national literature, Shamshad Abdullaev, transcultural literature

Введение

В литературоведении XXI в. особый интерес вызывают исследования, определяющие внутренние стыки «диалога культур» в системе разнонациональных литературных общностей. Разного уровня литературные связи и влияния являются важнейшей особенностью литературного процесса, заключающейся в постоянном взаимодействии литератур, в усвоении (и преодолении) одной литературой художественного опыта другой. В этом плане особый интерес представляют диалогические отношения между писателем и переводчиком. Специфика и структура подобного диалога усложняются, если переводчик, переводя оригинальный текст на «свой» национальный язык с целью трансферинга художественной информации, испытывает мировоззренческое влияние и на свое личностное авторское индивидуальное сознание. Так, диалогические отношения «писатель – переводчик» развиваются в системе «продуцирующее сознание – воспринимающее сознание». Важно сформировать поликомпетентностные подходы к исследованию литературного текста; выявить возможные процессы транскультуратации в переводах и в авторских художествен-

ных произведениях переводчика, рецептивно использующего заимствования из текста оригинала. *Consensus gentium*, т.е. согласие эпох и культур, проявляется в переводах конгениальностью авторской концепции оригинала и «воспринимающего сознания» переводчика, фиксирующего на ином языковом уровне своего перевода лингвокультуру и художественную образность текста оригинала. Так проявляются *инофонный и инокультурный модус оригинала* [12. С. 154].

Цель настоящей статьи — анализ особенностей художественного перевода произведений, соотносимых с этнокультурной литературой. В работе решаются задачи, раскрывающие переводческие стратегии в авторизованном переводе с башкирского на русский язык, выполненном Марсемлем Гафуровым, романа-пенталогии «Буренушка» («Бәйрәкәй») Тансулпан Гариповой; анализируется поэтика сборника «Другой юг» транскультурного (русско-узбекского) писателя Шамшада Абдуллаева в оптике использования переводческих стратегий в авторском русскоязычном тексте; выявляются возможности интерпретации транскультурного текста средствами переводящего языка.

Методология исследования основана на принципах переводческого анализа и на приемах дискурс-анализа.

Материалом статьи послужили роман-пенталогия «Буренушка» («Бәйрәкәй») Тансулпан Гариповой, сборник «Другой юг» Шамшада Абдуллаева.

Основная часть

Теория и практика художественного перевода играют важную роль в контексте современной аналитики этнокультурных художественных текстов. Переведенные на другой язык художественные произведения начинают жить отдельной жизнью в другой культуре и литературе, порождая связи и смыслы, которые не были актуализированы, не осознавались или даже не существовали в культуре оригинала. Так, исследователь Т.А. Казакова подчеркивает:

Художественный перевод — это особый вид интеллектуальной деятельности, в процессе которой переводчик устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков, позволяющее создать иноязычный аналог исходного художественного текста в виде вторичной знаковой системы, отвечающей литературно-коммуникативным требованиям и языковым привычкам общества на определенном историческом этапе [6. С. 45].

В процессе перевода художественного текста формируются особые условия для языкового контакта, который не ограничивается чисто лингвистическими координатами, а становится контактом культурным, историческим, стилистическим. И если общая теория перевода в наши дни разработана практически в полном объеме, то вопросы и проблемы художественного перевода как фактора меж- и транскультурного взаимодействия остаются открытыми (подробнее об этом см.: [15]). Несомненно, что «переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами... Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга» [9. С. 70–71].

Перевод может быть позиционирован и как самостоятельный литературный феномен. Он, обладая своими характеристиками, типологическими свойствами, законами функционирования, занимает определенное место в системе литературных взаимосвязей. В этих условиях происходит «актуализация произведения» (О.А. Кривцун [10. С. 183]) в иноязычном читательском поле, что расширяет возможности семиотической и семантической интерпретации текста оригинала. При этом влияние переводчика на восприятие его творческого перевода связано как с экзистенциальными аспектами мировосприятия переводчика, так и с той национальной традицией, которая питает его мировоззрение и определяет ментальные особенности. За восприятием перевода как самостоятельного литературного произведения стоят процессы его создания и фигура переводчика — его творца и медиатора между читателем иной культуры и автором оригинала, а также влияние переводчика на аудиторию. Вопрос о национальной привязанности переводной литературы порой очень дискуссионен и напрямую связан не только с нарратором, но и с адресатом. Суще-

ствуют разные мнения по поводу того, как следует рассматривать переведенное произведение: в контексте оригинальной литературы или как явление не переводимой зарубежной литературы, а переводящей отечественной.

Художественный перевод как площадка для экспериментов

При создании художественного перевода переводчик сталкивается с разными проблемами, которые связаны с лингвистическими, культурными и этическими аспектами творчества. Эти проблемы обусловлены спецификой художественного текста: важно передать не только буквальный смысл, но и эмоциональную и эстетическую подоплеку оригинала. Так, проблема соответствия или верности подлиннику определяет и стратегию перевода, и творческую концепцию переводчика. Возникшая под влиянием работ Вильгельма фон Гумбольдта *теория непереводимости* акцентируется на идее невозможности адекватного художественного перевода из-за различий между языками и культурами, т.к. не только семантика двух языков может не совпадать, но и их выразительные средства могут быть принципиально противоположными. Неадекватный перевод позиционируется как бледное отражение оригинала, дающее читателю лишь отдаленное представление о содержании текста оригинала.

При этом существует другая позиция, согласно которой профессиональный переводчик, способный чувствовать художественный образ изнутри, обладающий особой формой языкового чутья, в состоянии использовать все ресурсы развитого национального языка для полноценной смысловой передачи художественного образа (смысла, идеи, философии и т.д.), выраженного на другом языке. И тогда возможен перевод художественного образа художественным образом, предполагающий возможность различных эквивалентов (в том числе идиоматических), замен, дополнений переводчика, элементов комментаторства. Если лингвистически точный дословный перевод не является соответствующим эквивалентом по отношению к оригиналу, но при этом воспроизводит эмоциональную составляющую подлинника в полной мере, то такой перевод с литературоведческой позиции считается качественным.

В качестве примера обратимся к русскому переводу романа-пенталогии «Буренушка»¹ («Бейрәкәй»²), написанного Тансулпан Гариповой на башкирском языке в 2006 г. Роман может быть идентифицирован как историософский с ярко выраженной мифopoэтикой, выполняющей концептуальную миромоделирующую функцию в авторском проектировании художественной картины мира в контексте башкирской истории XX в. В романе показан процесс становления башкирской нации в новых эпохальных условиях Советского государства в разрезе трех оптик: отдельных судеб героев романа, семьи и малой родины – Башкирии, встроенный в общее российское пространство. Важную роль в акцентации общей топонимии и в очерчивании в ней отдельного национального локуса играют не только этнические топонимы, но и трансъязыковые коммуникативные элементы. Гарипова использует прием билингвального диалога, встраивая в башкирский текст фразы на русском языке:

Улына әйттә:

— Не хватало лошадей мучить, так-итак им достается!-ти. Русса әйтә. Рауза уны барыбер андай.

Үз балаһы бит.

Сибәрәттәң әсәһенә әйләүенә лә улының исе китмәне.

— Ладно, сама знаешь. Наверно лучше, чем д о м о в о й -тине. Рауза, дөреңән әйткәндә, домовой тигәне менән дә йәшәргә әзәр. Яңғыҙлык бер аллага килемшән, тимәctәр ине, анһат булна. Теге татар менән күпме генә торзо ул? Корошул ни урыс, ни башкорт түгел бер ул қалдырызы. Уныны ла Раузага түгел, аттарға язған йән әйәне булып сыйты... [Гарипова, 2006: 119–120].

¹ На русском языке роман был опубликован в журнале «Бельские просторы» (2005) в авторизованном переводе Марселя Гафурова. Отдельное издание вышло в 2009 г.: Гарипова Т.Х. Буренушка: роман-эпопея / авториз. пер. с башк. М. Гафурова. Уфа: Китап, 2009. 696 с.

² Гарипова Т.Х. Бейрәкәй. Өфө: Китап, 2006. 768 бит.

Переводчик не может сохранить этот принцип при переводе на русский язык; он сохраняет русский вариант прямой речи, но не в авторском варианте, редактируя синтаксис разговорного стиля и опуская суффикс-приставку, принятые в башкирском языке («Не хватало еще мучить лошадей, им и так достается! <...> Ладно, сама знаешь... Наверно, лучше, чем домовой»), и переводит на русский авторскую речь, функционально звучащую как ремарка для башкирского читателя: «Причем отвечает он по-русски, Рауза понимает его с трудом» [Фарипова, 2006: 113].

Переводной текст с точки зрения категорий дискурс-анализа сохраняет заданную оригиналом когезию («...обеспечивает внутреннюю лексико-грамматическую связность текста, т.е. связь его элементов, при которой интерпретация одних элементов зависит от других и позволяет адресанту реализовать свою коммуникативную цель с наибольшей точностью и ясностью» [З. С. 40]), но утрачивает когерентность, которая линейно организует дискурс таким образом, что авторский замысел становится понятным читателю. Нарушение прагматической связности при переводе приводит к потере важного для авторского смысла билингвизма диалога, построенного на языковой интеграции русского и башкирского языков. Гибридный язык оригинала строится по принципу полиязыковой трансмиссии русского языка и башкирской лексики. Конфликтное языковое сознание помогает автору смоделировать образ интегрированной башкирско-русской истории. К сожалению, в переводе эта историософская составляющая практически утрачивается. Переводчик вынужденно дешифрует одну из концептуальных составляющих авторской картины мира.

Кроме того, автор романа использует в определенной ситуации принцип нарушения фонетической составляющей слов, который позволяет передать через дефект речи психологические координаты образа одного из персонажей — юродивого Шангарея: «Мин — Призниф! (Брежнев — Г. Г., Б. Ш.) Кесе бы кем тиһә, сулай тип әйт, йәме, Раужа әпшәй? <...> әйзә атыу, эскә бар-майым. Кәжәләрзе үзен қыгу...» [Фарипова, 2006: 156].

Переводчик в логике конгениального перевода следует за автором и также прибегает к фонетической замене букв, создающей эффект дефекта речи, но использует специфику русской фонетики. Так, например, башкирская лексема «Призниф» переводится как «Прежнеф». Но в ряде случаев переводчик применяет этот принцип фонетического разрушения грамматической формы слова в эпизодах, в которых автор в оригинальном тексте его не использует:

- Ah, ана Шәңгәрәй килә. Бәтә нәмәне ул белә торған.
- Шәңгәрәй күстым, ah, нигә һаузык нораш майһың?
- Уаф, уаф!
- Ah, ah! У ни тигән hүз?
- У хәзер мин эт (курсив наш. — Г. Г., Б. Ш.) тигән hүз. Уаф, уаф!
- Кем һине эт ти, шуның теле коронон! Минең һине эт тигәнем юксы...
- Уаф! уаф! [Фарипова, 2006: 120].

Переводчик в рамках логики интенсификации психологической составляющей образа в конкретном отрывке не следует за автором и использует фонетическую замену букв, создающих эффект дефекта речи:

- Ага, Шангарей навстречу идет, надо у него спросить, он обычно все знает.
- Шангарей, ты что это не здоровашься?
- Гав, гав!
- Как это понимать?
- Я — шабака (курсив наш. — Г. Г., Б. Ш.). Гав, гав!
- Пусть отсохнет язык у того, кто сказал, что ты собака! Я ведь ничего такого не говорила...
- Гав, гав! [Фарипова, 2009: 114–115].

Конечно, используемый автором и переводчиком эффект дефекта речи никак напрямую не связан с акцентом на передаче психических особенностей юродивого Шангарея, но он дополняет содержательные аспекты его речевого портрета и сюжетной линии истории жизни персонажа. Переводчик достаточно конгениально соотнес при переводе авторскую стратегию,

добившись максимальной точности в передаче индивидуальной специфики при построении образа Шангарея. Не всегда можно в переводе реализовать подобный принцип конгениальности, часто художественные задачи психологической адекватности требуют, наоборот, его нарушения.

Иногда писатель использует принцип трансъязыковой игры с национальными онимами, выстраивая в ее процессе выходы в лингвокультурную область интерпретации оригинала и его переводческого варианта. По мнению У.М. Бахтикеевой, языковые изменения, возникающие в результате контакта языков, не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур [1. С. 94–95].

Так, переводчик и теоретик К.И. Чуковский, разрабатывая принципы художественного перевода, вывел метафорическую формулу «неточной точности» [14. С. 48], противостоящую «попугайным» переводам [Там же. С. 47]. Он приводит ряд примеров «неточных» переводов, доказывающих высочайшее переводческое мастерство, когда переводчик предпочитал стратегию «вольного» перевода, а не «буквального»:

Словарные ошибки встречались не раз у самых больших переводчиков, и все же их переводы гораздо художественнее (и значит: вернее) огромного множества таких переводов, где каждое отдельное слово передано с максимальной точностью.

Лермонтов смешал английское *kindly* (нежно) с немецким *das Kind* (дитя) и перевел строку Бернса «Had we never loved so kindly»:

Если б мы не дети были...

Между тем эта строка означает:

Если б мы не любили так нежно...

Тургенев, переводя «Иродиаду» Флобера, сделал из ее дочери сына, превратив таким образом Саломею в мужчину.

Виссарион Белинский перевел слово «vaisseaux» — корабли, а в подлиннике шла речь об *артериях*.

Валерий Брюсов имя Керубино перевел — Херувим, то есть превратил мальчишку в ангелочка.

И все же их переводы — мы знаем — имеют большую литературную ценность.

Словарные несоответствия указывать очень легко. Если в подлиннике сказано лев, а в переводе *собака*, всячко ясно, что переводчик ошибся. Но если он извратил не отдельные слова или фразы, а основную окраску всей вещи, если вместо взрывчатых, новаторски дерзких стихов он дал в переводе благополучно шаблонные, вместо горьких — слашивые, вместо текучих — занозистые, мы почти бессильны доказать рядовому читателю, что ему всучили фальшивку [Там же. С. 47–48].

Творческая роль переводчика

Главной движущей силой переводчика должна являться идея, осознаваемая им при работе с оригинальным текстом. В этом случае переводчик находит или творчески создает на уровне метафорики эквивалентные языковые средства для передачи художественной идеи на тех или иных уровнях текста. Различия в грамматике, синтаксисе, лексике и стиле языка оригинала могут затруднить точный перевод, особенно при передаче идиом, метафор и культурно-специфичных выражений. Передача тропов и фигур речи, которые поддерживают целостность художественных образов, передача игры слов должны происходить с учетом сохранения индивидуального стиля писателя. Перевод неизбежно ведет к замене выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода, а выбор варианта перевода имеет субъективный характер, определяемый личностью переводчика. Переводческая трансформация является важнейшим средством, позволяющим существенно улучшить коммуникативный эффект. Согласно ученому-переводоведу В.Н. Комиссарову, перевод представляет «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [8. С. 172]. Примечательно, что трансформация призвана дать не прямой эквивалент, а именно тот потенциальный вариант перевода, который удовлетворяет контекстуальный посыл. Необходимость передачи реалий и реалем, свойственных культуре и историческому периоду, которые отражены в оригинале художественного произведения, требует от переводчика максимум внимания и творческой выдумки.

мальной сохранности национального контекста оригинала. Важно помнить, что вопрос о переводимости литературного произведения тесно связан с проблемой передачи национального характера, воссоздания его этнокультурных особенностей без искажений. Ученые-переводоведы считают, что «представление о переводе как о сложной коммуникативно-когнитивной деятельности, обусловленной целым рядом факторов: лингвистическими, психологическими, культурологическими, социальными, информационно-технологическими, — преобладает в современном научном пространстве. Такой подход требует не только сопоставления оригинального и переводного текстов и языковых систем, но и их связи с личностью переводчика, мерой его языковой и предметной компетентности; владения техниками и операциями, необходимыми для принятия решений; сопоставления особенностей и возможностей разных культурных традиций; подготовки, условий деятельности и оценки труда переводчика; соотнесения технологических ресурсов с реальными потребностями общества в данном виде деятельности» [7. С. 77].

Решение проблем зависит от глубокого понимания как исходного текста, так и целевой культуры, а также от творческого подхода к выбору наиболее подходящих стратегий перевода. Художественный перевод — это особый вид перевода, который требует от переводчика глубоких знаний языка и творческого подхода к работе. Задача переводчика — передать не только смысл, но и эмоциональную нагрузку, стиль, атмосферу оригинального произведения. В этом плане возможно использование такого способа перевода, как компенсация, «при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [8. С. 185].

Переводчик в определенной степени выступает и как интерпретатор при отсутствии точных эквивалентов; он может через описательные конструкции пользоваться системой интерпретаций, соответствующих смысловым элементам оригинала. По мнению Ю.М. Лотмана, «механизм неадекватного, условно-эквивалентного перевода служит созданию новых текстов, то есть является механизмом творческого мышления» [11. С. 608].

При выстраивании механизмов художественного перевода необходимо учитывать ряд сложностей, присущих его специфике. Их учет может способствовать более адекватному, конгениальному конструированию переводчиком вторичного текста. Сложность авторского стиля связана с неповторимым почерком писателя, который включает в себя выбор слов, ритм, структуру предложений и даже эмоциональную окраску. Слова с выраженной составляющей «игра слов» переводить на другой язык необходимо с учетом этнокультурной специфики, а не дословно. Так, например, черный юмор американцев или особый тип английского юмора при дословном переводе для читателя иной карнавальной культуры будут совершенно непонятны и утратят свою функциональную задачу. Поэтому переводчик должен не просто искать прямой эквивалент, а создавать новый вариант, который сохранит юмор и остроумие автора. Повествование об исторических событиях, описание обрядов и традиций, использование в тексте идиоматических конструкций связаны с культурными особенностями нации и могут быть понятны только носителю определенной культуры. При переводе таких текстов необходимо учитывать специфику целевой аудитории и использовать ассоциации и аналогии.

При определении особенностей художественного перевода важно понимать, что его стратегической (потенциальной) единицей является художественный образ. Исследователь В. Разумовская считает, что «являясь гетерогенным образованием, художественный образ конституируется не сколькими различными семантическими уровнями, что позволяет рассматривать художественный образ как гиперединицу. Сложная многоуровневая природа выделяемой единицы перевода определяет использование различных стратегий перевода» [13. С. 25].

Согласно этой точке зрения, художественный образ — уникальная единица перевода, что обусловлено спецификой и функциональными особенностями художественного текста, семантически и семиотически преодолевающего прямые лингвистические корреляты. При этом отмечается, что

художественный образ не имеет фиксированной «географии» в художественном тексте: он не привязан к какому-то конкретному участку текста. Образ «растворен» в пространстве всего художественного текста, создается и развивается на протяжении всего художественного повествования.

При исследовании компаративных проблем в аналитике переводов особый интерес вызывают проблемы фронтира, определяющие внутренние стыки диалога культур в системе разнонационального бинома «перевод — оригинал». Художественный перевод тесно связан с лингвистикой, семиотикой и компаративистикой, т.к. является не только актом речи, но и актом межкультурной коммуникации. Важным представляется замечание исследователя Е.Е. Завьяловой о том, что «художественный перевод способствует приобщению национальной культуры к мировым литературным ценностям, а деликатное вмешательство в текст оригинала ведет к плодотворному диалогу личных поэтико-биографических перспектив» [5. С. 57].

Подобный подход часто используют транскультурные писатели, стремящиеся на уровне языкового трансфера (в интегрированной би(поли)лингвальной системе) передать особые авторские мировоззренческие смыслы. Например, внутриязыковая трансгрессия в сборнике «Другой юг» русскоязычного писателя из Узбекистана Шамшада Абдуллаева проявляется не только во взаимодействии двух родных (узбекский и русский), но и родственных языков, сколько на уровне полиязыковой гибридизации способами транслитерации, транскрипции, переводческой кальки, ономастической транскультурации и т.д.: «Гяп был в разгаре»⁵; «кто-то, забредший чудом в гармсиль и с трудом найденный факелами исконного удушья»⁶; «Хануз шу ерда сен»⁵, по крайней мере, через две-три недели»⁶; «здесь окрестность скапливается в тупик, образующий Фулу, край земли, но последней исчезла в комнатной полумгле ее <...> как рыбий хвост в озерной тьме средь бела дня, а тут, в годовом муаре тротуарных колец, *the alley cat dies of a migraine*»⁷; «старик, пепельный дряхлый *kobold* на балконе напротив»⁸; «Как зовут вокалиста *The Animals*, говорит Второй, забыл, как его... не помнишь? *The Story of Bo Diddley*, его ведь вещь?»⁹; «Бу Вашингтон, говорит Второй, Вашингтондан гапирамиз, микрофонда Мустафа Олтой, Карлос Сантананинг *Soul Sacrifice* композициясини тингланг»¹⁰ (лексемы и выражения выделены нами. — Г.Г., Б.Ш.).

Автор, создавая особый гибридный язык как презентацию принципиальной гибридной стилистики ферганской поэтической школы, выступает сам переводчиком отдельных слов и фраз в своем русском авторском тексте, используя различные переводческие стратегии. Задача проста: констатировать мультикультурность и транскультурность художественной картины мира.

Примеров подобной гибридности в сборнике Абдуллаева множество, они охватывают практически все возможные варианты трансъязыковой культурации. Эстетическая и смысловая выразительность такой этнопоэтики связана с акцентацией на двух ключевых биномах топоса «дом»: мой личный (экзистенциально означенное локусом моей сознательности бытие-во-мне) и космополитичный «общий дом» (всеобщее бытие).

Заключение

Важнейшим фактором понимания и принятия переводного текста воспринимающим сознанием иноязычного читателя является степень конгениальности художественного перевода не только оригиналу, но и лингвокультурной и этнической специфики читательской аудитории. И в этом

⁵ Абдуллаев Ш. Другой юг. М.: Носорог, 2020. С. 81.

Abdulaev Sh. Drugoi iug. Moscow: Nosorog, 2020. S. 81.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Хануз шу ерда сен — транслитерированный сокращенный вариант узбекского выражения «Сиз ҳали ҳам шу ердасиз, сиз ҳали ҳам дунёнинг бу томонидасиз» (в переводе Ш. Абдуллаева: «Ты все еще здесь, ты все еще по сю сторону мира» [Там же. С. 236]).

⁸ Там же. С. 146. / Ibid. S. 146.

⁹ Там же. С. 151. / Ibid. S. 151.

¹⁰ Там же. С. 153. / Ibid. S. 153.

⁹ Там же. С. 205. / Ibid. S. 205.

¹⁰ Там же. С. 210. / Ibid. S. 210.

заключена великая способность переводчика ощущать и передавать как языковые нюансы текста оригинала, так и эмотивную, психологическую и эйдетическую составляющие художественного образа (человека, мира), организующего произведение. В.М. Жирмунский писал: «Всякий перевод, как и более отдаленное и свободное подражание литературному образцу, связан с творческим переосмыслинением, с частичной перестройкой подлинника на основе стиля самого переводчика или, по крайней мере, выдвигает, усиливает, раскрывает определенный аспект подлинника, наиболее близкий и потому наиболее понятный переводчику» [4. С. 325].

Несомненно, что теория и практика художественного перевода основаны на тех же категориях, что и сравнительная аналитика разноязыковых текстов, и связаны с пониманием принципов рецептивного и воспринимающего типов сознания. При этом Ф.А. Бощеева отмечает, что «увлечение тенденциями междисциплинарных исследований не должно нанести ущерба очевидной самостоятельности теории и практики художественного перевода. Подобно компаративистике, переводоведение в настоящее время переживает сложный период самоопределения и, имея богатейшую практику, активно наращивает и теоретический потенциал. Но важно отметить и то, что перевод с точки зрения компаративистики предстает в качестве социальной и коммуникативной практики и в этом аспекте нуждается в соответствующих исследованиях. Кроме того, сочетание принципов теории перевода и сравнительного литературоведения даст плодотворные результаты для обеих дисциплин» [2. С. 38].

Художественный перевод считается проблемой филологической компаративистики, т.к. перевод произведения должен быть сопоставлен с оригиналом на всех уровнях. Роль переводных произведений в мировом литературном процессе велика с точки зрения интеграции межлитературных общностей. Переводы выступают одной из форм литературных связей разных народов и являются неотъемлемой частью этого процесса, активизируя культурную миграцию литературных явлений, процессы транскультурологии, расширения художественного мирового пространства. Влияние переводов на понимание художественных ценностей этнокультурной литературы является важнейшей проблемой филологической компаративистики. Изучение переводов и их научно-критический анализ помогают постичь менталитет других народов через их художественную культуру.

Литература

1. Бахтикеева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 94–99.
2. Бощеева Ф.А. Теория художественного перевода в современной компаративистике // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 35–38.
3. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). С. 39–43.
4. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе: избранные труды. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 558 с.
5. Завьялова Е.Е. Русско-зарубежные литературные связи: учеб. пособие. Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. 124 с.
6. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика: учебник. СПб.: Ин'язиздат, 2006. 535 с.
7. Казакова Т.А. Метаязык переводоведения: термины и определения // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. № 4. С. 75–85.

References

1. Bakhtikireeva U.M. Russkoiazychie kak aktual'naia mezhdistsipli-narnaia problema // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. No. 1 (45). S. 94–99.
2. Botsieva F.A. Teoriia khudozhestvennogo perevoda v sovremennoi komparativistike // Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena. 2008. No. 69. S. 35–38.
3. Velichko M.A. Kogeziya i kogerentnost': osobennosti razgranicheniia i opredeleniia poniatii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2016. No. 2 (177). S. 39–43.
4. Zhirmunkii V.M. Gete v russkoj literature: izbrannye trudy. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1981. 558 s.
5. Zav'yalova E.E. Russko-zarubezhnye literaturnye sviazi: ucheb. posobie. Astrakhan': Astrakhanskii un-t, 2008. 124 s.
6. Kazakova T.A. Khudozhestvennyi perevod: teoriia i praktika: uchebnik. St. Petersburg: In"lazizdat, 2006. 535 s.
7. Kazakova T.A. Metaiazyk perevodovedeniia: terminy i opredeleniia//Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura. 2016. No. 4. S. 75–85.

8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2004. 420 с.
10. Кривцун О.А. Эстетика: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 430 с.
11. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Семиосфера. Культура и взрывы. Внутри мыслящих миров: статьи, исследования, заметки / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 603–614.
12. Макарова Л.С. Экзистенциальный цикл произведения и перевод // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 185–195.
13. Разумовская В.А. Художественный образ как единица перевода: булгаковская Маргарита // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 25–31.
14. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей / sost. Е. Чуковская и П. Крючков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Агентство ФТМ, 2012. 640 с.
15. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Транскультурная литература XXI века. М.: Юрэйт, 2024. 235 с.
8. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty). Moscow: Vysshiaia shkola, 1990. 253 s.
9. Komissarov V.H. Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie. Moscow: ETS, 2004. 420 s.
10. Krivtsun O.A. Estetika: uchebnik dlja vuzov. Moscow: Aspekt Press, 1998. 430 s.
11. Lotman Ju.M. K postroeniiu teorii vzaimodeistviia kul'tur (semioticheskii aspekt) // Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vntri mysliashchikh mirov: stat'i, issledovaniia, zametki / Ju.M. Lotman. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. S. 603–614.
12. Makarova L.S. Ekzistsentsial'nyi tsikl proizvedeniia i perevod // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 2. S. 185–195.
13. Razumovskaya V.A. Khudozhestvennyi obraz kak edinitsa perevoda: bulgakovskaya Margarita // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 6 (335). S. 25–31.
14. Chukovskii K.I. Sobranie sochineneii: v 15 t. T. 3: Vysokoe iskusstvo. Iz anglo-amerikanskikh tetradei / sost. E. Chukovskaya i P. Kriuchkov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Agentstvo FTM, 2012. 640 s.
15. Shafranskaia E.F., Garipova G.T., Keshfidinov Sh.R. Transkul'turnaya literatura XXI veka. Moscow: Iurait, 2024. 235 s.

Гарипова Гульчира Талгатовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Garipova Gulchira T.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian and Foreign Literature Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ggaripova2017@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>
 elibrary SPIN: 1926-8676

Шагимгереева Бакытгүль Ерсаиновна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель филологического факультета
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
(Уральск, Казахстан)

Shagimgereyeva Bakytgul E.,
Candidate of Philology,
Senior Lecturer of the Philological Faculty
West Kazakhstan University
(Uralsk, Kazakhstan)

e-mail: t_2004@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4391-0613>

Статья поступила: 01.09.2025
 Принята к печати: 16.10.2025

Коды культуры в транслингвальном художественном тексте

В настоящем исследовании предпринята попытка осмыслить коды культуры как ключи к постижению языковой картины мира того или иного этноса. В транслингвальной ситуации, когда художественный текст становится пространством межкультурной коммуникации, эти коды претерпевают изменения как в смысловом аспекте, так и в формальном. Происходят контаминация фрагментов различных языковых картин мира, гибридизация конструкта идентичности, внедрение в текст элементов инокультурного бытия. Лингвокультурный код, таким образом, становится инструментом для понимания онтологически значимых пластов культуры. Материалом для анализа послужила отдельно взятая глава романа Р. Сейсенбаева «Ночные голоса». Налаживая коммуникацию с читателем, автор прибегает к приему контекстуальной экспланации: изображая интеракцию персонажей романа, задействует такие маркеры транслингвального текста, как прецедентные феномены разного уровня сложности, апеллирующие к «исходной» культуре. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что транслингвизм, в частности русскоязычие, всегда трансформирует исходный культурный код, который семиотически расширяется за счет вхождения в полилингвальное поле смыслов.

Ключевые слова: код культуры, лингвокультурный код, транслингвизм, русскоязычие, языковая картина мира, Роллан Сейсенбаев

This study attempts to understand cultural codes as keys to understanding the linguistic worldview of a given ethnic group. In a translingual situation, when a literary text becomes a space for intercultural communication, these codes undergo changes in both semantic and formal aspects. Thus, fragments of various linguistic and cultural contexts are contaminated; the identity construct is hybridized; and elements of foreign cultural existence are introduced into the text. The linguacultural code thus becomes a tool for understanding ontologically significant layers of culture. The material for the analysis is a separate chapter of R. Seisenbaev's novel "Night Voices". In establishing communication with the reader, the author resorts to the technique of contextual explanation; in depicting the interactions between the novel's characters, he employs such markers of translingual text as precedent phenomena of varying complexity, appealing to the "source" culture. As a result of their study, the authors conclude that translilingualism (in particular, Russian-speaking) always transforms the original cultural code, which is semiotically expanded by entering a multilingual field of meanings.

Keywords: cultural code, linguacultural code, translilingualism, Russian-speaking, linguistic worldview, Rollan Seisenbaev

Введение

Универсального определения кода культуры, зафиксированного в словарях, по мнению Е.А. Царевой, на сегодняшний день нет [1. С. 68]. Это дает нам основание дифференцировать его основные квалитативные признаки, что предоставит возможность определить его роли и функции как культурного объекта. «Предложенная стратегия предполагает описание свойств данного феномена в целом, обоснование его значения, а затем — обнаружение и осмысление конкретных кодов различных культур» [2. С. 317].

Язык — средство овеществления эмпирического. Последнее представляет собой «сгусток» полученных извне смыслов; в момент перехода от мира сигналов к миру смыслов и возникает культурный код. Код закономерно рассматривать в качестве комбинаторики означающего и означаемого. Вербальность при этом не является его отличительным признаком: культура — сложная семиотическая система, в качестве кодов которой функционируют элементы различной этиологии, понятные «своим» и невидимые для «чужих». Кодом в этом случае могут выступать растения, животные, артефакты. Н.И. Толстой рассматривает код как полилингвальное явление, включающее в себя акциональный, вербальный и предметный компоненты [3. С. 44]. Акциональный и предметный коды могут быть вербализованы в пределах текста, это свидетельствует о том,

что вербальный код является основным кодом культуры, в то время как остальные его виды могут найти в нем свое опосредование.

По мысли М.В. Пименовой, код культуры есть «макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [4. С. 122].

В.Э. Манапова отмечает, что код культуры есть ключ к пониманию этой культуры. Это элемент коллективного бессознательного, который апеллирует к культурным архетипам, составляющим основу этнического самосознания [5. С. 140]. В.В. Красных рассматривает код культуры как сетку, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его [6. С. 232].

Итак, культурный код, будучи многокомпонентным феноменом, обеспечивает доступ к ресурсам культуры, объективированной в языке. Следовательно, он является своего рода инструментом к постижению языковых картин мира как производных национальных менталитетов (О. Корнилов). В свою очередь, лингвокультурный код представляет собой совокупность вербальных знаков, символов и смыслов, которые являются конденсатором культурной памяти, т.к. аккумулируют информацию о национальной культуре и ее традициях. Таким образом, это семиотическая система, вербализующая культурные представления и смыслы. Генерация смыслов и дешифровка текстов, презентация и трансмиссия культурной информации являются основными функциями лингвокультурного кода. К его элементам традиционно относят устойчивые выражения, метафоры, символы и культурные ассоциации, понятные носителям определенной культуры.

Однако какова сущность лингвокультурного кода в аспекте транскультурации и транслингвизма?

Транскультурация представляет собой сложный процесс слияния и взаимообогащения культур, в результате которого происходит создание новых культурных явлений и формирование гибридных форм идентичности и культурного сознания. Появление подобных культурных феноменов – закономерный процесс зарождения неокультуры (Ф. Ортис), ведущий к трансформации этнической идентичности в условиях модернизации и глобализации метасоциума. Процессы транскультурации могут носить как конфронтационный, так и диалоговый характер: взаимодействие между языками, космологиями и традициями протекает по-разному, в частности в пределах художественного текста. Под влиянием «перекрестного опыления» культур может происходить изменение семантики слов; наблюдается появление или контаминация прецедентных текстов; образуются смешанные лингвокультурные формы, гибридизирующие элементы различных, зачастую гетерогенных культур. Лингвокультурные коды могут распространяться как через культурный обмен, так и в процессе функционирования нескольких культур в коммуникативном пространстве «единящего» языка.

Текст, созданный представителем одной этнической культуры на языке другой этнической культуры, назовем транслингвальным. Такой текст является полилингвальным феноменом, синтезирующими различные языки и культурные элементы. Этноспецифические образы и концепты с «сенсибилистическим наполнением» трансфертируются из одной лингвокультуры в другую, формируя поликодовое единство. Транслингвальный художественный текст не очерчивает строгих лингвистических границ и способствует ризоматическому продуцированию новых знаний.

Семиотические элементы различной этиологии функционируют в широком поле смыслов, что благотворно оказывается как на исходной, так и на «усвоенной» культуре. Современные исследователи видят в транслингвальных практиках примету нового этапа развития общества, бытийствующего вне монолингвальной парадигмы [7–10]. По мнению Р. Уилсон, читательская иммерсия в транслингвальный художественный текст есть приобщение к транскультурному

опыту: реципиент, примеряющий на себя новые идентичности, перемещается между ранее не познанными географическими локалами [11].

Транслингвальный художественный текст – особым образом закодированная реальность; лингвокультурные коды, апеллирующие к различным культурам, обладают этноспецифическим содержанием. Коды культуры формируют национальные картины мира, являясь способом структурирования культурного знания. «Знаковую систему обычно называют кодом тогда, когда она выступает в функциях генератора текстов при порождении речи и регенератора смыслов при восприятии речи <...>. Представители Тартусско-московской школы дали им наименование вторичных моделирующих систем» [12. С. 56].

Коды, по мысли У. Эко, представляют собой конвенционализированные идеологии [13. С. 67]. Каждый носитель культуры усваивает культурные коды вместе с родным языком. «Лингвокультурные коды – это многочисленные пересекающиеся, пронизывающие текст, порой трудноуловимые, но реально существующие, выраженные языковыми средствами темы, мотивы, которые обладают символическим инобытием и стремятся стать всеобщими языками, то есть отобразить универсум сквозь призму какой-нибудь одной темы» [12. С. 60].

Базовых видов кодов может быть несколько. Тем не менее наиболее высоким потенциалом для восприятия являются те, которые представлены как прескрипции в сакральных текстах, как прескрипции народной мудрости, зафиксированные в пословицах.

Основная часть

Лингвокультурный код советского общества, состоящего из многих этносов, каждый со своей картиной мира, демонстрируется в одной из глав романа Роллана Сейсенбаева «Ночные голоса»¹. Основой его вербализации становится русский язык, консолидирующая роль которого способствует созданию единого коммуникативного поля – как внешнего (гетерокоммуникация текста с читателем), так и внутреннего (нarrативная структура текста и распределение субъектов коммуникации). Сквозь призму русского языка «мерцают» образы инобытия, закодированные в тексте на уровне взаимоотложения отдельных фрагментов этноспецифических картин мира и репрезентации инокультурных элементов, номинация которых позволяет судить о принадлежности людей к архетипическому «своему кругу». Русский язык выступает коммуникативным «мостом» между языком и культурами, им представленными [14].

Каждый субъект нарратива – живой носитель уникальной этноязыковой картины мира, со своими аксиологическими ориентирами, предписаниями и возврениями. Несмотря на «общепринятое русскоязычие», герои романа транслируют вовне коды исходной лингвокультуры, благодаря которым генерируется поле концептуально значимых смыслов. Прецедентные тексты разного уровня сложности – от паремиологических единиц до стихотворений – выступают маркерами этнической (но, заметим, не всегда языковой) идентичности.

В главе «Рассказ друга» описываются воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Шигинсыза о теплушке с инвалидами, которая едет «через всю разрозненную войной страну, через горы и долины, села и города, степи и перелески» (с. 151)². В теплушке едут люди разных национальностей, защищавшие их общую Родину. Принадлежность к тому или иному этносу Сейсенбаевым демонстрируется с помощью картин мира каждого из персонажей. Так, с помощью ландшафта дороги узнаем, что медсестра Катя – украинка: «...ее голубые глаза темнели. Может, эти зеленые леса и луга напоминали ей родную Украину, и сердце девушки наполнялось горечью, что поезд уносит ее все дальше и дальше от родимых мест?» (с. 152). То, что ослепший Токай –

¹ Сейсенбаев Р. Ночные голоса. Алматы: ИП «RS», 2017. 299 с.

Seisenbaev R. Nochny'e golosa. Almaty: IP "RS", 2017. 299 s.

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы книги Р. Сейсенбаева «Ночные голоса».

татарин, становится понятно, когда он, желая приободрить парализованного Шигинсыза, цитирует стихотворение «Жизнь» татарского народного поэта Габдуллы Тукая в переводе С. Липкина. Принадлежность Васи Ермоляева к сибирякам становится понятна по реплике Бериша из их диалога с Василием, в ходе которого персонажи «не поделили» аккордеон: «...все равно ты его в карты на барнаульском вокзале проиграешь...» (с. 158). В этом же диалоге отмечается уже знакомый читателю факт: персонажи Бериш и Шигинсыз — земляки. Они казахи, оба из Семипалатинска, и именно Бериш, оставшийся без ноги, забирает из киевского госпиталя своего парализованного друга, чтобы отвезти его домой.

Несмотря на то что в теплушке едут воины, защищавшие в страшной войне их общую Родину, каждый из них осознает принадлежность к своему этносу, демонстрируя это лексически. Как пишет В.А. Маслова, язык является механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры, и паремии занимают существенное место в этом механизме [15]. Считается, что пословицы и поговорки являются выражением народного менталитета и важны в уточнении картины мира отдельно взятого этноса [16].

Любопытно, что пословицы и поговорки — яркие маркеры картины мира каждого отдельного этноса — также проходят своеобразный «фильтр» в лексике персонажей. Когда Шигинсыз дает внутреннюю характеристику своему другу Беришу, он вспоминает пословицу «Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца», но даже в его мыслительном процессе эта пословица маркируется следующим образом: «...как русские говорят...» (с. 150). Герой осознает, что эта пословица стала частью его лексикона, но не стала частью его этнической картины мира. При этом в диалоге со стариком казахом, встреченным персонажами главы на барнаульском вокзале, Шигинсыз использует казахскую пословицу: «Многое приходится пережить *джигиту*, а щедрая душа все хорошее отдает другим. Ведь так говорим мы, казахи, *аксакал?*» (с. 167).

Пословицы становятся культурным мостом между персонажами разных этносов. Василий в разговоре со стариком произносит: «Но вот у русских есть пословица. Ну-ка, Бериш, переведи ее *аксакалу*: давши слово — держись, а не давши — крепись». Когда Бериш переводит *аксакалу* русскую пословицу, тот отвечает Василию: «Э-э, таких пословиц и у нас хватает, милый... Вот, например: *джигит*, который клянется дважды, — это не *джигит*» (курсив наш. — У. О., О. В., Б. Д.). Между персонажами происходит не только культурный обмен, но и мгновенная обработка культуры другого этноса, ведь уже в следующей реплике Василий поддевает Бериша, называя его *джигитом*, который клялся жениться в День Победы (с. 169). Впрочем, Бериш быстро исправляется, проводя с Катей «походную» церемонию заключения мусульманского брака. В данном случае церемония является признаком не религиозного, а традиционного: Бериш, как гражданин СССР, без сомнения, не религиозен, однако следование казахским традициям (безусловно, подверженным влиянию мусульманства), которые плотно укореняются в любом представителе этноса с самого его рождения, Бериш считает необходимым.

Тем не менее одной из русских пословиц удается обойти границы этнического кода и встроиться в казахскую картину мира. Бериш рассказывает своему парализованному другу о том, что происходит снаружи теплушки, за стены которой Шигинсызу выхода нет: «Лето скоро начнется, весна уже проходит. Цыган шубу продал» (с. 152). Безусловно, имеется в виду русская пословица «Цыган шубу продает, а зиму в пот бросает». Ответ на вопрос, почему именно эта пословица не имеет маркера «русскости», безусловно, кроется в ответе на вопрос, когда же цыган шубу продает. Согласно основной версии, делает он это на Сретенье, во время которого встречаются зима и лето, — 15 февраля. Однако есть и вторая версия, согласно которой цыган продает шубу после весеннего равноденствия, т.е. 22 марта. Весеннее равноденствие совпадает по дате с очень важным для казахской культуры светлым праздником *Наурыз*. Этот праздник символизирует не только смену зимы летом, но и плодородие, дружбу и любовь и традиционно празднуется с широким размахом, сопровождается национальными танцами в казахских костю-

мах, состязаниями акынов и такими национальными играми, как *кыз-куу*, *казакша курес*, *тогыз кумалак*, конным состязанием — *байгой*. Обязательным элементом празднования становится специфическое праздничное блюдо *наурыз-коже* — наваристый суп из семи ингредиентов, каждый из которых символизирует одно из семи благопожеланий на новый световой год. В отличие от *кумыса*, первое приготовление которого в году также приурочено к Наурызу и который также подается на празднество, но употребляется в пищу и в любой другой день года, *наурыз-коже* традиционно готовится и употребляется только на Наурыз. Все описанное свидетельствует о том, что этот праздник — одна из важнейших составляющих казахской культуры. «Русский» цыган, продавший шубу, сливается с одной из самых ярких черт казахской картины мира и именно поэтому органично встраивается в лексикон персонажа-казаха без необходимости маркировать пословицу как часть культурного кода другого этноса.

Останавливаясь на вокзале в Барнауле, родном городе Василия, герои окунаются в русскую культуру: на вокзале играет гармошка, сибиряк пустился в присядку, а старушка угожает раненым горячей картошкой, хлебом и салом. Однако и в Сибири слышится вопрос: «Есть ли тут казахи?» (с. 164). Так герои главы знакомятся со стариком. Аксакал заглядывает в теплушку и обнаруживает Шигинсыза — единственного, кто не может выйти наружу и со всеми отпраздновать Великую Победу, известие о которой бойцы получили по приезде.

Описание внешности старика также содержит обращение к лингвокультурным реалиям: «...увидел здоровенного старика в теплом *бешмете*, опоясанном кожаным ремнем, и в тяжелых сапогах — *саптама*» (с. 169). В этом описании примечательно то, что часть гардероба персонажа *бешмет* никак не поясняется читателю. *Бешмет* — это верхняя одежда, распространенная у тюрок, адыгов, калмыков и казахов. Обычному читателю, скорее всего, и так известно, как выглядит *бешмет* и какие функции он выполняет. Однако часть гардероба *саптама*, которая у казахов называется еще *саптама етік*, — это вещь, встречающаяся только в казахском гардеробе, и широкому кругу читателей требуется пояснение, что это такое. Более того, если обратить внимание на построение предложения, становится понятно, что именно *саптама* сигнализирует о том, что перед нами персонаж-казах.

Шигинсыз и старик обмениваются традиционными казахскими приветствиями, старик в разговоре использует казахские восклицания *пале!* и *берекелды!* Они выражают радость по поводу того, что герой встречает родную душу в центре Сибири, так далеко от родных мест. Старик пришел не с пустыми руками: он принес *торсык* с кумысом и *тостаган*, чтобы напоить бойцов. Аксакал пришел на вокзал в поиске казахов, чтобы угостить их и подбодрить, напомнив о родине и о мирном времени: «Неделю *кумыс* собирая, всё дня этого ждал. Специально на станцию пошел, русские не пьют *кумыс*, вот я и пошел искать казахов» (с. 168).

Следует внимательно отнести к тому, как именно Сейсенбаев вводит в текст атрибуты казахской культуры. Как уже было отмечено, пояснение того, что такое *саптама*, присутствует в самом тексте главы. Это сделано не столько для того, чтобы читатель понял, вероятно, незнакомое ему слово, сколько для того, чтобы *саптама* служили маркером узнавания «своего». Толкование таких слов, как *пале*, *берекелды*, *торсык* и *тостаган*, приводится в постраничных сносках, и этому есть объяснение: эти слова используются в диалоге между Шигинсызом и аксакалом, и, безусловно, люди, у которых одна этническая культура на двоих, не нуждаются в пояснении этих слов.

Вернемся к *кумысу*, который аксакал принес на вокзал. Разумеется, первым его отвел парамализованный Шигинсыз, и это символично. *Кумыс* — это не только национальное казахское блюдо: это очень важная часть «корпуса» символики казахского народа. В статье Бердалы Оспана приведен список авторов, в работах которых упоминается *кумыс* как неотъемлемая часть кочевого образа жизни: греческий путешественник Страбон, греческий географ Скил Хиосский, отец истории Геродот, китайский поэт Са Тянь-си, польский художник Бронеслав Залесский, Курбангали Халид; также *кумыс* упоминается в эпосе «Айман-Шолпан» [17. С. 63]. В советское время даже

существовало такое явление, как кумысолечение: об этом пишет МакГир в своей статье “Cultural history of kumiss: tuberculosis, heritage and national health in post-Soviet Kazakhstan”³. На территории курорта Боровое (Бурабай) в советское время функционировал «климато-кумысолечебный курорт союзного значения», в котором проводилось лечение туберкулеза сосновым воздухом и кумысом. Кумыс имеет сакральное значение в тюркской культуре: в начале рождения Вселенной, смены Космосом Хаоса лежит размешивание и взбалтывание стихий ковшом (*ожау*) или специальной мутовкой. Процесс «производства» пространства и времени Вселенной схож с процессом приготовления кумыса: его также нужно постоянно взбалтывать⁴. Традиционно со-суд с готовящимся кумысом — *саба* — ставился при входе в юрту, и каждый зашедший, согласно этикету, должен был помешать кумыс, тем самым причащаясь к созданию мира. Для переноски кумыса используется другой национальный тип сосуда — *торсык*. Кумыс дарит здоровье, именно поэтому первым, кто отведал его в главе «Рассказ друга», становится тот, кто болен тяжелее всех в теплушке. Однако потом пробует кумыс и Катя, которой суждено стать женой Бериша и окунуться с головой в казахскую культуру, жить в ней долгие годы (а позже из текста главы мы узнаем, что она действительно перенимает культуру своего мужа и готовит *согым*). Происходит своеобразное принятие девушки в круг «своих». Затем и Василий пьет кумыс; сопровождается это прибаутками неугомонного Бериша: «Василий Ермолаев и его семья выпьют, выпьют кумысу за всех русских, которые никогда не пили его!» (с. 168). В этом случае кумыс становится не только культурным мостиком, но и средством примирения Василия и Бериша, чьи характеры несходки, отчего ранее персонажи не стремились понять друг друга и лишь обменивались колкостями.

Примечательно то, что старик протягивает Василию *тостаган* со словами: «На здоровье, карагым», а Василий отвечает на это: «Спасибо, отец». И снова ласковое, уважительное обращение *карагым* поясняется читателю в постраничной сноске. Почему же в тот момент, в диалоге представителей разного этноса, Василию не нужно объяснять, как его назвали? Все дело в том, что в данном случае персонаж интуитивно понимает, что аксакал, который намного старше его, обратился к нему, скорее всего, так, как обращаются старшие к младшим, когда хотят проявить ласку и заботу. Василий выбирает абсолютно верную формулировку ответного называния аксакала — «отец», что в русской культуре показывает уважение и почтение к старшему, также сопровождающееся если не прямой лаской, то точно расположением по отношению к аксакалу. Так кумыс становится средством объединения представителей разных этносов, мостиком к согласию и пониманию между людьми, столь непохожими и одновременно столь похожими в своих мечтах: семья, дом, мирное небо над головой.

В диалоге двух казахов разных поколений — Шигинсыза и аксакала — не обходится и без воспоминаний об исторических событиях. Это достаточно закономерно в целом для литературы постсоветского пространства.

Освобожденная от идеологических ограничителей, историческая память явно переросла функцию одного из источников исторической достоверности, превратившись не только в доминирующую форму презентации прошлого, но и в движущую силу самоидентификации. Нередко воспринимаемая как чуть ли не эвфемизм самоидентификации, историческая память существенно расширила символическое пространство актуализированного пассеизма, —

пишет К.К. Султанов [18. С. 64]. В статье В.М. Бадмаева и З.А. Хутыза отмечается: национальная идентичность, важной частью которой является историческая память, — субстанция видоизменяющаяся; она переживается как цепь «возрождений» и «новых жизней» [19. С. 2].

³ Cultural histories of kumiss: tuberculosis, heritage and national health in post-Soviet Kazakhstan. URL: https://www.researchgate.net/publication/317350001_Cultural_histories_of_kumiss_tuberculosis_heritage_and_national_health_in_post-Soviet_Kazakhstan (04.08.2025).

⁴ Бейсенбайкызы Бибигуль. Сакральный напиток // Акмолинская правда. 2023. 24 марта. URL: <https://apgazeta.kz/2023/03/24/sakralnyj-napitok/>.

Beisenbaikyzy Bibigul'. Sakral'nyi napitok // Akmolinskaia pravda. 2023. 24 marta. URL: <https://apgazeta.kz/2023/03/24/sakralnyj-napitok/>.

В этом контексте становится понятен выбор исторических событий, упомянутых в главе. Из диалога Шигинсыза и старика становится известно, что мать Шигинсыза умерла в голодный год. Имеется в виду голодомор, постигший в 1930-х гг. все советские республики; в КазССР его называли «голошекинским» голодом 1932–1933 гг., когда умерло от 2,3 до 3,25 млн человек; он считается одной из страшнейших страниц в истории КазССР наряду с трагедией на Семипалатинском полигоне.

В те же 1930-е гг. аксакал переезжает в Барнаул ради строительства Турксиба и говорит о том, что здесь они с семьей и прижились. История семьи аксакала — это история войн и потерь. Так, он рассказывает о судьбе своих четырех детей: «Двоих погибли на войне с белофиннами, один на Халхин-Голе, когда с японцами дрались, а самый младший из-под Москвы не вернулся, еще тогда, в сорок первом» (с. 164). Если до войны с младшим сыном и дочерью еще велись разговоры о том, чтобы вернуться на историческую родину, то после войны у аксакала этой возможности не стало: несмотря на то что на младшего сына пришла похоронка, старик надеется, а вдруг дети вернутся с кровавых полей.

В истории жизней персонажей вплетены трагедии казахского народа, но в них же содержится и надежда на «возрождение», надежда на то, что темные времена закончатся и после них всю нацию в их лице ждет «новая жизнь». Мать Шигинсыза родила бойца, который внес вклад в общую Победу; аксакал не только построил путь из Туркестана в Сибирь, но и дал жизнь воинам, которые грудью стояли за Родину. И встретились эти два героя на следующий день после дня Великой Победы, чтобы научить друг друга стойкости, жизнелюбию и вере в свет, который им обоим после расставания предстоит нести в своих жизнях, своей борьбе, своем естестве дальше.

Заключение

Коды лингвокультуры — ключи к пониманию концептуального поля того или иного этноса, его текста как конденсатора культурной памяти. В транслингвальной ситуации происходит их частичная или полная контаминация, в результате которой образуются сложные семиотические единства, транслирующие новые образы мира, комплексивные по своей сути. В проанализированной главе романа Роллана Сейсенбаева «Ночные голоса» — два плана коммуникации посредством русского языка: внешнее взаимодействие с читателем, при котором инокультурные элементы подвергаются контекстуальной экспланации, и «внутреннее» взаимодействие персонажей, которые налаживают коммуникативные мосты друг к другу с помощью автоэлементов родной культуры, формирующих архетипическое пространство «своего круга». Культурными кодами в данном случае выступают и отдельные прецедентные тексты, и объекты вещественного мира, презентированные средствами русского языка. Таким образом, транслингвальный художественный текст становится местом встречи языков и культур, сигнализируя о функционировании транскультурного по своей природе общества.

Литература

- Царева Е.А. Сущностные характеристики кода культуры // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2017. № 13. С. 67–70.
- Поречная В.И. Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 317–321.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

References

- Tsareva E.A. Sushchnostnye kharakteristiki koda kul'tury // Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera. 2017. No. 13. S. 67–70.
- Porechnaia V.I. Prostranstvennyi kod kul'tury kak lingvokul'turnoe poniatie // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2021. T. 10. No. 4 (37). S. 317–321.
- Tolstoi N.I. Iazyk i narodnaia kul'tura: ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike. Moscow: Indrik, 1995. 512 s.

4. Пименова М.В. Коды культуры и типы концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 121–130.
5. Манапова В.Э. Трансформация культурных кодов: от образа к сигналу // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 155–158.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гностис, 2003. 375 с.
7. Pu R.Q., Li H.F. The Translingual expressions in overseas Chinese English writings // Interdisciplinary Studies of Literature. 2018. No. 3 (2). P. 257–271.
8. Sorvari M. Altering language, transforming literature: translingualism and literary selftranslation in Zinaida Linden's fiction // Translation Studies. 2018. No. 11 (2). P. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820>.
9. De Donno F. Translingual affairs of world literature rootlessness and romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // Journal of World Literature. 2021. No. 6 (1). P. 103–122. DOI: <https://doi.org/10.1163/24056480-20201005>.
10. Alvorado L.Y. Beyond Nation: Caribbean poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" and Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles" // Centro Journal. 2010. No. 22 (2). P. 50–73.
11. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative // Target. 2011. Vol. 23. Iss. 2. URL: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil> (09.06.2025).
12. Савицкий М.В. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 4. С. 68–77.
13. Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: Петropolis, 1998. 432 с.
14. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., King J. Translingualism: communicative bridge or "Cultural Bomb"? // Polylinguality and Transcultural Practices. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 116–121. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
16. Зейналова Л.Х. Лингвокультурологическое значение пословиц и поговорок в русском языке // Границы языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский, психологический аспекты: сб. науч. ст. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. С. 61–66.
17. Шымкент Б.О. Кумыс — древний напиток // Concorde. 2018. № 2. С. 62–68.
18. Султанов К.К. «Человек вспоминающий»: в литературе историческая память как регулятив национальной идентичности // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 54–82.
19. Бадмаев В.Н., Хутыз З.А. Историческая память и конструирование национальной идентичности // Новые технологии. 2009. № 4. С. 1–7.
4. Pimenova M.V. Kody kul'tury i tipy kontseptov // Iazyk. Tekst. Diskurs. 2013. No. 11. S. 121–130.
5. Manapova V.E. Transformatsiia kul'turnykh kodov: ot obrazha k signalu // Obshchestvo: filosofia, istoriia, kul'tura. 2019. No. 8 (64). S. 155–158.
6. Krasnykh V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? Moscow: Gnosis, 2003. 375 s.
7. Pu R.Q., Li H.F. The Translingual expressions in overseas Chinese English writings // Interdisciplinary Studies of Literature. 2018. No. 3 (2). P. 257–271.
8. Sorvari M. Altering language, transforming literature: translingualism and literary selftranslation in Zinaida Linden's fiction // Translation Studies. 2018. No. 11 (2). P. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820>.
9. De Donno F. Translingual affairs of world literature rootlessness and romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // Journal of World Literature. 2021. No. 6 (1). P. 103–122. DOI: <https://doi.org/10.1163/24056480-20201005>.
10. Alvorado L.Y. Beyond Nation: Caribbean poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" and Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles" // Centro Journal. 2010. No. 22 (2). P. 50–73.
11. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative // Target. 2011. Vol. 23. Iss. 2. URL: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil> (09.06.2025).
12. Savitskii M.V. Kul'turnye kody: sushchnost', sostav i funktsionirovaniye v protsesse obshcheniiia // Diskurs professional'noi kommunikatsii. 2019. T. 1. No. 4. S. 68–77.
13. Eko U. Otsutstvuiushchaia struktura. St. Petersburg: Petropolis, 1998. 432 s.
14. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., King J. Translingualism: communicative bridge or "Cultural Bomb"? // Polylinguality and Transcultural Practices. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 116–121. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121.
15. Maslova V.A. Lingvokul'turologiia: ucheb. posobie dlja studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 2001. 208 s.
16. Zeinalova L.Kh. Lingvokul'turologicheskoe znachenie poslovits i pogovorok v russkom jazyke//Grani iazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyi, filosofskii, psikhologicheskii aspekty: sb. nauch. st. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 2020. S. 61–66.
17. Shymkent B.O. Kumys — drevnii napitok // Concorde. 2018. No. 2. S. 62–68.
18. Sultanov K.K. «Chelovek vspominaiushchii»: v literature istoricheskaiia pamiat' kak reguliativ natsional'noi identichnosti // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 54–82.
19. Badmaev V.N., Khutyz Z.A. Istoricheskaiia pamiat' i konstruirovaniye natsional'noi identichnosti // Novye tekhnologii. 2009. No. 4. S. 1–7.

Овчаренко Ульяна,
кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ovcherenko Ulyana,
Candidate of Philology, Teacher of Additional Education of the
Russian Language and Intercultural Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovcherenko1993@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0004-8706-6906>

Валикова Ольга Александровна,
доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Valikova Olga A.,
Doctor of Philology, Associate Professor of the
Russian Language and Intercultural Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: leka.valikova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0945-9937>

Джолдасбекова Баян Умирбековна,
доктор филологических наук, профессор,
академик Национальной академии наук Казахстана,
декан филологического факультета
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

Zholdasbekova Baiyan U.,
Doctor of Philology, Professor,
Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan,
Dean of the Philology Faculty
Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

e-mail: Baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz
<https://orcid.org/0000-0003-1217-4799>

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 16.10.2025

К вопросу о механизмах иллюстративного моделирования текстовых пейзажных единиц (на материале текста эссе Иосифа Бродского «Набережная неисцелимых»)

Актуальность настоящей работы обусловлена интересом современной гуманитаристики к лингвостилистическим и семиотическим аспектам языковой репрезентации мира. Материалом исследования послужил эссеистический текст «Набережная неисцелимых» И.А. Бродского, советского и российского поэта, прозаика, эссеиста, лауреата Нобелевской премии в области литературы (1987). Эссе, созданное автором в 1989 г., имеет биографический характер и посвящено истории его путешествий в Венецию. Теоретическую базу исследования составляют работы в области стилистики философско-художественного дискурса (Н.С. Автономовой, Н.М. Азаровой, В.В. Бибихина, И.П. Смирнова и др.), презентации текстовых единиц (С.В. Пискуновой и др.). В рамках предлагаемой статьи предпринята попытка анализа semanticкой структуры эссе, особенностей моделирования semantics текстовых пейзажных единиц в индивидуально-авторской картине мира И. Бродского. Пейзажные единицы, обладающие способностью к «внешней иллюстративности», представлены в тексте эссе в большей степени цвето- и звукоизобразительными лексемами, которые, помимо зафиксированной в языке semantics, приобретают в контексте художественного текста дополнительные смысловые оттенки, отражающие индивидуально-авторское восприятие мира. Неоднократно манифестируется именно visualная составляющая описываемого городского пространства.

Ключевые слова: текстовая пейзажная единица, авторская языковая картина мира, философско-художественный дискурс, Иосиф Бродский

The relevance of the research undertaken is due to the interest of modern humanities in the linguostylistic and semiotic aspects of the linguistic representation of the world. The material for the study is the essayistic text "Watermark" by I.A. Brodsky, Soviet and Russian poet, writer, essayist, Nobel Prize laureate in literature (1987). The essay, created by the author in 1989, has a biographical character and is devoted to the history of his travels to Venice. The theoretical basis of the study is made up of works in the field of stylistics of philosophical and artistic discourse (N.S. Avtonomova, N.M. Azarova, V.V. Bibikhin, I.P. Smirnov and others), representations of text units (S.V. Piskunova and others). Within the framework of this article, an attempt is made to analyze the semantic structure of the essay, the features of modeling the semantics of text landscape units in the individual author's picture of the world of I. Brodsky. Landscape units with the ability to "external illustrativeness" are represented in the text of the essay to a greater extent by color-imaginative and sound-imaginative lexemes, which, in addition to the semantics fixed in the language, acquire additional semantic shades in the context of the artistic text, reflecting the individual author's perception of the world. The author repeatedly manifests precisely the visual component of the urban space he describes.

Keywords: text landscape unit, author's language picture of the world, philosophical and artistic discourse, Joseph Brodsky

Актуальность настоящего исследования обусловлена интересом современной гуманитаристики к лингвостилистическим и семиотическим аспектам языковой репрезентации мира, в частности к осмыслинию языковых/текстовых механизмов презентации пространственных и темпоральных категорий.

Материалом исследования послужил эссеистический текст советского и российского поэта, прозаика, эссеиста, лауреата Нобелевской премии в области литературы (1987) Иосифа Александровича Бродского (1940–1996) «Набережная неисцелимых». Эссе, созданное в 1989 г., имеет биографический характер и посвящено истории путешествий автора в Венецию.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области стилистики философско-художественного дискурса [1–3; 7], презентации пейзажных текстовых единиц [8].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в практике преподавания филологического анализа текста на филологических факультетах вузов. Безусловно, результаты исследования будут полезны в процессе разработки теоретических и практических курсов стилистики, теории дискурса.

В рамках предлагаемой статьи предпринята попытка анализа особенностей моделирования семантики текстовых пейзажных единиц в индивидуально-авторской картине мира Иосифа Бродского.

*П*олагаем, что текст исследуемого эссе можно отнести к так называемому философско-художественному дискурсу. Термин «дискурс» трактуем как пространство текстов, в которых демонстрируется образное, художественное отображение философской проблематики. В качестве предмета осмыслиения автором здесь выступает «философская мысль, замещающая поступки героев» [4. С. 56].

О тематической специфике философско-художественного дискурса очень точно высказывались сами авторы такого рода текстов. Так, например, польский поэт и эссеист Чеслав Милош (1911–2004), который был другом Иосифа Бродского, полагал, что философскую проблематику возможно сделать персонажем художественного текста, тем самым вводя ее в антропоморфное измерение: «...*posługuje się poezja językiem, który pozwala uwolnić się z gorsetu pojęciowego właściwego traktatom teologicznym, przekroczyć granice suchych, abstrakcyjnych wywodów*» («...поэзия пользуется языком, который позволяет нам выйти за пределы понятийного корсета теологических трактатов, за грань сухих абстрактных выводов») [9. S. 45]. Ч. Милош подчеркивал свое желание найти такую текстовую форму, которая была бы пограничной между абстрактным и по-детски наивным рассуждением: «...*między abstrakcją i zdziecinnieniem*» [Ibid. S. 1259]. И действительно, в философско-художественных текстах представлено метафорическое осмысление как абстрактных категорий (например, гармония, добро, зло и др.), так и собственно философской проблематики (аксиологической, этической, эстетической).

О снову сюжета эссе «Набережная неисцелимых» составляет путешествие героя-повествователя по Венеции. Соответственно, пейзажные зарисовки играют ключевую роль в структуре композиции текста, являясь во многом самостоятельными персонажами текста. Именно текстовая пейзажная единица выступает предметом анализа в рамках данной статьи.

Текст насыщен пейзажными единицами. Более того, автором неоднократно манифестируется именно визуальная составляющая описываемого пространства: Венецию, по мысли Бродского, нужно именно видеть, другие органы чувств не играют роли в процессе знакомства с городом: «*Ибо это город для глаз; остальные чувства играют еле слышную вторую скрипку... Поэтому ниже-следующее связано скорее с глазом, чем с убеждениями, включая и те, которые касаются композиции рассказа. Глаз предшествует перу, и я не дам второму лгать о перемещениях первого*

Проанализируем специфику иллюстративной семантики лексем на примере одного из контекстов:

Я почувствовал, что шагнул в собственный портрет, выполненный из холодного воздуха.

Весь задник был в темных силуэтах куполов и кровель; мост нависал над черным изгибом водной массы, оба конца которой обрезала бесконечность. Ночью в незнакомых краях бесконечность начинается с последнего фонаря, и здесь он был в двадцати метрах. Было очень тихо. Время от времени тускло освещенные моторки проползали в ту или другую сторону, дробя винтами отражение огромного неонового Cinzano, пытавшегося снова расположиться на черной kleenke воде. Тишина возвращалась гораздо раньше, чем ему это удавалось [5].

В данном контексте представлены следующие лексико-грамматические классы слов, презентирующих точку пространства: существительные: *воздуха, задник, силуэтах куполов и*

кровель, бесконечность, фонарь, отражение, на... клеенке воды, тишина; прилагательные/причастия: в темных, черным, незнакомых, (тускло) освещенные, неонового, на черной (克莱енке воды); глаголы: нависал, обрезала, проползали, начинается; наречия: ночью, тихо.

Ряд лексем, входящих в представленные грамматические классы, в структуре текстовой пейзажной единицы приобретают индивидуально-авторскую семантику. Примерами текстовой нейтрализации являются единицы: бесконечность начинается с последнего фонаря; оба конца которой обрезала бесконечность; на черной клеенке воды. Указанные единицы, приобретая переносное метафорическое значение, характеризуют пространство как конечное и бесконечное одновременно. Бесконечность, как ни парадоксально, может начинаться и заканчиваться, а также быть «обрезанной». В языковой картине мира И. Бродского соседствуют как метафизические абстракции (бесконечность), так и физически данные пространственные образы. Перед нами онтологическая метафора [6], репрезентирующая абстрактные категории по аналогии с эмпирически данным миром.

В структуре указанной пейзажной единицы представлена лексика с колористической семантикой, формирующая единую цветовую палитру приведенного контекста: темные, холодные тона: портрет, выполненный из холодного воздуха; темный/черный: в темных силуэтах куполов и кровель; Ночью в незнакомых краях бесконечность начинается с последнего фонаря; черный: над черным изгибом водной массы; на черной клеенке воды; тусклый свет: тускло освещенные моторки.

Так, семантическое единство приведенной пейзажной единицы обеспечивается всеми лексическими средствами. Ночное пространство репрезентировано по аналогии с темным задником портрета (*шагнул в собственный портрет, выполненный из холодного воздуха*), семантической доминантой текстовой пейзажной единицы выступает темнота, чернота. В этом контексте только одно словосочетание с колористической семантикой не вписывается в общий лексический ряд: тускло освещенные моторки. Таким образом формируется антитеза темного пространства, окружающего героя-рассказчика, и единственной светлой точки в нем.

Если рассматривать текст как своего рода вербальное полотно [8], то слова на его «фоне» распределяются следующим образом: Я почувствовал, что шагнул в собственный портрет, выполненный из холодного воздуха (общий фон вербальной «картины»); весь задник (задний план художественного полотна), мост, водная масса (центральная часть композиции), моторки (светлые точки на черной поверхности воды).

Основное изображение связано с репрезентацией ночи и темной глади воды; что касается визуальной доминанты, то, как уже было отмечено, в структуре данной пейзажной единицы преобладает черный цвет.

Рассмотрим другой контекст эссе «Набережная неисцелимых», также содержащий пейзажную единицу:

Медленное движение лодки сквозь ночь напоминало проход связной мысли сквозь бессознательное. По обе стороны, по колено в черной как смоль воде, стояли огромные резные сундуки темных палаццо, полные непостижимых сокровищ — скорее всего, золота, судя по желтому электрическому сиянию слабого накала, пробивавшемуся сквозь щели в ставнях. Общее впечатление было мифологическим, точнее — циклопическим: я попал в ту бесконечность, которую воображал на ступенях Стациюне, и теперь двигался мимо ее обитателей, вдоль шеренги спящих циклопов, возлежавших в черной воде, время от времени подымая и опуская веко [5].

Данный контекст также насыщен лексемами с колористической семантикой: сквозь ночь, в черной как смоль воде, сундуки темных палаццо, золота, желтоватому электрическому сиянию слабого накала, в черной воде. Ночная Венеция представлена как погруженное во тьму таинственное пространство. Характерно, что физическое пространство мыслится автором как часть метафизического: проход связной мысли сквозь бессознательное, я попал в ту бесконечность.

Отметим, что для стилистики И. Бродского в целом характерна интеграция абстрактных категорий в контекст эмпирического мира.

*С*ли в рассмотренных контекстах стилистической доминантой выступают колористические лексемы, то в структуре другой пейзажной единицы таковой является звукоизобразительная лексика: существительные: звон колоколов, сервис, гул, чайникам, чашкам, колоколен, ложки, чайках, голубях; глаголы: позвякивает, звенят; прилагательные, причастия: бесчисленных, серебряном, фарфоровый, оцинкованные, опрокинутым.

Обратимся к контексту И. Бродского:

Зимой в этом городе, особенно по воскресеньям, просыпаешься под звон бесчисленных колоколов, точно за кисеей позвякивает на серебряном подносе гигантский чайный сервис в жемчужном небе. Распахиваешь окно, и комнату вмиг затопляет та уличная, наполненная колокольным гулом дымка, которая частью сырой кислород, частью кофе и молитвы. Неважно, какие таблетки и сколько надо проглотить в это утро, — ты понимаешь, что не все кончено. Неважно и насколько ты автономен, сколько раз тебя предавали, насколько досконально и удручающе твоё представление о себе, — тут допускаешь, что еще есть надежда, по меньшей мере — будущее. Источник этого оптимизма — дымка; ее молитвенная часть, особенно если время завтрака. В такие дни город действительно приобретает фарфоровый вид, оцинкованные купола и без того сродни чайникам или опрокинутым чашкам, а наклонные профили колоколен звенят, как забытые ложки, и тают в небе. Не говоря уже о чайках и голубях, то стущающихся, то тающих в воздухе [5].

Благодаря звукоизобразительной лексике пространство Венеции предстает перед читателем как наполненное звоном и гулом колоколов, криками птиц. Характерно, что, помимо слов с семантикой звучания, используются и лексемы, семантическая структура которых содержит уже закрепленные в памяти человека представления о звуковой составляющей мира: *серебряный поднос* (звон); *чайный сервис, чайникам, опрокинутым чашкам* (звук фарфора); *купола* (металлический гул); *чайках, голубях* (крик чаек, курлыканье голубей).

«Звуковая» сторона пейзажной единицы в тексте находится в неразрывной связи с цветовой. Семантику цвета передают имплицитно лексемы *серебряном* (серебристый цвет), *жемчужном* (перламутровый, серебристый цвет), *дымка* (серый цвет), *фарфоровый* (белый, сероватый, перламутровый оттенки), *оцинкованные* (серебристый/золотистый цвет). Город визуализируется автором как дымчато-серебристое пространство, наполненное звоном колоколов.

*П*аким образом, проанализированные текстовые пейзажные единицы, выявленные в структуре текста эссе Иосифа Бродского «Набережная неисцелимых», обладают способностью к внешней иллюстративности [8]. В качестве языковых и текстовых инструментов моделирования выступают цвето- и звукоизобразительные лексемы, которые, помимо зафиксированной в языке семантики, приобретают в контексте дополнительные смысловые оттенки.

Литература

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
2. Азарова Н.М. Конвергенция русских философских и поэтических текстов XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 44 с.
3. Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
4. Бразговская Е.Е. Преодоление рациональности языка в философско-художественном дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Филология. 2008. Вып. 3 (19). С. 8–13.

References

1. Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka. Moscow: ROSSPEN, 2008. 704 s.
2. Azarova N.M. Konvergentsiya russkikh filosofskikh i poeticheskikh tekstov XIX–XX vv.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2010. 44 s.
3. Bibikhin V.V. Iazyk filosofii. St. Petersburg: Nauka, 2007. 389 s.
4. Brazgovskaia E.E. Preodolenie ratsional'nosti iazyka v filosofsko-khudozhestvennom diskurse // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2008. Vyp. 3 (19). S. 8–13.

5. Бродский И. Набережная неисцелимых. М., 2011. URL: <https://litlife.club/books/104376/read?ysclid=mfccepp137114167140> (20.08.2025).
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 2000. 236 с.
7. Смирнов И.П. Текстомахия: как литература отзыается на философии. СПб.: Петрополис, 2010. 208 с.
8. Левина В.Н., Пискунова С.В. Иллюстративное моделирование семантики в структуре текстовых пейзажных единиц // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2 (036). С. 176–179.
9. Miłosz Cz. Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2011. 1406 s.
5. Brodskii I. Naberezhnaia neistselimykh. Moscow, 2011. URL: <https://litlife.club/books/104376/read?ysclid=mfccepp137114167140> (20.08.2025).
6. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem. Moscow, 2000. 236 s.
7. Smirnov I.P. Tekstomakhia: kak literatura otzyvaetsya na filosofiiu. St. Petersburg: Petropolis, 2010. 208 s.
8. Levina V.N., Piskunova S.V. Illiustrativnoe modelirovanie semantiki v strukture tekstovykh peizazhnykh edinits // Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniya i protsessy. 2012. No. 2 (036). S. 176–179.
9. Miłosz Cz. Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2011. 1406 s.

Брагина Марина Александровна,
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Bragina Marina A.,
Candidate of Philology,
Head of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: bragina-ma@rudn.ru
AuthorID: 279889
<https://orcid.org/0000-0001-7589-2726>

Левина Вера Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Levina Vera N.,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: levina_vn@mail.ru, levina-vn@rudn.ru
AuthorID: 497389
<https://orcid.org/0000-0002-3732-6990>

Шарапава Елена Васильевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российский университет
(Могилев, Беларусь)

Sharapava Alena V.,
Senior Lecturer of the Humanities Department
Belarusian-Russian University
(Mogilev, Belarus)

e-mail: elenasharapova@tut.by
AuthorID: 890147

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 16.10.2025

Топонимическое пространство в поэтическом мире Назыма Хикмета Рана

Статья посвящена изучению русской топонимической лексики в творчестве турецкого поэта Назыма Хикмета Рана (1902–1963). Материалом для изучения послужили стихотворения, написанные поэтом во время его пребывания в СССР в 1921–1928 гг. и его эмиграции в СССР в 1951–1963 гг. Цель исследования – выявление лингвокультурной специфики лексики, с помощью которой создается топонимическое пространство Советского Союза в поэзии Назыма Хикмета Рана. Методы исследования: описательный; лексико-семантический и лингвокультурологический анализ. В результате анализа текстов стихотворений Назыма Хикмета Рана определены авторские типы пространств, на основе которых формируется единое топонимическое пространство СССР в творчестве турецкого поэта.

Ключевые слова: топонимы, русские топонимы, турецкая поэзия, лингвокультура

The article is devoted to the study of Russian toponymic vocabulary in the works of the Turkish poet Nazim Hikmet Rana (1902–1963). The research material was poems written by the poet during his stay in the USSR in 1921–1928 and his emigration to the USSR in 1951–1963. The purpose of the study is to identify the linguacultural specificity of the vocabulary with the help of which the toponymic space of the Soviet Union is created in the poetry of Nazim Hikmet Rana. The research methods are descriptive method, lexical-semantic analysis, linguacultural analysis. As a result of the analysis of the texts of Nazim Hikmet Rana's poems, the author's types of spaces are identified, on the basis of which a single toponymic space of the USSR is formed in the work of the Turkish poet.

Keywords: toponyms, Russian toponyms, Turkish poetry, linguistic culture

Введение

Одним из важнейших разделов ономастики является топонимика. Под термином «топоним» понимается географическое название, «разряд ономов; собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе, в том числе гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агороним, дримоним, инсулоним, некроним» [8. С. 127].

Топонимика имеет тесную связь со смежными науками. Данный факт подтверждается многими учеными [1; 7]. Так, Н.В. Никонов пишет: «Топонимика – особый раздел языкоznания, пересекающийся с историей языка, диалектологией, этимологией, лексикологией и другими разделами лингвистики, неразрывно связанный с историей, географией, этнографией» [7. С. 164].

Топонимия, имея давнюю историю, является актуальным разделом науки, представляющим интерес для лингвистов, лингвокультурологов, лексикографов, филологов и др. В рамках наук о языке рассматриваются научные основы ономастики и ее связь с другими науками, изучаются основы топонимики, процессы словообразования топонимов и их специфические черты. В области лингвокультурологии пристальное внимание уделяется национально-культурной семантике топонимов.

Многие ученые отмечают важность понимания семантики топонимов. Согласно Е.М. Верещагину, В.Г. Костомарову, «топонимы не являются простыми терминами географической науки, они обладают яркими культурными компонентами в своей семантике. Иногда в этих компонентах наблюдается коннотация историко-социального плана» [2. С. 60]. Ученые также пишут о том, что «ономастическая лексика нередко используется в художественной литературе в качестве «говорящих имен» и несет культурно-национальную информацию» [3. С. 104].

По мнению Ж.Н. Масловой, «непонимание смысла и целесообразности встречающихся в тексте реалий и цитат, невнимание к ним зачастую приводит к частичной или даже полной утрате смысла текста. Для понимания литературно-художественного произведения важны такие элементы вертикального контекста, как топонимы (тип реалий, представляющий собой разнообразные

географические названия), антропонимы (разновидность реалий, представляющая собой собственные имена, фамилии персонажей)» [5. С. 35].

В связи с этим в настоящей статье топонимическое пространство в поэтическом мире турецкого поэта рассматривается в аспекте лингвокультурологии; под этим понимается «не просто установление национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а выявление механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, механизмов ее извлечения оттуда носителем языка» [4. С. 5].

Проведенный анализ основывается на концепции лингвокультурологической поэтики, обоснованной в трудах В.А. Масловой и У.М. Бахтиреевой. По утверждению ученых, лингвокультурологическая поэтика «учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл. Такой вид поэтики помогает постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, помогает понять, как в отдельных словах, метафорах, сравнениях и других языковых средствах выявляются мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции и глубинные слои национальной культуры» [Там же. С. 116].

При обращении к поэтическому тексту необходимо также акцентировать внимание на термине «поэтический мир». Вслед за Ж.Н. Масловой под термином «поэтический мир» мы понимаем «целостную проекцию реальности, созданную на основе поэтической картины мира, являющуюся результатом духовной и творческой активности человека» [5. С. 101].

Основная часть

Творческий путь Назыма Хикмета Рана является мостиком между двух культур — русской и турецкой. Путь этот был наполнен многочисленными событиями, путешествиями и переездами, что находит отражение в творчестве поэта и подчеркивается его окружением. Так, русский писатель Радий Фиш, близкий друг поэта, пишет о поэзии Назыма Хикмета Рана: «Логика его поэзии как бы наглядно демонстрирует “относительность” времени и пространства, смелая ассоциативность является приемом, который позволяет поэту в одном образе вместить целые исторические эпохи» [9. С. 7]. Назым Хикмет Ран в своем творчестве подчеркивал уникальность взаимодействия внутреннего мира человека с внешним миром, создавая пространственные и временные связи, отличающиеся от мира действительности, но наполненные поэтической красотой.

По утверждению Радия Фиша, причина, по которой поэзия Назыма Хикмета Рана стала близка русским читателям, состоит в попытке исследовать и с предельной обнаженностью выразить взаимосвязь истории России с происходившими в первой половине XX в. в СССР событиями. Радий Фиш отмечает, что в стихах турецкого поэта есть отзвуки мыслей и чувств русского народа [9].

Русская топонимическая лексика занимает значительное место в творчестве Назыма Хикмета Рана, поскольку турецкий поэт имел прочные связи с Россией. Пространство его поэзии раскрывается с помощью реальных топонимических лексических единиц, что дает возможность выявить ключевые составляющие топонимического пространства СССР в творчестве Назыма Хикмета Рана.

Взаимоотношение турецкого поэта с советским миром выражено в поэзии посредством русской топонимической лексики. Географические названия в творчестве Назыма Хикмета Рана конкретизируют места, описывают исторические события, передавая культурно-исторические знания о Советской России, что позволяет рассматривать эти единицы языка с позиции лингвокультурологии.

Поэт нередко выбирает топонимы в качестве названий своих стихотворений. Как примеры можно привести следующие: «Прощание с СССР» (1924), «О том, как в России был свернут царизм» (1930). В названиях стихотворений также встречаются топонимические прилагательные, например «Московское лето» (1962).

Следует отметить, что в стихотворениях среди топонимов превалируют имена собственные, обозначающие объекты административно-географического членения территории России. К ним относятся названия республик, стран (Казахстан, Россия); названия регионов (Кавказ, Сибирь, Урал, Крым); ойконимы и астионимы — названия населенных пунктов и городов (Коктебель, Подмосковье, Переделкино, Москва, Петербург, Петроград).

Отметим и топонимы, обозначающие объекты природы. К ним относятся географические названия водных объектов: пелагонимы — названия морей (Балтийское море); потамонимы — названия рек (Волга, Москва-река, Нева).

Встречаются также агоронимы — названия площадей (Арбатская площадь, Красная площадь, площадь Маяковского, Пушкинская площадь, Страстная площадь); урбонимы — названия внутригородских объектов (башня Кремля, башня на Страстной, Большой театр, Зимний дворец, Киевский вокзал, Коммуниверситет, Кремль, Красная Пресня, Мавзолей, Парк Горького, Страстной монастырь, Эрмитаж).

В результате анализа стихотворений были выделены авторские типы пространств, с помощью которых в творчестве поэта создается единое топонимическое пространство СССР, а именно: идеологическое, духовное, городское, чувственное, временное, географическое.

Идеологическое пространство

В произведениях, написанных турецким поэтом во время пребывания в СССР в 1921–1928 гг., посредством топонимических единиц *Москва*, *Подмосковье*, *Петербург*, *Петроград* раскрываются исторические события и политическая атмосфера в новообразованном государстве — Советской России. В тот период топоним *Москва* встречается во многих стихотворениях Назыма Хикмета Рана. Это объясняется не только тем, что Москва — столица СССР: этот город имел большое значение в личной жизни поэта, проведшего в Москве свою молодость, студенческие годы. Лингвокультурная специфика топонима *Москва* раскрывается с помощью следующих лексических единиц и словосочетаний: *Красная площадь*, *Кремль*, *Мавзолей*.

Топонимическая лексика в стихотворениях 1921–1930-х гг. приобретает идеологическую, политическую окраску: *Кавказ*, *Россия*, *Сибирь* становятся в поэзии географическими маркерами идеологии марксизма-ленинизма.

Кроме того, пространственные координаты, выражаемые посредством предлогов «над», «от» и «до», создают широкое пространство советского мира. Пространственный предлог «над» в сочетании с лексической единицей «коммунизм» создает ориентационные метафоры и отражает историческое прошлое:

...**Россия,**
юная **Россия**,
склоняющаяся сегодня
над азбукой коммунизма...
...Знаем так мы тебя, будто **всю обошли**
от **Кавказа** и до **Сибири**.
(«Прощание с СССР». 1924) [6. С. 17]

В стихотворениях того периода политическая атмосфера актуализируется с помощью астионима *Красная площадь*. В данном стихотворении топонимическая лексическая единица имеет символическое значение. Так, *Красная площадь* является символом столицы Советского Союза — Москвы:

...Мы видели твой праздник мая:
вся **площадь Красная** гудела,
как будто колокол **огромный**...
(«Прощание с СССР». 1924) [Там же]

Топонимические лексические единицы *Балтийское море, Петербург, Петроград, Россия* связанны с судьбоносными событиями в истории России. Рождение нового государства — Российской империи — в эпоху Петра Великого сравнивается со свержением царизма и рождением нового государства — Советской России:

Открыл окно Великий Петр,
И назвали окно **Петербургом**.
Открыл это окно Великий Петр,
чтобы белые ветры ледяного **Балтийского моря**
зашумели в распластанных крыльях двуглавого
черного орла...
<...>

И **Петроград** состарился...
И когда молния попала в корень
того древа, на котором сидел орел,
его черные крылья опустились,
он пал... он умер...
(«О том, как в России был свернут царизм». 1930)
[Там же. С. 36]

В строках поэмы-репортажа «Гавана» (1961) с помощью астионима *Зимний дворец* вербализуется образ Октябрьской революции, в результате которой впоследствии был образован СССР:

...В холле под фотографией Фиделя Кастро бывший комиссар
Алексей Васильич
Негру-портре повествует о том,
Как вошли они в **Зимний дворец**,
Обкуренные дымом семнадцатого года [Там же. С. 249].

В строках стихотворения «Разговор с Лидией Иванной» (1953) турецкий поэт рассказывает врачу о своем душевном состоянии. Топоним *СССР* способствует здесь созданию образа коммунистического будущего:

Но, милый мой доктор, вот, например,
могу ли я радоваться, видя такое,
когда до коммунизма в **СССР**
уже можно дотронуться рукой? [Там же. С. 140].

Духовное пространство

Стихотворения, написанные турецким поэтом в период его эмиграции в СССР в 1951–1963 гг., также отличаются присутствием в них большого количества русской топонимической лексики. Топонимические единицы в произведениях того периода нередко используются в целях передачи душевного состояния.

В стихотворении «Думаю о тебе» (1951) топонимическое прилагательное *московское (окно)* усиливает ощущение тоски по родине, приобретает эмоциональную окраску:

Я смотрю из одного **московского окна**,
Думаю о тебе, моя сторона,
Страна моя, Турция моя, думаю о тебе... [Там же. С. 133].

В произведениях турецкого поэта стойкость русского народа во время Великой Отечественной войны описывается с восхищением. Топонимическая лексическая единица *Москва* в сочетании с предлогом «под» становится описанием места, недалеко от которого был остановлен враг, — Подмосковья, а лексема *дверь* выступает символом границы, пограничным объектом, защитившим Москву от фашизма:

...когда под **Москвой**, на чистом снегу, появились танки —
танки с крестами белыми на спине,
все эти люди, которых встречал я в жизни,
были готовы пролить свою кровь...
(«Некоторые воспоминания». 1957) [Там же. С. 166]

...Варшава сгорела, увы,
свастика вступила в Париж,
стучалась в **двери Москвы**,
столько крови лилось,
что ни в книге нельзя описать,
ни в сказке нельзя рассказать.
(«Письмо из Польши». 1954) [Там же. С. 150]

В следующих строках стихотворения упоминается знаковое водное пространство России, сыгравшее важнейшую роль в Великой Отечественной войне, — Волга. Употребление топоними-

ческой лексики в сочетании с пространственной координатой *повернуть вспять* подчеркивает силу русского народа, защитившего свою Родину от фашистских захватчиков:

С берега Волги смерть повернула вспять,
В логово смерти уползла,
Чтобы там душу богу отдать.
(«Письмо из Польши». 1954) [Там же. С. 150]

Городское пространство

Городское пространство вербализируется с помощью описания любимых локаций Назыма Хикмета Рана в столице СССР. Так, например, агороним *Красная площадь* и потамоним *Москва-река* используются для выражения любви к Москве:

...Хотя, признаюсь, поздней ночью, особенно зимой,
не беспокоя человека, уснувшего великим сном,
люблю я, тихонько пройдя по **Красной площади**,
постоять над **Московой-рекой**.
(«Разговор с Лидией Иванной». 1953) [Там же. С. 139]

В своих воспоминаниях турецкий поэт, подчеркивая приглушенное звучание голосов на улицах и место встречи со своими слушателями, возвращается мысленно к своему первому выступлению в Москве перед публикой, тем самым передавая читателям атмосферу столицы:

...Вспоминаю рокот **московских улиц**,
а на Красной Пресне фабрика есть,
где впервые перед друзьями русскими
я решился стихи прочесть.
(«Некоторые воспоминания». 1957) [Там же. С. 167]

При описании своего переезда в Москву поэт упоминает знаковые места города. Используются топонимические лексические единицы *Арбатская площадь* и *Киевский вокзал*:

Дворик я вижу возле **Арбатской площади**:
там, на кирпичной многоэтажной стене
зимой, ледяными ночами яркие-яркие окна горят,
как живые.
<...>

...В этот город приехал я девятнадцатилетним,
приехал с **Киевского вокзала**,
с трехчасовым опозданием.
(«Некоторые воспоминания». 1957) [Там же. С. 167]

Топонимические лексические единицы, отражающие политический строй в СССР, становятся частью городского пространства. Сокращенные названия Коммунистического университета трудящихся Востока, где поэт получил высшее образование, и Центрального Комитета Коммунистической партии, а также топоним *Мавзолей* находят место в творчестве турецкого поэта:

... девятнадцать лет в **Москве** студентом **Комуниверситета**,
сорока девяти лет снова в **Москве** гостем ЦК партии...
<...>
В двадцать четвертом стоял в почетном карауле,
а в шестьдесят первом продолжал ходить к Ленину в **мавзолей**.
(«Автобиография». 1961) [Там же. С. 211]

Пространство чувств

Отметим, что в географическом и городском пространствах реализуются не только политico-идеологические представления Назыма Хикмета, но и чувственная сфера — сфера любви. Яркой особенностью таких стихотворений становится презентация пространства посредством топонимической лексики в оппозиции.

Непростой жизненный путь повлиял на личную жизнь Назыма Хикмета. В творчестве турецкого поэта находят отражения истории о женщинах, являющихся представительницами разных

культур и национальностей. Стихотворение «Две любви» (1959) посвящается двум женщинам, оставившим неизгладимый след в душе Назыма Хикмета. При описании любви к обеим женщинам поэт, сопоставляя два великих водных пространства России и Турции и две знаковые городские локации Москвы и Стамбула, вспоминает о своей бывшей супруге Пирайе и последней жене Вере Туляковой. Таким образом, поэт эксплицитно признает любовь к обеим женщинам. Использованные топонимические единицы устанавливают связи между двумя странами, содержат сведения о местах встречи с любимыми женщинами.

Важно отметить, что в данном стихотворении репрезентация пространства осуществляется посредством топонимических лексических единиц *Нева, Босфор, Парк Горького, площадь Баязид*, что образует пространственную оппозицию «старая Родина — новая Родина»:

...Чудится: в доме родном гляжу из окна,
Бьет в лицо мне сверканье воды.
Что передо мною — **Нева** или синий **Босфор**?
<...>
Две сестры, две подруги, как встретились вы?
Незнакомые, как вы сошлись?
Где вы ждете меня —
В **Парке Горького** или в кофейне, в тени чинар, на **площади Баязид**?
(«Две любви». 1959) [Там же. С. 198]

Следует отметить, что в стихотворениях, написанных в последние годы жизни поэта, городское пространство приобретает иной оттенок. Идеологические темы сменяются романтическими: поэт грустит из-за разлуки с любимой женщиной. Расставание вербализируется посредством погружения читателя в удивительное путешествие по знаковым историческим локациям Москвы, т.к. именно там поэт надеется снова найти свою старую возлюбленную. Урбоним *Большой театр*, агоронимы *Красная площадь, площадь Маяковского* выступают важными точками этого путешествия.

Репрезентация пространства осуществляется также посредством топонимических единиц *Стамбул, Сарайбурну* (мыс, разделяющий залив Золотой Рог и Мраморное море в Стамбуле), что также образует пространственную оппозицию «старая Родина — новая Родина»:

На **площади Маяковского**
я потерял тебя, вдруг потерял тебя...
я потерял тепло твоей руки,
мягкую тяжесть ее ладони потерял...
<...>
В Стамбуле три баржи тащат буксир
против течения у Сарайбурну.
Чайки кричат.

Я с **Красной площади** окликнул этот буксир,
Не капитана — он чересчур устал,
К тому же двигатель так грохотал,
Что он бы не смог рассышать меня,
Капитан, в кителе без пуговиц.
Сам буксир окликнул я с **Красной площади**.
<Нет, не видели!..>
<...>
Хожу по театрам, хожу по кино,
по концертным залам хожу.
В **Большой** не пойду — сегодня поют оперу, не любимую тобой.
(«Солома волос, ресни синева». 1961) [Там же. С. 236]

В стихотворениях указанного периода прослеживается не только тоска по ушедшей любви, но и жизнерадостное мироощущение. В те годы поэзия Назыма Хикмета была пронизана чувством светлого, радостного восприятия жизни: во многих стихотворениях выражаются чувства счастья, веселья, стихотворения полны оптимизма. В стихотворениях, написанных в 1962 г., топонимическое прилагательное *московское (лето)*, урбоним *Эрмитаж* и ойконимы *Подмосковье, Переделкино* несут в себе функцию передачи хорошего настроения, олицетворяют места, где поэт испытывал радость и счастье:

Меня ждет целое лето,
московское лето,
 со своим раскаленным асфальтом и камнем...
 ...и с деревьями **Эрмитажа**,
 которые от электрических лампочек
 кажутся нам бумажными...
 («Московское лето». 1962) [Там же. С. 218]

...оказывается, я люблю деревья.
 Березы встречают меня зимой под **Москвой**, в **Переделкино**.
 («Оказывается, люблю». 1962) [Там же. С. 214]

В следующих строках при описании влияния воздушного пространства на свое внутреннее состояние поэт упоминает об историческом поле сражения между русской и французской армиями — Бородинском поле — и об одном из центральных персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир» — Андрее Болконском. Данный антропоним выступает в качестве «говорящих имен» и несет культурно-национальную информацию:

...Оказывается, я люблю небо, пусть открыто оно, пусть закрыто,
 небосвод, на который смотрел **Андрей**, лежа на
Бородинском поле.
 («Оказывается, люблю». 1962) [Там же]

Времени́бес пространство

Следующей важной чертой творчества Назыма Хикмета является описание путешествия во времени посредством топонимической лексики. В своем творчестве турецкий поэт вспоминает свою молодость, устанавливая связи между необратимыми историческими событиями, например сносом Страстного монастыря и «преображением» бывшей его территории — строительством на этом месте кинотеатра. С помощью переосмысления исторических событий поэт рефлексирует, вспоминает годы юности, которые уже не вернуть. История упразднения монастыря и выселение оттуда монахинь после революции 1917 г. воспринимаются поэтом как часть его собственной истории, личного жизненного пути, поскольку в 1920-х гг. в кельях монастыря были размещены различные учреждения, в том числе студенческое общежитие трудящихся Востока, где проживал поэт. Снос монастыря в 1928 г. и идеальная борьба с религией во всех ее проявлениях оставили след в творчестве турецкого поэта, поскольку он воочию наблюдал эти исторические процессы. Монастырь живет в воспоминаниях Назыма Хикмета: в стихотворении «Солома волос, ресница синева» (1961) поэт вспоминает биение часов Страстного монастыря, строительство кинотеатра на его месте. Именно на этой площади поэт встречал свою молодость. Переименование в 1931 г. Страстной площади в Пушкинскую, где сегодня стоит памятник Александру Сергеевичу Пушкину, и строительство кинотеатра «Россия» в 1950-х гг. олицетворяют невозможность обратить время вспять, вернуть молодость. Пространственная координата протянуть руки выражает довольно близкое расстояние до исторического прошлого:

...Часы **Страстного монастыря** пробили полночь,
 хотя монастырь давно снесен,
 и самый **большой кинотеатр в Москве**
 строится в тех местах.
 <...>
 Здесь я встретил себя двенадцати лет.
 Мы сразу узнали друг друга...
 Не удивились,
протянули друг другу руки,
 и рукопожатие не состоялось
 из-за расстояния в сорок лет.
 Оно замерзло, как **безбрежное северное море**,
 И на **Пушкинскую площадь**,
 для него еще **Страстную**, начал падать снег.
 («Солома волос, ресница синева». 1961) [Там же. С. 237]

Следует отметить, что в стихотворениях данного периода прослеживается двухвременная композиция. Поэт соединяет прошлое и настоящее, размышляя о своей прожитой жизни. В творчестве Назыма Хикмета отмечаются индивидуальные временные и пространственные приемы: «...в поэме “Солома волос, ресниц синева...” (1961) время не течет, а летит, останавливается и снова струится, оно как вода, в которой отражается жизнь поэта с детства до той самой минуты, когда он спускается по лестнице отеля в Праге, выходит на площадь Баязида в Стамбуле, пересекает Красную площадь в Москве» [9. С. 7].

Географическое пространство

Топонимические лексические единицы служат и для описания путешествий. В стихотворении «Оказывается, люблю» (1962) вербализуется широкое географическое пространство Советской России с помощью следующих топонимических лексических единиц: *Крым, Коктебель, Урал, Казахстан*. Употребление поэтом лирического этимологического названия поселка Коктебель, в переводе с крымско-татарского языка «край голубых холмов» (*kök* — серо-голубой, *töbe* — холм, *el* — край, местность), придает стихотворению выразительность:

...оказывается, я люблю дороги, в том числе асфальтовые.

Из Москвы едем в Крым, в Коктебель,

А верней: Гёк Тепе или — край Синих Холмов [6. С. 215].

Топонимические единицы в стихотворениях, в которых поэт описывает свои путешествия, подчеркивают богатство природы регионов и республик СССР. С помощью лексических единиц «нефть», «жара», «недра», «сокровища» вербализуются топонимы Урал и Казахстан; также поэт уделяет внимание климатическим условиям, свойственным данным местам:

...Рядом со мной **москвичка**. Геолог.

— Куба чуть-чуть моложе Урала, — говорит она, —

моложе, пожалуй, всего миллиона на два,

но в недрах ее залегли

тиปично уральские сокровища;

копнешь — словно крикнешь:

«Сезам, отворись!» <...>

— Наши, — говорит она, — ищут нефть, шаря по дну... <...>

— Но мы найдем, непременно найдем: **без нефти** Кубе нельзя! <...>

— Нефть найдут, я уверен, но вы-то, Наташа, как **выдержите эту жару**?

Смеется: — Выдержу! **В Казахстане**

жара доходила до полусотни,

а я, представьте себе, ничего:

два года работала, как дома.

(«Гавана (поэма-репортаж)». 1961) [Там же. С. 243]

Заключение

Лингвокультурологический анализ стихотворений Назыма Хикмета Рана позволяет сделать вывод о том, что русская топонимическая лексика занимает важное место в его творчестве, т.к. не только способствует созданию образного географического пространства Советской России, но и формирует индивидуально-поэтическое пространство в творчестве турецкого поэта. В результате многочисленных переездов и осмыслиения историко-политических фактов Назымом Хикметом были написаны уникальные поэмы, отражающие реалии Советской России. Топонимическое пространство создается с помощью названий республик и регионов Союза, ойконимов, астионимов, пелагонимов, потамонимов, агоронимов, урбонимов. Выделенные топонимические лексические единицы используются поэтом не только для придания текстам художественной выразительности, они также выполняют в стихотворениях различные функции и имеют ярко

выраженную лингвокультурную специфику: вербализуют политический строй в СССР, указывают на социокультурные процессы, характерные для Советской России, создают запоминающиеся образы советских достопримечательностей (зданий, площадей), городов и регионов. Большое количество топонимических единиц, создающих уникальное поэтическое пространство, свидетельствуют о том, что поэт прекрасно знает историю и культуру России.

Проанализированная лексика позволила выделить следующие типы топонимического пространства СССР в поэтическом мире Назыма Хикмета: идеологическое, духовное, городское, пространство чувств, временное, географическое. Обозначенные типы пространств вербализируют лингвокультурную поэтику текстов, раскрывают поэтический мир автора, предоставляя тем самым читателю возможность узнать не только о чувствах и духовных переживаниях автора, но и о культуре, истории, идеологии, политике, климате, географии СССР.

Изучение поэм Назыма Хикмета способствует расширению знаний о лингвокультуре России, поскольку поэт, описывая советское прошлое, устанавливает временные, пространственные и культурные связи с современной Россией.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение. 1983. 224 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентные темы / под ред., послесл. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурологический анализ: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 245 с. URL: <https://urait.ru/bcode/544700/p.5> (11.10.2024).
5. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее презентация в языке: монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 280 с.
6. Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. М.: Мaska, 2013. 258 с.
7. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 215 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 4292 с.
9. Радий Фиш. Разум, стучаший в груди // Стихотворения. Поэмы / Назым Хикмет. М.: Мaska, 2013. 258 с.

References

1. Bondaletof V.D. Russkaia onomastika. Moscow: Prosveshchenie. 1983. 224 s.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavaniï russkogo iazyka kak inostrannogo. 4-e izd., pererab. i dop. Moscow: Russkii iazyk, 1990. 246 s.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechevodenescheskikh takтик i sapientemy / pod red., poslesl. Iu.S. Stepanova. Moscow: Indrik, 2005. 1040 s.
4. Maslova V.A. Lingvokul'turologicheskii analiz: uchebnik dlja vuzov. Moscow: Iurait, 2024. 245 s. URL: <https://urait.ru/bcode/544700/p.5> (11.10.2024).
5. Maslova Zh.N. Poeticheskaiia kartina mira i ee reprezentatsiiia v iazyke: monografiia. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2010. 280 s.
6. Nazym Khikmet. Stikhotvoreniia. Poemy. Moscow: Maska, 2013. 258 s.
7. Nikonov V.A. Vvedenie v toponimiku. Moscow: Nauka, 1965. 215 s.
8. Podol'skaiia N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. Moscow: Nauka, 1988. 4292 s.
9. Radii Fish. Razum, stuchashchii v grudi // Stikhotvoreniia. Poemy / Nazym Khikmet. Moscow: Maska, 2013. 258 s.

Доган Мерве Гузин,
кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Dogan Merve Guzin,
Candidate of Pedagogy, Assistant of the Russian Language and
Intercultural Communication Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: dogan_mg@pfur.ru

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна,
кандидат филологических наук, заместитель декана филологического факультета
по научно-инновационной работе и международному сотрудничеству
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

Bayanbayeva Zhadyra A.,
Candidate of Philology, Deputy Dean of the Philology for Scientific
and Innovative Work
and International Cooperation Faculty
Al-Farabi Kazakh National University
(Almaty, Kazakhstan)

e-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1710-0791>

Лингвокультурный символ «зима» в романе А. Рубанова «Финист – ясный сокол»

Статья посвящена комплексному анализу лингвокультурного символа «зима» в романе А. Рубанова «Финист – ясный сокол». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов художественного преобразования концепта в полноценный символ, обладающий высокой ценностной значимостью и определяющий поведенческие модели персонажей в рамках фантастического архаичного мира, созданного писателем. Проблематика работы сфокусирована на выявлении и описании способов представления концепта «зима» через его образные и ценностные признаки. Материалом для анализа послужили многочисленные фрагменты романа, содержащие мотивы зимы, которые позволили выявить ключевые семантические оппозиции, структурирующие содержание концепта: жизнь/смерть, опасность/безопасность, холод/тепло, странствие/зимовка. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в художественном пространстве романа зима предстает не просто временем года, а становится ключевой экзистенциальной данностью. Ценостное ядро лингвокультурного символа «зима» формируется вокруг фундаментальной оппозиции «жизнь/смерть». С одной стороны, зима воплощает слепую разрушительную силу, несущую холод, голод и гибель. С другой – именно эта смертоносная сущность формирует императив выживания, диктуя необходимость тщательной подготовки, определяя хозяйствственные циклы и формируя особые социальные практики и ритуалы. Таким образом, зима реализуется в романе как комплексный лингвокультурный символ, организующий время, пространство и весь жизненный уклад персонажей.

Ключевые слова: зима, лингвокультурный символ, концепт, художественный текст, ценность, модель поведения

The article presents a comprehensive analysis of the linguocultural symbol ‘winter’ in A. Rubanov’s novel “Finist – the Bright Falcon”. The relevance of the study is determined by the need to investigate the artistic transformation of the concept into a full-fledged symbol endowed with high axiological significance and shaping behavioral models of characters within the fantastic archaic world created by the author. The research focuses on identifying and describing the means of representing the concept ‘winter’ through its imagistic and value-based features. The analysis relies on numerous excerpts from the novel containing descriptions of winter, which allowed for identifying key semantic oppositions structuring the concept: life/death, danger/safety, cold/warmth, journey/hibernation. As a result of the study, it was concluded that within the artistic space of the novel, winter transcends its status as a mere season and becomes a key existential circumstance. The axiological core of the linguocultural symbol ‘winter’ is formed around the fundamental opposition of life and death. On the one hand, winter embodies a blind destructive force bringing cold, hunger, and death. On the other hand, it is precisely this lethal nature that creates an imperative for survival, dictating the necessity of thorough preparation, determining economic cycles, and shaping specific social practices and rituals. Thus, in the novel, winter is realized as a complex linguocultural symbol that organizes time, space, and the entire way of life of the characters.

Keywords: winter, linguocultural symbol, concept, literary text, value, behavioral model

Введение

Цель настоящего исследования заключается в анализе творческого осмысления лингвокультурного символа «зима» в современной русскоязычной художественной прозе. Лингвокультурный символ, по определению В.И. Карасика, представляет собой образ с высокой ценностной значимостью [1. С. 215]. Ценность, в свою очередь, является высшим ориентиром поведения [2. С. 184]. Ценостная составляющая, наряду с понятийной и образной, является частью содержания концепта [3. С. 25].

Особенности концептуализации такого природного явления, как зима, постоянно становятся предметом научного анализа. В частности, исследуется восприятие зимы представителями разных лингвокультур [4; 5], осмысление зимы в поэтических [6; 7], песенных [8; 9], рекламных текстах [10] и паремиях [11]. Вместе с тем требует дальнейшего изучения творческая обработка понятийных, ценностных и образных признаков концепта «зима», позволяющая рассматривать данный концепт именно как лингвокультурный символ, т.е. такой символ, с помощью которого в сознании закрепляются фрагменты опыта, составляющие определенную модель поведения.

Материалом исследования послужил текст романа Андрея Рубанова «Финист — ясный сокол». Это произведение современной российской художественной прозы, которое в 2019 г. было номинировано на литературные премии «Большая книга» и «Ясная Поляна», а также стало победителем литературной премии «Национальный бестселлер».

Основная часть

Проанализируем фрагменты текста романа «Финист — ясный сокол», в которых автор обращается к описанию зимы.

Зима в рассматриваемом литературном произведении проявляется через характерные для нее погодные явления (снег, ветер), которые сопровождаются холодом:

От входа в пещеру задуло холодным ветром и принесло несколько колючих хлопьев самого первого снега. В долине наступала зима (с. 239)¹.

Холод вызывает определенные ассоциации; в рассматриваемом тексте это свежесть, тревога и собственно зима:

Со дна затона здесь били студёные ключи, от поверхности веяло свежо и тревожно, как зимой из проруби (с. 42).

Зима осмысляется как противоположность лету, поэтому зимой и летом совершаются разнонаправленные действия:

Кирьяк, горячий малый, и раньше уходил, и ссорились мы часто и сильно...

И расходились, бывало, на всю зиму; но каждое лето воссоединялись непременно (с. 40).

Зимний холод противопоставляется летнему изобилию, и если даже летом выжить невозможно, то зимой ждет верная смерть:

Многие шли к нам. Зимой, конечно, было холодно, зато летом сырьо. Орехов, ягоды, рыбы навалом (с. 98). ...В наших чащбах ты и трёх дней не протянешь. И это летом, а про зиму лучше не говорить (с. 115).

Для зимы характерно наличие снега, а для лета — яркого, жаркого солнца. Атрибуты этих природных явлений становятся основой для метафорических сравнений:

...оба птицелова скинули рубахи и порты, остались нагими — в свете молний было видно, что их руки и морды загорели дочерна, а тела сохранили зимнюю белизну... (с. 63).

Снег зимой покрывает землю и объекты на ней, образуя непроходимые сугробы, затрудняющие передвижение:

...зимы у нас суровые и снежные: от конца осени до середины весны змеева лёжка была покрыта сугробами высотой в три человеческих роста: ни дорыться, ни пробиться (с. 117).

Зимний холод осмысляется как параметр, который определяет степень суровости зимы и, следовательно, шансы на выживание человека зимой:

Ведуны сказали отцу, что покойница... не смогла привыкнуть к нашим прохладным погодам, а особенно к ледяным смертным зимам... (с. 105).

По воле богов и к нашей удаче, та зима была не слишком сурова: лица обмерзали только у самых юных девок. Любой здоровый человек мог с утра до полудня находиться под открытым небом, прежде чем начинал коченеть (с. 205).

...По утрам тех несчастных, кто не выдержал мороза и замёрз, относили в сторону, и когда люди уходили и лагерь пустел — эти четвёртые скигали умерших на кострах... (с. 206).

Каждый новый год может быть холоднее предыдущего. Каждая новая лютая зима может погубить всех (с. 217).

...Люди, живущие в этих землях, сыты и счастливы; их процветанию мешают только длительные холодные зимы... (с. 218).

¹ Цитаты из романа А. Рубанова «Финист — ясный сокол» приводятся по изданию [12]; в круглых скобках указываются страницы цитируемого текста (в цитатах выделения полужирным шрифтом принадлежат нам. — Д. Г., С. Б., Е. М.).

Зимнему холоду люди пытаются противостоять и приучать к нему организм. Поэтому зима — это время купаний в теплой воде, проруби, снегу:

Другая важная практика дикарей — **привыкание к холоду**. Несколько раз за зиму они раскаляют до-красна очаги в своих домах, расходуя огромное количество идеально высушенных дров, раздеваются донага, нагревают воду в котлах и бочках, моются песком, щёлоком и мыльными травами и бьют друг друга жгутами из древесных листьев, а потом в нагом виде купаются в сугробах, прыгают в ледяные проруби или обливаются ледяной водой и приучают к тому своих детей с самого малого возраста (с. 216).

В начале и в конце зимы дики тоже обязательно купаются: в каждой деревне наложен отвод из главного ручья, по деревянным желобам — в неглубокие ямы, тщательно обложенные кремниевым камнем; другие такие же камни во множестве лежат возле ямы, и любой желающий может явиться и разжечь костёр, раскалить докрасна достаточное количество камней, бросить их в чистую воду, совершив омовение и согреть тело хотя бы малое время. Эти купальни никогда не простирают; в холодное время года все, зажиточные и бедные, охотники, рыболовы, собиратели и земледельцы, от мала до велика, приходят, чтобы посидеть в горячей воде хотя бы раз в неделю; общие купания прерываются только в самые жестокие морозы, когда ручьи вымерзают (с. 217).

Зима противопоставляется прочим временам года по характерному состоянию живой природы и по природным условиям жизни людей:

Точно так же и живут на свете существа, для которых мы — деревья, неподвижные и немые, зеленеющие по весне, плодоносящие осенью и голые зимой (с. 67).

Сама природа творит насилие над ними, заставляя жить одновременно в трёх мирах: летом при жаре, зимой при страшных морозах, в межсезонье — в сырости и бездонных грязях (с. 215).

Неблагоприятные погодные условия зимой, грозящие гибелью, а также затрудненные из-за снега условия для передвижения вынуждают человека искать пристанище, в котором можно переждать это время года. Зима в этом аспекте противопоставляется весне и лету, когда люди покидают пристанища и начинают странствовать. Зимнее пристанище осмысливается как место отдыха, где еда, тепло, уют, и противопоставляется внешнему миру, в котором зима, снег, холод и смерть:

Я зимовал у одной и той же бабы сорок лет подряд... Сошли мы, прямо сказать, случайно. Так вышло, что холода упали, а я застрял в Муроме и не нашёл зимовку. В селище ни одна баба взять меня не захотела... И вот, значит, уже вроде снегу быть — а я в Муроме. Ни родных, ни друзей, ни знакомых. **Водой не уйти, на реке шуга**. А меня никто зимовать не пускает, ни за какие новые кунты. Три дня вокруг селища ходил, пока не нашёл выселки, а кто на выселках живёт? Только ведьмы. Как её звали — не скажу, она и теперь жива, незачем чужое имя трепать. У неё и остался... Сразу сказала: если я хочу с нею честное дело делать — она всех других баб от меня отворожит, и **каждую зиму я буду возвращаться только к ней**. Я согласился. **Не замерзать же в сугробе**. Так и жили: летом я по городам хожу, работу рабо-таю, а как холода — у ведьмы своей зимую (с. 42).

Если старейшины приглашали Крепа пожить в той или иной деревне, например, от Нового Года до весны, — Креп принимал приглашение, зимовал, ел, пил, спал, мылся в бане в своё удовольствие, — а по весне уходил... (с. 122).

Главы родов, степные каганы, возвращаются на свои зимние стоянки, в логи, в низины, балки, где не так свищут ветры... Скоро накатит с севера зима, накроет мир снеговыми валами (с. 177).

Так вышло, что **ближе к зиме** я остался последним, кто верил, что Зоря жива. Прочие остывли. Решили забыть. Но я забывать не хотел. И **пока не легла зима, — я обошёл** всех ведунов долины (с. 119).

Зима — время года, когда некоторые представители живой природы зависят от помощи со стороны человека:

Птиц любила с детства, и игрушки были всё птички, деревянные да тряпичные. **Как зима — снегирей и синиц подкармливала** (с. 50).

Зима осмысливается как единица измерения времени, отмечающая, наряду с другими временами года, определенные рубежи как в цикле человеческой жизни, так и в бесконечном круговороте бытия:

На четвёртый день пути старый Митроха сошёл в Косяре. Сказал, что здесь у него есть родня, и он **останется до зимы** (с. 88).

За осенью — зима, за весной — лето, за детьми — внуки, и это повторяется раз за разом (с. 81).

Жить было просто: мы все знали своё будущее. Каждый точно понимал, что его ждёт в середине лета, или в начале осени, или в конце зимы (с. 82).

Не нужен мне хороший парень. Вон их сколько. Выйти замуж, рожать детей, сидеть на одном месте, зимовать, летовать, стареть, толстеть — не хочу... (с. 84).

Когда кончилась зима, когда люди оплакали мёртвых и обосновались на новых землях, — старшины собрали всех одиноких мужчин, всех бобылей и вдовцов и принудили их выбрать себе невест и жениться, во имя исполнения родового долга (с. 207).

И когда весенним вечером он исторгал длинный надсадный вой — дети, подросшие за зиму, спрашивали у взрослых:

— А кто это кричит? (с. 94).

Зима — это время года, когда животные, в том числе сказочные, впадают в зимнюю спячку. В этом аспекте зима противопоставлена весне, когда наступает пробуждение. Зима — это часть жизненного цикла существ:

На зиму засыпает, как лягушка, а весной оклемается — и кричит (с. 113).

Зимой Горын засыпал и окаменевал, подобно ящерицам и лягушкам; весной — оживал. Его жизненный круг был понятен (с. 117).

Поскольку зима — суровое время года, предполагающее возможность гибели, то к ней необходимо готовиться. Прежде всего нужно готовить запасы еды, дров, одежды, утеплять жилище. В этом аспекте зима противопоставлена лету, когда урожай выращивают, и осени, когда собранный урожай обменивают, продают или заготавливают для потребления зимой:

Вода в лужах замерзала. Лиственные леса стояли голые и молчаливые. В такие дни земные трогодиты заканчивают подготовку к зиме, подсыпают землю к стенам домов, шьют и ремонтируют тёплую одежду. Одновременно перелом к холодам — самое активное время для дикарей; они покупают и продают, обменивают и копят. Каждый род хочет выгодно реализовать всё, что выращено, собрано и добыто за короткое лето, и заготовить как можно больше запасов на зиму. В том числе дики в больших количествах запасают и хмельные напитки... (с. 258).

Хозяин дома уже давно подготовил свою вотчину к зимовке. Дом был засыпан землёй до уровня окон, сами окна — плотно забиты. Огромная поленница в виде правильного полукруглого холма была сложена в десяти шагах от главного входа. Сам вход и ближайшие к нему подступы огораживали плетёные из сучьев и веток щиты, каждый высотой в пояс: зимой они должны были задерживать снег. Дики хранили зимние припасы не в домах: рубили отдельные строения, ледники... (с. 259).

К зиме готовятся не только люди, но и животные, в том числе и сказочные. Подготовка к зиме некоторых животных, как и период после зимней спячки, представляет для людей смертельную опасность:

С дубов падали жёлуди. Голубокрылые сойки собирали их и копили в гнёздах, на зиму (с. 218).

Зимой он, как все гады, спал... А возвращался — в середине весны, отощавший и злобный, и сразу же сжигал целую деревню, с голодухи после спячки... и ближе к середине лета ещё раз нападал, но уже жёг не по пять домов кряду, а только один или два. И ещё обязательно возвращался осенью, и тоже много убивал, — чтобы накопить жира к зиме (с. 203).

Зима — это время, когда нечисть начинает губить людей:

А в третьем городе я зимовала однажды, и там случилось нашествие упырей: они вылезли из могил в самую сильную стужу и целую ночь бродили по сугробам вокруг домов... (с. 115).

Лешак может запутать и погубить зимой какого-нибудь пьяного дурака, и то если пьяный дурак сам грубо навредит лешаку: например, не то дерево повалит на дрова (с. 124).

Зимний холод вынуждает людей отапливать жилище. Летом такой необходимости нет, поэтому огонь разводят вне дома:

Моя мать вообще жгла очаг в доме только осенью и зимой: летом готовила еду во дворе на костре... (с. 118).

Однако в случае зимнего странствия, сопряженного с преодолением затрудняющих движение сугробов, огонь разводится на стоянках, прежде всего для того, чтобы согреться и приготовить теплое питье. Зимнее странствие так же, как и зимовка в жилище, требует заготовки пищи и дров:

Исход продолжался половину зимы. Мы высыпали вперёд ватаги из молодых мужчин, они уходили на длину дневного перехода, пробивали тропы в снегу, готовили стоянки и костища. Это было не-легко, сырое дерево плохо горело... (с. 205).

...Мы сдвигали каждое костище в сторону и на тёплой, согретой земле расстилали шкуры и ряд-но — и спали, прижавшись, в два или три ряда, спасаясь меховыми покрышками, согревая друг друга дыханием и теплом тел (с. 205).

Чтобы не тратить на морозе силы и дрова, а главное — время, мы... не готовили горячую пищу, а если только сухой припас, орехи, сухари, сушёную рыбу, вяленое мясо, — но мы обязательно нагревали в котлах воду и пили кипяток, заваривая в нём травы и ягоды (с. 205).

Зимой опасность для человека представляют живущие в лесу дикие звери. Зимой звери голодные, а люди слабые и служат легкой добычей:

...все плотоядные твари, живущие в наших мёрзлых зимних лесах, устремились следом за людьми, почувствовав, что люди ослабли и до них можно легко добраться (с. 206).

Лесной зверь в середине зимы не знает ни о каком согласии, в нём нет жалости; только в людях она есть. Многие у нас думают, что зверь боится человека. Но в ту зиму я понял: нет, не боится. Когда в лютые морозы брюхо прилипает к спине — ничего и никого не боится. Идёт и убивает (с. 206).

...Её муж был медвежатником и однажды зимой погиб, убитый зверем... (с. 260).

Зима не страшна людям-небожителям, поскольку на небе гораздо холоднее, чем на земле зимой:

Внизу начиналась длинная и холодная зима, которая мне, выросшему в ледяном небе, казалась скорее развлечением (с. 299).

Небожители имеют возможность перевозить земных людей по небу, но такие перелеты смертельно опасны для обитателей земли из-за холода, более сильного, чем зимой:

...на высоте и так холодно, а на большой скорости земной трогладит, даже здоровый, крепкий и привыкший к зимним холодам, может замёрзнуть в считанные минуты (с. 211).

В то же время эти перелеты по опасному ледяному небу — единственный способ для земных людей убежать от зимы навсегда. Замерзшие реки, непроходимые из-за сугробов леса, готовящиеся к выживанию зимой поселения противостоят берегу теплого моря и процветающему городу:

Одна женщина... попросила отвезти её в край, где нет зимы, и я потратил день, чтобы доставить её ближе к центру материка, на берег тёплого моря, в замечательный богатый город, и научил нескольким словам местного наречия; женщина пребывала в глубоком потрясении и заявила, что останется на тёплом берегу навсегда... (с. 261).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в романе А. Рубанова «Финист — ясный сокол» концепт «зима» реализуется как комплексный лингвокультурный символ, обладающий высокой ценностной значимостью и определяющий модели поведения человека, животных, сказочных существ и явлений природы в условиях фантастического архаичного мира.

Ценностное ядро данного символа формируется вокруг оппозиции «жизнь — смерть». С одной стороны, зима осмысливается как воплощение предельной опасности, слепой и безжалостной природной силы, несущей холод, голод и гибель. Это проявляется через такие признаки, как лютые морозы, непроходимые снега, голодные звери и активизация нечисти. Данные атрибуты делают зиму абсолютным злом, которое человеку необходимо пережить.

С другой стороны, именно эта смертоносная сущность зимы формирует императив выживания, что составляет вторую сторону символа. Зима выступает как мощный организующий принцип человеческой жизни: она диктует необходимость тщательной подготовки (запасы, утепление жилища), определяет циклы хозяйственной деятельности (торговля осенью, странствия летом,

зимовка), формирует особые ритуалы (приучение к холоду, коллективные купания) и социальные практики (предоставление жилища на зиму, браки весной).

Таким образом, в романе А. Рубанова зима предстает не просто временем года, а ключевым экзистенциальным условием, которое структурирует время, пространство и весь жизненный уклад персонажей, что полностью соответствует определению лингвокультурного символа как вместилища знания о поведенческих моделях.

Литература

1. Карасик В.И. Карусель как лингвокультурный символ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 215–220.
2. Карасик В.И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Казань, 9–11 октября 2024 г. Казань: АН Республики Татарстан, 2024. С. 183–188.
3. Ващунина И.В., Зимина М.В. Исследование содержания концепта в американской языковой картине мира путем сравнения его разномодальных презентаций // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 5. С. 25–32. DOI: 10.20339/PhS.05-20.025.
4. Кузьмина Р.П. Образные признаки концептов ЗИМА и ЛЕТО в эвенской лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 3. С. 50–57.
5. Чжоу Ц. Сравнительное исследование концепта «зима» в русском и китайском языках и культуре // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 9. С. 47–52.
6. Соколова Е.В. «Зима» в немецкой поэзии: круг мотивов в исторической перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2022. № 1. С. 62–74.
7. Федоринчик А.Н. Образ зимы в поэтической картине мира В. Брюсова // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Сер. 1: Педагогика. Психология. Филология. 2024. № 2 (120). С. 132–136.
8. Авдеенко И.А. Символы и образы зимы и весны в русской рок-поэзии // Амурский научный вестник. 2022. № 1. С. 4–15.
9. Летина Н.Н. Времена года в текстах русского рока: зима и лето // Сфера культуры. 2023. № 3 (13). С. 52–64.
10. Меньшикова Е.Е. Метафорический образ зимы в рекламном туристическом нарративе // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 4. С. 46–66.
11. Лю Я. Паремии о зиме в русском языке: лингвокультурологический аспект // Глобальный научный потенциал. 2024. № 1 (154). С. 169–172.
12. Рубанов А.В. Финист — ясный сокол. М.: ACT, 2019.

References

1. Karasik V.I. Karusel' kak lingvokul'turnyi simvol // Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. No. 3 (166). S. 215–220.
2. Karasik V.I. Tsennostnaia kartina mira kak ob"ekt aksiologicheskoi lingvistiki // Iazyki, literatury i kul'tury narodov Rossii v sovremennoi akademicheskoi naune: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvящennoi 85-letiiu sozdaniia Instituta iazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova AN Respubliki Tatarstan, Kazan', 9–11 oktiabria 2024 g. Kazan': AN Respubliki Tatarstan, 2024. S. 183–188.
3. Vashunina I.V., Zimina M.V. Issledovanie soderzhaniia kontsepta v amerikanskoi iazykovoi kartine mira putem sravneniya ego raznomodal'nykh reprezentatsii // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2020. No. 5. S. 25–32. DOI: 10.20339/PhS.05-20.025.
4. Kuz'mina R.P. Obraznye priznaki kontseptov ZIMA i LETO v evenskoi lingvokul'ture // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2024. T. 10. No. 3. S. 50–57.
5. Chzhou Ts. Sravnitel'noe issledovanie kontsepta «zima» v russkom i kitaiskom iazykakh i kul'ture // Vestnik filologicheskikh nauk. 2024. T. 4. No. 9. S. 47–52.
6. Sokolova E.V. «Zima» v nemetskoi poezii: krug motivov v istoricheskoi perspektive // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. 2022. No. 1. S. 62–74.
7. Fedorinchik A.N. Obraz zimy v poeticheskoi kartine mira V. Briusova // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1: Pedagogika. Psichologii. Filologii. 2024. No. 2 (120). S. 132–136.
8. Avdeenko I.A. Simvoly i obrazy zimy i vesny v russkoi rok-poezii // Amurskii nauchnyi vestnik. 2022. No. 1. S. 4–15.
9. Letina N.N. Vremena goda v tekstakh russkogo roka: zima i leto // Sfera kul'tury. 2023. No. 3 (13). S. 52–64.
10. Men'shikova E.E. Metaforicheskii obraz zimy v reklamnom turisticheskem narrative // Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem. 2019. T. 11. No. 4. S. 46–66.
11. Liu Ja. Paremi o zime v russkom iazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt // Global'nyi nauchnyi potentsial. 2024. No. 1 (154). S. 169–172.
12. Rubanov A.V. Finist — iasnyi sokol. Moscow: AST, 2019.

Гусаров Дмитрий Александрович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
доцент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Gusarov Dmitry A.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the German Language Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Associate Professor of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia
e-mail: dmitriy_gusarov@mail.ru
Author ID: 535747
<https://orcid.org/0000-0001-6844-5792>

Боброва Светлана Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры славистики, общего языкознания
и культуры коммуникации
Государственный университет просвещения;
доцент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Bobrova Svetlana V.,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Slavic Studies, General Linguistics and
Culture of Communication Department
Federal State University of Education;
Associate Professor of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia
e-mail: bobrova_svetlana@mail.ru
AuthorID: 636899

Мельникова Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российский университет (Могилёв, Беларусь)

Melnikova Elena N.,
Senior Lecturer of the Humanities Department
Belarusian-Russian University (Mogilev, Belarus)
e-mail: elnikmel@gmail.com
AuthorID: 867353

Статья поступила: 01.09.2025

Принята к печати: 06.10.2025

Лингвосемиотический механизм репрезентации пространственного образа «дорога» в тексте повести Василя Быкова «Журавлинный крик»

В статье рассматривается лингвосемиотический механизм репрезентации пространственного образа «дорога». Материалом исследования избран текст повести советского и белорусского прозаика XX в. Василя Быкова, писавшего на белорусском и русском языках, «Журавлинный крик», созданной в 1959 г. Выбор именно этого произведения обусловлен, во-первых, тем, что именно пространственный образ дороги во многом является сюжетообразующим. Во-вторых, творчество В. Быкова традиционно привлекает внимание литературоведов, однако лингвистическая составляющая его произведений изучена недостаточно. В основании алгоритма, описывающего механизм репрезентации пространственного образа, положена концепция Ю.С. Степанова о языковых операциях номинации, предикации и локализации. К имени пространственного образа «дорога» в текстах приписываются предикаты, отображающие цветовые, световые, аудиальные и другие характеристики пространства в целом и дороги в частности. В ходе анализа устанавливается, что языковой знак «дорога» в тексте индексально-символический. Индексальная составляющая репрезентирует конкретную пространственную координату. Символ как знак не имеет тесной связи со своим референтом. Символическая составляющая знака «дорога» отображает абстрактное понятие жизненного и военного пути героев повестей.

Ключевые слова: семиотопология, репрезентация, эпифания, пространственный образ, номинация, предикация, локализация, Василь Быков

This article comprehends the lingvosemiotic mechanism of representing the spatial image of the 'road'. The material of the analysis was the text of the story of the Soviet and Belarusian prose writer of the twentieth century Vasil Bykov, who wrote in Belarusian and Russian, "Crane Cry", created in 1959. The choice of this particular work is due, firstly, to the fact that it is the spatial image of the road that is largely plot-forming. Secondly, the work of V. Bykov traditionally attracts the attention of literary scholars, but the linguistic component of his works has not been sufficiently studied. In the basis of the algorithm describing the mechanism of representation of the spatial image, we put the concept of Yu.S. Stepanov about the language operations of nomination, predication and localization. The name of the spatial image 'road' in the texts is attributed to predicates that display color, light, audio and other characteristics of space in general and road in particular. During the analysis, it is established that the language sign "road" is indexical-symbolic in the text. The index component represents a particular spatial coordinate. The symbol as a sign has no close connection with its referent. And the symbolic component of the sign 'road' reflects the abstract concept of the life and military path of the heroes of the stories.

Keywords: semiotopology, representation, epiphany, spatial image, nomination, predication, localization, Wasil Bykov

Одной из важнейших проблем, к которой обращается современная гуманитаристика, является проблема эпифании (термин Х.У. Гумбрехта) [9] как явленности мира человеку. С лингвосемиотической точки зрения картина мира, которая открывается человеку, во многом определяется структурами того языка, на котором он говорит, или языковой репрезентацией [1; 3; 5; 10; 12; 13].

Термин «репрезентация» происходит от латинского глагола *repraesentatio* и в широком понимании может быть определен как семиотический (знаковый) процесс, в ходе которого осуществляется представление одного объекта посредством другого [8]. Проблема репрезентации имеет общегуманитарную направленность, т.к. человек вступает в коммуникацию с миром исключительно посредством знаковых систем, прежде всего верbalного языка, «обратая» мир лишь в процессе означивания [3. С. 9]. Мир является нам с помощью языков и текстов, которые, по существу, опосредуют отношения мира и человека. Иначе говоря, реальным для разума, доступным нашему пониманию становится все то, что с лингвистической точки зрения было вербализовано, а с семиотической — означено [21. С. 22–24].

В рамках настоящей статьи феномен репрезентации анализируется с точки зрения теории референции, логической семантики и семиотики. Репрезентация так или иначе связана с процессами означивания, референции к миру и ее оборотной стороной — отображением мира в языке. Полагаем, следует остановиться на том, что представляет собой языковой знак, как происходит репрезентация мира в знаках (языках и кодах).

Языковой знак (лат. *signum*) представляет собой материальный, чувственно воспринимаемый объект, указывающий на другой объект [1. С. 23]. По существу, знак удовлетворяет требованию, сформулированному еще холастами: *aliquid stat pro aliquo* — сущность, указывающая на нечто вне своих пределов [7. С. 44]. С точки зрения Э. Бенвениста, «роль знака заключается в том, чтобы репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутом для сознания» [2. С. 76].

Механизм соотнесения знаков и объектов реальности называется процессом референции (от англ. *to refer* — относиться, иметь в виду, ссылаться) [1. С. 179]. Референциальный механизм служит для того, чтобы «связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире» [17. С. 7]. И здесь важно помнить, что знак никогда не есть «зеркальная» копия референта. Языковое и текстовое означивание не копирует мир, но отображает его, «преломляет» под определенным углом зрения. Оборотной стороной референции к миру и является его отображение в пространстве языков и текстов культуры [5. С. 162].

Таким образом, существование человека оказывается связано с эмпирически доступным миром и одновременно с пространством знаков [4. С. 161]. По существу, можно говорить о том, что, отображая мир посредством знаков, мы оказываемся в ситуации сосуществования двух реальностей: онтологической и семиотической. Причем оба типа реальности, по мнению А. Соломоника, способны существовать объективно, вне нашего сознания [18. С. 27]. Каковы же различия двух типов реальности?

Главным их различием является неодинаковый характер происхождения. Онтологическая реальность дана нам изначально как нечто созданное без участия человека. Семиотическая реальность полностью предопределется (и создается) человеком. Она не может возникнуть и существовать без того, кто создает и интерпретирует знаки. Можно утверждать, что любой объект только тогда становится знаком, когда мы наделяем его свойством «быть знаком» [Там же. С. 30–31].

Результатом языковой и текстовой репрезентации мира становится возникновение относительно изоморфной миру семиотической реальности.

*О*братимся к осмыслению репрезентации пространственного образа «дорога». В античной философии понятие пространства (лат. *spatium*) связывалось с такими понятиями, как бытие, форма, движение. Согласно Аристотелю, пространство является объективным свойством вещей и представляет собой отношения объектов материального мира. Философ определял пространство как неоднородное и конечное. В целом в Античности пространство мыслилось как «активное, движущееся, неоднородное» [23. С. 30].

В Средние века взгляды на пространство меняются. Оно считается трехмерным, а в работах Н. Коперника получает такой атрибут, как бесконечность [Там же. С. 33].

В конце XIX в. пространство «начинает пониматься как форма бытия не только физических объектов, но и жизни субъектов культуры — человека и общества» [24. С. 29]. Гуманитарное знание также обращается к проблемам понимания пространства, и во многом это связано с трудами немецкого философа и культуролога Э. Кассирера. В философии Кассирера символические знаки являются ключевыми инструментами репрезентации пространственных категорий [25. С. 84].

В современной философии и — шире — гуманитарном знании пространство интерпретируется не столько само по себе, сколько в связи с сознанием человека, т.е. как антропологический конструкт,

«форма созерцания, восприятия вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта» [16. С. 240]. Категория пространства при этом неразрывно связана с категорией времени [21. С. 227].

В когнитивистике пространство представляет собой ментальный конструкт [11. С. 61]. При этом, помимо термина «пространство», существует термин «ментальное пространство», обозначающий когнитивный опыт человека [15]. Когнитивная лингвистика также изучает пространство как культурный концепт, как текстовую категорию. При этом, по мнению Ю.М. Лотмана, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [14. С. 414].

В середине XX в. формируется отдельная область гуманитарного знания — семиотика пространства, или семиотопология, которая связана с именами Р. Барта и У. Эко. Предметом семиотопологии является «не то, что означают те или иные пространственные формы, а то, как они это делают» [24. С. 35]. Конструирование пространственных образов в текстах связано и с чувственным восприятием, и с механизмами «отсроченного» наблюдения, т.е. с созданием пространственных связей между объектами реальности.

Анализируя пространственные образы, мы используем концепцию Ю.С. Степанова о трех языковых операциях, которые запускают «работу» языковой системы: номинации, предикации и локализации [19].

*М*атериалом исследования выступает текст повести советского и белорусского писателя-билингва Василя Быкова (1924–2003) «Журавлиный крик» («Жураўліны крык») [6], посвященной Великой Отечественной войне. Творчество В. Быкова издавна привлекало внимание литературоведов, в частности и указанная повесть, которая также исследовалась в литературоведческом ключе [26]. Однако лингвистическая составляющая этого текста на сегодняшний день изучена недостаточно.

Герои повести «Журавлиный крик» (1959) — шесть советских солдат: Василь Глечик, Григорий Карпенко, Борис Фишер, Алик Овсеев, Иван Пшеничный, Витька Свист — получают приказ перекрыть на сутки дорогу, по которой отступает батальон. Укрепив оборонительные позиции (окопы, траншеи), они готовятся к следующему дню, понимая, что он будет последним в их жизни. Один из бойцов, Иван Пшеничный, отчаявшись, решается на предательство и под покровом ночи уходит из окопа, а вскоре погибает от вражеской пули. Маленькому отряду удается выполнить приказ и сдержать силы противника, однако ценой жизни всех солдат.

Повесть отличается своеобразием пространственной организации. Одним из лейтмотивов произведения является дорога. Примечательно, что текст повести «Журавлиный крик» начинается с описания пространственной точки — железнодорожного переезда, откуда пойдет дальнейшее развитие действия.

В тексте предикатные знаки, характеризующие переход, можно объединить в две антонимичные группы. С одной стороны, автор показывает, каким был переход до войны: *Переезд был старый, некогда заботливо ухоженный, с полосатыми столбиками и такими же полосатыми шлагбаумами по сторонам старенькой, оштукатуренной будки-сторожки...*¹ (здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделено нами. — С. И., Н. В., М. А.). Обращает на себя внимание использование деминутивов: *столбиками, старенькой*. Они передают трогательное, бережное отношение автора к описываемому месту.

С другой стороны, читатель видит, как меняется переход во время войны. Теперь он *грязный, разъезженный, заброшенный, железная дорога пустая, неизвестно где начинавшаяся и невесть куда уходящая*. Таким образом, характеризуя пространственную точку, в которой начинается действие повести «Журавлиный крик», В. Быков показывает разрушительную сущность войны, несущую миру гибель и пустоту.

¹ Цитаты из повести В. Быкова «Журавлиный крик» приводятся по источнику [6].

Располагается (процедура локализации) железнодорожный переезд *на краю болотистой низинки, где оканчивалась насыпь*. Здесь лексемы *на краю, болотистой* несут символическую нагруженность. *Край* символизирует конечную точку жизненного пути, которой достигают герои повести — солдаты, погибающие при выполнении боевой задачи. Семантику гибели, конца жизни выражает и лексема *болотистый*.

За день они оторвались от противника, обессиленный бомбёжками, полк спешил отступить в лес, окошаться, наладить оборону и как-нибудь удержаться на лесном рубеже. Дорогу на подступах к этой обороне комбат приказал удерживать сутки. Ночь вот стоит тихая, а кто знает, каким будет завтрашний день? Конечно, немцы могут пойти и другим путем, но если двинут вот этой дорогой, то их шестерке доведется хлебнуть горя.

В данном фрагменте дорога, с одной стороны, отображает вполне конкретную пространственную точку, с другой — несет символическую нагруженность: движение войны, жизненный путь героев, проходящий словно сквозь военные горести, и его предел.

С пространственным образом собственно дороги в тексте повести тесно связан образ траншей, окопов:

Бойцы на переезде дружно взялись за дело: копали, вгрызались в затвердевшую залежь земли. Не прошло и часа, как Пшеничный чуть не по самые плечи зарылся в серую кучу глины. Далеко вокруг отбрасывая рассыпчатые комья, легко и весело оборудовал свою позицию Свист. <...> У самой будки со знанием дела оборудовал пулеметную позицию Карпенко; по другую сторону от него старательно долбил землю раскрасневшийся, потный Глечик. Взрыхлив прутом грунт, он руками выбрасывал комья и снова долбил.

Представлен детальный, до мельчайших подробностей описанный процесс рытья окопов. Предикатные знаки приписываются к имени земля (*затвердевшая*), комья (*рассыпчатые*). Глагольная лексика (внешние предикаты), которая репрезентирует сам процесс рытья, содержит семантику «твёрдость, неподатливость»: *вгрызались, долбил*. Все это доказывает значимость пространственного образа окопов в структуре сюжета текста.

Другой фрагмент текста, репрезентирующий этот же пространственный образ:

В тяжелом молчании бойцы снова впряженлись в работу. Почти ощупью они скребли в темноте лопатами, рыли траншею, чтобы соединить ею все стрелковые ячейки...

...Наверное, уже к полуночи **выгнутая дугой** траншея кое-как соединила пять стрелковых ячеек.

Не везде она была нужной глубины — на делянке Пшеничного, на долю которого вместе с Глечиком выпал еще и участок Фишера, она доходила не больше чем до колен. К тому же получилась **кривая и угловатая**. Оно и понятно — ночная работа.

В данном фрагменте мы видим предикатные знаки, приписываемые к имени объекта *траншея*: *выгнутая дугой, не везде нужной глубины, кривая, угловатая, ночная*. Они репрезентируют траншею как неровную, изогнутую, влекущую угрозу. Этую же семантику — угроза, гибельность — содержит и лексема *ночная*, что подтверждается развитием сюжета: траншея не защитила солдат от смерти.

Дорога в тексте повести В. Быкова в целом связана с семантикой увядания и — шире — смерти:

Перед ними в осеннем поле высился косогор с дорогой, на которую сыпали пожелтелую листву две большие коренастые березы, и где-то на горизонте заходило невидимое солнце.

Лексема *дорога* представлена в сопровождении предикатных знаков: *на которую сыпали пожелтевшую листву две большие коренастые березы*. Проходит дорога (локализация) в осеннем поле на косогоре. В результате автором создается осенний пейзаж, а лексема *дорога* приобретает символическую семантику ухода, увядания [22]. Это подтверждает также образ заходящего солнца.

В других фрагментах текста лексема *дорога* также связана с предикатами, которые несут семантику беды, смерти:

...Под ботинками **чавкала грязь**, его обдавал дождь, с крыши стекало на пилотку, и тяжелое предчувствие все глубже и глубже забиралось в душу бойца...

...Постепенно привыкнув ко тьме, Овсеев стал различать **тусклую** линию железной дороги, пятна столбиков на переезде, слышал, как **печально** шумели молодые посадки у линии...

Дорога в данном фрагменте представлена как грязная (*чавкала грязь*), рельсы *тускло* отсвечивают в лунном свете, деревья *печально* шумят. С одной стороны, дорога здесь опять же физическая пространственная координата, а с другой — символ пути, ведущего в небытие.

Семантика смерти кодируется и в следующем фрагменте текста повести:

Они поднялись на пригорок, с которого открылись новые, уже затянутые **вечерней мглой** дали — поле, ложбина, покрытая кустарником, далекий ельник, возле него за дорогой — соломенные крыши деревни. Рядом, у канавы, качая на ветру тонкими ветвями, шелестели порыжелой листвой березы. Они были толстые и, видно, очень старые, эти **извечные сторожа дорог**, с потрескавшейся, **почерневшей корой**, густо усыпанные шишками наростов; у одной, забитый в комель, торчал железнодорожный костыль.

Семантику увядания, смерти несут такие лексемы, как *вечерняя мгла, порыжелая листва, извечные сторожа дорог, почерневшая кора*. Дорога, по которой идут герои повести, ведет их в небытие.

С образом дороги, репрезентирующим жизненный путь и его финальную точку, связана в тексте и другая пейзажная лексика:

Вечерело. Из-за леса ползли сизые, набрякшие влагой тучи. Они тяжело и плотно обложили небо и совершиенно стерли блестящую полоску над косогором. Стало сумрачно и холодно. Ветер с осенней яростью теребил березы у дороги, выметал канавы, гнал через железнодорожную линию шуршащие стайки листвы. Мутная вода, выплескиваясь из луж от сильных порывов ветра, кропила обочину студеными грязными брызгами.

В приведенном фрагменте представлена развернутая пейзажная единица. Можно выделить следующие семантические группы лексем: природные объекты: *лес, тучи, небо, ветер, косогор, дорога, канава, железнодорожная линия, вода, лужи*; цветовые характеристики: *сизые, мутная, грязными*; световые характеристики: *блестящую, сумрачно*; температурные характеристики: *холодно, студеными*; характеристика времени суток: *вечерело*.

Целый ряд указанных лексических единиц имеет негативную коннотацию: *мутная, грязными, холодно, студеными*. Они формируют для читателя-интерпретатора мрачную, безнадежную картину промозглой осени и покинутого железнодорожного переезда, которому суждено стать местом, где оборвутся человеческие жизни.

Аналогичную картину можно наблюдать и в другом текстовом фрагменте:

Медленно светало. Тьма постепенно редела, отползала от переезда, уже проглянула из мрака железнодорожная насыпь и дорога с блестящей лужей посередине. Темной расплывчатой полосой вдоль дороги тянулись посадки. Ветер стих, потеплело, из лощины через пути ползли серые космы тумана. <...>
На дороге за березами чуткую предрассветную тишину прорезала гулкая пулеметная очередь...

В приведенном тексте представлены следующие характеристики:

световые (*тьма, мрак, блестящей, лужей, темной*), цветовые (*серые*), звуковые (*тишину, пулеметная очередь*), времени суток (*светало*).

В данной текстовой пейзажной единице также видим темную, мрачную палитру, однообразие которой нарушается лишь блеском воды в луже. Эта картинаозвучна общему трагическому тону повествования.

Пространственный образ дороги сопровождает героев на протяжении всего повествования.
Один из важнейших поворотов сюжета — предательство, совершенное солдатом Пшеничным.

Он направился к железной дороге, перепрыгнув траншею, взбежал на невысокую **насыпь** и всмотрелся во тьму. <...> Пшеничный знал: скоро начнет светать, а на рассвете, наверно, появятся на дороге немцы, и тогда уже будет поздно...

Он еще **постоял на дороге**, вслушался, оглянулся на сторожку, из которой доносился приглушенный расстоянием голос Свиста, и сказал себе: «Давай!» Потом торопливым воровским шагом **сбежал с насыпи, перескочил канаву** и, не разбирая — по грязи и лужам, быстро **пошел дорогой**.

Взойдя на гулкий настил **мостика** в ложбинке, Пшеничный еще раз оглянулся и тут снова с особой силой почувствовал в душе тревожную тоску от сознания абсолютного своего одиночества...

С этими горячечными мыслями, в беспорядке суетившимися в голове, он быстро **шагал, разбрызгивая лужи**. Тем временем стало светать. Мутным, расплывчато-туманным отсветом обозначилось небо над горизонтом, стала проступать из темноты грязная, в лужах, дорога. Пшеничный **выбирался на взгорок** с березами. <...>

Вскоре березы остались позади. Пшеничный **шел по дороге** дальше, изредка настороженно оглядываясь. Тусклый серый рассвет, просачиваясь неизвестно откуда, отслаивал землю от неба, раздвигал туманный простор полей, постепенно отвоевывал у тьмы дорогу, канавы, кустарник с облетевшей листвой.

Сразу обращает на себя внимание траектория, по которой движется герой: *перепрыгнул траншею, поднялся на насыпь, спустился с насыпи, пошел по дороге, взошел на мост в ложбинке, снова движется по дороге, затем всходит на пригорок, опять идет по дороге*. Примечательно, что автор показывает поочередно, как Пшеничный поднимается на пригорки и спускается с них, пересекает мост. Пространство организовано «по вертикали», мы видим подъемы и спуски. С одной стороны, В. Быков показывает вполне достоверную картину дороги как реального объекта. С другой стороны, эти подъемы и спускиозвучны душевному состоянию героя, который, несмотря на окрепшую решимость совершить бегство, все же, возможно, в глубине души сомневается в своем поступке. Мост здесь имеет явно символическое значение, препрезентируя границу как между честью и предательством, так и между миром живых и мертвых (телом и духом).

В анализируемом фрагменте можно выделить группы лексем, обозначающих цветовые характеристики пространства: *железная дорога* (металлический блеск), *грязь, лужи* (цвет мокрой земли), *мутный, расплывчато-туманный отсвет неба, березы* (белый, возможно, грязно-белый, сероватый); *кустарник с облетевшей листвой* (коричневый, возможно, грязно-желтый); *тусклый серый рассвет*; цветовые характеристики пространства: *тьма, ночь, начало светать*.

Таким образом, перед читателем открывается промозглая, темная и даже после рассвета се-рая и мрачная картина. Цветовые и световые характеристики препрезентируют отчаяние в душе героя, решившегося на предательство.

Этой же идеи — бегство в страхе и одновременно сомнение — подчинена и глагольная лексика: глаголы (и глагольные формы) перемещения: *направился, перепрыгнув, взбежал, постоял, перескоцил, сбежал, пошел, взойдя, шагал, выбирался, шел*; глаголы с семантикой зрительного и аудиального восприятия: *всмотрелся, вслушался, оглянулся, оглядываясь*.

В тексте повести «Журавлиный крик» присутствует не только образ реальной, физически воспринимаемой дороги. От образа земной дороги в finale повести автор ведет читателя к образу дороги небесной. И символом бессмертия души здесь выступает журавлиный клин. Готовясь принять последний бой, солдат Глечик видит летящих в вышине птиц:

Там, медленно продвигаясь под облаками и надрывно курлыкая, летела в неведомую даль коротенькая цепочка журавлей.

...С неба донесся новый тревожно-отрывистый звук, полный печали и тоскливого зова: «Курл!.. Курл!.. Курл!..»

<...> Что-тоозвучное своим страданиям услышал он в том его крике, и гримаса боли и жалости искри-вила круглое мальчишечье лицо. А журавль звал, бросал в воздушную бесконечность напрасные звуки тревоги, махал и махал ослабевшими крыльями, устремляясь вперед своей длинной изогнутой шеей. Но догнать стало он уже не мог. Поняв это, Глечик обеими руками схватился за голову, заткнул уши, на-прягся, сжался в комок. Так, в неподвижности, он сидел долго, сбитый с толку этой безудержной журавли-ной тоской.

Представлена своего рода воздушная дорога, по которой летят журавли. Здесь можно выде-лить следующие лексические группы: со значением перемещения: *продвигаясь, летела, летел, устремляясь, догнать не мог*; с аудиальной семантикой: *надрывно курлыкая, тревожно-отрывис-тый звук, полный печали и тоскливого зова, крик, звал, напрасные звуки тревоги, переполненный отчаянием журавлиный крик*.

Образ летящих вдаль журавлей, безусловно, несет символическую нагрузку. Журавли — это символ бессмертия, возрождения. Кроме того, в контексте повести это еще и символ последней надежды, связанной с далекими прекрасными воспоминаниями детства героя. Примечательно, что вслед за основным клином летит еще и *отставший, видно, подбитый журавлик*. Семантика этого образа связана с одиночеством Глечика, который готовится к своему последнему бою и в крике журавлей слышит свое собственное страдание и отчаяние.

С лингвосемиотической точки зрения языковой знак «дорога» в тексте повести В. Быкова «Журавлинный крик» представляет собой индексально-символический знак. Индексальная составляющая репрезентирует конкретную пространственную точку (реальная земная дорога, изображенная в тексте). Символическая составляющая с лингвосемиотической точки зрения представляет собой знак, который замещает свой референт исключительно по установлению, в языковой традиции [5; 20; 22]. Символ не похож на замещаемый объект, не имеет с ним ничего общего и не может быть воспринят с помощью органов чувств. Символ выступает, как правило, знаком абстрактного референта, идеи.

Символическая составляющая знака «дорога» связана именно с абстрактной категорией. Дорога символизирует жизненный и военный путь персонажей произведений В. Быкова. Дорога ведет их через военные тяготы и лишения, и жизненный путь целого ряда героев обрывается: дорога приводит их в небытие.

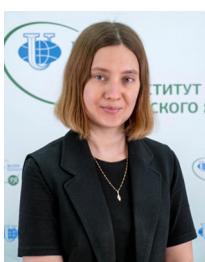
Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2009. 384 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение: (от философии языка к философии текста). Пермь: ПГПУ, 2006. 191 с.
4. Бразговская Е.Е. Текст культуры: от события — к событию: (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий). Пермь: Пермский государственный педагогический ун-т, 2004. 284 с.
5. Бразговская Е.Е. Семиотика. Языки и коды культуры: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
6. Быков В. Журавлинный крик. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/bykov7/01.html?ysclid=mdoi8eoeh5450431082> (18.07.2025).
7. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 502 с.
8. Вартовский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 506 с.
9. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. СПб.: Академический проект, 1998. 261 с.
11. Егорова М.А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концептосфера», «картина мира» // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. Иркутск, 2012. № 3. С. 61–68.

References

1. Arutiunova N.D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. Moscow: Editorial URSS, 2009. 384 s.
2. Benvenist E. Obshchaia lingvistika. Moscow: Editorial URSS, 2002. 448 s.
3. Brazgovskaiia E.E. Referentsiiia i otobrazhenie: (ot filosofii iazyka k filosofii teksta). Perm': PGPU, 2006. 191 s.
4. Brazgovskaiia E.E. Tekst kul'tury: ot sobytiia — k sobytiiu: (logiko-semioticheskii analiz meztekstovykh vzaimodeistviy). Perm': Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii un-t, 2004. 284 s.
5. Brazgovskaiia E.E. Semiotika. Iazyki i kody kul'tury: uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Iurait, 2019. 187 s.
6. Bykov V. Zhuravlinyi krik. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/bykov7/01.html?ysclid=mdoi8eoeh5450431082> (18.07.2025).
7. Biuler K. Teoriia iazyka. Repräsentativnaia funktsiiia iazyka. Moscow: Progress, 2000. 502 s.
8. Vartovskii M. Modeli. Repräsentatsiiia i nauchnoe ponimanie / per. s angl. Moscow: Progress, 1988. 506 s.
9. Gumbrekht Kh.U. Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenie. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 s.
10. Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiiia. St. Petrsburg: Akademicheskii proekt, 1998. 261 s.
11. Egorova M.A. «Kognitivnoe prostranstvo» i ego sootnoshenie s poniatiiami «mental'noe prostranstvo», «kognitivnaia baza», «kontseptosfera», «kartina mira» // Vestnik IGLU. Seriia: Filologiya. Irkutsk, 2012. No. 3. S. 61–68.

12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 264–390.
13. Лебедев М.В. Онтологические проблемы референции. М.: Практис, 2001. 344 с.
14. Лотман Ю.М. Семиотика пространства // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 414.
15. Мечковская Н.Б. Язык. Природа. Культура. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 432 с.
16. Никулин Д.В. Пространство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 370.
17. Падучева Е.Н. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.
18. Соломоник А. Парадигма семиотики: очерки по общей семиотике: с приложением словаря семиотических терминов. М.: ЛКИ, 2011. 336 с.
19. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 360 с.
20. Трессиндер Дж. Словарь символов. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE DES SYMBOLES.pdf (18.07.2025).
21. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.А. Введенский, Б.М. Вул. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 594 с.
22. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 2010. 272 с.
23. Чернухина М.А. Категории пространства и времени в истории и философии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 29–36.
24. Чертов Л.Ф. Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014. 414 с.
25. Чертов Л.Ф. Пространство и смысл в философии Э. Кассира // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 234–248.
26. Шагалов А. Василь Быков. Повести о войне. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
12. El'mslev L. Prolegomeny k teorii iazyka // Novoe v lingvistike. 1960. Vyp. 1. S. 264–390.
13. Lebedev M.V. Ontologicheskie problemy referentsii. Moscow: Praksis, 2001. 344 s.
14. Lotman Ju.M. Semiotika prostranstva // Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 414.
15. Mechkovskaya N.B. Iazyk. Priroda. Kul'tura. Moscow: Izd. tsentr "Akademii", 2007. 432 s.
16. Nikulin D.V. Prostranstvo // Novaia filosofskia entsiklopediia: v 4 t. T. 3. Moscow: Mysl', 2010. S. 370.
17. Paducheva E.N. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoiemii. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. 296 s.
18. Solomonik A. Paradigma semiotiki: ocherki po obshchei semiotike: s prilozheniem slovaria semioticheskikh terminov. Moscow: LKI, 2011. 336 s.
19. Stepanov Ju.S. Imena, predikaty, predlozheniya: semiologicheskia grammatika. Moscow: Izd-vo LKI, 2007. 360 s.
20. Tressinder Dzh. Slovar' simvolov. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE DES SYMBOLES.pdf (18.07.2025).
21. Fizicheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. B.A. Vvedenskii, B.M. Vul. Moscow: Sov. entsiklopedia, 1965. 594 s.
22. Cherneiko L.O. Lingvofilosofskii analiz abstrakt-nogo imeni. Moscow: Librokom, 2010. 272 s.
23. Chernukhina M.A. Kategorii prostranstva i vremeni v istorii i filosofii kul'tury // Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No. 10. S. 29–36.
24. Chertov L.F. Znakovaia prizma: stat'i po obshchei i prostranstvennoi semiotike. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2014. 414 s.
25. Chertov L.F. Prostranstvo i smysl v filosofii E. Kassirera // Vestnik Russkoi khristianskoigumanitarnoi akademii. 2011. T. 12. Vyp. 4. S. 234–248.
26. Shagalov A. Vasil' Bykov. Povesti o voine. Moscow: Khudozh. lit., 1989. 302 s.

Иванова Светлана Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ivanowa Swetlana S.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: svetlana-ivanowa@yandex.ru
AuthorID: 210807
<https://orcid.org/0009-0003-7794-8270>

Вологина Наталья Владимировна,
кандидат политических наук, доцент,
проректор по учебной работе
Белорусско-Российский университет (Могилёв, Беларусь)

Vologina Natalia V.,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Academic Affairs
Belarusian-Russian University (Mogilev, Belarus)

e-mail: nvshel@mail.ru
AuthorID: 801416

Лонцкая Мария Алексеевна,
старший преподаватель кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Lontskaya Maria A.,
Senior Lecturer of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: lontskayamaria@gmail.com
AuthorID: 720575
<https://orcid.org/0000-0001-6348-096X>

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 06.10.2025

Анекдотичность в судьбе и творчестве забытого Павла Дорохова

Личность писателя Павла Николаевича Дорохова (1886–1938) в результате Большого террора была вычеркнута из литературного процесса XX в. В статье восстановлен ряд фактов биографии и творчества Дорохова по архивным материалам (РГАЛИ, ГА РФ). Освещены, в частности, по письмам А.Н. Неверова фрагменты его самарской деятельности; введена в научный дискурс пьеса Дорохова «Черный дракон» и определена ее полимистическая роль в судьбе писателя. Представлены фрагменты допроса Дорохова в 1938 г. и мотивы обвинения: соучастие в харбинской террористической организации. Установлена точная дата смерти писателя, которая до сих пор фиксировалась в немногочисленных очерках о Дорохове как неверная. Впервые дан аналитический разбор сборника повестей и рассказов Дорохова «История города Тарабарска».

Ключевые слова: Павел Дорохов, следственное дело Павла Дорохова, «Черный дракон», «История города Тарабарска», Ташкент, А.С. Неверов

The personality of the writer Pavel Nikolaevich Dorokhov (1886–1938) was excluded from the literary process of the twentieth century as a result of the “Great Terror”. The author of this article has restored a number of facts of Dorokhov’s biography and work from archival materials (Russian State Archive of Literature and Art; The State Archive of the Russian Federation). In particular, the study highlights fragments of his Samara activities (according to the letters of A.N. Neverov); introduces Dorokhov’s drama “The Black Dragon” into scientific discourse and defines its semi—mystical role in the writer’s fate; presents fragments of Dorokhov’s interrogation in 1938 and the motives of the accusation — complicity in the Harbin terrorist organization; establishes the exact date of death, which until now, it has been recorded in a few essays about Dorokhov as incorrect; for the first time it gives a scientific analysis of the collection of Dorokhov’s novels and short stories “The History of the city of Tarabarsk”.

Keywords: the investigative case of Pavel Dorokhov, “The Black Dragon”, “The history of the city of Tarabarsk”, Tashkent, A.S. Neverov

Введение

Цель настоящей статьи — ввести в исследовательское литературное пространство забытое имя П.Н. Дорохова и его творчество.

В ходе исследования решались следующие задачи: предоставить сведения о малоизвестных фактах жизни Дорохова, открывшихся благодаря письмам А.С. Неверова к А.К. Гольдебаеву (РГАЛИ), а также о последнем этапе жизни Дорохова — его аресте (ГА РФ); познакомить читателя с произведениями Дорохова, которые не упоминаются в исследовательском дискурсе и которых нет в оцифрованном виде; обратить внимание на анекдотичность как черту поэтики Дорохова, рифмующуюся с его судьбой.

Объект исследования — личность писателя П.Н. Дорохова, его сборник «История города Тарабарска» и пьеса «Черный дракон».

Предметом исследования послужили малоизвестные факты биографии П.Н. Дорохова, поэтика его творчества и интенции, не потерявшие актуальности.

Источники базы исследования: дело по обвинению Дорохова (ГА РФ), письма Неверова Александра Сергеевича к А.К. Гольдебаеву (РГАЛИ), «История города Тарабарска» (1928), пьеса «Черный дракон» (1938).

Результаты исследования и их обсуждение

Факты биографии Дорохова. Писателя Павла Николаевича Дорохова, наряду с сотнями его коллег, Большой террор погрузил почти в небытие. В периоды оттепели и перестройки делались вялые попытки вернуть имя писателя в литературный процесс XX в. Однако утрата многих

документов, непростой доступ к архивным материалам, отсутствие исследований и изданий его произведений — все это привело к ошибкам. Одна из них — год смерти писателя. 1937-й, 1942-й, 1945-й — эти даты встречаются как в бумажных источниках, так и в интернете. Неверные сведения указаны и в диссертации, защищенной в ИМЛИ РАН в 2019 г. [1. С. 348]. В материалах к биографии Дорохова исследователь его жизни и творчества историк и краевед г. Челябинска Владимир Боже без сомнений указывает финальную дату жизни Дорохова: 1942 г. [2. С. 102].

В деле обвиняемого П.Н. Дорохова, хранящемся в ГА РФ, указана дата его расстрела: 28 мая 1938 г. Этот финальный факт жизни Дорохова свидетельствует о том, что биография его запутана, многие сведения утрачены по причинам намеренно запущенного механизма забвения.

После Февральской революции 1917 г. в Челябинске был сформирован Совет рабочих и солдатских депутатов, председателем которого был избран П.Н. Дорохов. Он занимал этот пост недолго, до 15 апреля 1917 г. [Там же]. В современных интернет-блогах его называют «красным мэром Челябинска»¹. В 2014 г. челябинский блогер Ю. Латышев предложил увековечить имя первого председателя Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов Павла Николаевича Дорохова и установить памятную доску на фасаде бывшего Народного дома в Челябинске².

Немногочисленные сведения о писателе П.Н. Дорохове с неинформативной оценочной лексикой содержатся в Краткой литературной энциклопедии 1964 г. Помимо информации о месте рождения (с. Малая Тарасовка Самарской губернии) и крестьянском происхождении писателя, указаны даты жизни (вторая дата дана неверно). Далее сообщается: «Богатство виденного и пережитого нашло наиболее полное отражение в лучшем произведении Д. — художественной хронике “Колчаковщина” <...>. Благодаря драматизму материала, эмоциональному изложению “Колчаковщина” имела большой успех (до 1933 выдержала 10 изд.). Немало драгоценных штрихов, списанных с натуры и передающих дух времени, содержится и в романе Д. “Земная радость” <...>» [3. С. 753] (курсив наш. — Э. Ш., Ю. М.) — и дальше в таком же духе: перечисление произведений и ни к чему не обязывающие эпитеты и биографические штампы, не дающие представления ни о личности писателя, ни о его творчестве.

В 1924 г. автобиография³ Дорохова была опубликована в книге, которая хранится в РГАЛИ⁴ в виде отдельных страниц, без выходных данных. В автобиографии сказано, что день своего рождения Дорохов не знает: приблизительно «через несколько дней после Крещения» 1886 г. — так говорила его мать. (Следователь поставил в 1938 г. дату рождения 10 января⁵.) Родители Дорохова происходили из крестьянской семьи. До пяти лет Павел Дорохов жил в деревне. Голодный 1891 г. вынудил семью переехать в Сызрань. И далее следует череда российских городов: Оренбург, Самара, Челябинск, Омск, опять Самара, потом Ленинград и наконец Москва. Собственно, пребывание в Самаре стало самым важным периодом жизни Дорохова: там он учился, формировался, там начал литературную деятельность.

¹ «Красный мэр» Челябинска — писатель // Научная библиотека Челябинска: сайт. 2014. 9 февраля. URL: <http://greyish.ru/?p=606>.

“Krasnyi mer” Cheliabinska — pisatel’ // Nauchnaia biblioteka Cheliabinska: sait. 2014. 9 fevralia. URL: <http://greyish.ru/?p=606>.

² Латышев Ю. «Во время заседаний одной из секций пятых Гороховских чтений...» // Юрий Латышев: страница в «Живом журнале». 2014. 14 ноября. URL: <https://yuvlatyshev.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2/>.

Latyshev Yu. “Vo vremya zasedanij odnoj iz sekcij pyat'y Gorokhovskix chtenij...” // Yurij Laty'shev: stranicza v “Zhivom zhurnale”. 2014. 14 noiabria. URL: <https://yuvlatyshev.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2/>.

³ Автобиографию Дорохова перепечатал и опубликовал В.С. Боже со ссылкой на РГАЛИ [2], также ее фрагменты упомянуты в публикациях А.А. Шмакова [4; 5].

⁴ Дорохов П.Н. Автобиография // РГАЛИ. Ф. 2882. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3–6.

Dorokhov P.N. Avtobiografija // RGALI. F. 2882. Op. 1. Ed. khr. 8. L. 3–6.

⁵ Дело обвиняемого Дорохова // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54418. Л. 4.

Delo obviniaemogo Dorokhova // GA RF. F. 10035. Op. 1. D. P-54418. L. 4.

Дорохов вспоминает, что отец рано приучил его к чтению; он читал все подряд. И вдруг ослеп на оба глаза. Со временем, к счастью, зрение вернулось, а чтение осталось страстью на всю жизнь.

Входя в литературный круг Самары, в начале 1920-х гг. Дорохов вместе с А.С. Неверовым⁶ затевает серийное издание сборника «Волжские утесы», первый выпуск которого был опубликован в 1922 г. В нем, наряду с рассказами Неверова, Гольдебаева⁷, Степного⁸, напечатан рассказ Дорохова «Государственно мыслящий»⁹. В рассказе представлен пассаж о некоем «мертвом списке» — плод страха современников Дорохова и его персонажей. В рецепции человека XXI в. эти «мертвые списки» видятся иллюстрацией ко всей прошедшей за сто лет истории:

Тесно и бесшумно, как змеи, ползли слухи, и нельзя было спрятаться от них, смутно пугающих, ни за какими запертными воротами, ни за закрытыми на болты ставнями. <...> В каждом доме поселился большеглазый страх, опутал цепкими, как репейник, руками живущих в доме людей... <...> И, разговаривая с соседом через щелочку в заборе, люди дрожали мелкой зябкой дрожью. <...> А может быть, и оттого, что через заборную щелочку чаще всего передавалось, как нечто достоверное, что у большевиков имеется **мертвый** (выделено в оригинале. — Э. Ш., Ю. М.) список, в котором перечислена сотня местной интеллигенции и буржуазии. <...> Слухи ползли и ползли, как удушливые газы, проникали во все щели, отравляли обывателей...¹⁰

Ташкент. Личность П.Н. Дорохова многократно упоминается в письмах А.С. Неверова к А.К. Гольдебаеву¹¹ в связи с двумя обстоятельствами. Первое — Ташкент. По делам «самарской сельскохозяйственной кооперации» [2. С. 106] Дорохов проложил дорогу из голодающей Самары в Ташкент, возвратившись оттуда с провизией и спася от голодной смерти своих товарищей. «Дорохов привез из Ташкента 10 кг сабзы, кураги 10 кг, пуд рису и великолепную кожу»¹², — пишет Неверов как о невероятном событии. В следующую поездку в Ташкент Дорохов берет с собой самарских литераторов, устраивая их как членов своей организации, т.к. денег на дорогу у писателей не было, за что потом, скорее всего, и поплатился. Пишет пока еще будущий автор повести «Ташкент — город хлебный» А.С. Неверов: «Едем в Ташкент за жратвой: я, Степной, Дорохов»¹³ (письмо от 20 августа 1921 г.).

В Ташкенте, Самарканде и прилегающих областях писатели устраивали литературные встречи с населением, читали им свою прозу, за что слушатели щедро вознаграждали их мешками с едой (рисом и мукой, курагой и кишмишом). Продукты везли домой, в Самару, — не только для себя и своих семей, но и для товарищей-литераторов: Гольдебаева, Тисленко¹⁴ и др. [6. С. 261–262]. «Заработка» был внушительным. Двадцать пятого марта 1922 г. Неверов пишет: «Есть небольшой запас после Ташкента, но его хватит ненадолго»¹⁵. И еще несколько раз упоминается Дорохов как кормилец самарских литераторов: «Благо, теперь приехал Дорохов из Ташкента. Идет хлеб»¹⁶.

Таким образом, если бы не Дорохов, вряд ли появилась бы повесть А.С. Неверова «Ташкент — город хлебный».

⁶ Неверов — псевдоним русского писателя Александра Сергеевича Скобелева (1886–1923).

⁷ Александр Кондратьевич Гольдебаев (Семенов; 1863–1924) — самарский беллетрист, друг Неверова.

⁸ Николай Александрович Степной (Афиногенов; 1878/76–1947) — советский писатель.

⁹ Дорохов П.Н. Государственно мыслящий: рассказ // Волжские утесы. Самара: Коллективное изд-во писателей «Волжские утесы», 1922. С. 8–19.

Dorokhov P.N. Gosudarstvenno myshiashchii: rasskaz // Volzhskie utesy. Samara: Kollektivnoe izd-vo pisatelei "Volzhskie utesy", 1922. S. 8–19.

¹⁰ Там же. С. 8–9. / Ibid. S. 8–9.

¹¹ Письма Неверова Александра Сергеевича А.К. Гольдебаеву // РГАЛИ. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31.

Pis'ma Neverova Aleksandra Sergeevicha A.K. Gol'debaevu // RGALI. F. 133. Op. 1. Ed. khr. 31.

¹² Там же. Л. 23 об. / Ibid. L. 23 об.

¹³ Там же. Л. 33. / Ibid. L. 33.

¹⁴ Яков Михайлович Тисленко (1885–1921) — поэт и прозаик, лидер самарского литературного кружка «Пятницы».

¹⁵ Письма Неверова Александра Сергеевича А.К. Гольдебаеву. Л. 55 об.

Pis'ma Neverova Aleksandra Sergeevicha A.K. Gol'debaevu. L. 55 ob.

¹⁶ Там же. Л. 44 об. / Ibid. L. 44 об.

Второе обстоятельство — арест Дорохова. Неверов был уверен, что Дорохова арестовали по доносу: ему вменяли растрату государственных средств. Доносчики, видимо, позавидовали дружной компании, возвратившейся из Ташкента с провизией.

7 марта 1922 г. П.Н. Дорохов арестован по доносу, обвиняется в растрате общественных денег. Еще будто бы отыскиваются обвинения в принадлежности к контр-рев[олюции]. Сидит пока в арестном доме.

Страшно нервничает. У него сердечная болезнь. До следствия, вероятно, долго, ибо нет налицо тяжких преступлений. <...> Сгинет он там со своими нервами¹⁷.

3 апреля 1922 г. <...> Хотел было издать кое-что на свои средства — дорого. Думаю взяться за это с Дороховым, а он все сидит, сидит. Неизвестно, когда и выпустят. <...> Вины за Дороховым большой нет. Язычок маленько помешал во время съезда кооператоров. Да донос был, якобы расхищал народное достояние. Но это абсурд!¹⁸

Четырнадцатого апреля Неверов пишет: «...выяснилось, что П. Н. на днях должны отпустить. Возможно, сегодня вечером или завтра утром придет»¹⁹.

Этот арест припомнят Дорохову в 1938 г. в застенках НКВД. В деле Дорохова в графе с вопросом «Состоял ли под судом и следствием» записано: «В 1922 г. арестовывался органами ГПУ за резкие выступления на съезде кооператоров по вопросу с/хоз. кооперации. В 1924 г. арестовывался по подозрению в связях с поэтом Ганиным²⁰»²¹.

Факт неоднократного пребывания Дорохова в Ташкенте нигде не описан, не найдены его впечатления от поездок или их отражение в его творчестве.

«Черный дракон». П.Н. Дорохов был арестован органами НКВД 14 марта 1938 г., ему вменялись в вину участие в «нелегальной шпионской террористической организации харбинских меньшевиков и эсеров» и «активная контрреволюционная деятельность». В деле подчеркивалось: «...с 1915 по 1920 г. проживал в Сибири в г. Омске на территории, занятой Колчаком»²².

«Харбинские меньшевики» в повседневности 1930-х гг. связаны с историей города Харбина второго и третьего десятилетий XX в., которая насыщена бурными событиями: сюда из Омска, колчаковской столицы, переместилось Белое движение; далее Харбин попадает под японскую оккупацию; эти факты обсуждались в печати и досужих разговорах. На этой волне Дорохов пишет пьесу «Черный дракон»; возможно, косвенно эта пьеса стала поводом для ареста Дорохова в 1938 г.

За три месяца до того Дорохов пишет письмо в 4-й отдел НКВД (его копия хранится в деле Дорохова). Во время допроса это письмо не фигурирует; его копия была приложена к заявлению жены Дорохова от 1939 г., по мнению которой данное письмо могло служить аргументом в пользу невиновности ее мужа. Адресатом заявления Н.Ф. Дороховой был Л. Берия.

Итак, письмо П.Н. Дорохова:

В соавторстве с Н.К. Мерцальским²³ я написал пьесу о деятельности японской разведки под названием «Черный Дракон». Обстоятельства, сопровождавшие появление пьесы на свет, таковы, что на них нельзя не обратить внимание. Пьеса сдана в Главрепертком в апреле с.г., там ее продержали 6 месяцев, причем указания, дававшиеся редакторами т.т. Красной и Фалковским, были не всегда безупречны, скорее запутывали, чем помогали, а оценка деятельности японской разведки не всегда совпадала с общеизвестными высказываниями вождей партии и правительства.

Мне стало казаться, что пьесе сознательно мешают появиться на свет в сезоне 1937/38 гг. Это тем более правдоподобно, что пьеса получила визу военной цензуры, одобрена репертуарным отделом Главискусства

¹⁷ Письма Неверова Александра Сергеевича А.К. Гольдебаеву. Л. 52 об.

Pis'ma Neverova Aleksandra Sergeevicha A.K. Gol'debaevu. L. 52 ob.

¹⁸ Там же. Л. 59. / Ibid. L. 59.

¹⁹ Там же Л. 63. / Ibid. L. 63.

²⁰ Алексей Алексеевич Ганин (1893–1925) — русский поэт, расстрелян по сфабрикованному делу об «Ордене русских фашистов», реабилитирован в 1966 г.

²¹ Дело обвиняемого Дорохова. Л. 4.

Delo obviniaemogo Dorokhova. L. 4.

²² Там же. / Ibid.

²³ Николай Константинович Мерцальский (1896–1964) — драматург.

и направлена с письмом в один из театров (письмо хранится у меня). Об этом Главрепертком знал, как знал и о том, что театр Красной Армии нашу пьесу принимал к постановке и только ждал разрешения. А Главрепертком держал пьесу 6 месяцев. В тот день, когда товарищ Васильевский, нач. Главреперткома, собирался дать нам окончательный ответ, пьеса исчезла у него со стола (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — Э. Ш., Ю. М.). Должно быть, с перепугу Васильевский пьесу нам разрешил, оставив у себя не идентичный экземпляр ее, как бы следовало, а один из черновых вариантов. Разрешил, однако, только для Москвы, обещая разрешить для остальных городов СССР после того, как посмотрят пьесу в Москве. Это задерживало постановку пьесы на год, а может быть, срывало ее совсем. В самом деле, в конце сентября репертуар всех московских театров был уже заполнен, а для СССР пьеса не разрешена. Я мог бы принять все это за бюрократизм, за волокиту, если бы не шла речь о пьесе, показывающей звериное лицо врага, пьесы мобилизующей, призывающей к бдительности, заражающей зрителя ненавистью к врагам нашей родины.

Надо отдать справедливость т. Васильевскому, он обещал давать разрешение провинциальным театрам, если они будут к нему обращаться. И двум театрам (Киев и Калинин) дал разрешение. Т. Васильевский, должно быть, забыл, что раз пьеса не разрешена для провинции, то мы и не можем ни одному из театров и предлагать ее.

Я остерегаюсь делать какие-либо выводы, но не скрою, они у меня напрашиваются. У меня остается чувство большого недоумения и тревоги. На днях я разговаривал с одним из сотрудников Калининского областного комитета по делам искусств. В Калинине после того, как театр решил ставить пьесу, появились два японца, один из них ежедневно посещает театр. Может быть, японцы и до этого были в городе, может быть, товарищу пригрезилось и никаких японцев в Калинине вообще нет, может быть, все это просто смешно, но сопоставьте это с пропажей пьесы со стола начальника Главреперткома, примите во внимание, что пьеса о японской разведке, что задержка такой пьесы может быть полезна только нашим врагам, и Вы поймете, почему мне все это не нравится и возбуждает тревогу.

Пьесу для ознакомления прилагаю.

11 декабря 1937 г.

Дорохов

Москва, Лаврушинский пер., д. 17/19 кв. 5

Тел. В.1.63.80²⁴.

Пропала ли рукопись на самом деле, вступил ли таким образом Дорохов в игру с НКВД, чтобы тот посодействовал продвижению пьесы? Или таковой в действительности была ситуация — полу-мистическая, полуанекдотическая? В этой самой пьесе речь идет именно о пропавшей тетради, весьма «секретной».

По сюжету «Черного дракона» сталкиваются две разведки, японская и некая европейская: обе желают заполучить эту секретную тетрадь. Подозреваемая в краже тетради невиновная девушка убита; должны отрубить голову невиновному юноше, разворочено «осиное гнездо» шпионов и пр. В тетради содержится информация о создании бактериологического оружия, которое хотят заполучить все разведки мира, чтобы направить его против Советского Союза.

Не называя столичного европейского города, где происходит действие, персонажи то и дело высказывают свое отношение к этому городу:

Грема. Я не думаю, чтобы какая-нибудь столица могла сравниться с нашей! Вы почитайте наши газеты... это... как его... очаг мировой культуры!²⁵

К финалу становится понятно: этот город — столица нацистской Германии.

Курояси. Я пью за тот близкий день, когда мы водрузим знамя восходящего солнца на седых вершинах Урала!

Вурс. Позвольте, позвольте, нас совсем не интересует создание великой Японии от Тихого океана до Урала! Над Уралом должна развеваться свастика²⁶.

²⁴ Николай Константинович Мерцальский (1896–1964) — драматург.

²⁵ Мерцальский Н.К., Дорохов П.Н. Черный дракон: драма: в 4 действиях. На правах рукописи; стеклографическое издание. М.: Искусство, 1938. С. 29.

Mertsal'skii N.K., Dorokhov P.N. Chernyi drakon: drama: v 4 d deistviakh. Na pravakh rukopisi; steklograficheskoe izdanie. Moscow: Iskusstvo, 1938. S. 29.

²⁶ Там же. С. 106. / Ibid. S. 106.

В черновых вариантах пьеса названа «Чума», и действие в ней происходит в Германии. Автор и владелец секретной тетради — профессор Шварц. В окончательном варианте пьесы германская составляющая нивелирована, профессор носит уже другую фамилию: Старк (от швед. *starck* «сильный»). Возможно, авторы пьесы (Дорохов совместно с Мерцальским) решили не связывать врага с каким-то отдельным локусом, а расширить «звериное лицо врага, готовящего чумную заразу для нашей родины»²⁷ до размеров всего «капиталистического мира», как наставительно рекомендовала сделать рецензент пьесы, некто Назарова: «Тема пьесы и в ее новом варианте охватывает ту подготовку войны средствами диверсии и шпионажа, которую сейчас ведут капиталистические страны»²⁸.

О чем думал Дорохов, когда писал письмо в НКВД о пропавшей рукописи? Анекдотичность ситуации — пьеса о пропавшей тетради *пропадает* со стола чиновника — очевидна. Мы не знаем о настроении и мыслях Дорохова во время написания этого письма, но он был явно впечатлен ситуацией, в описании которой можно увидеть иронию писателя.

Третье действие пьесы происходит в кабинете следователя Брауна. Он допрашивает всех персонажей, умело создает ситуации-ловушки, провокации, добиваясь раскрытия дела — спасения опасной тетради.

Письмо Дорохова в НКВД о «мистической» пропаже датировано 11 декабря 1937 г., текст пьесы подписан к печати 26 января 1938 г. Книга вышла, надо думать, скоро: она издана не типографским способом, а машинописным, на правах рукописи. Арест Дорохова произошел 14 марта 1938 г. Таким образом, все эти события следуют одно за другим и вписываются в единое смысловое пространство. Каково было Дорохову в день допроса (22 марта), когда следователь повел дело таким образом, что Дорохов «сознался» в шпионской и террористической деятельности²⁹? Это тоже ирония судьбы, но безысходная, впрочем, как и для некоторых героев его пьесы.

К финалу следствия дело Дорохова принимает этнический окрас. На очередной вопрос следователя: «Являясь активным участником контрреволюционной шпионско-террористической организации, вы, кроме того, что вели подготовку теракта над руководителями ВКП(б) и совправительства, не брезговали и шпионажем в пользу иностранных разведок. Будете говорить правду?»³⁰ — Дорохов отвечает, что говорит правду: он не был «активным участником», а был «просто участником»³¹.

У работника НКВД заготовлен козырь: на сцену выходит «подельник», организуется очная ставка с И.С. Сорокиным³², и оба, Дорохов и Сорокин, опознают друг друга. Вероятно, вид каждого из них произвел впечатление на другого допрашиваемого. Начинает развиваться тема «шпионажа в пользу иностранных разведок». Дорохову, видимо, было дано указание ответить про Японию. С того момента в протоколе допроса фигурирует только Япония. Все фигуранты дела «работали» на Японию. Так отзывался факт проживания в колчаковской столице. Так отзывался «Черный дракон».

Тарабарск. Часто издававшиеся в 1920–1930-х гг., произведения Дорохова не публиковались больше никогда. С конца 1970-х гг. стали появляться очерки о его жизни и творчестве, и все в од-

²⁷ Мерцальский Н.К., Дорохов П.Н. Черный дракон. С. 20.

Mertsalskii N.K., Dorokhov P.N. Chernyi drakon. S. 20.

²⁸ Центр. гос. литер. архив МВД СССР. Комитет по делам искусств. Репертуарный сектор. Рецензия Назаровой на пьесу «Черный дракон». Второй вариант пьесы «Чума» // РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 1.

Tsentr. gos. liter. arkhiv MVD SSSR. Komitet po delam iskusstv. Repertuarneyi sektor. Retsenziia Nazarovoi na p'esi "Chernyi drakon". Vtoroi variant p'esi "Chuma" // RGALI. F. 962. Op. 1. Ed. khr. 316. L. 1.

²⁹ Как и что проделывали те же самые следователи с другими фигурантами, казненными, как и Дорохов, на Бутовском полигоне, см. в статье Э.Ф. Шафранской [7].

³⁰ Дело обвиняемого Дорохова. Л. 16.

Delo obviniaemogo Dorokhova. L. 16.

³¹ Там же. Л. 17. / *Ibid.* L. 17.

³² Иван Семенович Сорокин (1891–1938) — директор фотостудии, арестован 29 января 1938 г., обвинен в руководстве шпионской организацией харбинских меньшевиков, расстрелян 10 июня 1938 г., прах покоятся в Бутовских рвах.

ной стилистике — в рамках канона соцреалистических заслуг. Так, А.А. Шмаков³³, характеризуя творчество Дорохова, цитирует Н.А. Рубакина, лозаннского книговеда и писателя, с которым Дорохов переписывался как с литературным наставником: «Мне пришелся по душе тот дух бодрости, силы порыва и натиска, каким проникнуты все эти Ваши работы. Строительство новой жизни, нового строя рабоче-крестьянского государства, основанного на обобществлении средств производства, прежде всего требует такого духа — иначе не выстроить» [4. С. 119].

И далее Шмаков добавляет от себя: «...произведения П. Дорохова снова в строю, служат великому делу коммунистического воспитания нового поколения советских людей» [Там же. С. 120].

Такая «убийственная» характеристика вполне способна отпугнуть издателей и читателей XXI в. от произведений Дорохова. На самом деле у писателя существовал более глубокий взгляд на все происходящее, это считывается в сегодняшней рецепции его текстов. Главная характеристика писательского видения Дорохова — скрытая ирония, доходящая до сарказма, антропологический скепсис в отношении человека.

В автобиографии, написанной в 1924 г., Дорохов признается:

...индивидуалистические настроения, всегда во мне преобладающие, сделали трагическим мое пребывание в партии. Осенью я вышел (речь идет о 1920 г. — Э.Ш., Ю.М.). <...> Тяготение к литературе вспыхнуло с новой силой. Я решил во что бы то ни стало бросить работу и отдаваться только литературе [2. С. 106].

В итоге с 1922 г. Дорохов занимается только литературной деятельностью — своей «давнишней мечтой» [Там же]. И вот этим он как писатель интересен. В упомянутом «Черном драконе» присутствует ироническое отношение к растиражированным официозом скрепам: «дружба народов», «интернационализм». Дорохову одним-двумя штрихами удается показать, что на самом деле человек ксенофобен, этноцентричен, лицемерен, причем не в парадигме «капиталисты — коммунисты», а человек как таковой.

Творчество Дорохова интересно не только с историко-литературной стороны, но и в экзистенциальном контексте: оно не утратило своей интеллектуальной значимости для современника. Взгляд писателя на постреволюционные события и его рецепция «построения нового мира» любопытны с антропологической и мифопоэтической точек зрения. По прочтении ряда текстов Дорохова напрашиваются выводы: сама планида русского мира, а затем и советского, — вполне устойчивая величина.

Повесть «История города Тарабарска», давшая название сборнику 1928 г., выполнена в псевдоисторическом жанре. То ли беглые крестьяне, то ли вольные хлебопашцы пробрались в глубины России, в болотные топи, бежав от тягот и поборов. На одном из непроходимых участков перед ними стал вопрос: оставаться или двигаться дальше?

Самый старший <...> вымолвил:

— Потопнем.

И вдруг сразу все загадели, закричали:

— Тара-бара, тара-бара...

Однако никуда пришельцы не двинулись, раскинулись здесь табором, и стало это место называться с тех пор Тарабарском³⁴.

Тарабарск — вымышленный топоним, привязанный к поселению, доросшему до статуса города; однако этот образ вполне универсален. Как капля характеризует свойства воды, так и под Тарабарском подразумевается нечто более глобальное.

³³ Александр Андреевич Шмаков (1909–1989) — советский писатель, краевед Челябинска; в городе есть улица его имени; в Челябинском педагогическом университете проводятся Шмаковские литературно-краеведческие чтения.

³⁴ Дорохов П.Н. История города Тарабарска: повести и рассказы. М.: Московское товарищество писателей, 1928. С. 7. Dorokhov P.N. Istorija goroda Tarabarska: povesti i rasskazy. Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisatelei, 1928. S. 7.

Краткая история Тарабарска такова: сначала безуездный город, потом с горем пополам привязанный сразу к двум губерниям; сначала город без дорог, потом с построенной железной дорогой, с внезапно появившимся студентом (опасный признак грядущих несчастий), с посетившими город артистами и т.д., с выстроенными почтой и телеграфом, — словом, город жил и развивался. Вся летописная хронология Тарабарска подана в саркастическом ключе. Автор создает мини-сюжеты, героями которых выступают разные поколения жителей Тарабарска. Но нравы людей остаются неизменными: бюрократизм и равнодушие начальства всех эпох, доверчивость и простота, суеверность и повальное пьянство простых, необразованных людей.

Когда наступил 1905 г., не просыпающий от пьянства сын городского головы (будущий градоначальник) слышит от собутыльника: «Революция... все традиции побоку»³⁵.

— Это что же такое — традиции? — с недоумением и некоторой опаской спросил Василий Кузьмич, услыхав незнакомое слово.

— Это значит, что хочу, то и делаю.

— Так, — задумчиво протянул Василий Кузьмич, — значит, хочу на ногах хожу, хочу на карачках ползаю.

— Правильно, — решительно подтвердил Владимир Иванович, — хоть на карачках ползай.

— И никто мне не указ?

— Никто.

Василий Кузьмич, пошатываясь, встал, вышел из трактира, где безвыходно сидел вторые сутки, и, молча остановившись на углу против родительского дома, опустился на четвереньки и пополз через улицу.

Владимир Иванович восторженно вззвизгнул, плюхнулся наземь и пополз вслед за Василием Кузьмичом.

— Долой традиции! — благим матом ревел сынок Кузьмы Доримедонтовича.

— Долой! — радостно подхватил статистик.

Сбегался народ, с изумлением смотрел на невиданное представление и, смеясь, многозначительно качал головами:

— До чего свобода людей доводит!..³⁶

Одна из финальных сцен повести изображена в карнавальном, травестированном регистре. Важного губернского чиновника принимают за террориста, бомбометателя, а коробку со шляпкой, протянутую из вагона поезда встречающему жену Хлебушкину, — за бомбу.

Завязкой этой сцены послужила телеграмма, которую отправил Хлебушкин жене:

Стремящимся вещах преграды нет,
Когда ждущие страдают³⁷.

На тарабарской почте всполошились: что за шифровка? Бдительный начальник почтово-телеграфного отделения Петр Никанорович Дудкин аналитическим путем почти изловил террориста:

Вдумайтесь хорошенко: стре-мя-щи-мся вещах преграды нет, когда жду-щие стра-да-ют. Вы понимаете, стремящимся... Значит, он или она, пока оставим этот вопрос в стороне, стремится сюда или должен стремиться. Читайте дальше: ве-щах пре-gra-ды нет. Что это значит?

Петр Никанорович поднял кверху указательный палец и в этой позе застыл на целых полминуты.

— Это значит, что все вещи готовы и никакой преграды в этом нет. Понимаете-с, все готово! Ну, как вы думаете, какие же это вещи?

— Я уже говорила, шляпка какая-нибудь.

<...>

— Ха, шляпка...

Начальник с таинственным видом нагнулся к самому лицу Анны Васильевны и прошептал:

— Это... вы понимаете, что это такое?

Петр Никанорович помедлил, впиваясь в девушку запрыгавшими глазами, и вдруг, стремительно выпрямившись, выдохнул короткое и страшное слово:

— Бомбы!³⁸

³⁵ Дорохов П.Н. История города Тарабарска. С. 39.

Dorokhov P.N. Istoriiia goroda Tarabarska. S. 39.

³⁶ Там же. С. 39–40. / Ibid. S. 39–40.

³⁷ Там же. С. 66. / Ibid. S. 66.

³⁸ Там же. С. 69–70. / Ibid. S. 69–70.

Сцена построена на классическом приеме комизма — *qui pro quo* (один вместо другого). В контексте рассуждений об этом приеме В.Я. Пропп полемизирует с И. Кантом, который утверждал, что «смех есть аффект, проистекающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [8. С. 118]. Несбывшееся ожидание, пишет Пропп, «может быть комическим, но может и не быть им» [Там же. С. 119]. В случае с новеллой Дорохова это именно ситуация комизма:

— Руки вверх!

<...>

— Гражданин, ваши документы.

Макар Иванович достал из бокового кармана партийный билет и протянул начальнику. Тот развернулся, прочел и мгновенно, узнав в незнакомце секретаря губкома, вытянулся во фронт...³⁹

Этот сюжет дорожковской новеллы (в составе повести «История города Тарабарска») встраивается в литературную традицию, самый близкий аналог — святочный рассказ Н.С. Лескова «Путешествие с нигилистом» [9. С. 340].

Приходим в недоумение, как Главлит мог разрешить публикацию текста, полного сарказма и иронии в адрес сакральных для советской идеологии дат и событий, чинов и институций. Может, молодая Советская республика еще не успела вырастить маститых цензоров? Они появятся только к 1930-м гг.

«История города Тарабарска» оказалась популярной у современников Дорохова. Удалось найти такое письмо:

Ронне, остров Борнхольм, Дания
11 февраля 1931 г.

Глубокоуважаемый Павел Дорохов!

У полпреда СССР в Дании я взял для прочтения вашу книгу под заглавием «История города Тарабарска».

Книга мне очень понравилась. Я намерен попытаться издать ее на датском языке, если удастся мне найти издателя. Я уже приступил к переводу. Но без вашего разрешения я не могу выпустить вашей книги. Прошу вас снабдить меня вашим формальным разрешением на выпуск вашей книги в переводе на датском языке и разрешение написать на мое имя. Я не эмигрант, а давнишний датчанин из русских, перевел кое-что из Толстого и Тургенева⁴⁰ и др.

С почтением

Иван Яковлевич Щелкунов⁴¹.

Адрес: Adjunkt Ivan Stchelkunoff
Ronne Statsskole
Ronne. Bornholm. Danmark⁴².

Это письмо пришло из Дании в Москву, в издательство «Жизнь и знание», а оттуда переслано Дорохову с запиской от редактора издательства В.Д. Бонч-Бруевича.

Сборник «История города Тарабарска» включает в себя еще ряд текстов, сюжеты которых связаны с современностью Дорохова: с городом и деревней, с новыми институциями и организациями, но люди-то везде те же, как в Тарабарске столетней, пятидесятилетней давности или сиюминутном. Никакая идеология, никакой режим их не меняют. В рассказе «Черная кошка» дружба двух молодых женщин «по щелчу» превращается во вражду, искренняя любовь доктора к учительнице Перепелкиной после нашептанного ему навета на учительницу — в подлое предательство; в рассказе «Ночная кукушка» борющийся с растратами в партийных органах чиновник, принципиальный настолько, что даже написал на листе бумаги предупреждение себе: «Кузьма,

³⁹ Дорохов П.Н. История города Тарабарска. С. 77.

Dorokhov P.N. Istoriiia goroda Tarabarska. S. 77.

⁴⁰ Tolstoy L. Anna Karenin. Bd I. København: Hagerup, 1928. 334 s.; Tolstoy L. Anna Karenin. Bd II. København: Hagerup, 1928. 338 s.; Turgenjew I. Dagen før. København: John Martin, 1911. 158 s.

⁴¹ Иван Яковлевич Щелкунов (1870–1966) — лингвист, переводчик; о биографии и деятельности И.Я. Щелкунова см.: [10].

⁴² Письмо Щелкунова Ивана Яковлевича Дорохову П.Н. // РГАЛИ. Ф. 2882. Оп. 1. Ед. хр. 7.

Pis'mo Shchelkunova Ivana Iakovlevicha Dorokhovu P.N. // RGALI. F. 2882. Op. 1. Ed. khr. 7.

помн!» — и повесил его над письменным столом, под напором жены становится хапугой; в повести «На грани» гранью обозначен рубеж между нормальными и сумасшедшими людьми, и нет ясности и четкости этого маркера, который вполне может перемещаться с одного полюса на другой. Контекст этой повести — Гражданская война.

«Ведь мы все сумасшедшие, и нам только кажется, что мы здоровые. Разве здоровые, нормальные люди могут творить все те ужасы, от которых у нас с вами волосы на голове шевелятся»⁴³ — слова, написанные Дороховым ровно сто лет назад, сегодня не выглядят архаикой.

Заключение

Введенные в историко-литературное пространство неизвестные факты из жизни писателя Павла Николаевича Дорохова заполняют лакуны не только в его биографии, но и в истории русской литературы XX в. В частности, самарско-ташкентский вояж начала 1920-х гг.; отношения с писателем А.С. Неверовым; эпизоды допроса 1938 г., связанные с драмой Дорохова «Черный дракон»; установленная благодаря архивным документам точная дата смерти писателя; аналитический обзор книги Дорохова «История города Тарабарска», впервые введенной в аналитический дискурс; экзистенциально-антропологический вектор в исследовании творчества Дорохова.

Литература

1. *Zakruzhnaya Z.S. Istorija literaturnogo ob'edinenija Krasnoj armii i flota (LOKAf) (po materialam ottdela rukopisej IMLI RAN): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019.*
2. *Bozhe V.S. Materialy k biografiji P.N. Dorokhova // Istoricheskie chtenija: materialy nauch. konf. «Istoriya Chelyabinska: problemy istochnikovedeniia i historiografii (1996)». Chelyabinsk: Centr istoriko-kul'turnogo nasledija goroda Chelyabinska, 1997. S. 102–108.*
3. *Polyakova M.M. Dorohov P. // Kratkaja literaturnaja entsiklopedija / gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. entsiklopedija, 1964. T. 2.*
4. *Shmakov A.A. Pavel Dorokhov i ego roman // Ural. 1977. № 11. C. 117–120.*
5. *Shmakov A.A. Pis'ma iz Lozanny: literaturovedcheskie ocherki. Chelyabinsk: Uzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1980. 207 s.*
6. *Aleksandr Neverov: iz arkhiva pisatelia: issledovaniia, vospominanija / red.-sost. V.P. Skobelev, N.I. Strakhov. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 336 s.*
7. *Shafranskaja E.F. Butovskij poligon vs. Nukuskij muzej imeni I.V. Savitskogo // Znamia. 2021. № 7. С. 180–205.*
8. *Propp V.Ya. Problemy komizma i smekha. M.: Iskusstvo, 1976. 183 s.*
9. *Shafranskaja E.F. Karazin i Leskov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 2. С. 340–345.*
10. *Zharov B.S. Iz istorii datsko-russkoj dvuzhazhnoj leksikografii. Ivan Shchelkunoff (1870–1966) i ego slovar' // Skandinavskaja filologija. 2022. T. 20. Vyp. 1. C. 210–220. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.112>.*

⁴³ Дорохов П.Н. История города Тарабарска. С. 290. *Dorokhov P.N. Istorija goroda Tarabarska. S. 290.*

References

1. *Zakruzhnaya Z.S. Istorija literaturnogo ob'edinenija Krasnoj armii i flota (LOKAf) (po materialam ottdela rukopisej IMLI RAN): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2019.*
2. *Bozhe V.S. Materialy k biografiji P.N. Dorokhova // Istoricheskie chtenija: materialy nauch. konf. «Istoriya Chelyabinska: problemy istochnikovedeniia i istoriografii (1996)». Chelyabinsk: Tsentr istoriko-kul'turnogo nasledija goroda Chelyabinska, 1997. S. 102–108.*
3. *Poliakova M.M. Dorokhov P. // Kratkaia literaturnaja entsiklopedia / gl. red. A.A. Surkov. Moscow: Sov. entsiklopedia, 1964. T. 2.*
4. *Shmakov A.A. Pavel Dorokhov i ego roman // Ural. 1977. No. 11. S. 117–120.*
5. *Shmakov A.A. Pis'ma iz Lozanny: literaturovedcheskie ocherki. Chelyabinsk: Uzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1980. 207 s.*
6. *Aleksandr Neverov: iz arkhiva pisatelia: issledovaniia, vospominanija / red.-sost. V.P. Skobelev, N.I. Strakhov. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 336 s.*
7. *Shafranskaja E.F. Butovskii poligon vs. Nukusskii muzei imeni I.V. Savitskogo // Znamia. 2021. No. 7. S. 180–205.*
8. *Propp V.Ya. Problemy komizma i smekha. Moscow: Iskusstvo, 1976. 183 s.*
9. *Shafranskaja E.F. Karazin i Leskov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. No. 2. S. 340–345.*
10. *Zharov B.S. Iz istorii datsko-russkoj dvuzhazhnoj leksikografii. Ivan Shchelkunoff (1870–1966) i ego slovar' // Skandinavskaja filologija. 2022. T. 20. Vyp. 1. S. 210–220. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.112>.*

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Shafranskaya Eleonora F.,
Doctor of Philology, Professor
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: shafranskayaef@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>
elibrary SPIN: 5340-6268

Матенова Юлия Умидовна,
доктор филологических наук, доцент
Национальный педагогический университет Узбекистана
имени Низами (Ташкент, Узбекистан)

Matenova Julia U.,
Doctor of Philology, Associate Professor
Nizami National Pedagogical University of Uzbekistan
(Tashkent, Uzbekistan)

e-mail: matenova.julia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0007-7193-9778>

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 06.10.2025

Перекресток звука и смысла: фоносемантический параллелизм в стихах О.Э. Мандельштама и А.А. Тарковского

Настоящая работа посвящена сравнительному фоносемантическому анализу двух поэтических текстов — стихотворений О.Э. Мандельштама «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» (1935) и А.А. Тарковского «И это снилось мне, и это снится мне...» (1974). Исследование проводится на стыке поэтики, психолингвистики и цифровой филологии, выявляются скрытые закономерности, связывающие звучание и смысл на глубинном уровне текста. В центре внимания — феномен фоносемантического параллелизма, понимаемого как взаимозависимость звукового рисунка и смысловой структуры стихотворений, связанных интertextуально. На материале стихотворения О. Мандельштама анализируются артикуляционно-акустические особенности фонем, формирующие звуковую волну, согласующиеся с об разной динамикой текста. Показано, как чередование согласных и гласных фонем в сочетаниях типа «в-л-н» или «р-в» создает эффект гомофонии, где ведущий звуковой «голос» организует смысловое восприятие, и как эта звуковая волна преломляется в произведении А. Тарковского. Методология «медленного чтения» позволила зафиксировать звуковую структуру текста как самоорганизующуюся систему, отражающую эмоциональную палитру: от тревоги и напряжения до растворения в образе. Сравнение с поэтикой А. Тарковского, чей текст также насыщен фоносемантическими связями, позволяет говорить о типологическом родстве интонационного мышления обоих поэтов, несмотря на временную дистанцию между ними. В представленной работе предлагается новый взгляд на взаимодействие звучания и смысла в русской поэзии XX в., подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода и обращения к интуитивно ускользающим, но формализуемым закономерностям поэтического языка.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, А.А. Тарковский, фоносемантика, поэтика, поэтический организм, параллелизм, психолингвистика

This work is devoted to a comparative phonosemantic analysis of two poetic texts — the poems by O.E. Mandelstam “The wave runs on, breaking the wave’s back...” (1935) and by A.A. Tarkovsky “And this is what I dreamed, and this is what I dream...” (1974). The study is conducted at the intersection of poetics, psycholinguistics, and digital philology and aims to identify hidden patterns that connect sound and meaning at the deep level of the text. The focus is on the phenomenon of phonosemantic parallelism, which is understood as the interdependence of the sound pattern and the semantic structure of intertextually related poems. The article analyzes the articulatory and acoustic features of phonemes in O. Mandelstam’s poem, which form a sound wave that aligns with the figurative dynamics of the text. It shows how the alternation of consonant and vowel phonemes in combinations such as “v-l-n” or “r-v” creates the effect of homophony, where the leading sound “voice” organizes the semantic perception, and then how this sound wave is refracted in A. Tarkovsky’s work. The methodology of “slow / close reading” allowed us to capture the sound structure of the text as a self-organizing system that reflects an emotional palette ranging from anxiety and tension to immersion in the image. Comparing it with the poetics of A. Tarkovsky, whose text is also rich in phonosemantic connections, we can say that the intonational thinking of both poets is typologically related, despite the time gap between them. Thus, the article offers a new perspective on the interaction between sound and meaning in 20th century Russian poetry, emphasizing the need for an interdisciplinary approach and addressing the intuitively elusive yet formalizable patterns of poetic language.

Keywords: O.E. Mandelstam, A.A. Tarkovsky, phonosemantics, poetics, poetic organism, parallelism, psycholinguistics

Смысление фоносемантической природы поэзии [1] начинается с выявления особой грамматики, подчиненной собственным законам «необходимости». Подобно тому как слово требует за собой определенного ряда лексем для плавного звучания, так и фонемы тяготеют к определенным звуковым сочетаниям, создающим акустическую гармонию, что особенно заметно в масштабе языка. Эти закономерности могут нарушаться, как и лексико-грамматические правила. Если говорить о последних, слух все равно улавливает различия стилей и степень «нор-

мативности» речи. Даже искусственный интеллект, опираясь на такие закономерности, учится различать тексты, написанные человеком и машиной, фиксируя сбои в грамматико-лексической целостности на основе огромного корпуса «человеческих» текстов.

Предполагаем, что аналогичные принципы действуют и на уровне фоносемантики. Этот уровень, вероятно, подчиняется собственным законам, ведь там, где сема многомерна, ей соответствует столь же многомерный звуковой элемент. Создать такую систему сложно, но именно в этом заключается сила подлинно поэтического текста: автор интуитивно улавливает эти связи через вдохновение, врожденную или развитую чуткость к языку. Для нас они проявляются как ритм, метр, мелодика стиха; фоносемантический уровень объединяет эти элементы и придает им смысл в мельчайших движениях формы.

*Н*о не менее важна и роль внимательного читателя, чье восприятие позволяет увидеть закономерности, уловленные поэтом. Существенное значение в читательском взгляде на переданную автором систему связей приобретает дихотомия «дальнего» и «близкого» чтения, предложенная Франко Моретти. О том, какую роль она играет в настоящем исследовании, детально поговорим далее, а пока будем двигаться от «близкого» чтения к «дальнему».

Бежит волна-волной, волне хребет ломая, / Кидаясь на луну в невольничьей тоске, / И янычарская пучина молодая, / Неусыпленная столица волновая, / Кривеет, мечется и роет ров в песке [2].

В этом воронежском стихотворении 1935 г. О. Мандельштама исследователи Е.П. Сошкин, Б.А. и Ф.Б. Успенские, блестяще анализируя контекстуальные планы, мотивы, выявляя литературные источники, видят то полемику с Б.Л. Пастернаком, то метафорическое описание реалий 1930-х гг., то историософский подтекст. Однако при таких интерпретациях, как писал еще Ю.Д. Левин [3. С. 44–51], текст теряет оригинальность и, что важнее, многогранность образа — ту многослойность, которая является проводником авторской мысли, эмоции, ощущения, доносимых поэтом через слова. В статье 1921 г. «Новейшая русская поэзия. Набросок первый», посвященной В. Хлебникову, Роман Якобсон, говоря о более тесной связи в поэтическом языке «между звуковой стороной и значением», подчеркивал, что поэзия есть оформление самоценного слова, есть язык в его эстетической функции, и нас должна интересовать «не литература, а литературность, то, что делает данное произведение литературным произведением» [4].

Наша основная мысль такова: связь языковых архетипов, звучания, мелодики, вызывающей определенные ассоциации, — все это формирует поэтический образ, преломляющийся через языковую психику читателя. Этот уровень текста, как правило, остается нерасшифрованным, поскольку с ним связаны бессознательные механизмы восприятия. Тем не менее попытка «декодировать» такие скрытые элементы позволяет и обнаружить эмоциональные пласти текста, и объяснить, почему то или иное произведение воспринимается как гениальное. Это возможно не только благодаря интуиции читателя, но и через обращение к смежным дисциплинам: психолингвистике, поэтике, фоносемантике.

В центре нашего психолингвистического подхода — понятие «медленное чтение», рассматриваемое как метод и как философия. М.О. Гершензон понимал под медленным чтением внимательное изучение частностей, которые в итоге должны привести к постижению авторской интуиции [5. С. 67–68]. Однако мы предлагаем сосредоточиться на другом аспекте: медленное чтение, с паузами и возвращениями к тексту, позволяет выстраивать когнитивные маршруты формирования поэтического образа.

Поэзия (как и художественный текст в целом) способна восстанавливать утраченные со временем пласти языковой содержательности, в частности образность фонетических единиц. Частично она сохранилась в звукоподражании, где звучание явлений или предметов мира переносится

в слово. А.М. Пешковский писал: «...в звукоподражательных словах и междометиях нет членения на звуки и значение, свойственное слову, так как здесь все значение в звуках» [6. С. 168].

В одних случаях это очевидно: например, «жужжать», «мякать», «гавкать» и др. Такие лексемы условно обозначим как наглядно-предметное звукоподражание. Они восходят к междометиям, фиксирующим в языке неделимые звуки («мяу», «гав», «ах», «ох», «хи-хи» и др.).

Другая группа — косвенно-предметное звукоподражание. Так, в слове « журчать » элемент « жур » ассоциируется со звуком текущей воды. Близкое по звучанию слово « ручей », а также разные окказионализмы с подобной фонетикой могут вызывать аналогичные образы, несмотря на то что их ономатопоэтическая природа в современном языке часто утрачена. Интересно, что такие образования нередко воспринимаются как просторечные, в отличие от закрепленных в литературной норме звукоподражаний. Это подчеркивает общую тенденцию: язык не стремится к выделению фонематической образности. А если такое и имеет место, то со временем фонема перестает восприниматься как значимая единица и становится частью фонового шумового слоя, подавляемого сознанием.

Психолингвистический подход в рамках медленного чтения позволяет вычленить из этого шума системные связи и заново реконструировать смысловую структуру текста. В настоящей работе предлагается возможный вектор для дальнейших исследований в этом междисциплинарном направлении. Для этого обратимся вновь к автору, с которого начали, и к его поэтическому голосу.

Записи, на которых О. Мандельштам читает свои стихи, демонстрируют особую напевность его речи. Внимание привлекает необычное акцентирование ударных гласных, приобретающих почти оперную глубину. Эта песенность не случайна: она отражает стремление поэта к выразительности формы как одного из главных инструментов смыслообразования. Музыка и поэзия у О. Мандельштама тесно взаимосвязаны. Каждый звук, как и каждая нота, становится объектом пристального внимания. Н.Я. Мандельштам вспоминала:

...в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза. Мне не раз приходилось видеть, как О. М. пытался избавиться от погудки, стряхнуть ее, уйти...

Он мотал головой, словно ее можно было выплеснуть, как каплю воды, попавшую в ухо во время купания. Но ничего ее не заглушало — ни шум, ни радио, ни разговоры в той же комнате [7. С. 146].

Этой теме О. Мандельштам посвящал и собственные размышления в текстах «Разговор о Данте» (1933), «О природе слова» (1921) и др.¹

Обратимся к музыкальной терминологии, чтобы выразить следующую мысль: в основе стихотворения «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» лежит принцип гомофонии — музыкальной структуры, в которой выделяется ведущий голос и дополнительные голоса. Именно последние подчиняются главному, контрастируя и одновременно подчеркивая его. В данном случае в роли ведущей звуковой линии выступает сочетание «щелевые с, в / сонорные м, н, л + лабиализованные у, о».

Так же, как у В.В. Набокова артикуляционная изощренность становится частью образа героя (в знаменитом «...кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та» [8. С. 17]), у О. Мандельштама мелодичность не просто стилистическая черта, но необходимый элемент смысловой структуры. Именно она формирует образ волны в этом пятистишии: движение разворачивается от губного «в» к тягучему, плавному «л», воссоздавая волновой ритм. Гласный «о», переходящий в «аэ», «раскрывает» пространство для согласных, усиливая ритмическое нарастание, кульминацией которого становится инверсия основного

¹ Жолковский А. На собственной тяге. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/5/na-sobstvennoj-tyage.html?ysclid=mdkti1g2fp579981040> (01.07.2025).

Zholkovskii A. Na sobstvennoi tiage. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/5/na-sobstvennoj-tyage.html?ysclid=mdkti1g2fp579981040> (01.07.2025).

мотива — от «л» к «м». Волна «ломает» волну не только на уровне смысла, но и через фонетический рисунок, что особенно явно при медленном, напевном прочтении, характерном для самого О. Мандельштама.

Проанализируем структуру первой строфы более формализованно.

«Бежит волна-волной, волне хребет ломая». Повторяющийся мотив *в-л-н* (независимый от гласных, где вместо яркого «о» преобладает фоновое «а³») разрывается замыкающим сочетанием *л-м*, задающим первый ритмико-смысловой перелом.

«Кидаясь на луну в невольничьей тоске». Образ луны — кульминация: усиливается звук «у», противопоставленный предыдущему «о». Переход на более «высокую» артикуляцию соответствует устремленному вверх образу. Далее — спад: возврат от «у» к «а³». Согласный рисунок *с-л-н-н-в-л-с* прорежен новыми звуками, среди которых впервые появляется «ч» — маркер второго, антагонистичного, мотива.

«Янычарская пучина молодая». Звук «ч», ранее эпизодический, здесь становится центральным. Пучина оказывается образом не столько волновым, сколько «янычарским». Возникает второе пространство на образном и фонетическом уровнях. Активное использование гласных «я», «а», «а³» подчеркивает дистанцию этой строки от предыдущих. Эпитет «молодая» возвращает образ в рамки общего мотива, не позволяя ему полностью выпасть из композиции строфы.

«Неусыпленная столица волновая». Возвращение главного звукового мотива через цепочку *н-с-л-н-с-л-в-л-н-в*. На фоне гласного «аэ» вновь появляется «у». Грамматически эта строка повторяет предыдущую (*прилагательное — существительное — прилагательное*), образуя сквозную связь между ними и подчеркивая структурную и фонетическую симметрию.

«Кривеет, мечется и роет ров в песке». Появляется второй звуковой мотив — антагонист. Доминирует повтор согласного «р», усиливаемый гласным «о», а также значительное присутствие «е». Сочетание *р-о*, артикуляционно направленное вниз, противопоставляется движению вверх в *л-у*. Это звуковая проекция второго пространства стихотворения, организованного по иной логике, чем основной мотив.

Уже после краткого фонетического очерка первого пятистишия становятся различимы два плана стихотворения. Их маркерами служат два образно схожих, но фонетически и контекстуально разных мотива: «янычарская пучина» и «роет ров». Оба связаны с образом углубления, прорыва, вторжения, однако разворачиваются в разных звуковых регистрах. Рассмотрим, как изменяется звуковая картина в следующем пятистишии.

«А через воздух сумрачно-хлопчательный». Наиболее отчетливы согласные «ч» и «р» — следы двух мотивов первого пятистишия, теперь слитых в единый голос. Их поддерживают гласные «о», «у», «е» с эпизодическими появлениями «а»/«а³». Возникает новая стихия — воздух, а главный мотив *л-м-н-в-с* присутствует, но на фоне.

«Неначатой стены мерещатся зубцы». Из воздуха начинает вырисовываться плотный обraz — стена. Повторяющиеся звуковые элементы фиксируют и усиливают формирование второго пространства. Мотив предыдущей строки сохраняется и усиливается.

«А с пенных лестниц падают солдаты». Однако мотив не занимает позиции главного голоса: водная стихия возвращается, «разбрызгивая» звучание и разрушая очерчивающийся образ стены и людей. Возникает внутреннее противоречие: второе пространство не способно до конца укорениться.

«Султанов мгнительных — разбрзыганы, разъяты». Акцент на гласную я в finale строки образует сцепку с заключительной строкой строфы. Объединенный мотив по-прежнему звучит, но начинает уступать место возвращающемуся главному голосу.

«И яд разносят хладные скопы». Стихотворение завершает строка, образно и фонетически противоположная началу. Воздушное пространство, едва возникшее из «янычарской пучины», разрушается, как и ранее был разрушен «хребет волны». Два звуковых плана пересекаются, но с разных сторон текста, симметрично и контрапунктно.

Ритмический рисунок второй части отличается от первой — не как строгое правило, а как функциональное изменение внутри единого поэтического организма. Новая строфа становится новым ритмико-фонетическим телом, связанным с предыдущим, но выполняющим иную функцию в структуре стихотворения [9; 10].

Такой фонетический разбор, раскрывающий глубинную семантическую организацию, позволяет взглянуть на текст с новой интерпретационной перспективы. Эту перспективу мы стремимся расширить, сопоставив два типологически близких, интертекстуально связанных произведения: проанализированное стихотворение О. Мандельштама и стихотворение А. Тарковского «И это снилось мне, и это снится мне...» [11. С. 324].

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится всё, и всё довоплотится,
И вам приснится всё, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

Произведение А. Тарковского состоит из трех плотных, фонетически однородных блоков, внутри которых смыслообразующим становится тот же голос, что и у О. Мандельштама; он слышен в этих словах: *снилось, снится, видел, сне, стороне, мира, волна, вослед, был, есмь* и т.д. Однако интерес вызывает и наличие голоса-мотива (*ч-р*), уже знакомого по мандельштамовскому тексту. Он не усиливается резким я (как в *разъяты, яд, неусыпленная*), а звучит глухо, смягченно, становясь скорее отголоском «в ограде отражений», иным эхом пространства, «лучающегося в чаду».

В отличие от стихотворения О. Мандельштама, где мы наблюдаем постепенное наслаждение звуковых голосов от строки к строке и их драматическую трансформацию (от «волновых хребтов» к разлившемуся повсюду «яду»), у А. Тарковского образ не борется с другими мотивами — он вырастает изнутри, разворачиваясь как цельная интенция. Это роднит его с поздними стихотворениями самого О. Мандельштама, где также преобладает подобная внутренняя метаморфоза. Вспоминаются как его размышления о природе слова («любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» [12. С. 226]), так и стихи: «О, как же я хочу» (1937), «Вооруженный зреньем узких ос» (1937), «Я видел озеро, стоявшее отвесно» (1937) и др.

Методы воплощения звуковых голосов у поэтов различны, но сами эти голоса почти неотличимы. Помимо мотива *ч-р*, важной маркировкой становится местоимение я, которое задает координаты «другого» мира — не пространственно иного, а субъектно отличного. «Вдали от нас» волна следует за волной, и именно стихия, а не человек становится носителем всех признаков бытия: «А на волне звезда, и человек, и птица, / И явь, и сны, и смерть». Мир героя, где чаще звучат мандельштамовские *ч-р-я*, представляет собой замкнутое, хрупкое, зеркальное пространство — неустойчивое и расплывчатое, как «чад».

Разные по настроению и построению стихотворения оказываются близки голосами, которые в разной степени присутствуют в обоих произведениях. У А. Тарковского преобладает повтор с минимальными, но постоянными вариациями; у О. Мандельштама — сложное переплетение звуков, их переходы, столкновения и трансформации. Тем не менее именно фонетическая со-

ставляющая помогает выявить общую пространственную модель: хрупкость смыслов противопоставляется цельности и могуществу голоса-стихии.

Именно это звуковое родство — та самая фонетическая основа, направляющая развитие образов и мысли, — позволяет говорить о возможности содержательного сопоставления. («Смысл и форма слова могут по своей значимости для поэзии как бы меняться местами, так как иногда первичным для создания стиха, т.е. по сути дела для генерирования текста, может быть фонетика, музыка слова, его общий облик» [13. С. 117–118].) Подобный подход требует точного анализа, направленного на выявление «звуковой грамматики» (термин Г.О. Винокура [14. С. 20]) — той самой формы, которую «осознает слух поэта» [15. С. 171] и которую филолог может описать, чтобы яснее понять структуру произведения.

В этом контексте вновь возвращаемся к методологической дилемме «дальнего» и «близкого» чтения. Наш подход основан на принципах «близкого» чтения: это точечный, детализированный анализ, позволяющий на основе частных наблюдений выявить общее правило. Несмотря на сложность задач, которые ставит подобное исследование, оно необходимо для проектирования алгоритма анализа поэтической фонетики.

Как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «теперь очередь за математикой будущего, которая овладеет также психическими и психосоциальными явлениями» [16. С. 324]. Такой математический алгоритм позволит в дальнейшем автоматически выявлять звуковые голоса, аналогичные рассмотренным, и превратить фоносемантический анализ в полноценный инструмент анализа поэтического текста, а не в побочный метод филологической интерпретации.

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 243 с.
2. Мандельштам О.Э. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» // Собрание сочинений: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 220.
3. Левин Ю.И. Избранные труды: поэтика, семиотика. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998. 822 с.
4. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага: Тип. «Политика», 1921. С. 10–11.
5. Лансон Г. Метод в истории литературы. М.: Т-во «Мир», 1911. 76 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. Мандельштам Н.Я. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Воспоминания. Екатеринбург: Gonzo (при участии Мандельштамовского общества), 2014. 864 с.
8. Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 2. 674 с.
9. Якобсон Р.О. Звук и значение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 30–91.
10. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 111–126.
11. Тарковский А.А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. 464 с.
12. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Стихи и проза 1930–1937 гг. М.: TEPPA-TERRA, 1994. 528 с.

References

1. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1982. 243 s.
2. Mandel'shtam O.E. "Bezhit volna-volnoi, volne khrebet lomaia..." // Sobranie sochineneii: v 2 t. Moscow: Khudozh. lit., 1990. T. 1. S. 220.
3. Levin Ju.J. Izbrannye trudy: poetika, semiotika. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury: Koshelev, 1998. 822 s.
4. Jakobson R. Noveishaia russkaia poeziia. Nabrosok pervyi. Praga: Tip. "Politika", 1921. S. 10–11.
5. Lanson G. Metod v istorii literatury. Moscow: T-vo "Mir", 1911. 76 s.
6. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 544 s.
7. Mandel'shtam N.Ia. Sobranie sochineneii: v 2 t. T. 1: Vospominaniia. Ekaterinburg: Gonzo (pri uchastii Mandel'stamovskogo obshchestva), 2014. 864 s.
8. Nabokov V.V. Sobranie sochineneii amerikanskogo perioda: v 5 t. St. Petersburg: Simpozium, 2004. T. 2. 674 s.
9. Jakobson R.O. Zvuk i znachenie // Izbrannye raboty. Moscow: Progress, 1985. S. 30–91.
10. Jakobson R.O. V poiskakh sushchnosti iazyka // Semiotika. Antologija. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2001. S. 111–126.
11. Tarkovskii A.A. Sobranie sochineneii: v 3 t. Moscow: Khudozh. lit., 1991. T. 1. 464 s.
12. Mandel'shtam O.E. Sobranie sochineneii: v 4 t. T. 3: Stikhi i proza 1930–1937 gg. Moscow: TERRA-TERRA, 1994. 528 s.

13. *Naidich L.E.* О понятии фонема у Мандельштама: из комментария к статье «О природе слова» // *Slavica Revalensia*. Vol. 3. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2016. С. 113–121.

14. *Vinokur G.O.* Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.

15. *Mandel'shtam O.E.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Проза. М.: Худож. лит., 1990. 464 с.

16. *Boduen de Kurtene I.A.* Количествоенность в языковом мышлении// Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. С. 311–324.

13. *Naidich L.E.* O понятии фонема у Мандельштама: iz kommentariia k stat'e «O prirode slova» // *Slavica Revalensia*. Vol. 3. Tallinn: Izd-vo Tallinnnskogo un-ta, 2016. S. 113–121.

14. *Vinokur G.O.* Filologicheskie issledovaniia: lingvistika i poetika. Moscow: Nauka, 1990. 452 s.

15. *Mandel'shtam O.E.* Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 2: Proza. Moscow: Khudozh. lit., 1990. 464 s.

16. *Boduen de Kurtene I.A.* Kolichestvennost' v iazykovom myshlenii // Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu / I.A. Boduen de Kurtene. Moscow: AN SSSR, 1963. T. 2. S. 311–324.

Овчаренко Алексей Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ovcharenko Alexey Yu.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian Language and Linguistic Culture Department
Institute of Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна,
лаборант кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Shaprinskaya Elizaveta A.,
Laboratory Assistant of the Russian Language and
Linguistic Culture Department
Institute of Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: shaprinskaya_ea@pfur.ru

Дубинина Алла Петровна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российский университет (Могилёв, Беларусь)

Dubinina Alla P.,
Senior Lecturer of the Humanities Department
Belarusian-Russian University (Mogilev, Belarus)

e-mail: alladubinina@inbox.ru

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 06.10.2025

Русскоязычная поэзия Республики Кыргызстан: художественный феномен Светланы Сусловой

Рассмотрено поэтическое творчество одного из наиболее ярких представителей русскоязычной литературы современного Кыргызстана — Светланы Сусловой. Исследованы как структурно-композиционный, так и содержательный планы ее поэзии. Выявлено, что одна из ключевых категорий художественного мира С.Г. Сусловой — категория памяти. Особый аксиологический статус в интерпретируемой авторской концепции имеет прошлое: это время радостных воспоминаний, гармонии с самим собой и окружающим миром. Прошлому противопоставлена трагическая реальность настоящего. Установлено, что один из основных мотивов поэтического дискурса памяти — сон. В рамках статьи представлены и образцы пейзажной лирики С.Г. Сусловой. Подчеркнута авторская ориентированность на традиции русской литературы. Проанализирован многомерный образно-ассоциативный язык восприятия в творчестве Сусловой. Сделан вывод о том, что ее поэтическая система должна быть рассмотрена в сравнительно-сопоставительном аспекте и может стать объектом теоретического моделирования.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия, этнокультура, образная система, категория памяти, пейзажная лирика, визуальность, родной язык

The paper examines the poetic work of Svetlana Suslova, who is one of the most prominent representatives of Russian-language literature in modern Kyrgyzstan. The structural, compositional and substantive aspects of her poetry are explored. It was revealed that one of the key categories of the artistic world of S.G. Suslova is the category of memory. The past has a special axiological status in the interpreted author's concept: it is a time of joyful memories, harmony with oneself and the surrounding world. The past is contrasted with the tragic reality of the present. It was established that one of the main motives of the poetic discourse of memory is sleep. The paper also examined examples of landscape lyrics by S.G. Suslova. The author's focus on the traditions of Russian literature is emphasized. The multidimensional figurative-associative language of perception in Suslova's works is demonstrated and analyzed. It is concluded that her poetic system should be considered in a comparative aspect and can become an object of theoretical modeling.

Keywords: Russian-language poetry, ethnoculture, figurative system, category of memory, landscape lyrics, visuality, native language

Одно из актуальных направлений многофакторного исследования местоположения, особенностей функционирования русского языка, русской культуры в контексте языковых процессов современного мира — изучение художественной самобытности, специфических черт русскоязычной литературы на постсоветском пространстве. С одной стороны, она является собой естественное ответвление большой русской словесности с присущими ей мировоззрением, проблемно-тематическими приоритетами, образно-символическими ориентирами. С другой — подразумевается, что речь может идти о значительном разноуровневом сближении с литературными традициями страны проживания писателя, о творческом реагировании на другой язык, этнокультуру, этноконфессиональную реальность. Одним словом, русскоязычная литература, территориально развивающаяся за пределами России, представляет большой научный интерес. И что важно, здесь исследователь может оказаться в выгодной и чрезвычайно ответственной позиции первооткрывателя новых, оригинальных художественных талантов, ярких писательских индивидуальностей, своеобразие которых обусловлено / осложнено / обогащено возможностями и последствиями интенсивно протекающего межкультурного диалога.

Очевидно, что русскоязычная литература постсоветского пространства — сложный гетерогенный феномен, актуализирующий целый ряд релевантных вопросов как научно-эмпирического, так и теоретико-философского плана. При комплексном осмысливании внешних и внутренних параметров существования русскоязычной литературы необходимо учитывать множество факторов. Аналитическую значимость представляют статус русского языка в конкретной стране, количество его носителей, качество его социокультурного позиционирования, этнополитиче-

ские характеристики языковой политики и др. В отдельных случаях особое внимание должно быть уделено языковой личности автора, его этнолингвокультурной биографии. Показательно, что среди писателей, творящих на русском языке, немало людей нерусского происхождения (этот список включает в себя десятки имен). Этнически русские авторы ожидаемо остаются верны родному языку: случаи творческого перехода с русского на национальный язык на постсоветских просторах в целом единичны.

Нельзя не заметить, что в последние годы существенно возрос интерес к русскоязычной литературе нерусских авторов. Одним из теоретических центров в рамках обозначенного направления становится Институт русского языка РУДН, в исследовательском пространстве которого работает научная школа профессора У.М. Бахтиреевой. Отраженный в работах Бахтиреевой и ее последователей аналитический опыт имеет универсальный характер, его можно экстраполировать на самые разные ситуации/сценарии русско-национального литературно-художественного пограничья [1; 2. С. 10–22; 3. С. 83–89; 4. С. 171–184].

*К*иргизия (Республика Кыргызстан) занимает особое место на языковой карте стран СНГ. Русский язык в Кыргызстане имеет официальный статус (закрепленный в конституции): он выполняет функции языка межнационального общения. В стране созданы и на сегодняшний день успешно функционируют научно-образовательные институции, связанные с русским языком (например, Институт русского языка им. А.О. Орусаева Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина (КРСУ), кафедра русской филологии КРСУ и др.). Наконец, художественное наследие великого Чингиза Айтматова, блестящее раскрывшего в своих произведениях киргизскую ментальность и природу, в той или иной степени оказалось положительное, стабилизирующее в эпоху этнополитического ренессанса влияние на положение русского языка в творческой среде, гуманитарной сфере страны. Стало очевидным, что глубинные пласти киргизской этнокультуры можно творчески осмыслить, раскрыть для широкой читательской аудитории на русском языке.

Русская литература современного Кыргызстана представлена писателями разных поколений, разных течений, стилей. Примечательно, что в жанрово-родовом аспекте преобладает поэзия. Причем речь идет о доминировании традиционно-консервативного поэтического мышления,нейтрализующего маргинальный творческий опыт и радикальные художественные эксперименты.

К числу ярких, талантливых представителей русскоязычной литературы Республики Кыргызстан второй половины XX – начала XXI столетия есть все основания отнести Светлану Георгиевну Суслову (род. 1949). Она еще в детстве со своей семьей переезжает из Восточной Сибири (г. Чита) в Киргизскую ССР. Город Фрунзе (Бишкек) в итоге становится *genius loci* ее поэтического мира, основой основ ее художественной топографии. Обращают на себя внимание последовательность и полнота профессиональной реализации С.Г. Сусловой: выпускница филологического факультета Киргизского государственного университета, она всю жизнь работала в области литературы, журналистики; ей не приходилось «отвлекаться» на чужие профессии, иные виды деятельности. Она рано (в 29 лет!) становится членом Союза писателей СССР; друг за другом начинают выходить стихотворные сборники. На сегодняшний день С.Г. Суслова – автор 15 книг, признанный в Кыргызстане и за его пределами мастер слова, народный поэт, академик, авторитетный переводчик. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что русскоязычный (этнически русский) поэт может стать влиятельной фигурой в гуманитарном истеблишменте государства, в котором русский язык не является доминирующим.

Одно из бесспорных творческих достижений С.Г. Сусловой – внушительный текстовой корпус осуществленных ею художественных переводов (Сусловой на русский язык были переведены

эпос «Манас», произведения классиков киргизской литературы А. Токомбаева, А. Осмонова, М. Абылкасымовой, Р. Шукурбекова, произведения уйгурского поэта Д. Ясенова, таджикской поэтессы Г. Сайфиевой и др.).

Вопрос о степени владения С.Г. Сусловой киргизским языком, другими языками народов СССР остается открытым.

В процессе работы над настоящей статьей авторы опирались на работы К.К. Султанова [5; 6], Н.В. Злыдневой [7], R. Felski [8], Г.Д. Гачева [9; 10]. В орбиту данного исследования попали стихотворения из книг С.Г. Сусловой «Солнечный ветер» (2024), «Танцующий ирис» (2021).

*П*оэтическое творчество С.Г. Сусловой характеризуется наличием целого ряда устойчивых приемов, структурно-композиционных особенностей, без учета которых невозможно обращаться к содержательному плану художественного миротекста. Произведения Сусловой относятся к жанру длинных стихотворений. Эти тексты вмещают в себя развернутые рассуждения автора, его детализированные переживания. Они «экранизируют» события прошлого и настоящего, экспонируют красоту природы Кыргызстана. При этом вряд ли можно говорить о высокой сюжетной концентрированности произведений Сусловой: речь прежде всего идет о потоке авторских реакций, биографическом «перелистывании» былого, лирическом фрагментировании отдельных его эпизодов, эмоциональных историй. Одна из заметных черт поэтики Сусловой — высокий процент озаглавленности стихотворений. В основе их названий — яркие образные ассоциации или концептуальные философские/психологические обобщения. Стихи Сусловой отличаются традиционной рифмовкой, почти тотальной «зарифмованностью». Автор осознанно избегает каких-либо движений в сторону верлибра, нарушения рифмы, четкой ритмической структуры.

Уже на поверхности поэтических текстов Сусловой видна непростая внутренняя соотнесенность автора с окружающей киргизской языковой и этнокультурной действительностью. Казалось бы, это очевидное художественное преимущество: поэтизация Другого, творческое взаимодействие с неродным языком, его категориально-понятийным аппаратом, звуковыми возможностями, этносимволической системой. Однако Суслова придерживается иной стратегии самовыражения, парадигмы мировосприятия: в ее стихотворном представлении существует только русский язык, почти лишенный прямых и косвенных признаков воздействия киргизского языка. При этом вокруг лирического субъекта — киргизские этнофоры, реалии повседневности, элементы культуры другого народа.

*В*ажнейшая экзистенциальная категория поэзии С.Г. Сусловой — категория памяти. Значительное количество ее текстов отмечены индивидуально-авторской обращенностью к своему прошлому, прошлому других. Ностальгически мемуаристская природа стихотворного дискурса в данном случае представляется более чем естественной: поэт, перешагнувший рубеж семидесятилетия, подводит итоги, пересматривает события собственной жизни, уравновешивает сложное настоящее теплыми воспоминаниями о прошлом. В творчестве Сусловой выявляется еще одно значимое измерение памяти: это память об одновременно близкой и далекой, полузабытой, но внутри поэтизирующего сознания живой, реалистичной и мифологизируемой Советской России. Генетическая, языковая, культурная, литературная сопряженность с Россией становится для автора / лирического субъекта определяющей, стержневой, концептуализирующей множество ментальных и физиологических проявлений. Вместе с тем попытка вспомнить свою Россию подчеркивает неизбежность второй киргизской Родины: это со-бытие двух миров обогащает и осложняет палитру воспоминаний, делает более насыщенной экзистенцию лирического «я», расширяет границы познаваемого, ощущаемого, но обрекает на боль, изматывающую рефлексию, поиски навсегда утраченного. Работающие механизмы памяти (working memory) активизируют в стихотворениях Сусловой разные грани мировосприятия: зрительную, акустическую, тактиль-

ную, вкусовую и др. Так, актуализация хронотопов прошлого приводит к усилению визуальной составляющей текста, к «пробуждению» запахов, вкусов:

Когда по памяти с ревизией / Пройду до самых нежных лет, / То снова встречусь лишь с Киргизией, / Где мне и трёх прожитых нет. / А Забайкалье белым всполохом / Невнятно лишь вздохнёт в душе. / Кизячный дым и запах пороха / Смешались намертво уже. / Читу военно-гарнизонную / Затмил урюка первоцвет / Да иссык-кульская озёрная / Волна, которой сладко нет. / Проснулась память в день, обласканный / Сияньем первого тепла... / Соединившей труд и взлёт, / Я ощущала запах яблочный / И тот, к груди прижатый, плод. / Вот так ложится в душу Родина, / Чтоб стать единственной навек. / Душистым запахом смородины / Пронизан здесь мороз и снег, / Арбузом — грозы, хмелем — осени, / И Спасом яблочным — любовь... [11. С. 4–5].

Одно из отражений индивидуальной памяти — еда, ассоциирующаяся с пространством своего дома, семьи:

В этот день в нашем доме пеклись пироги, / И отец начищал ордена спозаранку. / Все вставали с той самой, что надо, ноги, / И часы отбивали весёлые склянки. / Ах, как пах этот день! И корица, и тмин, / И мясная начинка тугих рассстегаев... [Там же. С. 9].

Стихотворения С.Г. Сусловой, возвращающие в прошлое, нередко пронизаны детскими впечатлениями, детским восприятием привычных жизненных ситуаций. И в таких стихах детского плана поэтическая символизация прошедшего может осуществляться с помощью вещей, предметов быта (см.: «Покрывало» [Там же. С. 10–11]).

Прошлое «приоткрывается» сквозь призму первой, «неправильной» влюбленности, первых реальных и вымышенных расставаний. В текстах этого тематического диапазона также задействованы память тела и зрения, слуха, вкусовые ассоциации, запахи:

Всё — как тогда. Вот только имя / Забыла, помню лишь елей / Таких горячих влажных губ, / Горчащих запахом полыни. / Как часто день наставший люб / Воспоминанье, что нахлынет / Ордой сиреневых кистей, / Звездой, дрожащей в смене терций... / Людей, мелькнувших как гостей / В судьбе, мы помним только сердцем... / Я оставалась здесь — стареть / В тени сиреней, бульонежей, / Ещё молоденьких берёз / И тополей, прямых как вымпел, / И разноцветных пряных роз... [Там же. С. 29];
 Крапива жгла разбитые колени / И становились влажными глаза. / И так хотелось вырасти такой / Таинственной, изящной, молчаливой... / И до сих пор в душе благодарю / Соседку за вечернюю музыку, / За сад её запущенный, где зыбко / Слетались на вечернюю зарю / Бесчисленные запахи — цветов, / Травы примятой, зреющей черешни, / Где бражник, словно кающийся грешник, / Поклоны бил левкоям, но готов / Был вспархивать теченью звуков в такт, / Чтоб тут же поклоняться георгину, / Разворошив всю сердцевину так, / Как врач, подозревающий ангину, / От звуков отвлекая только взгляд, / Не слух и не встревоженное сердце. / Ах, как давно! — сто тысяч лет назад / Была музыка — только так, — и детство, / И женщина, что, выглянув в окно, / Глядела исподлобья, без угрозы, / Как я несу ей сорванную розу... [Там же. С. 27–28].

Видное место в поэтической системе Сусловой занимает мотив переезда, ситуация «мерцания» различных топосов. Постоянная внутренняя готовность к смене места жительства, окружающей действительности, постулируемая в стихах и восходящая к биографической реальности автора, по всей вероятности, способствует формированию особого типа физиоэкзистенциальной памяти. Лирический субъект, часто даже не осознавая этого, всматривается в ландшафт, пейзаж, людей, вслушивается в акустический фон, остро чувствует запахи, запоминает увиденное/ услышанное с высокой степенью четкости, хранит в памяти и случайно / при необходимости воспроизводит этот комплекс впечатлений, реакций детализированно, без потери нюансов, эмоций. Одним словом, в поэзии Сусловой регулярно происходит взаимоаналожение хронотопов: сегодня — это еще и вчера...

Мотив переезда у С.Г. Сусловой содержательно корреспондирует с темой эмиграции. В стихотворении «Эмигрант» уехавший в США человек рассказывает о своей новой американской жизни, внешне излучает оптимизм, как бы транслирует благополучие. Однако его поведение не совсем совпадает с внутренним состоянием. Он пытается освоиться на новой для себя социокультурной территории, еще не обрел «глубину» американской идентичности, продолжает жить прошлым, связи со страной исхода остаются прочными. Его все же терзают сомнения в правиль-

ности сделанного выбора, мысли по-прежнему заняты судьбами России. Лирический монолог русского эмигранта содержит в себе разновекторные состояния, сентенции: осторожную радость по поводу собственной безопасности, риторическую компоненту самооправдания, желание продемонстрировать социальную инаковость, неправильность американского общества, стремление показать его низкий культурный уровень. Обращает на себя внимание негативация англо-американского языка:

Говорят он: Техас — это лучше смерти, / Здесь заботится Бог о последнем смерде, / Это даже не Штаты, а так — предсердье: / Знают здесь про Чайковского, Баха, Верди; / Знают даже и Пушкина, уж поверьте, / Правда — не понимают, за что велик: / Так напишет, мол, даже и ученик, / Что какой-то был дядя хороших правил, / Оттого и в семье до кончины правил... / Говорят он, — мол, дети уже на местном / Научились болтать, но какой-то пресный! / Этот ново-английский, сырее теста — / В нём просторно догадкам, а слову тесно. / А ещё говорит он, что повсеместно / Здесь толкуют, что ныне бесполы чресла, / Что и мальчику можно пойти в невесты... / Дети слушают — им это интересно. / А над родиной нынче, мол, всюду дроны, / Да с начинкой, летают как в снег вороны. / Здесь — ни снега, ни дронов, а только слухи... / — Не хотел уезжать, да случился повод, — / Говорят, говорит... / А в глазах-то холод. / Хлеб чужбины — и волчий сосущий голод! [Там же. С. 24–25].

Художественное осмысление психологически сложных сценариев эмиграции также может рассматриваться в контексте биографии С.Г. Сусловой. На внутреннем глубинно-смысловом уровне многих ее произведений, как правило, иносказательно, между строк, подчеркивается, что на второй родине почти невозможно обрести полноту существования, достичь душевного равновесия, достичь мира с самим собой.

В проанализированных поэтических сборниках Сусловой многогранно раскрывается образ города. Речь идет о столице Кыргызстана, стихотворно представленной в двух воплощениях: советском и постсоветском. Олицетворяющий прошлое, утопающий в цветах и ароматах советский Фрунзе резко контрастирует с городом настоящего — Бишкеком. За таким урбанистико-психологическим противопоставлением, по-видимому, прочитывается авторское отношение к крушению Советского Союза, его идеалов, обыкновений, мифологем. Новый Бишкек для лирического «я» чужой, другой, пустой:

Мы жили беспечно, спокойно, — увы, до поры. / Дворы окружали цветы — золотые шары, / Левкои, пионы, ромашки и радуга астр, / Фиалки глазастые, царственных калл алебастр... / А воздух звенел допоздна: голоса детворы / На ноте высокой держали законы игры, / И пели сверчки, и от взглядов сбежавшихся звёзд / Стыдились себя фонари и, поджавшие хвост, / Творили скорее уютный свечной полуумрак, / Чтоб пары влюблённые не попадали впросак... / Наш Фрунзе, домашний и тихий, отныне — Бишкек. / Как в миксере взбил все устои рачительный век: / Огни беспощадны, рекламами город расшил, / Толпа многоликая день-но и нощно спешит, / Столь разноязыка и столь разношёрстна она, / Что стало опасно играть и бродить дотемна. / В бензиновом смоге как в сером хиджабе луна. / И звёзды боятся себя обнаружить сполна. / Не видно пионов, левкоев, шаров золотых, / Тугих георгинов, красой грозовой налитых, / Ромашки и те подались в приживалки жнивья... / Вот так же исчезли и лучшие в жизни друзья. / Бишкек переполнен, но кажется, будто бы пуст. / От воющих скорых колюч он, как высохший куст... [Там же. С. 29–30].

В контексте неприятия «нового лица» Бишкека начала XXI столетия написано стихотворение «Дзергинка на закате». Дзергинка (в современных топографических реалиях — бульвар Эркиндик) для жителей столицы в течение не одного десятилетия имела символический статус. В советское время это место встреч представителей творческой интеллигенции, важная коммуникативная площадка. Лирическому герою кажется, что современный Бишкек утратил свою интеллектуальную субъектность, культурную величину. Это город человеческих и духовных потерь, восполнить которые уже невозможно. В пространстве текста упоминаются имена выдающихся деятелей искусства, литературы, олицетворяющих эпоху расцвета советской киргизской культуры. Бишкек настоящего воспринимается/оценивается лирическим «я» / автором как город, лишенный культурной памяти. В произведении актуализированы приемы, средства выразительности, раскрывающие минорный эмоциональный фон: хронотопы вечера, темноты, мотив пустоты, ситуация неузнавания:

На новой Дзержинке другие теперь фонари. / Названье другое. Другие прохожие, речи. / Другие, мне кажется, всполохи поздней зари / И точно другой опустившийся сумрачный вечер. / Здесь все незнакомы — не только из юных, но те, / Кто с палочкой тихо навстречу бредёт одиноко, / Настолько чужие, угрюмые, что в темноте / Порой растворяются тенью, невидимой оком. / Здесь прежде гуляли всегда живописцы, певцы, / Поэты, писатели, чьи имена и доныне / Порою звучат, — нашей местной культуры отцы, / Пророки, пасущие дух в бесконечной пустыне. / Айтматов, Чайков, и Осмонов, и сам Аалы / На этих скамейках смеялись над шуткой нередко. / Аллеи Дзержинки при них становились малы, / Дубы и берёзы смыкались над ними беседкой. / Здесь бас Минжилкиева прямо к горам воспарял. / Вслед шуткам Байзакова падали птицы от смеха. / Гудком паровозным им вторил тревожно вокзал, / И с горных отрогов катилось бездонное эхо... / Куда подевались истории нашей столпы? / Безлюдная Дзержинка, хоть здесь протолкнуться не-просто. / Но эту толпу ощущаешь какой-то невзрослой, / Чужой, наносной, как песок позабытой тропы. / Казалось бы, те же — деревья, аллеи, вокзал. / Но словно погасло Дзержинки весёлое пламя. / Вот так же пустеет торжественный актовый зал, / Откуда навеки беспамятно вынесли знамя [Там же. С. 36–37].

*В*оспоминания в поэзии С.Г. Сусловой соседствуют с яркими снами. Сновидение — один из распространенных в художественной литературе континуумов, отменяющих границы времени и пространства. Сны в рамках творческого развертывания могут аккумулировать значительные пласти фольклорно-мифологической и психологической информации. Сон в стихотворениях Сусловой — один из путей в прошлое. Пространство сна отличается детализированностью и многогранностью изображения. Речь может идти об интенсификации зрительных реакций, визуальности впечатлений и переживаний, появлении символически выразительного акустического фона, обострении вкусовых ощущений и др. Обозначенные поэтические особенности зафиксированы в тексте «Ночное»:

Шорохом веток, ветра, листьев, луны / Ночь навевает, сеет странные сны. / Здесь и Сейчас расплываются в прошлых днях. / Дымкой морозной, вёснами дом пропах, / Спелой сиренью, лимонной настойкой гроз, / Знойной полынью, венчающей синий плёс, — / Словно в ночное табун моих грёз унёс / Дух изначальный, в котором удел пророс. / Плавают мысли, зависли без сна в былом. / Воспоминания яблочным цветом в дом / В каждую щель проникают, им несть числа. / Кружатся, тают и прячутся в тень угла. / Кошка бы, ух, обшипела весь угол тот! / Нет её, кошки, она обжигает свод: / В призрачном доме ласкают её теперь / Тени любимых — ушедших в ночную дверь, / Что распахнулась не счесть сколько раз меж звёзд. / Мир — он, конечно, сложен... и всё же прост: / Падают с веток яблоки, как всегда, / С бархата неба срывается вновь звезда, / Да поезда издалёка торопят в путь. / Разве пора? Поживу ещё как-нибудь... [Там же. С. 76–77].

Отдельное место в типологии снов занимают урбанистические сновидения. В стихотворении «Сон» [Там же. С. 79–81] лирической героине снится Ленинград. Этот город в ее сознании перекликается с драматическими событиями, сложными внутренними состояниями юности: болью разлуки, отсутствием перспектив остаться в Северной столице, заниженной самооценкой. Стихотворение «Сон бабочки» [Там же. С. 149–150] — еще одна авторская вариация на тему сна. Это большое, с точки зрения реализации образно-символической составляющей объемное, семантически полифоничное произведение, написанное в постмодернистском стиле. Стихов подобного плана у Сусловой немного. Сон бабочки преподносится как метафора существования прекрасной девушки, живущей одним днем и подчиненной законам природы.

*С*ветлана Суслова — поэт, творчески откликающийся на вызовы современности. В системе ее стихотворений, созданных в последние годы, немало текстов, рассматривающих и оценивающих происходящее в Киргизии, России, на постсоветском пространстве. Эпоха рубежа XX–XXI столетий в поэзии Сусловой получает однозначное художественное толкование: это предапокалиптическое время: человек перестает быть человеком, зло затмевает добро. Тексты такого рода — развернутые авторские рефлексии, психологические центры которых — разочарование, отчаяние, несогласие, обида. Среди тематически актуализируемых индивидуально-авторских контекстов восприятия современности — военные конфликты между родственными народами, конфликт поколений, мотивы разрушения старого мира, разлада, ссоры, глобального

непонимания, одиночества, расставания с любимыми. Ярким примером произведений, иллюстрирующих переживание разрыва человеческих отношений, распада добрососедства, дружбы народов, можно считать стихотворение «Взгляд», в котором вновь противопоставляются вчера и сегодня, поляризуются СССР и современный мир:

Ещё вчераший самый лучший друг, / Души во всём отрада и опора, / Вмig как в глазу соринко застрял
 / В воспоминаньях, в чувствах, в грустных мыслях. / Покуда меч не сменят на орал, / Весь круг друзей,
 увы, как осень листья / Сметают сводки бодрых новостей / О сотнях (значит, тысячах) погибших. / Мой
 край, всегда приемлющий гостей, / Стал хатой с краю, но в нейтральной нише / Кипят, бурлят подземные
 ключи / И рушатся контакты, связи, дружбы... [Там же. С. 61].

Суслова как писатель эстетически, ментально ориентирована на русскую классическую литературу. Эта верность традиции представлена на разных уровнях художественного текста (метрическом, мотивно-образном, интертекстуальном и др.). В том числе фронтальным влиянием русской поэзии можно объяснить востребованность пейзажной лирики, природной символики в творчестве Сусловой. Натуралистическая компонента — основа основ ее образного языка. Значительная часть стихотворений Сусловой отмечена наличием живописного начала, сильной позицией изобразительных стратегий текстопорождения. Отдельный пласт поэзии Сусловой составляют стихи, воспевающие великолепие и многообразие киргизской природы. Некоторые из них в аспекте реализации визуального достигают высокого уровня экфрастичности:

Когда мы едем мимо скал оранжевых / В подпалинах, по-гончemu коричневых, / В которых барельефы
 снегом выточены, / Ты говоришь: «Природа — Микеланджело: / Ученикам не доверяя полностью, / Она
 сама себя творит неистово...» / Мы в Иссык-Куль войдём нагими полночью / И будем долго волны пере-
 листывать, / Все в чешуе от брызг, луной подсвеченных... [Там же. С. 7].

Один из частотных в творчестве Сусловой мотивов, корреспондирующих с образно-естетическими ориентирами русской поэзии, — времена года. Наиболее привлекательным для поэта сезоном оказывается осень — время неспешного созерцания, погружения в себя, подведения итогов. Осень в интерпретации автора не столько природное, сколько экзистенциально-психологическое явление:

День прошел, как будто бы и не был. / Отчего такие стали дни? / Синевой уже клубится небо, / Сея в выси
 жёлтые огни. / Пахнет мёдом, сеном, лёгкой прелью. / Птицы в кронах возятся, свистя. / Но никак не спу-
 таешь с апрелем / Вечер, полный тайного дождя. / И душа, хоть ей всегда семнадцать, / В глубине несёт
 так много слёз, / Что готова плакать и смеяться, / Гибель дня опять приняв всерьёз [Там же. С. 91].

Еще один часто встречающийся и при этом несущий психологический символизм отрезок времени — межсезонье (см.: «Предзимье» [Там же. С. 110–111], «Смена времен» [Там же. С. 83], «Весна осени» [Там же. С. 87] и др.).

*Н*ельзя не отметить богатство образного языка поэзии С.Г. Сусловой. Обращает на себя внимание разнообразие привлекаемых автором выразительных средств. Данной проблеме должно быть посвящено отдельное научное исследование. В творчестве Сусловой повсеместно используются цветовые эпитеты, выражающие широкий комплекс поэтических значений (от номинативно-визуальной функции до глубинной семиотизации). К ключевым образам художественной системы относятся символы дыма, дождя, неба, окна (см.: «Под окном» [12. С. 61], «Август» [Там же. С. 66], «Апрельские дожди» [Там же. С. 114], «Этот дождь — он не кончится никогда» [Там же. С. 23], «Песенка о Фрунзе» [Там же. С. 31–32] и др.). Упомянутые образы в той или иной степени семантически соотносятся с темой быстротечности времени, артикулируют экзистенциальную значимость памяти, «отменяют» границу между прошлым и настоящим, жизнью и смертью.

С.Г. Суслова не могла обойти тему родного языка. Примечательно, что автора в данном случае волнует не положение русского языка в иноязычном окружении, не возможность его этно-политического притеснения. В фокусе поэтического внимания [11. С. 18–19] оказываются проб-

лемы эстетики и чистоты языка, языкового качества, культуры речи. Значимыми критериями духовной высоты языка, речи, по мнению автора, являются категории правды, искренности, лаконичности высказывания, точности мысли:

Дитя окраины — всерьёз / Я фальшь в речах высоких слышу. / Мне мак, алеющий на крыше, / Дороже клумб садовых роз. / Простые речи мне милей / Любых напыщенных речовок. / Язык бывает щедр и ловок, / Но забегаловкой бичей / Порою вижу словопад, / Где нет своих ни чувств, ни мыслей. / В них все суждения прокисли / И все остроты — невпопад. / Простая речь груба, чиста, / Правдива, искренна, не льстива. / Блатной жаргон в ней — это ксива, / Что жизнь не с чистого листа... / Твой собеседник начал, — что ж, / У нас, побывших в виноватых, / Кто в арестантах, кто в солдатах, / Ткни пальцем в каждого, — найдёшь. / Но в их речах негромких смысл / Без спешки выношен душою, / Метафоричен слог, душист, / Порой с издёвкой небольшую / И над собой, и над тобой, / Да и над всем подлунным миром. / В правдивом сердце нет кумиров... [Там же].

Стихотворение «Слова» [Там же. С. 116–117] продолжает тему особого онтологического статуса языка, подчеркивает важность каждого сказанного слова.

Исследование художественного феномена русскоязычного поэта из Республики Кыргызстан С.Г. Сусловой может осуществляться в контексте самых разных научно-исследовательских проблем. Одно из перспективных направлений — рассмотрение комплекса текстов в сравнительно-сопоставительном аспекте, в многомерном литературном измерении русскоязычных авторов стран Центральной Азии, СНГ. Очевидно, что в стихотворных произведениях Сусловой, несмотря на их яркую индивидуально-авторскую самобытность, имеют место общие для большинства региональных вариантов русской литературы модели презентации Своего и Другого, особенности художественного осмысления своего сложного этнолингвокультурного статуса.

В процессе исследовательского обращения к поэзии С.Г. Сусловой были сделаны некоторые выводы. Суслова относится к числу наиболее талантливых русскоязычных писателей бывших республик СССР, творческое становление которых пришлось на 1970–1980-е гг. Значительный интерес представляют и отдельного комментария требуют социокультурные контексты творческой биографии писательницы, скорость, масштабы ее самореализации. Поэтически значимая стратегия Сусловой — сохранение чистоты родного русского языка. Автор почти полностью отказывается от актуализации киргизской лингвокультурной компоненты. При этом для писательницы очень важно проявить свою эстетическую, нравственно-философскую соотнесенность с традициями русской литературы. Применительно к поэтическому наследию С.Г. Сусловой речь может идти о концептуальном моделировании терминов, категорий, связанных с проблемами научного описания взаимодействия, взаимоналожения этнических, территориальных, языковых идентичностей, картин мира.

Литература

1. Бахтикриева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М.: Триада, 2005. 192 с.
2. Бахтикриева У.М. Русскоязычный текст: о не-русской языковой личности // Функциональная семантика и семиотика: сб. науч. ст.: в 2 ч. М.: РУДН, 2014. Ч. 1. 596 с.
3. Бахтикриева У.М., Шагимгереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. С. 83–89.

References

1. Bakhtikireeva U.M. Tvorcheskaia bilingval'naia lichnost': natsional'nyi russkoiazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta. Moscow: Triada, 2005. 192 s.
2. Bakhtikireeva U.M. Russkoiazychnyi tekst: o nerusskoi iazykovoi lichnosti // Funktsional'naia semantika i semiotika: sb. nauch. st.: v 2 ch. Moscow: RUDN, 2014. Ch. 1. 596 s.
3. Bakhtikireeva U.M., Shagimgereeva B.E. Iazykovoe bytie tvorcheskoj lichnosti: Bakhyt Kairbekov//Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2020. T. 17. No. 1. S. 83–89.

4. Валикова О.А., Синячкин В.П., Кулевша Ш.А. Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 171–184.
5. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
6. Султанов К.К. Эволюция и традиция: от «младописьменной» литературы к нарративной идентичности. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 544 с.
7. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индрик, 2013. 360 с.
8. Fe1ski R. Beyond feminist aesthetics. Feminist literature and social change. Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 240 р.
9. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. М.: Советский писатель, 1988. 233 с.
10. Гачев Г.Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
11. Суслова С.Г. Солнечный ветер. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2024. 247 с.
12. Суслова С.Г. Танцующий ирис. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2021. 300 с.
4. Valikova O.A., Siniachkin V.P., Kulieva Sh.A. Onticheskie elementy kak markery translingval'nosti v stikhotvoreniiakh E. Mizhita // Novye issledovaniia Tuvy. 2023. No. 4. S. 171–184.
5. Sultanov K.K. Ugol prelomleniia. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt. Moscow: IMLI RAN, 2019. 352 s.
6. Sultanov K.K. Evoliutsiia i traditsiia: ot «mlado-pis'mennoi» literatury k narrativnoi identichnosti. Moscow: IMLI RAN, 2025. 544 s.
7. Zlydneva N.V. Vizual'nyi narrativ: opyt mifopoe-ticheskogo prochteniia. Moscow: Indrik, 2013. 360 s.
8. Fe1ski R. Beyond feminist aesthetics. Feminist literature and social change. Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 240 p.
9. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira: obshchie voprosy: russkii, bolgarskii, kirgizskii, gruzinskii, armianskii. Moscow: Sovetskii pisatel', 1988. 233 s.
10. Gachev G.D. Neminiuemoe. Uskorennoe razvitiye literatury. Moscow: Khudozh. lit., 1989. 431 s.
11. Suslova S.G. Solnechnyi veter. Bishkek: Literaturnyi Kyrgyzstan, 2024. 247 s.
12. Suslova S.G. Tantsuiushchii iris. Bishkek: Literaturnyi Kyrgyzstan, 2021. 300 s.

Арзамазов Алексей Андреевич,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой
дидактики
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа
и когнитивной филологии
Казанский научный центр РАН

Arzamazov Aleksey A.,
Doctor of Philology, Professor of the Russian Studies, Ethno-Oriented
Pedagogy and Digital Didactics Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia;
Head of the Laboratory of Multifactor Humanitarian Analysis and
Cognitive Philology
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Science

e-mail: arzami@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7577-5917>

Худайбердина Динара Азреталиевна,
докторант кафедры русской филологии и мировых языков
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Khudaiberdina Dinara A.,
Doctoral Student of the Russian Philology and
World Literature Department
Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

e-mail: dinara.azretaliyevna@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0004-6352-110X>

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 06.10.2025

Случай Зальцмана: проникновение на Восток

В работе исследован малоизвестный роман «Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)» советского художника и писателя Павла Яковлевича Зальцмана. Проблематика статьи связана с критикой «показного» характера большинства межкультурных проектов советской эпохи, где «диалог культур» сводился к внешним контактам и не предполагал подлинного проникновения в иное мировоззрение. Немногие писатели предпринимали эмпатические усилия, выходя за пределы этноцентристической позиции субъекта, мыслящего в рамках собственной культурной матрицы. Зальцман, по мнению авторов настоящей статьи, представляет собой пример такого выхода — «случай Зальцмана». В тексте романа Зальцмана выявлены тюркские культурные концепты, свидетельствующие о глубине проникновения автора в иную культурную реальность и о преодолении им традиционного восприятия Востока. В процессе анализа представлена характеристика писательской оптики, изучен отход Зальцмана от ориенталистского канона, сложившегося в русской литературе XIX–XX вв., рассмотрены паттерны тюркской культурной картины мира: маскарабозы, Хыэр, Машраб, Симург, Закхак.

Ключевые слова: Павел Зальцман, тюркский мир, ориентализм, маскарабоз, Хыэр, Машраб, Симург, Закхак/Закхак, роман «Средняя Азия в Средние века»

The article examines the little-known novel “Central Asia in the Middle Ages” by the Soviet artist and writer Pavel Yakovlevich Zaltsman. The authors link the article’s problematic with criticism of the ‘showy’ nature of most intercultural projects of the Soviet period, where the ‘dialogue of cultures’ was related to external contacts and did not imply genuine penetration into another worldview. A small number of writers have made empathic efforts, going beyond the ethnocentric position of the subject thinking within the framework of his own cultural matrix. Zaltsman, according to the authors of the article, is an example of such a way out — ‘the Zaltsman case’. The text of Zaltsman’s novel reveals Turkic cultural concepts, which testify to the depth of the author’s penetration into another cultural reality and his overcoming of the traditional perception of the East. The analysis presents the characteristics of the writer’s optics, Zaltsman’s departure from the orientalist canon that developed in Russian literature of the 19–20th centuries, and examines the patterns of the Turkic cultural picture of the world: maskarabozs, Khizr, Mashrab, Simurg, Zakhak.

Keywords: Pavel Zaltsman, Turkicworld, Orientalism, Maskaraboz, Khizr, Mashrab, Simurg, Zahkhok/Zakhak, the novel “Central Asia in the Middle Ages”

Введение

«Проникновение» на Восток в русской литературе прослеживается на протяжении всего ее существования. Особенно интенсивно оно происходит в советский период (именно тогда на смену выражению «русский Восток» приходит «советский Восток»). Среди «послов» русской культуры на Восток был Павел Яковлевич Зальцман (1912–1985), художник и кинематографист. О том, что он был и писателем, стало известно только в XXI в., когда были опубликованы его рассказы и неоконченные романы¹. Литературовед Олег Юрьев высказался эмоционально: он не знает, за какие заслуги нам, читателям, открылся поэт и прозаик Павел Зальцман. «Уж ничего такого

¹ Зальцман П. Мадам Ф.: повести, рассказы, стихи / предисл. Л. Аннинского; послесл. А. Zusmanovicha. M.: Lira, 2003. 227 с.; Его же. Сигналы Страшного суда: поэтические произведения / сост., comment. И. Кукуя. M.: Vodolei, 2011. 480 с.; Его же. Щенки: проза 1930–50-х годов / подгот. текста П. Казарновского, И. Кукуя. M.: Vodolei, 2012. 432 с.; Его же. Осколки разбитого вдребезги: дневники и воспоминания, 1925–1955 / сост., подгот. текста и примеч. А. Zusmanovicha, И. Кукуя. M.: Vodolei, 2017. 445 с.; Его же. Средняя Азия в Средние века / сост., comment., второе послесл. Т. Баскаковой; послесл. Е. Зальцмана (Лотты). M.: Ad Marginem Press, 2018. 472 с.; Его же. Сны. Tel-Aviv: Izd-vo knizhnogo magazina «Бабель», 2023. 170 с.

Zal'tzman P. Madam F.: povesti, rasskazy, stikhi / predisl. L. Anninskogo; poslesl. A. Zusmanovicha. Moscow: Lira, 2003. 227 s.; Ego zhe. Signaly Strashnogo suda: poeticheskie proizvedeniia / sost., komment. I. Kukui. Moscow: Vodolei, 2011. 480 s.; Ego zhe. Shchenki: proza 1930–50-kh godov / podgot. teksta P. Kazarnovskogo, I. Kukui. Moscow: Vodolei, 2012. 432 s.; Ego zhe. Oskolki razbitogo vdrebzgi: dnevniki i vospominaniia, 1925–1955 / sost., podgot. teksta i primech. A. Zusmanovicha, I. Kukui. Moscow: Vodolei, 2017. 445 s.; Ego zhe. Sredniaia Aziiia v Srednie veka / sost., komment., vtoroe poslesl. T. Baskakovo; poslesl. E. Zal'tsmana (Lotti). Moscow: Ad Marginem Press, 2018. 472 s.; Ego zhe. Sny. Tel'-Aviv: Izd-vo knizhnogo magazina “Babel”, 2023. 170 s.

хорошего мы, кажется, не сделали. Может быть, именно поэтому?» [1. С. 191]. Илья Кукуй, ссылаясь на В. Шубинского, пишет, что появление в литературном процессе текстов Зальцмана «заставляет в известной мере перестраивать всю историю русской литературы XX века» [2. С. 407]. Таким образом, исследователи и литературные критики сходятся в том, что Павел Зальцман — явление в русской литературе, феноменальная индивидуальность, которую мы попытаемся рассмотреть на примере романа «Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)». Написанный в 1930–1950-х гг., он впервые опубликован в 2018 г. Этот незавершенный роман выходит за рамки типичного для своего времени этнографического или идеологического подхода к изображению «чужого». В центре нашего внимания — способ художественного освоения тюркского мира, воспринятого Павлом Зальцманом не как экзотическая «восточная» стилизация, а как живая и равноправная культурная система. (Особенность жанровой формы, повествования и семантика заглавия были рассмотрены в предыдущих работах [3; 4].)

Цель настоящего исследования — выявить, каким образом тюркский культурный код препрезентируется в романе и насколько глубоко автор смог проникнуть в иную культурную реальность, преодолев барьеры восприятия.

Задачи исследования: охарактеризовать писательскую оптику Павла Зальцмана; рассмотреть принадлежность (или непринадлежность) авторской позиции к ориенталистскому вектору культуры и литературы; раскрыть паттерны тюркской культурной картины мира, присутствующие в романе.

Объектом анализа выступает тюркский мир в романе «Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)»; предметом — формы и механизмы презентации тюркской цивилизации: мифопоэтика, символические имена.

Методология исследования основана на принципах семиотики культуры, анализа концептов и визуальной антропологии, что позволяет интерпретировать роман как визуально-вербальный опыт межкультурного перевода. Особое внимание уделяется мотиву ужаса как двигателю сюжета, раскрывающему глубинные архетипы восприятия и культурные травмы.

Основная часть

Особенности оптики Павла Зальцмана

Формирование Павла Зальцмана как личности и писателя совпало с тем периодом XX в., когда, по словам О. Юрьева, становились особо значимыми «стратегии выживания, методы ориентации в окружающей враждебной среде и способы самоприживления к культурам “ликвидированным”, практиковавшиеся в классическое советское время (30–50-е годы) писателями, полностью и сознательно отказавшимися от литературной социализации — в первую очередь от попыток публикации» [1. С. 169].

Одним из ярких явлений Ленинграда 1920–1930-х гг., где жил Зальцман, был круг творческих людей, входящих в литературное сообщество ОБЭРИУ или примыкавших к нему, как, например, Всеволод Петров, одноклассник Павла Зальцмана (сопоставление личностей одноклассников и их творчества проделано О. Юрьевым [1]). По словам людей, знавших Зальцмана или исследующих его деятельность, обэриутская эстетика — «совершенно новый по структурам, отношениям и творческим результатам феномен» [Там же. С. 183] — отчасти и сформировала писателя Зальцмана (см.: [1; 5; 6]). В середине 1930-х гг. обэриуты были уничтожены: «ленинградская полу- и неофициальная культура 20–30-х годов» была «разбита вдребезги» [1. С. 183]. Павел Зальцман — один из ее осколков; он вступает на путь двойной жизни. По мысли А. Бренера, Зальцман «ухитился сидеть на двух стульях сразу: на авангардистском, подпольном и опасном, и на куда более надежном — сработанном советской кинопромышленностью» [7. С. 38].

«Эти молодые люди волей-неволей жили двойной жизнью. С одной стороны, совершенно нормальной советской жизнью своего времени: школа с комсомольцами, собраниями, полит-информациями <...>. А с другой стороны, когда юный Всеволод Петров приходил в дом Михаила Кузмина, а Павел Зальцман, ученик Филонова, к Хармсу на домашнее чтение, они попадали в совершенно другой мир — точнее, в два других мира, не менее реальных, чем “основной”, не скрывающих никаких его признаков, но принципиально других по атмосфере, по языку, по взгляду на вещи» [1. С. 171]. Думаем, что именно трагическая судьба ОБЭРИУ подвигла Зальцмана скрывать свое писательство. «Незавершенность текстов Павла Зальцмана, на наш взгляд, можно объяснить как намерением самого писателя никогда их не печатать, так и его опасением, что при жизни писателя они вряд ли будут опубликованы. Возможно, по мысли писателя, не было смысла и заканчивать работу. Тем не менее Зальцман продолжал писать — это значит, для него литература была способом выстоять в мире, где выстоять было почти невозможно» [8. С. 87], — пишет Ш. Кешфидинов.

Внешний эпатаж обэриутов: их одежда, образ жизни, формы отдыха, совместных розыгрышей — не был свойствен Зальцману. Он был человеком порядка, его жизненное кредо — *ordinamenti* [4].

Илья Кукуй, исследуя блокадный нарратив Зальцмана, выделяет в нем повторяющееся слово и понятие — «порядок»: «...одной из центральных линий воспоминаний является осмысление разрушения установленного порядка на всех уровнях жизни» [9. С. 174]; Олег Юрьев пишет: «...в любой зальцмановской прозе, независимо от ее качества, очень сильна и ощутима эта нарушенная, порушенная жизненная норма» [1. С. 185].

Та же черта — стремление к порядку — отмечена очевидцем, художником Александром Бренером, познакомившимся с Зальцманом на рубеже 1970–1980-х гг. (время предположительно) в Алма-Ате:

...он открыл — красивый, моложавый, стройный, с волнистыми седыми волосами и яркими глазами. Одет он был тщательно — галстук, голубая сорочка и пиджак, а на ногах какие-то изящные домашние туфли, отнюдь не шлепанцы.

Комната, в которой мы оказались, источала дух благородного аскетизма. Горела люстра. На красивом столике стояло небольшое, но изысканное угождение.

Вспоминаю блюдо с холодными закусками, вспоминаю тарелку с эклерами.

Павел Яковлевич был сдержан, приветлив. <...> Зальцман оказался умелым, тонким собеседником [7. С. 42].

Когда спутница А. Бренера, по случаю оказавшаяся гостьей Зальцмана, стала вести себя неподобающим образом (ее поведение было, возможно, оскорбительно для миропорядка хозяина), Зальцман не попросил ее уйти, не сделал замечание — он попросту покинул свою квартиру [Там же. С. 37–46].

Все, кто знал Зальцмана, отмечают ограниченный круг людей вокруг него (например, А. Бренер пишет: «Павел Яковлевич трудно сходится с людьми и имеет узкий круг друзей и собеседников» [Там же. С. 39]). Дочь Лотта цитирует его стихотворение:

Анкета
Фамилия, имя, отчество.
Профессия — одиночество.
(1952) [10. С. 380]

Продолжает делиться воспоминаниями А. Бренер:

Он встречался, разговаривал с людьми, с художниками, но не принадлежал их обществу — был один. Он не был модернистом.

И к маргиналам он не присоединился.

И к официалам тоже. <...>

Мир — весь, полностью — оказался чужим, не его. И себя в этом мире он тоже не узнавал, не ощущал. <...> А он был одиноким, неприсоединившимся художником — Павел Яковлевич Зальцман [7. С. 45–46].

Биография П. Зальцмана не единожды описана в статьях, посвященных его творчеству (напр.: [1; 2; 5; 6]); мы ограничимся его автобиографией, которая хранится в архиве Казахского национального университета имени аль-Фараби, где некоторое время Зальцман преподавал (полагаем, что этот текст публично воспроизводится впервые); в пору, когда там работал Зальцман, университет назывался иначе: Казахский государственный университет имени С.М. Кирова (см. в приложении его заявление о приеме на работу). Один из фрагментов автобиографии Зальцмана приблизит нас к роману «Средняя Азия в Средние века»:

Родился я в Кишиневе в 1912 г. С 1924 г. жил и окончил 1-ю советскую школу в Ленинграде.

С 1930 г. и непрерывно по настоящее время работаю в советской кинематографии.

Отец мой из мещан Смоленской губернии, из обрусевших немцев (мать его русская), служил от вольно-определяющегося до чина подполковника, полученного в войне 1914–16 гг. в русской армии.

Принимал участие в организации Красной Гвардии в г. Бердянске и затем работал в Р.К. милиции в г Одессе. Мать моя — еврейка. И отец и мать пали жертвами гитлеровской блокады в осажденном Ленинграде.

Получив среднее образование, я окончил в Ленинграде 1-й Государственный художественный политехникум (1931 г.) по классу декорации (проф. Бобышев² и Френц³), работал художником в ленинградском «Театре для детей» и иллюстратором в ряде ленинградских журналов (1931–1933 гг.) — «Резец», «Юный пролетарий», «Стройка» и др. С 1928 г. я начал работать на студии Белгоскино⁴, а с 1930–31 г. на Ленинградской Ордена Ленина киностудии «Ленфильм», где я в качестве художника сделал ряд кинофильмов, вышедших на советской экран. Некоторые из них большого масштаба — «Анненковщина», «Победители ночи», «Лунный камень», «За Советскую Родину», «На границе» и др. (Подробный список проделанных мною в советской кинематографии работ приложен.)

Ряд киноэкспедиций в пределах СССР дал мне возможность практически изучить черты многих национальных культур (Таджикистан, Узбекистан, Памир, Бурятия, Карелия, Украина, Казахстан и т.д.) (полужирным шрифтом выделено нами. — Э.Ш., Н.Ш., К.К.). Во время великой Отечественной войны я был мобилизован для выполнения секретных работ по спец. заданию Ленинградского исполнкома (маскировочные работы на ленинградских заводах — им. Карла Маркса, Красный маяк и др.). В конце 1942 г. я был направлен Главным управлением по делам кинематографии на работу в Центральную объединенную киностудию в г. Алма-Ату, где сделал в 1943–44 г. кинофильм «Белая роза». За участие в воспитании молодых кадров казахстанской кинематографии мною в 1944 г. получена Почетная грамота Верховного Совета КазССР.

В 1947–48 г. на Алма-атинской киностудии я в качестве главного художника сделал вышедший ныне на экран фильм «Золотой рог». Одновременно с этим я окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма. С 1946 г. я преподаю в Алма-атинской киноактерской школе историю изобразительных искусств, историю материальной культуры и историю театра.

31 августа 1948 г.⁵

Ориентализм или не-ориентализм?

Путь на Восток был проложен Зальцманом еще в 1930-е гг., когда он выезжал туда из Ленинграда на киносъемки («1934 — Участвует в киноэкспедиции на Памир»; «1936 — Участвует в киноэкспедиции на Памир» [11. С. 174]). В 1942 г. Зальцман вместе с семьей эвакуируется (принудительно, как «лицо немецкой национальности») в Алма-Ату, в которой живет до конца своих дней. Таким образом, тюркский мир становится для него не экзотическим времененным впечатлением, а средой обитания. Возможно, это и определило качество его изображения.

Советский среднеазиатский Восток уже имел свою традицию художественного воплощения в русских стихах и прозе — традицию, начатую в XIX в. (концепты «русский Восток» и «советский Восток» отличаются только акцентами, не будучи антиномиями); из наиболее ярких примеров —

² Михаил Петрович Бобышев (1885–1964) — театральный художник, живописец.

³ Рудольф Рудольфович Френц (1888–1956) — живописец, график.

⁴ Белгоскино — название киностудии в Белорусской ССР (1924–1928).

⁵ Личное дело П.Я. Зальцмана. Автобиография // Архив Казахского национального университета имени аль-Фараби. Д. № 1456. Оп. 1. Связка 52. Л. 3.

Lichnoe delo P.Ia. Zal'tsmana. Avtobiografija // Arkhiv Kazakhskogo natsional'nogo universiteta imeni al'-Farabi. D. No. 1456. Op. 1. Sviazka 52. L. 3.

проза Николая Каразина, Андрея Платонова, Леонида Соловьева; в поэзии имен множества: Николай Гумилев, Александр Ширяевец, Черубина де Габриак, Дмитрий Вифлеемский, Сергей Марков, Анна Ахматова и др. Все перечисленные имена вписываются в ориенталистский вектор русской литературы: авторская оптика европейца настроена на постижение культуры другого, палитра разная — от удивления до восхищения и сочувствия. Таким образом, для ориенталистского дискурса характерна биполярность: *свое и чужое*.

У термина «ориентализм» нет слова-антонима, которое можно было бы использовать в нашем контексте. Термин «оксидентализм», будучи антонимом, учитывает иной контекст: это рецепция восточным человеком западного мира. Нам же необходимо слово, по смыслу соответствующее не-ориентализму. Павел Зальцман, находящийся, условно говоря, в той же позиции, что и перечисленные авторы, изображающие Восток, создает восточный мир *неориенталистски*; в отличие от биполярной ориенталистской структуры, его тексты однополярны, в них нет противопоставления двух миров, двух картин. И это очень редкий и важный случай. Такое дано немногим.

С другой стороны, ориенталистский взгляд на чужое вполне естественен и закономерен как для обывателя, так и для литератора. Однако такой подход не означает, что изобразивший Восток понял его суть, проник в его ментальные и эзистенциальные глубины, — как показывает история литературы, это практически невозможно. По словам Михаила Лотмана, «на Восток нужно стремиться, но он невидим и при жизни недоступен» [12. С. 21]. Редким авторам — художникам и писателям — это все же удается. Зальцман среди них.

Классический ориентализм антитетичен: Востоку в нем всегда, прямо или опосредованно, противостоит европейская цивилизация. У Зальцмана нет этого столкновения, повествователь растворен в культуре, которую изображает, он ее плоть: думает и чувствует мыслями своих персонажей, «я» субъекта повествования, без переходов и пунктуационных разграничителей, перетекает в «я» всех его героев [13. С. 298].

Важными для нас являются слова Зальцмана из его автобиографии: «Ряд киноэкспедиций в пределах СССР дал мне возможность практически изучить черты многих национальных культур (Таджикистан, Узбекистан, Памир, Бурятия, Карелия, Украина, Казахстан и т.д.)». Это констатация органического врастания в чужую культуру, которая становится *своей*.

Исследователь романа П. Зальцмана Г. Гиздатов считает, что сюжет «Средней Азии в Средние века» «выглядит так, как в классической ориенталистской прозе, как когда-то ее описывал Э. Саид. В нем есть все от эксцентричности восточной жизни — красоты природы, таинственность и оккультизм, в том числе и погоня за роковой женщиной» [14. С. 1437]. По его же словам, ориентализм в романе можно обосновать использованием элементов исторического сюжета, деталями биографий героев [Там же. С. 1437–1438]. Мы не разделяем эту точку зрения. На наш взгляд, подобные суждения можно отнести к любой другой прозе. Да, Зальцман упоминает весь корпус ориенталистских паттернов: базары, мазары, дервиши и пр. Однако делает он это *иначе*: во-первых, все эти паттерны — составная часть жизни Востока, во-вторых, Зальцман упоминает их не как экзотизмы, а органически вплетая в ландшафт восточного мира. Главное, что сумел сделать Зальцман в своем «восточном» романе, — передать чувства, страхи, надежды, мечты «восточного» человека. Г. Гиздатов считает, что достижение Зальцмана — «близость европейскому и российскому художественному авангарду» [Там же. С. 1436], однако подобное изображение Востока вряд ли находимо в русском авангарде. Зальцман в этом плане уникален. (О разрушении им ориенталистского канона см.: [4. С. 110–111].)

«Он не запутался в отвратительном лживом сабантуйе культуры, а держался в сторонке, особняком, этаким советским денди. Он научился жить в своей впадине, выемке, под упавшим листом, как гусеница» [7. С. 46], — скажет о нем А. Бренер.

Паттерны тюркской культурной картины мира

Необходимо еще раз заметить, что роман Зальцмана не исторический, его заглавие — игра и интрига, каламбур и хиазм: «Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)», о чем уже было написано [4]. Упоминаемые исторические персонажи не воссоздают реальной картины истории. Это свойство прозы Зальцмана подмечено О. Юрьевым: «...у Зальцмана сняты все однозначные маркировки времени действия» [1. С. 187], для Зальцмана существенно не время, а пространство [Там же. С. 189]. Все войны, сражения, битвы, изображенные в «Средней Азии...», — это войны, сражения и битвы, которые могли происходить в любое время (отсюда притчевая интенция текста).

Пространство романа населено множеством персонажей: это люди с их мечтами и опасениями, радостями и страхами, будничным ритмом жизни. Именно этот пласт «восточного» мироздания разгадывает Зальцман.

У этих сторон жизни есть свои имена, которые неизменны со Средних веков по сей день. Они — строительный материал жизни среднеазиатского Востока, их мы называем *паттернами*. Рассмотрим некоторые из них.

Масхарабозы (у Зальцмана в иной огласовке: *машкарабазы*) — социальный типаж тюркоязычного быта: они сопровождают людей в будни и праздники, на войне и в мирное время. «А за машкарабазами послали»⁶; «Он сходит с коня по подставленным рукам и, ласково улыбнувшись двум... видимо, машкарабазам, которые, рванувшись в сторону, уходят в глубину толпы колесом, подходит к скатерти, над которой стоят купцы — неподвижно, как соляные столбы»⁷; «Этот принц, когда его понесут на табуте — или, может быть, поволокут на аркане по площади, — кому он все это оставит? Некоторое время они будут следовать за ним. Его охотники с соколами, ястребами, и бургутами, и цаплями. И дрессировщики с барсами и собаками, и машкарабазы»⁸. Если искать аналогичную фигуру в русской культуре, то это скоморохи. «...Среднеазиатский масхарабоз и русский скоморох — “братья” по судьбе и профессии» [15. С. 53]. Однако скоморохи — явление для нынешних времен архаичное, в тюркской же культуре — вполне актуальное. Русское слово «скоморох» происходит от арабского «масхара» — «смешной человек, шут, паяц» [16. С. 26]. Функция масхарабозов в восточных реалиях, с одной стороны, сатирическая, с другой — психолого-терапевтическая.

Следующее имя, которое уловил Зальцман в тюркской картине мира, — это святой Хыэр (в разных тюркоязычных локальных языковых традициях наблюдаются другие огласовки имени святого: Хадир, ал-Хадир, Хедр, Хизэр, Хидр, Хызыр [17]). Он выполняет роль «заместителя» Всевышнего, которого увидеть никогда нельзя, а Хыэра, если повезет, можно, он всегда где-то рядом, наблюдает, и распознать его может только избранный — достойный. Дух Хыэра обучает мусульманских мистиков божественным знаниям [18. С. 43]. Хыэр предстает порой в облике старца, «одаряющего изобилием и счастьем тех, кто воочию увидит его» [17]. В переводе с арабского Хидр — «зеленый», его имя связано «с растительным миром» [Там же].

«Но если явился к тебе однажды белый старик и сел на пороге, а ты его не заметил, и ушел он, исчез, не испробовав твоего хлеба, не смочив бороды твоим чаем, — горе тебе, о случайный мой собеседник, ибо человек тот был Хызыр-бобо (или Хыэр. — Э. Ш., Н. Ш., К. К.). <...> Вот я пришел к тебе и уже ухожу — узнал ли ты меня по жесту, по запаху или хотя бы по слову моему, смертному, как подорожник возле курятника?...»⁹ — так видит Хыэра поэт Санджар Янышев.

⁶ Зальцман П.Я. Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 85.

Zal'tzman P.Ia. Sredniaia Azia v Srednie veka (ili Srednie veka v Srednei Azii). Mosow: Ad Marginem Press, 2018. S. 85.

⁷ Там же. С. 141. / Ibid. S. 141.

⁸ Там же. С. 149. / Ibid. S. 149.

⁹ Янышев С. Уmr. Новая книга обращений. М.: Apt Xaus медиа, 2017. С. 29–30.

Ianyshев S. Umr. Novaia kniga obrashchenii. Moscow: Art Khaus media, 2017. S. 29–30.

У Зальцмана Хыэр предстает типичным для мусульманской мифологии повседневности: он ездит «на ветке, как на коне» (так парадигматически обозначена его связь с растительностью), но тот, кто просит у Аллаха Всемогущего сделать Хыэра видимым, не удостоен пока узреть его: «...я этого не видел. Аллах Всемогущий! Сделай, чтоб я увидел»¹⁰. «Хыэром (зеленым) называют пророка потому, что одного явления его в мертвый до того пустыне достаточно для того, чтобы все вокруг покрылось свежей зеленою растительностью»¹¹. Хыэр играет в мусульманской культуре роль некоего невидимого наблюдателя за нравственностью и безнравственностью.

Одним из ключевых образов в романе Зальцмана выступает *Машраб*; его называют *дервишем*, или диваной¹². «В Средней Азии персидское слово дервиш не в ходу. Используют его местный аналог — девона. Так называют странного, другого, живущего не так, как все. Это может быть бродячий аскет, или возмутитель спокойствия, или нищий, проповедующий *другие ценности*» [19. С. 227]. По сути, роль дервиша применительно к Машрабу — лишь одна грань его личности.

Машраб — реальное лицо, поэт, трибун; он перемещался по среднеазиатским городам и кишлакам, читал вслух свои стихи о Боге, возлюбленной; его сопровождали толпы простых людей, его привлекали в свои дворцы ханы, почти все считали его святым, но Машраб не хотел славы святого, его больше устраивала роль возмутителя спокойствия. Отсюда его намеренно эпатажное поведение: он ниспровергает все социальные псевдонормы. Например, он часто ходил нагим. На упреки матери, что негоже так смущать односельчан, Машраб отвечал, что он пришел в этот мир нагим и нет в его обнаженном теле ничего зазорного. О Машрабе в тюркском мире знают все, утверждают историки-туркологи. Так, в 1895 г. о Машрабе пишет Н.И. Веселовский: «Дувана Машраб, остряк и циник, очень популярен в Средней Азии. Есть сборники его изречений и получений самого скабрезного содержания. Личность эта, по нашему мнению, заслуживает глубокого внимания и серьезного изучения как пример былого свободомыслия и решения религиозных вопросов и как продукт умственной жизни народа...» [20. С. 325]. Знают все, но не все любят. Одни восхищаются остроумием и афористичностью его стиха (например, влюбленный Илляш из романа Зальцмана свое состояние описывает словами из стихов Машраба: «И я стал как бабочка на дороге любви. Бездельничал, как дивона, и пел грустные песни. Правду сказал Машраб: губы — рубин, зубы — жемчуг, брови, как михраб веры, а ее родинка на щеке, как сумбуль»¹³), другие ненавидят (например, муллы), третья ханжески притворяются, будто Машраб им неизвестен. Н.С. Лыкошин, который одним из первых описал на русском языке жизнь и творчество Машраба, отмечает:

Часто даже хорошо знакомый с произведениями Машраба ученый туземец постараётся скрыть это знакомство, отречется, что читал этого автора, как особенно скромные барышни подчас стесняются сознаться, что читали новеллы Боккаччо или сочинения Ги де Мопассана. Отнюдь не скромность в этом случае удерживает муллу от чистосердечного признания своего знакомства с непризнанным святым: гордость своей ученоностью кладет печать молчания на уста такого знатока мусульманских наук и не позволяет ему обнаружить, что и он когда-то интересовался не одними строго научными сочинениями, признанными всеми образованными людьми за чистые произведения ума. Ведь поддерживая разговор о Машрабе, да еще с русским человеком, так легко ученному туземцу уронить себя в глазах собеседника, поставить себя на одну доску с вами — неграмотными неучами, готовыми восхищаться такими грубыми произведениями, как газели Машраба [21. С. 2].

В романе Зальцмана Машраб еще и чудотворец: накормил богатым дастарханом купцов, лишившихся провизии; прирастил отрубленную голову к туловищу Коры. За все благодеяния

¹⁰ Зальцман П.Я. Средняя Азия в Средние века ... С. 132.

Zal'tsman P.Ia. Sredniaia Aziiia v Srednie veka ... S. 132.

¹¹ Там же. С. 133. / Ibid. S. 133.

¹² «В русской литературе, начиная с XIX века, встречаем разное, окончательно не закрепленное написание: дивонá, диванá и др.)» [19. С. 227].

¹³ Зальцман П.Я. Средняя Азия в Средние века ... С. 47.

Zal'tsman P.Ia. Sredniaia Aziiia v Srednie veka ... S. 47.

Машраба приглашают во дворец, сажают на расшитые золотом подушки, но он, как мы помним, не терпит такого почитания: в одной из сцен Машраб намеренно и публично помочился на эти подушки, чтобы разом «потушить» у публики восторг, испытываемый к его персоне. Надо заметить, что Машраб в романном сюжете Зальцмана не является главным персонажем действия, его роль скорее «ландшафтная»: он воплощает в себе свободу, право на высказывания и деяния вопреки запретам и ограничениям.

Поиски счастья в тюркском мире символизирует птица *Симург* (*Самрак*). Ее образ запечатлен в средневековых текстах Фирдоуси («Шахнаме», X в.), Аттара («Беседа птиц», XII в.), Алишера Навои («Язык птиц», XV в.), в современной литературе — в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, в рассказе «Птица симург» татарского прозаика Т. Галиуллина и других текстах.

Одна из интриг легенды о птице Симург состоит в том, что никто не знает, как эта птица выглядит. В романе Зальцмана в центре птичьей темы юноша Мырпатьло, который спасает птенца удода (в тексте это кукупчик); по легенде, именно удод возглавляет полет птиц в поисках Симурга. Появившийся ястреб (джуджугры) убивает удода. Мырпатьло обращает внимание на серебряное колечко вокруг шеи ястреба: такое же, по легенде, должно быть у Симурга («белая полоска в виде ожерелья» [22. С. 165]). Этот ястреб (или Симург?) сопровождает юношу через все этапы, отмеренные легендой, — через испытания на пути к счастью. Найдет ли его Мырпатьло, читателю неведомо (роман остался незавершенным). Важно то, что птица Симург в тюркском мире на протяжении почти полутора десятков веков (а может, и больше) сопряжена с поиском счастья.

Начиная с архаики человеческое сознание (его «первичная интеллектуальная структура» [23. С. 22]) оперирует бинарными оппозициями. «Именно такая бинарная оппозиция характерна для мифологического повествования романа Зальцмана: один полюс — птица Симург, другой — Закхак» [4. С. 107]. Закхак — персонаж ужаса, всеобщего страха, который держит в напряжении весь сюжет. Страх, по мнению Е. Курганова, должен иметь имя, много имен («...у каждого звена страха есть свое особое имя. Страх — это структура, населенная не только множеством форм, но и имен...» [24. С. 36]), Закхак — одно из них; это имя и образ тоже известны в письменной литературе с X в. («Шахнаме» Фирдоуси), и до нашего времени страх перед Закхаком устойчив (см. современный роман «Заххок» В. Медведева (2017)). Это дьявол, оборотень: он вселяется в красавицу Турдэ, принимает облик Коры (персонажи романа Зальцмана), «питается мозгами... девочек»¹⁴.

Заключение

По словам И. Смирнова, художественные тексты о преодолении страха особенно расцветают в тоталитарные времена [25. С. 207]. Зальцман противостоял этим временам своим писательством, создав не только органическую ткань чужой культуры, но и одновременно притчевый сюжет о человеке и власти вообще. Скорее всего, тот страх, который присутствует в качестве мотива у Зальцмана, сродни обэриутской эстетике, к которой он был близок. Говоря о лейтмотиве страха в прозе Даниила Хармса, О. Буренина пишет: «...в XX веке, в эпоху кризиса утопических иллюзий, эра философии удивления сменяется эрой философии отчаяния (= страха)...» [26. С. 207]. Результаты исследования показывают, что Павел Зальцман не только избежал поверхностной экзотизации, но и создал образ тюркского мира как органической части универсального человеческого опыта. Тем самым он предвосхитил современные подходы к мультикультурности и культурной эмпатии, оставаясь актуальным как для антропологии литературы, так и для культурной памяти постсоветского пространства. Новизна представленной аналитики заключается в новом прочтении текста через призму неконвенционального взгляда на «чужое».

¹⁴ Зальцман П.Я. Средняя Азия в Средние века ... С. 121.
Zal'tzman P.Ia. Sredniaia Aziiia v Srednie veka ... S. 121.

Приложение

Ректору Казахского государственного университета им. Кирова т. Тажибаеву от Зальцмана П.Я., художника.

Заявление

В ответ на Ваше предложение довожу до Вашего сведения, что я согласен прочесть в университете ряд лекций по дисциплинам: история искусств и советское искусство (изобразительные искусства, театр и советская кинематография).

3 сентября 1948 г. <...>¹⁵.

Литература

1. Юрьев О. Одноклассники. Почти повесть о последнем поколении русского литературного модернизма: Всеволод Петров и Павел Зальцман // Новый мир. 2013. № 6. С. 168–191.
2. Кукуй И. «Природа, обернувшаяся адом...»: (о прозе Павла Зальцмана 1930–50-х гг.) // Щенки: проза 1930–50-х годов / П. Зальцман. М.: Водолей, 2017. С. 407–415.
3. Шафранская Э.Ф. Другая притча о Средней Азии Павла Зальцмана // Палимпсест: литературоведческий журнал. 2020. № 1 (5). С. 102–122.
4. Шафранская Э.Ф. Ordinamenti Павла Зальцмана: роман о Средней Азии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 3. С. 105–113. DOI 10.20339/PhS.3-21.105.
5. Герчук Ю. Павел Зальцман // Павел Зальцман. Жизнь и творчество: сб. ст. Иерусалим: Филобиблон, 2007. С. 6–17.
6. Зальцман Е. (*Lotta*). Воспоминания об отце // Павел Зальцман. Жизнь и творчество: сб. ст. Иерусалим: Филобиблон, 2007. С. 18–69.
7. Бренер А. Жития убиенных художников. М.: Гилея, 2017. 375 с.
8. Кешфидинов Ш.Р. Война глазами животных в произведениях Павла Зальцмана и Эрвина Умерова // Вопросы филологии. 2022. № 2 (78). С. 85–89.
9. Кукуй И. «Именно того, что было, я не мог увидеть»: нарратив воспоминания в блокадном тексте Павла Зальцмана // Новое литературное обозрение. 2016. № 1 (137). С. 172–181.
10. Зальцман Е. (*Lotta*). О романе П.Я. Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» // Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии) / П.Я. Зальцман. М.: Ад Marginem Пресс, 2018. С. 379–405.
11. Павел Зальцман. Жизнь и творчество: сб. ст. Иерусалим: Филобиблон, 2007. 204 с.
12. Лотман М. О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха: сб. ст. М.: Европа, 2005. С. 13–35.
13. Шафранская Э.Ф. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслинии в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 291–306.

References

1. Jur'ev O. Odnoklassniki. Pochti povest' o poslednem pokolenii russkogo literaturnogo modernizma: Vsevolod Petrov i Pavel Zal'tsman // Novyi mir. 2013. No. 6. S. 168–191.
2. Kukui I. «Priroda, obernuvshaiasia adam...»: (o proze Pavla Zal'tsmana 1930–50-kh gg.) // Shchenki: proza 1930–50-kh godov / P. Zal'tsman. Moscow: Vodolei, 2017. S. 407–415.
3. Shafranskaia E.F. Drugaia pritcha o Srednei Azii Pavla Zal'tsmana // Palimpsest: literaturovedcheskii zhurnal. 2020. No. 1 (5). S. 102–122.
4. Shafranskaia E.F. Ordinamenti Pavla Zal'tsmana: roman o Srednei Azii // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2021. No. 3. S. 105–113. DOI 10.20339/PhS.3-21.105.
5. Gerchuk Yu. Pavel Zal'tsman // Pavel Zal'tsman. Zhizn' i tvorchestvo: sb. st. Ierusalim: Filobiblon, 2007. S. 6–17.
6. Zal'tsman E. (*Lotta*). Vospominaniia ob ottse // Pavel Zal'tsman. Zhizn' i tvorchestvo: sb. st. Ierusalim: Filobiblon, 2007. S. 18–69.
7. Brener A. Zhitia ubiennykh khudozhnikov. Moscow: Gileia, 2017. 375 s.
8. Keshfidinov Sh.R. Voina glazami zhivotnykh v proizvedeniiakh Pavla Zal'tsmana i Ervina Umerova // Voprosy filologii. 2022. No. 2 (78). S. 85–89.
9. Kukui I. «Immenno togo, chto bylo, ia ne mog uvidet'»: narrativ vospominaniia v blokadnom tekste Pavla Zal'tsmana // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. No. 1 (137). S. 172–181.
10. Zal'tsman E. (*Lotta*). O romane P.Ia. Zal'tsmana «Sredniaia Azia v Srednie veka»//Sredniaia Azia v Srednie veka (ili Srednie veka v Srednei Azii) / P.Ia. Zal'tsman. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. S. 379–405.
11. Pavel Zal'tsman. Zhizn' i tvorchestvo: sb. st. Ierusalim: Filobiblon, 2007. 204 s.
12. Lotman M. O semiotike strakha v russkoi kul'ture // Semiotika strakha: sb. st. Moscow: Evropa, 2005. S. 13–35.
13. Shafranskaia E.F. O russkom orientalizme, «ruskom mire» v kolonial'noi literature i ikh pereosmyshlenii v postkolonial'noi literature // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. No. 1(161). S. 291–306.

¹⁵ Личное дело П.Я. Зальцмана // Архив Казахского национального университета имени аль-Фараби. Д. № 1456. Оп. 1. Связка 52. Л. 2.

Lichnoe delo P.Ia. Zal'tsmana // Arkhiv Kazakhskogo natsional'nogo universiteta imeni al'-Farabi. D. No. 1456. Op. 1. Sviazka 52. L. 2.

14. Гиздатов Г.Г. «Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 4. С. 1432–1444. DOI 10.15826/qr.2023.4.856.
15. Волохова Т.В., Шафранская Э.Ф. Среднеазиатские социальные типажи как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44–59. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59.
16. Белкин А.А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. 192 с.
17. Пиотровский М.Б. Хадир // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 276.
18. Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2003. 224 с.
19. Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.
20. Веселовский Н.И. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде // Восточные заметки: сб. ст. и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1895. С. 321–336.
21. Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб: жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае / пер. и примеч. Н.С. Лыкошина. Самарканд: Изд. Самаркандского областного статистического комитета, 1915. 246 с.
22. Остроумов Н.П. Сказки сартов в русском изложении. Ташкент: Тип. окр. штаба, 1906. 171 с.
23. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе: курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГТУ, 2001. 170 с.
24. Курганов Е. О необходимости страха // Семиотика страха: сб. ст. М.: Европа, 2005. С. 36–43.
25. Смирнов И. О гротеске и родственных ему категориях // Семиотика страха: сб. ст. М.: Европа, 2005. С. 204–221.
26. Буренина О. «И опять я вижу свой страх...»: о порождении *genus absurdum* в русской литературе // Семиотика страха: сб. ст. М.: Европа, 2005. С. 222–248.
14. *Gizdatov G.G.* «Ostatochnye smysly i estetika intermedial'nosti v romane Pavla Zal'tsmana «Sredniaia Aziia v Srednie veka» // *Quaestio Rossica*. 2023. T. 11. No. 4. S. 1432–1444. DOI 10.15826/qr.2023.4.856.
15. *Volokhova T.V., Shafranskaia E.F.* Sredneaziatskie sotsial'nye tipazhi kak pattern orientalizma v proze Leonida Solov'eva // *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 2021. T. 18. No. 1. S. 44–59. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59.
16. *Belkin A.A.* Russkie skomorokhi. Moscow: Nauka, 1975. 192 s.
17. *Piotrovskii M.B.* Khadir // *Mify narodov mira: entsiklopediya*: v 2 t. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1992. T. 2. S. 276.
18. *Khismatullin A.A.* Sufizm. St. Petersburg: Azbuka-klassika: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 224 s.
19. *Shafranskaia E.F.* Usto Mumin: prevrashcheniia. Moscow: Muzei sovremenennogo iskusstva «Garazh», 2023. 304 s.
20. *Veselovskii N.I.* Pamiatnik Khodzhi Akhrara v Samarkande // *Vostochnye zametki*: sb. st. i issledovanii professorov i prepodavatelei fakul'teta vostochnykh iazykov Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1895. S. 321–336.
21. *Lykoshin N.S.* Divana-i-Mashrab: zhizneopisanie populiarneishego predstavitelia mistitsizma v Turkestanском krae/ per. i primech. N.S. Lykoshina. Samarkand: Izd. Samarkandskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta, 1915. 246 s.
22. *Ostromov N.P.* Skazki sartov v russkom izlozenii. Tashkent: Tip. okr. shtaba, 1906. 171 s.
23. *Meletinskii E.M.* Ot mifa k literature: kurs lektii «Teoriia mifa i istoricheskaiia poetika». Moscow: RGGU, 2001. 170 s.
24. *Kurganov E.* O neobkhodimosti strakha // Semiotika strakha: sb. st. Moscow: Evropa, 2005. S. 36–43.
25. *Smirnov I.* O groteske i rodstvennykh emu kategoriiakh // Semiotika strakha: sb. st. Moscow: Evropa, 2005. S. 204–221.
26. *Burenina O.* «I opiat' ia vizhu svoi strakh...»: o porozhdenii genus absurdum v russkoj literature // Semiotika strakha: sb. st. Moscow: Evropa, 2005. S. 222–248.

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Shafranskaya Eleonora F.,
Doctor of Philology, Professor
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: shafranskayaef@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>
elibrary SPIN: 5340-6268

Шаймерденова Нұрсұлу Жамалбековна,
доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Shaimerdenova Nursulu Zh.,
Doctor of Philology, Professor
Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

e-mail: turkology.ri@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2830-8336>

Кобегенова Қундызы Сериккызы,
магистр филологических наук
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Kobegenova Kundyz S.,
Master of Philology
Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

e-mail: kobegenova.k@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-5581-7434>

Культурный фронтir и культурный *block out*

С опорой на исследования в области взаимодействия культур Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова, Г.Д. Гачева, У.М. Бахтикиреевой рассмотрены случаи фронтирного пространства: спектакль «Радение с гранатом» из репертуара ташкентского театра «Ильхом» (режиссер Марк Вайль); культурный подвиг венгерского филолога Арминия Вамбери, инкогнито совершившего опасное путешествие в Среднюю Азию в XIX в.; путешествие в Узбекистан героя повести Андрея Битова «Одна страна»; блокированные случаи проникновения в чужой мир в рассказах «Узген» В. Муратханова и «Суннат» Сухбата Афлатуни. Поступки реальных исторических личностей (художник А.В. Николаев, ставший прототипом героя в спектакле «Радение с гранатом», и путешественник Арминий Вамбери) и литературных героев соотнесены с двумя фронтирными парадигмами: «поиски своего» и «поиски чужого», а также с их позицией — аутсайдерской (внешней) и инсайдерской (внутренней) — в отношении к чужому миру. Рассмотренные примеры, выступающие для фронтирной зоны как универсалии, могут служить в литературоведческой аналитике алгоритмом поведения для предшествующих случаев взаимодействия культур, настоящих и будущих. Приведенные примеры случая *block out* могут стать некоей «реевизией» в рецептивном анализе ряда прошлых историко-литературных трактатов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, фронтir, Арминий Вамбери, А.В. Николаев (Усто Мумин), Андрей Битов, Сухбат Афлатуни, Вадим Муратханов, спектакль «Радение с гранатом», Средняя Азия

Based on the studies in the field of cultural interaction by Yu.M. Lotman, B.F. Egorov, G.D. Gachev, U.M. Bakhtikireeva considers cases of frontier space: the play “Ecstasy with Pomegranate” from the repertoire of the Tashkent theater “Ilkhom” (directed by Mark Weil); the cultural feat of the Hungarian philologist Arminius Vambery, who incognito made a dangerous journey to Central Asia in the XIX century; the journey to Uzbekistan of the hero of Andrei Bitov’s story (“One Country”); blocked cases of penetration into a foreign world in the stories “Uzgen” by V. Murathanov and “Sunnat” by Sukhbatanov. Murathanov and Sukhbat Aflatuni’s “Sunnat”. The deeds of real historical personalities (the artist A.V. Nikolaev, who became the prototype of the hero in the play “Ecstasy with Pomegranate”, and the traveler Arminius Vamberi) and literary heroes are correlated with two frontier paradigms: “searching for one’s own” and ‘searching for the alien’, as well as their position — outsider (external) and insider (internal) — in relation to the alien world. The considered examples, acting as universals for the frontier zone, can serve in literary analysis as an algorithm of behavior of previous cases of cultural interaction, present and future. The given examples of the case of “block out” can become a kind of “revision” in the receptive analysis of a number of past historical-literary travelogues.

Keywords: intercultural interaction, frontier, Arminius Vamberi, A.V. Nikolaev (Usto Mumin), Andrey Bitov, Sukhbat Aflatuni, Vadim Murathanov, the play “Ecstasy with Pomegranate”, Central Asia

Введение

В период XIX и XX вв. окраины Российской империи, а потом и СССР активно заселялись представителями центральных регионов России. Происходило неминуемое, очевидное взаимодействие культур и языков. Эти зоны взаимодействия в современном научном дискурсе называют фронтиром — вслед за американским исследователем Ф. Тернером [1], внедрившим в научный оборот этот термин.

Проследить, как отразилось погружение во фронтир на судьбах отдельных реальных лиц, оставивших об этом сообщения в верbalных и неверbalных текстах, а также литературных персонажей, — цель настоящей статьи. Задачи исследования: охарактеризовать структуру фронтира; рассмотреть фронтирную ситуацию в театральном и литературном воплощении; в оптике «поисков чужого» проанализировать культурный «подвиг» Арминия Вамбери и описать ситуацию культурной «блокировки».

Объект исследования — ситуации фронтира в верbalных и неверbalных текстах культуры; предмет исследования — поведение фронтирного актора и уровень освоения им чужой культуры и погружения в нее.

Материалом для изучения послужили судьбы и тексты людей, связанных с одним регионом — Средней Азией (так регион назывался в XX в.; в XIX в. он носил название Туркестанский край).

Методологическая основа статьи — работы Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова, Г.Д. Гачева, У.М. Бахтириеевой.

Источники базы исследования: спектакль «Радение с гранатом» театра «Ильхом», травелог А. Вамбери «Путешествие по Средней Азии», повесть А. Битова «Одна страна», рассказы «Узген» В. Муратханова и «Суннат» Сухбата Афлатуни.

Основная часть

Фронтир

В зонах и локациях, оказавшихся в результате исторических перипетий на линии фронтира, на протяжении последних как минимум полутора столетий (хотя по историческим данным — много большего времени) формировалась особая атмосфера — с эстетикой и этосом, которые учитывают аксиологию встретившихся и поневоле взаимодействующих культур, а также возникла некая энергия, которая способствовала рождению особого вида творчества — вербального (литературного) и невербального (живописного, театрального), которое в научном дискурсе именуется иноэтнокультурным и транскультурным.

Когда соседи живут тесно, это может приводить к конфликтам и стрессам, но зато интенсивнейшим образом распространяется самая разнообразная информация, человек насыщается ею, отбирает, творит, соревнуется, тут традиции, повторы оттесняются на периферию, а на первый план выходит новаторство, поиск, прогресс, движение... Античная цивилизация никогда бы не стала за несколько веков такой грандиозной и всемирной, если бы на узком пространстве Средиземного моря и его берегов не общались Египет, Иудея, Финикия, греческие государства, затем — Рим... [2. С. 22] —

таков гимн фронтиру от Б.Ф. Егорова; однако этот феномен выявляет и неприглядные стороны.

Фронтирная зона располагает не только к взаимопроникновению, но и к параллельному существованию: «...без знания чужого очень трудно выделить в своем значимое», — отмечает Б.Ф. Егоров [3. С. 35].

Каждая из локальных культур при взаимодействии, вступая в диалог с другой, меняется, сбивается со своего изначального вектора; культуры проникают друг в друга; смыслы и символы одной культуры при контактах «переводятся» на язык другой. Таков алгоритм фронтира, этой культурно-исторической категории, проблематизирующей социальное пространство, говорит о фронтире исследователь А.А. Андреева [4].

Фронтирная зона вычленяет «антиреципиентов» другой культуры, которые «не скрывают своего раздражения и подозрительности: что, мол, еще там за особость!? Только мое значительно и перспективно, все чужое — скучно и опасно. <...> Поэтому по возможности инородца нужно прижать, зажать, а если можно, то и искоренить» [5. С. 62]. Условных акторов фронтирной зоны Б.Ф. Егоров делит на две разновидности: на мещан и интеллигентов — не в сословном значении, а в психологическом [Там же. С. 54]. Так, упомянутые «антиреципиенты» относятся к мещанам.

Интеллигент всегда любознательен, ему интересна чужая культура, интересен чужой язык; познавая чужое, он расширяет свой кругозор, лучше понимает особенности своего, родного. Интеллигент, любя свое, понимает, что другой может так же любить свое собственное, поэтому он, уважая себя, уважает и другого, он с вниманием относится к различиям национальных традиций, национальной психологии... [Там же. С. 62].

Именно «интеллигентов» (по Егорову) имеет в виду Г.Д. Гачев, когда говорит о людях, интересующихся «национальным взорвиением на мир», иной «национальной логикой, складом мышления, какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки» [6. С. 14].

Теория Б.Ф. Егорова концептуально совпадает с лотмановской: в пространстве фронтального взаимодействия культур Ю.М. Лотман выделяет две рецептивные разновидности: «поиски своего», когда реципиенту что-то «нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные» ему «представления и ценности», и «поиски чужого», когда реципиенту что-либо «нужно, ибо непонятно, незнакомо, не вписывается в известные» ему «представления и ценности» [7. С. 111], — так, по словам Лотмана, работает пространство фронтальной зоны, где побудительным обладанием может выступать и материальная вещь, и идея, и новое знание.

«Радение с гранатом»

Обе эти фронтальные разновидности присутствуют в театральном действии «Радение с гранатом». Спектаклю, поставленному в ташкентском театре «Ильхом» режиссером Марком Вайлем в 2006 г. [8], предписано жанровое обозначение: «Фантазии на темы об исчезнувшем времени и живописи художника А.В. Николаева (Усто Мумина)», который стал прототипом главного героя пьесы — художника Нежданова. Оказавшись в 1916 г. с частями царской армии в Туркестане, Нежданов, будучи «интеллигентом» (по версии Б.Ф. Егорова) и человеком, находящимся в «поисках чужого» (по версии Ю.М. Лотмана), принимает решение остаться в чужом для него пространстве и стать «своим», чтобы сначала понять, а потом рисовать юношей-танцоров в чайхане.

Приведем несколько фактов из жизни прототипа Нежданова. Художник А.В. Николаев так объясняет свой замысел перевоплощения:

Увлечение чисто декоративной стороной окружавшей меня обстановки зародило во мне мысль глубже окунуться в жизнь дотоле неизвестного мне народа, глубже изучить его народное искусство, его быт, фольклор. Я вспомнил, что в свое время путешественник Вамбери, чтобы лучше изучить Среднюю Азию, принял ислам и в одежде дервиша прошел через всю Среднюю Азию и добрался до Мекки. Известен мне был также классический случай с крупным французским художником Поль Гогеном, который семь лет прожил на острове Таити, живя как туземец, исполняя все их ритуалы и обычаи. Это дало ему возможность создать себе большую имя, благодаря блестящим работам, написанным им на о. Таити. У меня явилась мысль повторить этот опыт на себе. Я начал с изучения узбекского языка, который довольно легко мною усваивался [9. С. 256].

А.В. Николаев обрел новое имя, которым его стали называть в быту: Усто Мумин. Намеренность и случайность органично совпали: узбеки и таджики Самарканда, куда приехал Николаев, сначала обращались к нему Усто, что значит «мастер», т.к. художник зарабатывал на пропитание, выполняя поденную работу — заказы базарных торговцев: расписывал им вывески и детские люльки. А потом прибавилась и вторая часть имени — Мумин, «уверовавший», т.к. Николаев сталходить в одежде местных жителей, говорить на их языке, а потом принял ислам.

Нежданова, героя спектакля «Радение с гранатом», тоже прозвывают Усто Мумином. Его спрашивают: «Зачем вы переехали в Старый город?» — «Я не знаю. Мне здесь хорошо. Мне... Здесь мне кажется, что я попадаю в какое-то другое время. Мне кажется, что здесь я... исчезаю» [8], — отвечает художник. Действие спектакля происходит в Ташкенте, Старый город — локация, где проживает местное население, поэтому переезд в Старый город из русской военной крепости, где дислоцировалось подразделение царской армии, был уже решительным шагом: так из русских не поступал никто.

«Хочу исчезнуть и быть невидимым» [Там же], — говорит Нежданов, т.е. он вознамерился видеть жизнь местного населения не показную, которую те демонстрируют перед чужаками, а естественную, органичную. На что получает ответ от местного чайханщика: «Вы многое знаете о нас, но всего не знаете» [Там же]. Именно узнать это «всё» стало целью Нежданова как в тот момент, так и в дальнейшем, главной задачей в его судьбе. Место, которое не впускает чужаков, повернулось к Нежданову «передом» (как в сказках, когда герой призывает избушку развернуться к нему), т.е. он прошел инициацию — посвящение и погружение в чужой мир, и мир принял его.

По словам театрального критика К. Артуа, Нежданов, будучи вольным по духу человеком, был на новом для него месте «своим среди чужих. Он нашел в Туркестане то, чего не минует ни один настоящий художник: свою любовь и через нее — свое “я”» [10. С. 194].

Вторая разновидность фронтального реципиента в спектакле «Радение с гранатом» — полковник Бяльцев, исполняющий обязанности генерал-губернатора Туркестанского края, антагонист Нежданова. Бяльцев символизирует русскую власть на захваченной территории. Все поступки, монологи, реплики этого героя вписываются в интенцию «поисков своего» (по Лотману). Сталкиваясь с «чужим», Бяльцев решительно и категорично высказывает намерение переформатировать его в «свое»: «Полвека Россия в Туркестане, а по-русски край так и не заговорил» [8], — возмущается Бяльцев. Он подписывает указ о закрытии чайханы, о недопустимости выступления в ней юношей-танцоров, и готовит праздник, знаменующий пятидесятилетие русской власти в Туркестанском крае, выставляя в экспозицию для городских жителей картины В.В. Верещагина, изображающие обоюдный кровавый процесс захвата этих земель.

Жена Бяльцева, Елена, пишет мужу: «А мне сказали, что все дома в Ташкенте построены из глины. Это правда? А весна и ранняя осень — пора ядовитых скорпионов в Туркестане, и укус их смертелен» [Там же]. Елена не желает быть участником фронтальной зоны, для нее Туркестанский край — *terra incognita*, более того — «культурная дыра», где жить невозможно. Она не человек «поиска», в отличие от ее мужа, поэтому в итоге их брак распадается. Бяльцев — человек-функция, он пришел в чужое место, чтобы «цивилизовать» его: сделать все «понятным и знакомым» настолько, чтобы все «представления и ценности» в крае стали такими, как в мире, откуда он пришел (по Лотману).

Арминий Вамбери

Упомянутый в качестве образца для подражания художником А.В. Николаевым Вамбери станет следующим примером освоения фронтального пространства.

Арминий Вамбери (1832–1913) — путешественник по Средней Азии, венгерский филолог. Помимо научного интереса к лингвистическим проблемам, связанным с родственным генезисом венгерского и тюркских языков, ученого влекло «к народам Средней Азии», к их «социальному и политическому положению», к их «характеру, обычаям и нравам» [11. С. 19], как пишет сам Вамбери в предисловии к своей книге. В образе дервиша Вамбери удалось побывать во многих городах Средней Азии, и даже в Бухаре, куда «неверным» вход был закрыт. «...Я месяцами странствовал, облаченный в жалкие лохмотья, лишенный насущной пищи и пребывая в постоянной опасности умереть мучительной смертью» [Там же. С. 19–20], — сообщает Вамбери. Такой радикальный способ вхождения в чужую культуру позволяет называть его культурным подвигом; Вамбери вошел в число всемирно известных путешественников, внесших своими среднеазиатскими впечатлениями и наблюдениями немалый вклад в туркестановедение.

Узнавая «чужое», Вамбери все время сравнивал его со «своим», т.е., как теоретизирует Б.Ф. Егоров, в ходе путешествия шел «учет параллельного существования» [3. С. 35]. Когда опасность миновала, Вамбери, уже вжившийся в образ дервиша, в его «татарскую сущность», преобразившую его *nolens volens*, со скрупулезностью ученого наблюдает за собой и делает некоторые критические выводы относительно европейского образа жизни: «Прежде всего, слишком тесной и давящей мне казалась одежда; волосы, которые я начал отращивать, ощущались грузом на голове, а когда я слышал, как несколько европейцев, стоя в комнате друг против друга, разговаривают, оживленно жестикулируя, мне всегда представлялось, будто они все так возбуждены, что в следующий момент вцепятся друг другу в волосы» [11. С. 226].

Метаморфоза, через которую прошел Вамбери, не сделала его апологетом Востока. Наоборот, он прослыл в науке о Востоке радикальным ориенталистом, т.е. европейцем, критически и с до-

лей превосходства взирающим на Восток: «...я возвращаюсь из страны, где слышать считается бесстыдством, спрашивать — преступлением, записывать — смертным грехом» [Там же. С. 20].

Мысль о скорейшем возвращении домой, в Европу, не покидала Вамбери в течение всего десятимесячного путешествия. Восток он воспринял как «мир обмана и притворства», а Запад «со всеми его пороками» остался в сознании путешественника стоящим «бесконечно выше древнего Востока» [Там же. С. 213]. К какой фронттирной разновидности можно отнести Вамбери по классификации Лотмана? Случай непростой; скорее, «поиски чужого» вывели Вамбери на стезю «поисков своего».

«Одна страна»

В Среднюю Азию отправляется и герой повести Андрея Битова «Одна страна. Путешествие Бориса Мурашова» (1963). Формально — на студенческую практику, фактически — чтобы узнать одну из неведомых окраин общей большой страны (герой с детства мечтает о путешествии в Азию).

Главку длиной в несколько строк Битов называет «С чем я еду?». Вот все ее содержание: «Ишак. Верблюд. Изюм — кишмиш. Аул — кишлак. Каракумы — Кызылкум. Басмачи — калым. Чайхана. Скорпион. Арык. Тюбетейка — халат. Базары. Ташкент — город хлебный. Насреддин в Бухаре. Я знаю и больше и не больше этого» [12. С. 9].

По сути, перед читателем ряд «общих мест», ассоциированных со Средней Азией, или корпус паттернов среднеазиатского локального текста, куда входят артефакты, плоды растений, фауна, географические названия, городские институции, персонажи фольклора и пр. [13. С. 15–16].

Ленинградец Мурашов уже подготовлен воспринять «чужое» сквозь оптику сложившихся и растиражированных стереотипов: узкие улочки («Улицы, шириной с человека, и дома, высотой с него. Я шел, чуть не царапая плечами дувалы слева и справа» [12. С. 117]); множество косичек на девичьей голове («У дверей сидели босоногие, в ярких платьицах девчонки с сорока косичками, в серьгах, с накрашенными ногами и руками» [Там же]); плов, базары («Огромное пространство, усыпанное по пояс дынями и арбузами, залитое солнцем, стонущее, снующее; разгружающиеся грузовики, телеги; ослы, грустно и протяжно ревущие; странные, прошлые старики, еще поддерживающие уходящие ремесла» [Там же. С. 23]); жара, названная «ташкентом» [14. С 233] («В данном случае это не город. Это костер» [12. С. 76]). Все это любопытно Мурашову, но в какой-то момент ему становится «нестерпимо скучно быть... чужим, глазеть и ничего не делать» [Там же. С. 102].

Еще в дороге, в поезде, приближаясь к Средней Азии, герой попадает во фронттирную зону. Она продемонстрирована наглядно — лексически:

Это дядя и племянник. Дядя — учитель. Племянник едет поступать в институт.

Мы пьем чай. Дядя и племянник возбужденно обсуждают что-то.

Говорят они примерно вот что:

— Шавран савон физика-химия. Сопунанда вшор буд приемная комиссия.

— Заргиданд ор?

— Чоршанбе сормадони конкурс.

— Фикра нолабур стипендия?

— Табассум.

— Бигзада васваса аз директор института?

— Табассум.

— Почему чай не пьешь? — говорит мне дядя.

— Я уже напился.

— Чай не пьешь — откуда силы берешь? — удивляется он. — Пей еще.

Я наливаю пятый стакан, а дядя с племянником так, наверно, по десятому. Дядя берет газету:

— Порсочтани газета? — разворачивает он ее.

— Дар стадион «Спартак» галабаш футбол сарсухан команда класса «Б».

Интересно... Не такой уж чужой язык. Что-то знакомое... [Там же. С. 12–13] (курсив наш. — В. К., Е. М., А. Б.).

Слова, выделенные курсивом, наглядно иллюстрируют симбиоз языков фронтальной зоны; диалог выглядит комично, но правдоподобно.

В финале своего путешествия (и в финале повести) герой заключает: «Я скажу тебе: здесь такая прекрасная страна! <...> Здесь такая чужая мне страна... что не нужна она мне» [Там же. С. 57–58]. По сути, герой из разряда «поисков чужого» переходит в число приверженцев «поисков своего», что подтверждается его словами: «Я тоскую по родным местам. Я – русский. <...> А самой России – средней полосы – я не знаю вовсе. Пока не успел. Но от этого я не менее русский» [Там же. С. 98]. Скорее, битовский Мурашов стоит по одну сторону с Вамбери, а вот художник Нежданов из спектакля «Радения с гранатом» другой, ему чужая страна нужна, она стала его судьбой.

Вслед за Ч.К.О. Ламажаа и У.М. Бахтиреевой, которые подразделяют ученых, изучающих «экзотические» для европейцев места, на *инсайдеров* и *аутсайдеров* [15. С. 272], воспользуемся и мы этой терминологией и идентифицируем рассмотренных нами персонажей, устремленных к «поискам чужого»: Нежданов из «Радения с гранатом» – инсайдер, он создает живописные «тексты» изнутри; путешественник Вамбери и битовский Мурашов, несмотря на их инсайдерские попытки, остались аутсайдерами: их субъектность внешнего наблюдения.

В другой статье У.М. Бахтиреевой с соавторами высказано суждение: аберрации при описании «чужого» не избежать ни с внешней, аутсайдерской, стороны, ни с внутренней, инсайдерской; необходимо комплексное двустороннее изучение для получения более объективного знания [16. С. 231].

Культурный block out

Во фронтоне есть еще одна ситуация: как бы ни старался реципиент познать «чужое», есть предел, дальше которого ему не попасть. Кто ставит предел, этот *block out*, – неведомо, однако данный метафизический феномен вдруг привлек внимание современных авторов.

Прежде чем перейти к рассмотрению художественных текстов о культурном *block out*, надо отметить примеры, когда погружение в «чужое» было одновременно и инсайдерским, и аутсайдерским, т.е. удачным. Это были научные поступки антропологов-этнографов.

Польско-британский ученый Бронислав Малиновский (1884–1942) продемонстрировал рискованное, но успешное погружение в чужую культуру: он жил одной жизнью с племенами Новой Гвинеи и северо-восточной Меланезии, разделяя с ними их будни и праздники. Малиновский писал, что «этнограф обязан “влезть в шкуру туземца” и, насколько это возможно, стараться увидеть мир его глазами» [17. С. 119], – такова его теория «включенного наблюдения». Американский антрополог Пол Радин (1883–1959) тоже жил с племенами североамериканских индейцев виннебаго [18].

О том, кому и как культура блокирует вход в нее, есть два современных рассказа, в которых блокированное место метафорически названо дырой, что обозначает нечто таинственное и скрытое от глаз посторонних.

Фабула рассказа «Узген» [19] Вадима Муратханова такова: два молодых русских путешественника, муж и жена, отправляются на арендованной машине с водителем, чтобы ознакомиться с древним городом Узген, что в Кыргызстане. Муж Вася составил план, изучил историю памятников, легенды и предания о месте – цели путешествия. Например, он узнал об одном древнем правителе, пожелавшем захватить Узген. Его войска долго плутали по пустыне, но Узген как будто исчез, и они вернулись ни с чем. Когда правитель состарился, сын сверг его с трона и изгнал в пустыню на верную смерть. Однако ноги привели его в Узген, где он был принят как дорогой гость. Так, под дорожный рассказ о треволнениях старика, путешественники пристаивают в пробках на пути к вожделенным достопримечательностям Узгена, но так до них и не добираются. Узген

не принимает путешественников под разными предлогами: объезд, пробки, неработающий навигатор, невозможность припарковаться. Вася всматривается в уснувшую на заднем сиденье жену — она видится ему «незнакомой женщиной». Да и сам себе он казался «чужим, непривычным и слышал собственную речь как будто со стороны. Словно две реальности наложились одна на другую, и он не знал, как их теперь разлепить» [Там же. С. 67]. Место их не пускало, потому что Ане, его жене, эта поездка была в тягость; ей не нравилось все: «“Как им только не жарко в таких балахонах”, — удивилась Аня» [Там же]; «...ты увез меня из Москвы и притащил в эту дыру...» [Там же. С. 68] (курсив наш. — В. К., Е. М., А. Б). Аня из тех, кто вписывается в парадигму «поиски своего» (по Лотману). Место изгоняет путешественников, как когда-то оно не допустило до себя завоевателя.

Фабула второго рассказа — «Суннат» [20] Сухбата Афлатуни — почти такая же. Группа туристов из России хочет посетить такие зоны чужого мира, которые не входят в туристический маршрут. Одному из туристов, Никите, снится сон, что некий Учитель наставляет его: «Ищи самого себя». Никита жалуется, что у него не получается. «Тогда оставь поиски — значит, тебя просто нет», — говорит Учитель [Там же. С. 324–325]. Никиту манит к себе одно место — овраг, а там, в кустах, «темнела дыра» [Там же. С. 319]. Ему кажется, что это вход в возделенный чужой мир. (Этот по-таинственный мир сродни «зоне» из кинофильма А. Тарковского «Сталкер».) Мир «дыры» описывается полунамеками, недоговоренностями. «“А туда что, только мусульман пускают?” — спросил Никита. <...> — “Всех пускают, не всех выпускают”, — ответил Сурат» [Там же. С. 322]; «Говорю, что там всё, как у нас. Небо, земля, законы природы. Просто — не наш» [Там же. С. 323]. Один человек туда попал и там остался: «“Камень там нашел. Сидит и только на него глядит, каждую трещинку, каждое все. Придет сюда, поест, послпит и снова к своему камню”. — “А что он его сюда не?” <...> “Это как из речки камешки вытаскивать. В воде он красивый, интересный, а когда достанешь...”» [Там же. С. 326]. Никита не прошел испытание, чтобы попасть в «дыру»; он не обрезанный — возможно, этим и определятся ситуация block out: нет входа для чужих.

Вернемся к первому примеру — спектаклю «Радение с гранатом»: Нежданов становится своим, только пройдя через обряд посвящения, куда входит и обрезание; он стал мусульманином, а значит, своим. Ему стали открыты те знания, те тонкости чужого мира, которые он воплотил в своих картинах, сопровождающих спектакль в виде экфрасиса и интрадиегетических образов (сочедших с его картин на сцену персонажей).

Заключение

Рассмотрены разные случаи, которые формирует ситуация фронтира, отраженные как в реальной жизни, так и в искусстве, литературе. В театральном воплощении это случай Нежданова с его «поисками чужого» (по Лотману), «версия интеллигента» (по Егорову), соединение «инсайдерского и аутсайдерского взглядов» (по Бахтиреевой). Случай путешественника Вамбери — радикальный культурный подвиг на пути «поисков чужого», закрепивший превосходство «своего». Случай битовского героя, пытавшегося реализовать свои детские впечатления об Азии, показывает, что не каждому дано понимание «чужого», зато на пути к «чужому» лучше видится «свое» (по Егорову). И наконец, полумистическая блокировка, block out, ставшая главным препятствием на пути к «чужому» в рассказах В. Муратханова и Сухбата Афлатуни. Пожалуй, этот ракурс фронтира менее всего описан в мировом дискурсе; возможно, именно он станет объектом дальнейших исследований как в художественном, так и в научном дискурсе.

Литература

1. Тернер Ф.Дж. Фронтir в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
2. Егоров Б.Ф. Русский характер // От Хомякова до Лотмана / Б.Ф. Егоров. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 11–34.
3. Егоров Б.Ф. Национальное своеобразие русской критики // От Хомякова до Лотмана / Б.Ф. Егоров. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 35–53.
4. Андреева А.А. «Фронтir» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15.
5. Егоров Б.Ф. О сложностях межнациональных отношений // От Хомякова до Лотмана / Б.Ф. Егоров. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 54–64.
6. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.
7. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 110–120.
8. Радение с гранатом: спектакль театра «Ильхом» / реж. Марк Вайль, Дм. Тихомиров. Ташкент, 2006. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17541731825478852068> (01.04.2025).
9. Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.
10. Артуа К. (Артыков К.). Марк Вайль. Последние театральные страницы // Дружба народов. 2019. № 8. С. 190–200.
11. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / под ред., предисл. В.А. Ромодина; пер. с нем. З.Д. Голубевой. М.: Восточная литература, 2003. 320 с.
12. Битов А.Г. Большой шар. Л.: Советский писатель, 1963. 216 с.
13. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе. М.: Юрайт, 2022. 109 с.
14. Шафранская Э.Ф. «Ташкентский фронт» (на материале фольклорной повседневности и литературы) // Вестник славянских культур. 2021. № 62. С. 232–245. DOI 10.37816/2073-9567-2021-62-232-245.
15. Ламажаа Ч.К.О., Бахтиклиреева У.М. «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 266–275. DOI 10.25178/nit.2022.1.18.
16. Бахтиклиреева У.М., Шагимгереева Б.Е., Амалбекова М.Б. Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 226–236. DOI 10.25178/nit.2023.4.16.
17. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
18. Радин П. Трикстер: исследования мифов североамериканских индейцев / коммент. К.Г. Юнга, К.К. Керень; пер. с англ. В.В. Кирющенко. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
19. Муратханов В. Узген: рассказ // Знамя. 2024. № 11. С. 65–68.
20. Афлатуни С. Суннат: рассказ // Приют для бездомных кактусов / С. Афлатуни. М.: Эксмо, 2021. С. 318–330.

References

1. Terner F.Dzh. Frontir v amerikanskoi istorii / per. s angl. A.I. Petrenko. Moscow: Ves' Mir, 2009. 304 s.
2. Egorov B.F. Russkii kharakter // Ot Khomiakova do Lotmana / B.F. Egorov. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. S. 11–34.
3. Egorov B.F. Natsional'noe svoeobrazie russkoi kritiki // Ot Khomiakova do Lotmana / B.F. Egorov. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. S. 35–53.
4. Andreeva A.A. «Frontir» kak kul'turno-istoricheskaya kategorija // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2014. No. 3. S. 11–15.
5. Egorov B.F. O slozhnostiakh mezhnatsional'nykh otnoshenii // Ot Khomiakova do Lotmana / B.F. Egorov. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. S. 54–64.
6. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira: kurs lektseii. Moscow: Akademiiia, 1998. 432 s.
7. Lotman Iu.M. K postroeniu teorii vzaimodeistviia kul'tur (semioticheskii aspekt) // Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, 1992. S. 110–120.
8. Radenie s granatom: spektakl' teatra «Il'khom» / rezh. Mark Vail', Dm. Tikhomirov. Tashkent, 2006. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17541731825478852068> (01.04.2025).
9. Shafranskaia E.F. Usto Mumin: prevrashcheniia. Moscow: Muzei sovremenennogo iskusstva «Garazh», 2023. 304 s.
10. Artua K. (Artykov K.). Mark Vail'. Poslednie teatral'nye stranitsy // Druzhba narodov. 2019. No. 8. S. 190–200.
11. Vamberi A. Puteshestvie po Srednei Azii / pod red., predisl. V.A. Romodina; per. s nem. Z.D. Golubevoi. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003. 320 s.
12. Bitov A.G. Bol'shoi shar. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1963. 216 s.
13. Shafranskaia E.F., Garipova G.T. Lokal'nye teksty v russkoj literature. Moscow: Iurait, 2022. 109 s.
14. Shafranskaia E.F. «Tashkentskii front» (na matriiale fol'klornoj povsednevnosti i literatury) // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2021. No. 62. S. 232–245. DOI 10.37816/2073-9567-2021-62-232-245.
15. Lamazhaa Ch.K.O., Bakhtikireeva U.M. «Prokliaty zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskem obshchestve // Novye issledovaniia Tuvy. 2022. No. 1. S. 266–275. DOI 10.25178/nit.2022.1.18.
16. Bakhtikireeva U.M., Shagimgereeva B.E., Amalbekova M.B. Poznanie samikh sebia cherez poznanie kul'tury svoego etnosa // Novye issledovaniia Tuvy. 2023. No. 4. S. 226–236. DOI 10.25178/nit.2023.4.16.
17. Malinovskii B. Nauchnaia teoriia kul'tury / per. s angl. I.V. Utekhina; sost. i vstop. st. A.K. Baiburina. Moscow: OGI, 2005. 184 s.
18. Radin P. Trikster: issledovaniia mifov severoamerikanskikh indeitsev / komment. K.G. Iunga, K.K. Keren'i; per. s angl. V.V. Kiriushchenko. St. Petersburg: Evraziia, 1999. 288 s.
19. Muratkhanov V. Uzgen: rasskaz // Znamia. 2024. No. 11. S. 65–68.
20. Aflatuni S. Sunnat: rasskaz // Priiut dlia bezdomnykh kaktusov / S. Aflatuni. Moscow: Eksmo, 2021. S. 318–330.

Косенко Виктория Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры сценической речи
Российский институт театрального искусства

Kosenko Victoria S.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Stage Speech Department
Russian Institute of Theatrical Art

e-mail: visha-k@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-5533-8748>

Маркова Елена Андреевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Markova Elena A.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: abellen@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7631-7747>

Бекмуратова Айгерим Ермековна,
старший преподаватель кафедры практического английского языка
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(Алматы, Казахстан)

Bekmuratova Aigerim E.,
Senior Lecturer of the Practical English Department
Abay Kazakh National Pedagogical University
(Almaty, Kazakhstan)

e-mail: aigerim375@mail.ru

Статья поступила: 01.09.2025
Принята к печати: 06.10.2025

Библиотека журнала «Филологические науки. Научные доклады высшей школы»

Научная серия основана в 2018 году

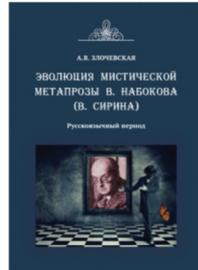
Злочевская, А.В.

Мистическая метапроза ХХ века: генезис и метаморфозы (Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков): научное издание. Изд. 2-е, испр. – М. : АЛМАВЕСТ, 2021. – 224 с. Т. 1.

Злочевская, А.В.

Эволюция мистической метапрозы В. Набокова (В. Сирин): русскоязычный период. – М. : АЛМАВЕСТ, 2021. – 192 с. Т. 2.

Купарашвили, М.Д.

Структурализм: начало новой эры: научное издание. – М. : АЛМАВЕСТ, 2022. – 208 с. Т. 3.

Капустин, Н.В.

Неповторимая повторяемость: проза Чехова в жанровом аспекте: научное издание. – М. : АЛМАВЕСТ, 2022. – 224 с. Т. 4.

**Русская литература
и журналистика
в предреволюционную
эпоху: материалы к научной
библиографии / сост.
О.И. Шапкина; под общ. ред.
А.А. Холикова. – М. : АЛМАВЕСТ,
2022. – 166 с. Т. 5.**

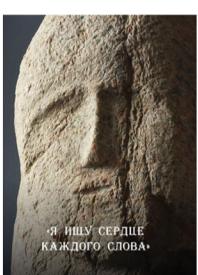
Сафон, Е.А.

«Литература ужасов
в России». – М. : АЛМАВЕСТ,
2025. – 142 с. Т. 6.

Каирбеков, Б.Г.

«Я ищу сердце каждого слова». Поэтика Олжаса Сулейменова. – М. : АЛМАВЕСТ, 2025. – 106 с. Т. 7.

Международный научный журнал
«Филологические науки.
Научные доклады высшей школы»
Периодичность 3 выпуска в полугодие

Подписку на I полугодие 2026 г. можно оформить
в агентствах «Урал-Пресс», «Информ-система»,
«Прессинформ» (СПб), «Сервиспресс», «Руспресса» и др.

Рубрики журнала

- ◆ Общее и прикладное языкознание
 - ◆ Язык. Культура. Социум
 - ◆ Лингвистический анализ литературных произведений
 - ◆ Литературоведение
 - ◆ Текст. Текстология. Литературное редактирование
 - ◆ Интермединость художественного текста
 - ◆ Критика и библиография. Рецензии
 - ◆ Наследие и современность
 - ◆ Филологический архив
-

Журнал индексируется:

- ◆ РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru
- ◆ указателем Web of Science Core Collection ESCI (Emergent Sources Citation Index)
- ◆ международной информационно-аналитической системой научного цитирования European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Журнал входит в зарубежные базы данных:

- ◆ Ulrichsweb Global Serials Directory
- ◆ EastView Universal Database of Humanities and Social Sciences (UDB-EDU)